

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2016 г., том 23, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Тимошенко А.И., Элерт А.Х. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения региона	5
Комлева Е.В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.)	13
Шиловский М.В. Политическая ссылка на север Сибири: основные тенденции развития в XVIII – начале XX в.	19
Матханова Н.П. Записки православных священников об изучении и освоении северных территорий Сибири в XIX в.	25
Куперштох Н.А. Комплексное изучение проблем Арктики в Сибирском отделении РАН (вторая половина XX – начало XXI в.)	31

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Гурьянова Н.С. Об отношении современников к исправлению книг во время церковной реформы XVII в.	36
Панич Т.В. Традиции учительной литературы в творчестве церковных писателей второй половины XVII в.	42
Журова Л.И. Функции начала и конца повествования в сибирских летописях (группа Есиповской летописи)	47
Старухин Н.А. «Воззвание к старообрядцам часовенным» – полемический памятник сибирских староверов-«австрийцев»	53
Борисов А.А. Об особенностях возникновения и функционирования ранней письменности у якутов (конец XVIII – первая половина XIX в.)	58
Пономарёва С.А. «Журнал моего путешествия по Сибири...» – о «Сибирском (Азиатском) Вестнике», издаваемом Г.И. Спасским в 1818–1827 гг.	63
Чернышова Н.К. Локальные центры формирования агиографии в Сибири на протяжении XIX – начала XX в.	70
Базылева Е.А. Издательская деятельность Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества	75
Метельков А.С. Литературно-художественные журналы Сибири и Дальнего Востока в контексте региональной издательской деятельности (1940–1980-е гг.)	80
Зольникова Н.Д. Эсхатологические споры часовенных в последней трети XX в. как инструмент самоидентификации	85
Журавель О.Д. Народно-утопические легенды в памятнике современной старообрядческой литературы	90
Лизунова И.В., Енгальцева Е.В. (Булгакова). Издание детской литературы: российские тренды и региональная специфика	95

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Овчарова М.А. Расселение мордвы на юго-востоке Сибири в XIX–XX вв.	101
Гордеева М.А. Делопроизводственная документация Тулинского волостного суда как источник изучения крестьянства Западной Сибири начала XX в.	107
Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Национальный состав населения Западной Сибири в 1959–1989 гг.	112
Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запороженко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН)	117

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гомбожапов А.Г. Традиция изготовления лука и лучные состязания бурят	123
Оськин М.В. Петр Кузьмич Козлов – организатор и первый руководитель экспедиции по заготовке скота в Монголии. Июль 1915 – март 1917 г.	127
Каженова Г.Т. Осуществление продовольственной разверстки в Северном Казахстане	132
Сарин Д.П. Миграции трудовых ресурсов в Кузбасс (1921–1923 гг.)	137
Вторая Всероссийская конференция «Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие»	142

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 26.09.16. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ № 253.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2016, vol. 23, N 3

CONTENTS

HISTORY OF THE ARCTIC: PROBLEMS OF RESEARCH

Timoshenko A.I., Elert A.Kh. Russia in the Arctic: Problems of Studying the Historical Experience of the Development of the Region . . .	5
Komleva Ye.V. The Grain Supply to the Northern Areas of Siberia in the XVII-XIX Centuries	13
Shilovskiy M.V. Political Exile to the North of Siberia: Main Development Trends in the XVIII – Early XX Century	19
Matkhanova N.P. Notes of Orthodox Priests On the Study and Development of the Northern Territories of Siberia in the XIX Century	25
Kuperstokh N.A. The Integrated Study of the Problems of the Arctic in the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (the Second Half of the XX – Early XXI Centuries)	31

BOOK CULTURE

Guryanova N.S. On the Contemporaries' Attitudes Towards the Correction of the Books during the Church Reform of the XVII Century	36
Panich T.V. Traditions of Edifying Literature in the Works of Ecclesiastical Writers of the Second Half of the XVII Century	42
Zhurava L.I. Functions of Beginning and Ending of the Narrative in Siberian Chronicles (Group of Yesipov Chronicle)	47
Starukhin N.A. "The Appeal to the Old Believers Chasovennyye" – a Polemic Monument of Siberian Old Believers "Austrians"	53
Borisov A.A. On the Specifics of Origin and Functioning of the Early Yakut Writing (Late XVIII - First Half of the XIX Century)	58
Ponomareva S.A. G.I. Spasskiy's Activities On Publication of "Sibirskiy (Asiatskiy) Vestnik" ("Siberian (Asian) Herald") in 1818-1827	63
Chernyshova N.K. Formation of the Local Centers of Hagiography in Siberia During the XIX - Early Centuries	70
Bazyleva Ye.A. Publishing Activities of the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of the Imperial Russian Geographical Society	75
Metelkov A.S. Literary Magazines of Siberia and The Far East In the Context of the Regional Publishing Activities (1940–1980s)	80
Zolnikova N.D. Eschatological Disputes of the Chasovennyye Old-Believers in the Last Third of the XX Century as an Instrument of Self-Identification	85
Zhuravel O.D. Folk Utopian Legends in the Contemporary Literature of Old Believers	90
Lizunova I.V., Yengalycheva (Bulgakova) Ye.V. Children's Book Publishing: Russian Trends and Regional Specificity	95

PROBLEMS OF HISTORY

Ovcharova M.A. The Mordvin Settlement in the Southeastern Part of Siberia in the XIX-XX Centuries	101
Gordeeva M.A. Records of the Tulinskoye Volost Court As a Source for the Study of the Peasantry in Western Siberia in the Early XX Century	107
Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. The Ethnic Composition of Population of Western Siberia in 1959-1989	112
Shelegina O.N., Kuperstokh N.A., Zaporozhchenko G.M., Pokrovskiy N.N. The Identity of the Local Scientific Communities: the Experience of Formation and Transmission (On the Materials of the Novosibirsk Scientific Center of SB RAS)	117

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Gombozhapov A.G. The Tradition of Making Bows and Archery Competitions of Buryats	123
Os'kin M.V. Pyotr Kuzmich Kozlov – the Founder and the First Head of the Expedition for Livestock Procurement in Mongolia. July 1915 – March 1917	127
Kazhenova G. T. Realization of Prodravzyorstka in Northern Kazakhstan	132
Sarin D.P. Labor Migration to Kuzbass in 1921-1923	137
The Second All-Russian Conference «Siberian Merchantry: Origins, Activity, Legacy»	142

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ИСТОРИЯ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

DOI: 10.15372/HSS20160301
УДК 908(98)(093)

А.И. ТИМОШЕНКО, А.Х. ЭЛЕРТ

РОССИЯ В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА*

Альбина Ивановна Тимошенко,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru
Александр Христианович Элерт,
д-р ист. наук, заместитель директора по науке, зав. сектором,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: alexandreler@yahoо.com

В статье сделана попытка обозначить основные проблемы изучения исторического опыта освоения российской Арктики и Северного морского пути. По мнению авторов, центральное место в постановке исследовательских задач должно занимать представление в широком хронологическом диапазоне процессов, связанных с присутствием Российского государства на арктических территориях и акваториях. Для этого следует определить степень воздействия как объективных, так и субъективных факторов, естественных констант, меняющихся общественно-политических и технико-экономических возможностей на государственную политику России в Арктике и практику развития северных территорий. В качестве одной из главных задач может рассматриваться исследование преемственности в отношении к российской Арктике как национально значимой территории.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, исторический опыт, государственная стратегия, мобилизационные методы, пространственно-географические факторы, минерально-сырьевые ресурсы.

A.I. TIMOSHENKO, A.KH. ELERT

RUSSIA IN THE ARCTIC: PROBLEMS OF STUDYING THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Albina I. Timoshenko,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект № 44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Aleksandr Kh. Elert, Doctor of Historical Sciences,
Deputy Scientific Director, Head of Sector,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: alexandreiert@yahoo.com

The purpose of the article is to identify major problems connected with studying the historical experience of development of the Russian Arctic and Northern Sea Route. According to the authors, the research objectives should be set taking into account the primary goal of showing within a wide chronological framework the processes associated with the Russian state's presence in the Arctic territories and water areas. For this purpose it is necessary to determine to what extent the Russian state policy in the Arctic along with the practice of development of Northern territories were affected by the objective and subjective factors, natural constants, changing social and political, technical and economic opportunities. Studying the continuity of the Russian state policy in the Arctic as a territory of major importance for the efficient national development can be viewed as one of the major aspects of research. The authors suggest that the study should focus on the events of the Soviet period when the Arctic strategy was provided with clear prospects for significant capital investments necessary for modernization of the socioeconomic and socio-cultural spheres of the Russian North.

In the opinion of the authors, for the benefit of the Russian Arctic Zone the studies should be carried out with interdisciplinary methods and approaches aiming at fundamental analysis of problems connected with historical substantiation of the Russian state's presence in the Arctic region from ancient times up to the present. The key challenge is to prove the fact that for centuries the Arctic region has been viewed in the Russian state policy as a strategically important territory with great resource and economic potential, while the history of development of the high latitude regions of Russia has been an integral part of tremendous process of Russian advance into Eurasia, formation of the largest state in the world.

Key words: Arctic, Northern Sea Route, historical experience, state strategy, mobilization methods, special-geographic factors, mineral resources.

Россия с древнейших времен присутствовала на арктических территориях, хотя раздел их на национальные сектора стал происходить примерно столетие назад. В начале XX в. Канада и Дания заявили о своих претензиях на территории к северу от национальных границ. В свою очередь Российская империя 20 сентября 1916 г. в ноте Министерства иностранных дел также объявила о принадлежности ей земель и островов в районе, прилегающем к ее арктическому побережью. Этим документом руководствовались вначале и правительство СССР. 15 апреля 1926 г. Президиумом ВЦИК было принято постановление «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», в котором обозначалось, что все земли и острова, открытые и еще не открытые в секторе, прилегающем к северному побережью страны до Северного полюса, принадлежат СССР. С запада и востока границами объявлялись меридиональные линии, проведенные к точке Северного полюса от крайней северо-западной точки тогдашней материковой территории СССР (полуостров Рыбачий) и от линии разграничения между Россией и США в Беринговом проливе [1, с. 51].

Во времена СССР так называемый русский угольный бассейн в Арктике занимал около 7 млн км², не считая материковой части Евразии, находящейся к северу от Полярного круга. Территориальное богатство дополнялось обилием других природных ресурсов, в том числе водных, энергетических, минерально-сырьевых и др. Изыскания геологов за последнее столетие обнаружили в Арктике практически все элементы из таблицы Менделеева, а месторождения нефти и газа только северных районов Западной Сибири содержат значительную часть мировых запасов углеводородов. Арктические районы России, несмотря на суровые природно-климатические условия для жизни людей,

веками обживались россиянами и отличались особым цивилизационно-культурным разнообразием.

Можно сказать, что Арктика представляет собой уникальный регион Российской Федерации, значимость которого в будущем только возрастет в экономическом, технико-технологическом и социальном развитии страны. Кроме того, трудно переоценить геополитическое и военно-оборонное значение северных окраин России и Северного Ледовитого океана. Изучение исторического прошлого Арктики обусловлено как потребностями приращения исторического знания, так и осмыслением особой роли этого региона в формировании пространственно-географических факторов современного развития страны.

Тема освоения российской Арктики, несмотря на ее высокую значимость, до сих пор не нашла полного отражения в отечественной историографии. Она фрагментарно исследовалась при подготовке фундаментальных многотомных изданий по истории страны и регионов, при этом специфические северные проблемы рассматривались в общем контексте социально-экономического и социокультурного развития. В советское время изучались в основном такие проблемы, которые определялись в качестве актуальных и подлежали специальному исследованию. В первую очередь это касалось социалистического строительства в северных районах, приобщения к нему проживающих там коренных народов. Многие сюжеты были конкретизированы в монографиях и сборниках научных статей, посвященных различным проблемам социально-экономического и политического развития страны.

Проблемы освоения Севера исследовались в рамках изучения региональной истории. Наиболее изученными оказались арктические районы Западной Сибири. Об истории их освоения написано несколь-

ко десятков монографий и сотни исторических статей в связи с огромным интересом к вопросам формирования и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [2]. В ряде работ освещается история транспортного освоения Арктики, развития Северного морского пути [3, 4]. Однако до сих пор не изучены весьма значимые пласты исторических событий, которые в советский период и не могли полноценно изучаться в силу причин идеологического и политического характера.

В последние десятилетия усилилось внимание исследователей к российским северным проблемам. Так, изучается история г. Норильска и разработки колымских месторождений золота и цветных металлов. В 2010 г. вышла в свет двухтомная «История Ямала», в которой отражено многовековое развитие этого важного региона России, в том числе его индустриализация в последние десятилетия [5]. В целом история освоения российской Арктики еще ждет своих исследователей. Не получила она освещения и в зарубежной литературе, хотя интерес к проблемам северных районов России очень велик [6]. Между тем и ученые, и политики признают, что важность темы определяет необходимость ее глубокого ретроспективного изучения и обобщения в первую очередь для совершенствования практики управления геополитическими и социально-экономическими процессами на северных территориях.

Центральное место в постановке исследовательской задачи, на наш взгляд, должно занимать изучение и обобщение исторического опыта присутствия Российского государства в Арктике и Северном Ледовитом океане с древности и до настоящего времени. В процессе изучения необходимо выявить степень воздействия объективных и субъективных факторов, естественных констант, меняющихся общественно-политических и технико-экономических возможностей, оказавших влияние как на государственную политику, так и практику развития северных территорий России. Исследование должно основываться как на аналитическом обобщении исторического опыта хозяйственного освоения Арктики, так и на оценке эффективности современной социально-экономической практики и векторов перспективного развития Севера в условиях экстремальных природно-климатических ограничений. Важно также проанализировать проблему преемственности в государственной политике России по отношению к Арктике и Северному морскому пути (СМП), проследить основные стратегические направления государственных интересов на северных территориях в исторической ретроспективе.

С этих позиций необходимо подробно проследить эволюцию представлений российских властей о значимости Арктики и Северного Ледовитого океана для государства. Следует отметить, что до XVIII в. включительно интересам России с севера практически никто не угрожал. Северные моря, покрытые льдом, являлись естественной границей, которую трудно было

преодолеть. Но тем не менее государственные деятели и ученые обращали свое внимание на северные территории России.

Первые идеи, связанные с осмыслением и оценкой значимости арктических пространств для государственного развития, принадлежат М.В. Ломоносову. Ученый-патриот пытался убедить власти в перспективности изучения и освоения российского Севера. Он рассматривал Арктику и Северный Ледовитый океан в целом не только как кратчайший путь вдоль границ России к восточным соседям, но и как неотъемлемую и богатую природными ресурсами часть страны [7]. В дальнейшем его идеи частично реализовывались в экспедиционных исследованиях XIX в. Однако в целом государственная власть вплоть до начала XX в. относилась к своим северным территориям достаточно пассивно.

В конце XIX – начале XX в. возникла острая необходимость в защите национальных интересов России в Арктике. С разделом мира и ростом его научно-технических возможностей на российские северные территории стали активно посягать разные страны, иногда и весьма отдаленные от Арктики. Поэтому вопросы, связанные с изучением навигации в северных морях, с созданием судов, способных преодолевать ледовые пространства, периодически ставились и обсуждались в российском правительстве.

Плавания по северным морям для Российского государства стали жизненной необходимостью после окончания русско-японской войны (1904–1905 гг.). В 1908 г. на средства российского правительства на верфи Невского судостроительного завода было начато строительство двух мощных по тому времени ледоколов – «Таймыр» и «Вайгач», которые в 1910–1912 гг. уже курсировали между Беринговым проливом, Колымой и устьем Лены, изучая гидрографию морей Северного Ледовитого океана и пытаясь найти оптимальный путь до Мурманска. Однако сквозной проход от Кольского полуострова до Владивостока и обратно за одну навигацию оставался проблемой. Плавание по Северному морскому пути осуществлялось лишь на отдельных участках. В западном направлении от устьев Оби и Енисея через Карское море за 1876–1919 гг. было выполнено 122 плавания, из которых 86 (71 %) были успешными. С 1911 г. стали ежегодными рейсы из Владивостока в устье Колымы через Берингов пролив. Пароход «Колыма» за одну навигацию доставлял на колымские прииски товары и продовольствие [1, с. 49].

Советское правительство в первые же дни своего существования признало Арктику областью своих стратегических и геополитических интересов. Без нее не мыслилась территориальная целостность огромной страны, находящейся одновременно на двух континентах, а Северный морской путь являлся самым коротким между западной и восточной оконечностью СССР. Кроме того, привлекали уже разведанные и разнообразные природные ресурсы, в том числе минерально-сырьевые. Советский опыт освоения и изучения

Арктики и Северного морского пути беспрецедентно расширился и обогатился и вполне может служить основанием для формирования современной российской государственной политики, направленной на длительную перспективу.

В целом исторический опыт свидетельствует, что российское государственное управление в освоении и изучении своих северных территорий играло определяющую роль. Но в чем эта роль выражалась, что можно использовать и сегодня, а от чего нужно отказаться? Здесь свое слово должны сказать исследователи. По заданию властей осуществлялись экспедиционные исследования, контролировалась деятельность региональных властей и предпринимателей, менялись модели государственного участия. Необходимо проанализировать эти процессы и выделить результаты, наиболее важные для практики современного государственного управления.

Следует акцентировать внимание на деятельности советского правительства, которое унаследовало от предыдущей власти отношение к Арктике как весьма значимому региону государства. Вместе с тем, оно значительно укрепило свое положение на северных границах и сформировало принципы и подходы к северным проблемам, основывающиеся на мобилизационных решениях целевого назначения, и они оказались весьма эффективными в изучении и освоении российской Арктики. В 1920-е гг. деятельность Комитета Северного морского пути при Сибревкоме, созданного в качестве организующего и одновременно директивного органа советского правительства в Сибири, явилась начальным этапом государственного подхода. Затем в 1928 г. Комитет был реорганизован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта (Комсеверопуть). Оно в течение нескольких лет создавало основу для мощного экономического развития Арктики в составе единого народнохозяйственного комплекса СССР: строило морские и речные порты, промышленные предприятия, развивало разнообразную хозяйственную деятельность на северных малонаселенных территориях.

Еще более результативной в этом направлении стала деятельность Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути), организованного в первой половине 1930-х гг. при СНК СССР на правах министерства. Этой государственной организации военно-мобилизационного типа в 1930–1950-е гг. удалось еще дальше продвинуться по пути обживания и хозяйственного освоения российского Севера. В целом деятельность государственных организаций в советский период была направлена на создание в Арктике мощного научно-исследовательского, производственного и военно-стратегического потенциала, превратившего СССР в арктическую державу мирового порядка. Особенно важным это стало во второй половине XX в. в условиях двухполярного мира, в котором все события и действия стали фокусироваться вокруг интересов фактически двух стран –

США и СССР. Их противостояние нашло яркое отражение в Арктике.

В исторических исследованиях необходимо показывать, что практика реализации планов социально-экономического развития Арктики через систему государственных мероприятий и деятельность крупных производственных организаций комплексного типа может быть весьма эффективной в деле пионерного освоения северных районов, богатых природными ресурсами. Положительный опыт СССР в этом направлении особенно проявился во второй половине XX в., когда за Полярным кругом развернулось крупное промышленное, энергетическое и транспортное строительство, увеличились масштабы поиска и разработки месторождений полезных ископаемых, расширилась в целом производственная деятельность.

В послевоенные годы в СССР основное внимание сосредоточилось на развитии экономики Азиатского Севера, флагманом которой являлся Норильск. Главное его предприятие – горно-металлургический комбинат им. А.П. Завенягина – дало первую продукцию в годы Великой Отечественной войны. К 1953 г. оно производило уже 35 % никеля, 12 % меди, 30 % кобальта, 90 % платиноидов в стране. В 1966 г. с открытием Октябрьского месторождения медно-никелевых руд начался новый этап развития Норильского промышленного района. У Норильска появился город-спутник Талнах, в котором были построены рудники и горно-обогажительная фабрика. С вводом в строй Надеждинского металлургического завода здесь образовался крупнейший в мире комбинат по производству цветных металлов [8, с. 93].

В 1950–1960-е гг. значительные импульсы для своего промышленного и транспортного развития получил север Западной Сибири, где были открыты крупные месторождения нефти и газа. Первый фонтан природного газа вырвался из недр земли 21 сентября 1953 г. вблизи с. Березово, а в 1960 г. на таежной р. Конда была найдена промышленная сибирская нефть. К середине 1960-х гг. на северных территориях Западной Сибири были выявлены уже десятки нефтяных и газовых месторождений, в том числе и крупнейших с уникальными запасами. Проблема их освоения оценивалась как важнейшая в экономическом развитии СССР. Были приняты важные государственные решения, которые определили создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Выделенные капитальные вложения для освоения наиболее продуктивных нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири в 1971–1980 гг. превысили затраты на строительство таких крупных объектов, как ВАЗ, КамАЗ, БАМ и Атоммаш вместе взятые. Тем не менее народное хозяйство СССР в ходе решения нефтегазовой проблемы получило значительную выгоду. ЗСНГК уже к концу 1970-х гг. обеспечивал главную добычу нефти и газа в стране. Организация крупной топливно-энергетической и сырьевой провинции на севере Западной Сибири позволила уже к концу 1970-х гг. существенно улучшить структуру

топливно-энергетического баланса СССР, полностью компенсировать падение добычи нефти и газа в других районах страны. Кроме того, углеводороды Сибири стали формировать значительную часть экспортных поставок нефти и газа, а, следовательно, и инвалютных поступлений [9, с. 220].

Претворение в жизнь крупнейших мегапроектов в Арктике значительно продвинуло регион по пути индустриального развития. Вместе с тем советский опыт был не только масштабным, но и противоречивым. Государственная политика главным образом нацеливалась на достижение экономического результата. Недостаточно внимания уделялось экологии и социальным процессам. Централизованная, плановая экономика, концентрация основных материальных, финансовых и людских ресурсов в руках государства в СССР позволили реализовать в Арктике крупнейшие народнохозяйственные программы, коренным образом изменившие экономической облик Севера и усилившие его роль в экономике СССР. В то же время отчетливо проявились резкие диспропорции в развитии социальной сферы северных городов и рабочих поселков, что стало одним из ключевых противоречий в освоении арктических территорий страны, да и в целом азиатской части России.

Исследования в интересах Арктической зоны Российской Федерации, на наш взгляд, должны быть нацелены на фундаментальное изучение актуальных проблем, связанных с историческим обоснованием пребывания Российской Федерации в Арктике с древности и до настоящего времени. Главная задача заключается в необходимости подтверждения того факта, что Арктический регион на протяжении столетий в российской государственной политике рассматривался как важная ресурсно-экономическая и стратегическая территория, а история освоения высокоширотных регионов России являлась неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского продвижения в Евразию, формирования по территории самого крупного в мире государства. Именно по северному направлению россияне двинулись на восток и в процессе многовекового пути выработали специфические модели и механизмы хозяйственной жизни на новых территориях, взаимодействия с коренным населением. Наиболее значимые результаты в этом продвижении получены в последнее столетие, когда научно-технические возможности позволили людям активнее внедряться в высокоширотные регионы Земли, изучать их и использовать в различных сферах своей деятельности.

Такой подход является новым в историографии. Он заключается в комплексном анализе исторического опыта пребывания России в Арктике, освоения ею северных территорий и акваторий. Предпринимается попытка изучения стратегических основ российской государственной политики в Арктике с позиций ретроспективного анализа исторических событий. Надеемся, что это позволит решить целый ряд задач фундаментального характера, связанных с исследо-

ванием особенностей российского цивилизационного развития под влиянием пространственно-географических, социально-экономических и геополитических факторов в условиях значительного разнообразия региональных вариантов. Реконструкция конкретных исторических процессов, происходивших на северных территориях Российского государства, позволит в качестве исследовательского результата составить хронограф «Освоение и изучение российской Арктики: даты, события, факты с древности до настоящего времени».

Новизна исследования состоит также в разработке оригинальной периодизации социально-экономического и геополитического развития арктических районов в рамках российской государственности. Данная периодизация однозначно не связана с периодизацией общероссийского развития, так как цивилизационные процессы в Арктике в силу особенностей территории страны, ее природно-климатических, производственно-хозяйственных и социально-демографических условий могли происходить совершенно иначе, чем в других регионах, носить автономный характер. Привлечение новых источников, использование современных методологических подходов позволят представить процессы колонизационного движения россиян в северные районы как объективный процесс пространственного расширения государства, основанный не столько на насильственном завоевании территории, сколько на ее интеграции в общегосударственное пространство. Такая периодизация позволит определить главные этапы и тенденции в колонизации и изучении арктических территорий Российской Федерации в процессе включения их в общегосударственное развитие. Критерием данной периодизации прежде всего следует принять степень государственной активности на арктических территориях.

Первый этап охватывает конец XVI–XVII век включительно. Это было время начального масштабного продвижения русских служилых и промышленных людей на северные территории Сибири, строительства острогов и городов, подчинения русской власти большинства проживавших здесь коренных народов. В первой половине XVII в. успешно функционировало морское сообщение между севером Европейской России и низовьями Оби, а также «златокипящей» Мангазеей, было совершено первое в истории плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий океан (экспедиция С. Дежнева). Важнейшими результатами деятельности российских морских и сухопутных экспедиций в этот период стали описания вновь открытых земель, обозначение путей сообщения в Арктике, а также подготовка карт.

Второй этап связан с XVIII столетием. Для него характерен переход от чисто промысловой экспансии россиян в северные земли, широко практиковавшейся в предыдущий исторический период, к началу активного научного изучения северных территорий с целью выяснения возможностей для их более широкого хо-

зайственного использования. В этот период начинает формироваться собственно государственный интерес к высокоширотным районам Российской империи.

Третий этап – начало – третья четверть XIX в. В этот период происходила переориентация геополитических приоритетов России. Ее главные стратегические интересы были обращены на юг, важнейшим результатом которых стало присоединение Кавказа, Дальнего Востока и Средней Азии. В арктической политике России на протяжении почти всего XIX в. преобладали охранительные тенденции, связанные с защитой российских арктических владений и упрочением здесь своего положения, а также установлением политического и правового контроля над населением и его деятельностью. В этот период были осуществлены широкомасштабные экспедиционные исследования в Арктике. В 1845 г. в Санкт-Петербурге возникло Русское географическое общество (РГО), которое на долгие годы стало центром, организующим и координирующим географические исследования в стране, активно участвующим в деятельности по изучению и северных территорий, и акваторий Российского государства.

Четвертый этап – 1880–1920-е гг. Характеризуется пересмотром позиций российского государственного управления в вопросах освоения Арктики. В этот период Россия резко активизировала свою деятельность на северном направлении: проводилось планомерное гидрографическое изучение морей Северного Ледовитого океана, развернулась подготовка к судоходному освоению сибирских рек, началась эксплуатация отдельных участков (западного и восточного) трассы Северного морского пути. Развитие системы транспортных коммуникаций позволило приступить к промышленной разработке некоторых месторождений полезных ископаемых и других природных ресурсов арктической зоны. Усиление охраны морских границ происходило на фоне общего расширения военного присутствия в арктическом регионе. Предпринимались попытки осуществлять централизованное государственное управление процессами изучения и освоения Арктики и трассы Северного морского пути в условиях организации плановой экономики в советский период.

Следует отметить, что авторский подход позволяет рассматривать развитие российского государственного управления освоением Арктики и СМП как непрерывный многомерный процесс. Непрерывность подразумевает снятие 1917 г. как рубежной даты развития региона в XX в. Революция 1917 г., хотя и предопределила начало радикальных политических и социально-экономических преобразований, изменивших исторические судьбы народов Арктической зоны, но не нарушила общего хода ее истории. Прежний подход давал основание считать досоветский период только подготовительным к последующему развитию региона, оценивал всю дореволюционную историю Арктики с точки зрения наличия или отсутствия предпосылок для социалистической революции, а последу-

ющие годы – лишь как период поэтапного построения социализма.

Пятый этап – 1930–1940-е гг. – отмечен широкомасштабным освоением Арктики: планомерным научным изучением региона, приоритетным освоением трассы Северного морского пути, созданием первых промышленных «очагов». Успешное развитие арктического мореплавания способствовало судоходному освоению рек, впадающих в Северный Ледовитый океан. Открытие богатейших месторождений полезных ископаемых в Заполярье окончательно закрепило за регионом место источника сырья для поступлений в общей экономической макроструктуре страны. Форсированный характер промышленного освоения северных территорий определялся в первую очередь политическим курсом советского руководства на обеспечение сверхвысоких темпов индустриализации и укрепления обороноспособности страны.

Главной характеристикой данного этапа являлось формирование советской модели централизованного управления освоением Арктики и СМП, именно тогда была разработана «госплановская» концепция развития Арктики через реализацию крупных хозяйственных и социальных проектов. Произошел окончательный переход от традиций промыслового хозяйства к преимущественно промышленно-транспортному освоению северных территорий СССР с использованием мобилизационных методов и механизмов, формированием в северных регионах крупнейших индустриальных комплексов.

Шестой этап – 1950-е – конец 1980-х гг. характеризуется дальнейшим развитием принципов и стратегий, обозначенных в предыдущий период и связанных с формированием ресурсной модели освоения Арктики. Характеризуется переходом на методы пространственно-отраслевого освоения территории через создание территориально-производственных комплексов (ТПК). На данном этапе происходит также активизация экономического развития тех арктических регионов СССР, в которых были открыты крупные месторождения минерально-сырьевых и нефтегазовых ресурсов. С их разработкой оказалось связано не только социально-экономическое но и социокультурное, и демографическое развитие многих регионов Арктической зоны России.

Седьмой этап – 1992–2015 г. – характеризуется, с одной стороны, процессами деструктивной трансформации, казалось бы, уже отработанных стратегических принципов, нарушением устоявшихся связей и взаимоотношений в социально-экономическом развитии регионов АЗРФ, а с другой стороны – поиском новой модели освоения и управления развитием Севера Российской Федерации. Современный этап российского арктического развития должен обозначить не только настоящие, но и будущие потребности Российского государства в условиях современных геополитических реалий и вызовов, а также стратегических устремлений России в защите своих национальных интересов.

Комплексный характер проведенных предварительных исследований основан на использовании как традиционных для исторической науки методов, подходов и понятийного аппарата, так и приемов междисциплинарных исследований. В целом проблемы российской Арктики должны изучаться, на наш взгляд, в рамках парадигмы мирового цивилизационного процесса, сутью которого является изменение в хронологической динамике отношения людей к себе и окружающей действительности. Основные аспекты темы должны также рассматриваться системно и комплексно на фоне общероссийского и мирового развития в XVI–XXI вв.

Для достижения вышеобозначенной цели использовался термин «освоение», который включает в себя самые разные процессы, связанные с изучением и присутствием россиян на арктических территориях, обживанием этих территорий и использованием их в своей хозяйственной и прочей деятельности. В исторической литературе в настоящее время отсутствует однозначное понимание термина «освоение». Чаще всего его отождествляют с термином «колонизация». Нам больше всего импонирует определение академика В.В. Алексеева, который считает, что освоение какого-либо региона – это одновременно овладение им и сохранение под юрисдикцией государства, а также разностороннее изучение его природных ресурсов с точки зрения вовлечения их в хозяйственный оборот. Кроме того, освоение территории должно сопровождаться заселением ее мигрантами, привносящими в регион культурные инновации [10, с. 230].

Такой подход позволяет рассматривать российскую Арктику как национально значимую территорию, поэтапно осваиваемую с древности и до настоящего времени российским населением, которое на протяжении столетий в своей хозяйственной деятельности постепенно сменило чисто промысловую ориентацию на промышленно-производственную. Необходимо отметить, что плотность хозяйственного освоения и заселения в Арктике никогда не была сплошной, равномерной. Чаще всего она носила очаговый характер, который в результате объективных причин географического плана будет сохраняться достаточно долго.

Анализ реальных процессов, происходивших на российских арктических территориях в различные хронологические периоды, несомненно, должен осуществляться с учетом особенностей регионального социокультурного и национально-этнического развития. В результате появится возможность определить главные факторы российского исторического процесса, например, такие, как геополитический, природно-климатический, социально-демографический, технологический и др., которые должны изучаться в контексте теории модернизации, определяющей смысл исторической динамики в панораме веков по направлению от традиционности к современности. Российское пребывание в Арктике может оцениваться как достаточно протяженный и ох-

ватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных, по своей сути, мероприятий, обусловленных как внутренними для государства факторами, так и внешними. И те и другие были связаны с необходимостью соответствовать общемировому развитию. Под влиянием разнообразных факторов в Арктике, как и в других регионах Российского государства, происходили трансформации традиционных общественных отношений в современные, связанные с индустриальными технологиями и соответствующими им социальными институтами.

Таким образом, все исторические исследования в интересах Арктической зоны Российской Федерации должны основываться на отношении к Арктике как к национально значимой территории, которая во все времена не обходилась без государственного патроната. Практически на протяжении всей истории присутствия России в Арктике прослеживается влияние политики государственной мобилизации в решении как хозяйственных, так и социально-демографических и культурологических проблем. Исторически менялись формы и методы государственного воздействия, но само присутствие государства не исчезало никогда. В ответ со стороны коренного северного населения и прибывающих россиян, все более активно обживающих арктические территории, отмечалась адаптивная реакция относительно условий жизни на Севере во всех ее видах и проявлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимошенко А.И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (К вопросу о стратегической преемственности) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 48–52.
2. Материалы к библиографии по истории Ямала. Екатеринбург, 2006. 386 с.
3. Белов М.И. Путь через Ледовитый океан. М.: Морской транспорт, 1963. 240 с.
4. Арикайнен А.И. Транспортная артерия советской Арктики. М.: Наука, 1984. 192 с.
5. История Ямала: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010.
6. Ананьев Д.А. Проблемы освоения российской Арктики в освещении англо-германоязычной историографии // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2012. С. 36–49.
7. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного перехода Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 419–498.
8. Тимошенко А.И. Арктика – национально значимая территория: опыт российского освоения в XX столетии // Горные ведомости. 2014. № 11. С. 92–99.
9. Тимошенко А.И. Особенности промышленного развития Сибири во второй половине 1960-х–1980-е гг. на примере формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вопросы истории Сибири в новейшее время: сб. науч. стат. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 3. С. 212–229.
10. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 2004. 643 с.

REFERENCES

1. *Timoshenko A.I.* Soviet initiatives in the Arctic in the 1920s (On the Problem of Strategic Continuity). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2010, no. 2, pp. 48–52. (In Russ.)
2. Materials for the Bibliography on the History of Yamal. Yekaterinburg, 2006, 386 p. (In Russ.)
3. *Belov M.I.* The Way Across the Arctic Ocean. Moscow: Morskoy transport, 1963, 240 p. (In Russ.)
4. *Arikaynen A.I.* Transportation Artery of the Soviet Arctic. Moscow: Nauka, 1984, 192 p. (In Russ.)
5. The History of Yamal: in 2 vols. Yekaterinburg: Izdatelstvo «Basko», 2010. (In Russ.)
6. *Ananyev D.A.* Problems of Development of the Russian Arctic as Presented in the English- and German-language Historiography. *Gosudarstvennaya Politika Rossii v Arktike: Strategiya i praktika osvoyeniya v XVIII–XXI vv.* Novosibirsk: Sibirskoye nauchnoye izdatelstvo, 2012, pp. 36–49. (In Russ.)
7. *Lomonosov M.V.* Brief Description of Various Journeys Across Northern Seas and Demonstration of a Possible Passage Across the Siberian Ocean to the Eastern India. *Lomonosov M.V. Poln .sobr. soch.* Moscow; Leningrad, 1952, vol. 6, pp. 419–498. (In Russ.)
8. *Timoshenko A.I.* Arctic – a nationally significant territory: Russia's experience of its development in the XX century. *Gornyye vedomosti*, 2014, no. 11, pp. 92–99. (In Russ.)
9. *Timoshenko A.I.* Specifics of Industrial Development of Siberia in the Second Half of the 1960s – 1980s as exemplified by the formation of the West Siberian oil and gas complex. *Voprosy istoriy Sibiri v noveysheye vremya: sbornik nauchnykh statey.* Novosibirsk: Parallel, 2013, vyp. 3, pp. 212–229. (In Russ.)
10. *Alekseyev V.V.* Social Potential of History. Yekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2004, 643 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160302
УДК 338.433(571.1)''16/18''

Е.В. КОМЛЕВА

СНАБЖЕНИЕ ХЛЕБОМ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ (XVII–XIX вв.)*

Евгения Владиславовна Комлева,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: feodal@history.nsc.ru

Статья посвящена одной из важнейших проблем, стоявших перед русским правительством с самого начала освоения Сибири – снабжению продовольствием, в первую очередь хлебом, труднодоступных северных территорий региона. Показано, как государство пыталось решить эту задачу, привлекая административные ресурсы и призывая к сотрудничеству представителей частного капитала. Поставки хлеба из-за Урала в течение XVII в. сменились производством зерна в земледельческих районах самой Сибири, продукция которых отправлялась и в промысловые северные области. Власти всегда держали под контролем снабжение этих мест. Наряду с введением в конце XVIII – начале XIX в. принципа свободы частной хлебной торговли на Севере была организована разветвленная сеть казенных запасных хлебных магазинов, призванных не допустить голода среди местного населения.

Ключевые слова: Сибирь, Север, хлебные поставки, торговля, купечество, казенные запасные хлебные магазины.

E.V. KOMLEVA

THE GRAIN SUPPLY TO THE NORTHERN AREAS OF SIBERIA IN THE XVII-XIX CENTURIES

Evgeniya V. Komleva
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: feodal@history.nsc.ru

The article is devoted to one of the key challenges facing the Russian government from the very beginning of the development of Siberia – the food supply of hard-to-reach Northern territories of the region. It is shown how the state tried to solve this problem drawing on administrative resources and mobilizing private capital. While in the first half of the XVII century the bulk of the grain was delivered to Siberia from behind the Urals, later, with the increasing number of population, Siberia experienced progressively the shortage of bread. For its elimination the local agricultural areas were established whose products were supplied to the local population including the inhabitants of the North with its non-arable marginal lands. At the same time, the authorities made numerous but unsuccessful attempts to spread agriculture in such harsh places as Kamchatka, Yakutia, Turukhansk region and Berezhov uyezd. Along with the state some private traders also took part in supplying bread to the Northern areas. However, their activities sometimes provoked dissatisfaction of the local authorities. At the end of the XVIII – first quarter of the XIX century a number of resolutions introduced the principle of freedom of grain trade in the North, but the state continued to control the supply of the Northern regions. Special attention is paid to such an important though understudied institution as reserve state-owned grain stores. Their widespread network was intended under any circumstances to prevent famine among the northerners. By the example of Turukhansk region the author considers the activities of the reserve state-owned grain stores that helped the local people over lean periods due to the declining fishery yields and hunting. It has been revealed that the reserve stores did not bring income, so the local authorities tried to decrease the maintenance costs, transferring part of its responsibilities to merchants and traders from other social strata on a free-of-charge basis.

Key words: Siberia, North, grain supply, trade, merchantry, reserve state-owned grain stores.

*Статья подготовлена в рамках исследований по Программе Президиума РАН I.32П «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект № 44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

В процессе присоединения и освоения Сибири одна из наиболее важных задач, стоявших перед центральными и местными властями, заключалась в обеспечении продовольствием (в первую очередь – хлебом) как русских первопоселенцев, так и страдавших от голода аборигенных народов. Особенно острой нехватка продуктов питания была в труднодоступных северных районах с суровыми климатическими условиями. К освещению вопросов, связанных с хлебо-снабжением сибирского Севера, обращались многие исследователи – особенно большой вклад в разработку этой темы внесла историография советского периода, представленная работами В.И. Шерстобоева [1, 2], В.И. Шункова [3], В.А. Александрова [4], А.Н. Копылова [5], З.Я. Бояршиновой [6], Ф.Г. Сафронова [7, 8], О.Н. Вилкова [9], Г.Ф. Быкони [10]. Различные аспекты сибирской хлеботорговли продолжают разрабатываться и в последние годы. Благодаря проведенным исследованиям основательно изучено развитие сибирского земледелия в XVII–XVIII вв., особое внимание уделено доставке хлебных запасов в Якутскую область и Камчатский край. В настоящей статье сделана попытка свести воедино данные о снабжении северных территорий как Западной, так и Восточной Сибири, представить краткий обзор политики русского правительства в этом отношении и конкретных мероприятий, осуществляемых в ходе ее реализации на протяжении XVII–XIX вв.

В первые десятилетия активного продвижения русских за Уральские горы хлеб для служилого населения сибирских острогов доставлялся из европейской части страны: из Перми, Чердыни, Соли Камской, Кайгородка, Вятки, Устюга Великого, Соли Вычегодской, Вологды, Тотьмы [11, с. 94]. Жалованье стрельцов и казаков, служивших в гарнизонах самых северных сибирских острогов, которые считались «нехлебными» (Березов, Мангазея, Сургут, Тара, Томск и Пелым), помимо денег, включало хлеб и соль. По данным Н.А. Миненко, в начале XVIII в. на выплату жалованья служилым людям в Березове ежегодно выделялось 1303 четверти муки, 700 четвертей овса и 488 пудов соли, в Сургуте – около 780 четвертей ржи, 400 четвертей овса и 300 пудов соли. К середине века эти показатели сократились: в 1760-х гг. березовцы получали по 683 четверти ржи и 257 четвертей овса, а сургутяне – по 502 четверти ржи и 257 четвертей овса ежегодно [12, с. 290–291].

С увеличением численности служилых людей недостаток хлеба чувствовался все острее. В 1664 г. якутский воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов жаловался на невозможность усилить гарнизоны местных острожков «из-за недосылки хлеба из Илимского острога» [13, с. 66]. В большом количестве хлеб требовался не только служилым людям, но и промысловикам. Например, в августе 1648 г. отправившийся из Якутска вниз по Лене на соболиный и рыбный промысел Елизар Иванов взял с собой в числе прочего «хлебного запаса муки [р]жаной 20 пуд.» [14, с. 184–185].

На повестку дня встала необходимость «иметь повсеместное, устойчивое и дешевое производство хлеба» [1, с. 239]. Эта задача решалась с помощью пашенных крестьян, работавших на государственной десятинной пашне, урожай с которой поступал в казну. Переселенцев из европейской части страны направляли на жительство в те районы Сибири, где недостаток продовольствия ощущался особенно сильно. В 1688 г. прибывших в Сибирь 500 пашенных крестьян «повелено было отправить на водворение в Иркутск» [11, с. 95]. О том, что вопрос о снабжении хлебом не только самых северных территорий, но и всей Сибири находился под постоянным контролем правительства, свидетельствует, в частности, изданный в 1758 г. указ «О размножении в Нерчинске казенной десятичной пашни, о разборе и об употреблении на нее находящихся там разных крестьян и людей, о бытии тому размножению пашен в ведомстве Сибирского губернатора и о донесении в Сенат об урожае хлеба ежегодно». Для подстраховки на случай неурожая в 1766 г. вышло постановление «О размножении родов растений, употребляемых в Сибири в пищу за недостатком хлеба» [11, с. 166, 178]. Благодаря принимавшимся мерам уже в XVII в. сложился основной состав сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Сибири: рожь, овес, ячмень, в меньшем количестве – пшеница, полба, гречиха, горох, конопля [15, с. 74].

Из тех регионов Сибири, где со временем получило развитие земледелие, хлеб поставлялся населению промысловых северных территорий. В Западной Сибири основным поставщиком хлеба стали окрестности Верхотурья и Тобольска, в которых хлебопашество начинает развиваться с первых лет существования этих городов [16, с. 131, 254]. В первой половине XVII в. продовольствие из Верхотурско-Тобольского земледельческого района через Тобольск направлялось не только в Демьянский и Самарский ямы, Березов и Сургут, но и в расположенные восточнее Томск, Мангазею и Енисейск. Проведенный О.Н. Вилковым анализ таможенных книг показал, что в 1639/40 г. частными торговцами было вывезено отсюда в Енисейск и Мангазею 5612,5 четверти, в 1644/45 г. – 1317,5, в 1647/48 г. – 664,5, в 1649/50 г. – три четверти хлеба. После 1650 г. поставки западносибирского хлеба в Енисейск прекратились – отныне енисейские земледельцы могли самостоятельно обеспечивать потребности Приенисейского края (Мангазеи, Туруханска, Енисейска и Красноярска) и даже отправлять излишки в Якутск и Илимск [17, с. 173, 188]. Помимо Тобольска и Енисейска снабжение Якутии и Камчатки происходило также из земледельческого района, расположенного по р. Илим и верхнему течению Лены. Каждый этап сплава хлебных запасов строго документировался, а якутский воевода доносил о его ходе в Сибирский приказ [1, с. 571–572].

Уже к концу XVII в. Сибирь производила достаточно хлеба для собственного обеспечения, и поставки из Центральной России прекратились. Так, на том ос-

новании, что «хлеб в сибирских городах пашут и хлеб в Сибири родится многой», в 1685 г. жители Вятки были освобождены от хлебных поставок за Урал [11, с. 94], а в 1762 г. была заменена денежным взносом хлебная пошлина с сибирских крестьян, взимавшаяся для обеспечения служилых людей («4-й сноп с хорошего хлеба, 5-й со среднего и 6-й с плохого») [11, с. 94, 172]. Успехи в развитии сибирского земледелия со временем позволили сельскохозяйственной продукции стать важной составляющей местного экспорта: в конце XIX – начале XX в. на нее приходилось 60 % от общей массы вывоза из Западной Сибири. Выращенное здесь зерно поставлялось в восточные и северные губернии Европейской России, шло на экспорт в Европу, мука доставлялась в восточные районы Сибири [18, с. 51]. С 1897 по 1913 г. вывоз хлеба на Запад из Сибири увеличился более чем в 4 раза (в 1897 г. он достигал 13,7 млн пуд.) [19, с. 235].

Однако транспортировка муки даже в пределах Сибири всегда была очень непростым делом. В 1666 г. тобольские воеводы П.И. Годунов и Ф.Ф. Вельский направили в Сибирский приказ «отписку», в которой сообщали, что «посыланы ис Тобольска в Мангазею через море с ... хлебными запасы и с солью кочей по 7-ми и по осьми и больши ... и те кочи в прошлых во многих годех с ... хлебными запасы и с солью на море в ходу розбивало, и служилые люди на тех кочах тонули» [14, с. 84]. Насколько трудной была доставка хлеба в Якутск в XVII – начале XVIII в., видно из монографии В.Н. Шерстобоева [1, с. 569–579]. По свидетельству современников, чтобы в 1789 г. привезти партию товаров из Иркутска в Охотск через Качуг (поселение на Якутском тракте) и Якутск, требовалось 25 руб.¹

Во избежание сложностей, возникавших при транспортировке зерна и связанных с этим расходов, в XVIII–XIX вв. предпринимались неоднократные попытки завести хлебопашество на Севере. В 1767 г. в с. Самарово Тобольского округа проводились опыты по посеву зерновых культур, правда, окончившиеся неудачей [11, с. 181]. В 1826 г. купец Нижегородцев экспериментировал с посевом яровых хлебов в Березове [11, с. 285]. Завести хлебопашество неоднократно, но безрезультатно пытались и в низовьях Енисея – в Туруханском крае², и на Камчатке [11, с. 132, 169, 300; 7, с. 134–136], и в Якутии [11, с. 341]. Говоря о Камчатке, Ф.Г. Сафронов выделяет следующие причины, вследствие которых попытки внедрить там земледелие оборачивались неудачей: сильный, доходящий до принуждения, нажим властей на переселенцев, отсутствие у последних заинтересованности в развитии хлебопашества, поскольку они не могли полностью распоряжаться урожаем, неблагоприятные природно-климатические условия [20, с. 407].

Наряду с казной в обеспечении северных районов Сибири всегда участвовали и представители частного капитала. Так, на протяжении XVII в. частные торговцы активно действовали на хлебном рынке Верхотурья [21, с. 72]. В июле 1648 г. приказчики торгового человека Василия Федотова Гусельникова повезли из Якутска на реки Индигирку и Колыму «хлебного запаса ... 30 пуд муки ржанья» [14, с. 182]. В 1666 г. тобольские воеводы сообщали в Сибирский приказ со слов енисейских и мангазейских служилых людей, что «в Енисейском хлебных запасов много, и торговые де люди хлебные запасы из Енисейска привозят в Мангазейской уезд на Турухан дошаниками и каюками» [14, с. 88]. В XVII–XVIII в. крупные партии хлеба (до 1800 пуд. ржаной муки) привозились частными лицами в Березов, а к концу XVIII в. «березовские купцы и мещане взяли в свои руки продажу хлеба местным аборигенам, скупая его у приезжих тобольских торговцев либо закупая в самом Тобольске» [22, с. 12].

По мере продвижения к северным широтам цена на хлеб увеличивалась: если в 1830-х гг. в Красноярске пуд пшеничной муки стоил 0,55–0,75 руб., а пуд ржаной муки – 0,36–0,38 руб.³, то в Туруханске уже 1,0–1,3 и 0,6–0,8 руб., соответственно⁴. Аналогичная ситуация была характерна и для других районов Сибири. Так, в 1860–1880-х гг. средние цены на хлеб в Тобольской губернии возрастали с юга на север и с запада на восток [23, с. 93].

Важными центрами торговли и обмена были северные ярмарки, многие из которых служили единственными торговыми пунктами для коренного населения Севера. Роль таких центров выполняли: на севере Тобольской губернии – Мужевская ярмарка, торговые съезды в Сургуте, Обдорске, с. Юринское и Ларьякское; в Томской губернии – Парабельская ярмарка; в Енисейской губернии – Туруханская и Енисейская ярмарки, в Якутской области – зимняя и летняя Якутская и Олекминская ярмарки, на Чукотке – Аннойская и Анадырская ярмарки, на Камчатке – Гижигинская ярмарка. О масштабах торговли на самых значительных из этих ярмарок можно судить по сведениям об обороте зимней торговли в Обдорске: «В 1816 г. сюда было доставлено до 16 тыс. пудов муки и до 4 тыс. пудов печеного хлеба. В свою очередь, коренные жители променяли русским торговцам до 12 тыс. шкурок песцов, свыше 600 лисиц, немалое количество белок и горностаев, 2 тыс. оленьих шкур, до 700 домашних оленей, до 100 волчьих шкур, 600 пудов гусиного жира, значительное количество рыбы – всего на сумму до 150 тыс. р. сер.» [24, с. 107]. На одну из крупнейших ярмарок Восточной Сибири – Якутскую – в 1852 г. было привезено товаров на 442 тыс. руб. [25, с. 452], в 1886 г. – на 1386, в 1891 г. – на 1000, 1893 – на 922 тыс. руб. [26, с. 54]. В конце XIX в. в Якутскую область ежегодно доставлялось товаров от 4 тыс. до 11 тыс. пуд. на сумму более 1800 тыс. руб. [26, с. 55]

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 796. Оп. 1 Д. 4428. Л. 7.

² Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). Ф. 341. Д. 7886/229. С. 119.

³ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 168. Л. 76, 132–133.

⁴ Там же. Ф. 117. Оп. 1. Д. 627. Л. 6.

Крупнейшим поставщиком хлеба в Якутск на рубеже XIX–XX вв. выступал торговый дом «Наследники А.М. Кушнарера», который сначала закупал зерно в центральных районах Сибири, но потом из-за сложностей и дороговизны доставки перешел на сотрудничество с восточносибирскими производителями: «...зерно закупалось у местного населения, поставлялось на склады, затем на мельницы, принадлежавшие П.А. Кушнареру в Якутске» [27, с. 101]. Нередко купцы не только торговали хлебом, но и брали подряды на поставки его на Север. Известно, что в 1830-х гг. казенными подрядами на поставки хлеба в северные города Тобольской губернии занимался ишимский купец Н.М. Черняковский [28, с. 395]. Высоко оценивая вклад частных торговцев в экономическое развитие региона, Ф.Г. Сафронов считал, что они были «теми конкретными субъектами, через посредство которых была протянута прочная нить непосредственных экономических связей метрополии с отдаленной окраиной, нить, постепенно превратившая эту окраину в органическую часть России» [8, с. 79].

Частным поставщикам хлеба нередко приходилось конкурировать и даже вступать в конфликты с казной. Известны случаи, когда партии хлеба, принадлежавшие частным лицам, подвергались аресту и принудительно перекупались властями по заниженной цене [29, с. 7]. В конце XVIII – первой четверти XIX в. принимается ряд постановлений, направленных на введение свободы хлебной торговли на Севере [7, с. 170; 11, с. 242; 29, с. 8, 9, 12]. Однако и после этого местные власти стремились в первую очередь не нанести урон интересам казны. В.Н. Разгон упоминает связанный с этим один из наиболее скандальных случаев, когда в неурожайном 1838 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт запретил торговые операции по скупке и продаже хлеба частным лицам и изъял заготовленный ими раньше хлеб. В результате «был взят в казну и хлеб, заготовленный енисейским купцом Хорошевым для сплава в Туруханский край», а «общие поставки хлеба частными торговцами на Туруханский север» сократились с 39 тыс. пуд. в 1837 г. до 5586 пуд. в 1839 г. Впрочем, действия В.Я. Руперта вызвали негативную реакцию центральных властей [29, с. 16].

Утверждение принципа свободы хлебной торговли на Севере Сибири не означало полного устранения государства от контроля за снабжением данной территории. Это хорошо видно на примере такого обширного северного региона, как Туруханский край. Усилий частного капитала было явно недостаточно для обеспечения продовольствием местного населения. В 1810-х гг. в крае разразился страшный голод, современники фиксировали даже неоднократные случаи людоедства среди местного населения [30, с. 336–337]. Одна из важнейших задач местных властей заключалась в том, чтобы впредь «никого из жителей до голода не доводить»⁵. Избежать повторения катастрофы

могли помочь ежегодно пополнявшиеся казенные запасные хлебные магазины, деятельность которых подробно регламентировалась Положением 1822 г. [11, с. 269–270].

В 1825–1826 гг. в Туруханском крае действовало 24 казенных запасных хлебных магазина⁶. Заготовка для них хлеба производилась подрядами с торгов, проводившихся в губернском правлении [31, с. 38]. Ежегодно на территорию Туруханского края завозилось около 20–30 тыс. пуд. казенной пшеницы, которая приобреталась населением как за деньги, так и за звериные шкуры и меховые изделия. Многие брали необходимое количество зерна в долг, а самым нуждающимся хлеб отпускался вообще «безденежно и без возврата»⁷.

Практика продажи зерна в долг и рост недоимок приводили к тому, что торговля хлебом в крае не приносила особых выгод казне. Осенью 1823 г. на ясажных Енисейского округа и Туруханского края числилась «значительная недоимка прежних лет ... за розданной им из казенных магазинов хлеб», составлявшая 106 871 р. 9 ¼ к.⁸ Для повышения доходности магазинов приходилось изыскивать различные средства: продавать вырученные за хлеб кожи не в Туруханске или Енисейске, в губернском центре – Красноярске⁹, просить частных перевозчиков без оплаты отвезти шкуры в Енисейск и поставлять «добровольно за тундру хлеб на своих оленях»¹⁰. Еще одну проблему в деятельности казенных запасных хлебных магазинов составляли злоупотребления управлявших ими вахтеров. В частности, Е.А. Носова пишет, что последние при высоких рыночных ценах на хлеб сбывали зерно и муку частным торговцам, указывая в отчетах реализацию их населению [31, с. 38].

Казенные запасные хлебные магазины играли важную роль в обеспечении хлебом северных территорий во всех регионах Сибири. В 1867 г. на севере Тобольской губернии действовало 18 хлебозапасных магазинов, в которых находилось 90,8 тыс. пуд. хлеба. На севере Томской губернии – в Нарымском крае – в 1890-х гг. насчитывалось 5 казенных магазинов с запасами хлеба в 6 тыс. пуд. [31, с. 37–38]. В Якутскую область в конце XIX – начале XX в. казной ежегодно ввозилось более 2 тыс. пуд. муки [26, с. 55].

Таким образом, снабжение хлебом северных районов Сибири на протяжении XVII–XIX вв. оставалось насущной задачей, для решения которой правительство пыталось использовать и административные ресурсы, и опереться на помощь частного капитала, прежде всего – купеческого. Однако из-за трудностей доставки хлеба в отдаленные поселения лишь немногие купцы решались заниматься хлеботорговлей на севере. Предотвратить голод позволяли казен-

⁶ Там же. Д. 151. Л. 289–296.

⁷ Там же. Д. 31. Л. 27.

⁸ Там же. Д. 74. Л. 7 об.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 2, 16.

⁵ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 74. Л. 17.

ные запасные хлебные магазины, содержание которых не приносило выгоды, но давало возможность местным жителям в годы, неблагоприятные для промысла зверя и рыбы, все же сводить концы с концами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 596 с.
2. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. II: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 674 с.
3. *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. 432 с.
4. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. 302 с.
5. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII веке. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965. 297 с.
6. *Бояршинова З.Я.* Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения Сибири довоенного периода. Новосибирск, 1971. С. 40–56.
7. *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. 258 с.
8. *Сафронов Ф.Г.* Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980. 142 с.
9. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. 370 с.
10. *Быконя Г.Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. 248 с.
11. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. 463 с.
12. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. 308 с.
13. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.: сб. док. Л., 1936. 281 с.
14. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: сб. док. М., 1951. 547 с.
15. *Миненко Н.А.* Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. 210 с.
16. *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 304 с.
17. *Вилков О.Н.* Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. стат. памяти чл.-кор. АН СССР В.И. Шункова. М., 1973. С. 164–193.
18. *Кротт И.И.* Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. Омск, 2009. 204 с.
19. *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975. 325 с.
20. *Сафронов Ф.Г.* Попытки земледельческого освоения Камчатки в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): Сб. статей памяти чл.-к. АН СССР В.И. Шункова. М., 1973. С. 407–417.
21. *Квецинская Е.В.* Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в.: сб. науч. стат. Новосибирск, 1987. С. 68–85.
22. *Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992. 157 с.
23. *Носова Е.А.* Хлебная торговля Тобольской губернии (вторая половина XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: сб. науч. стат. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 82–98.
24. *Ивонин А.И.* Обдорск // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 107–108.
25. *Вилков О.Н., Резун Д.Я., Скубневский В.А.* Якутск // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 450–452.
26. *Захаров В.П.* Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995. 137 с.
27. *Кулинарева М.Д.* Вклад купцов Кушнаревых в экономическое развитие и общественную жизнь г. Якутска в начале XX в. // Сибирский город XVIII–XIX веков: Сб. науч. стат. Иркутск, 2015. Вып. X. С. 95–111.
28. *Меньшиков В.Н.* Черняковский Николай Максимович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 395.
29. *Разгон В.Н.* Государственное регулирование хлебной торговли в Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 5–19.
30. *Шанин В.Я.* Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. Красноярск, 2011. 448 с.
31. *Носова Е.А.* Хлебозапасные и провиантские магазины в преформенной Западной Сибири: виды, способы наполнения, функции // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сб. науч. тр. СПб., 2010. Вып. 3. С. 35–43.

REFERENCES

1. *Sherstoboyev V.N.* Ilimsk Tillage. Irkutsk, 1949, vol. I, 596 p. (In Russ.)
2. *Sherstoboyev V.N.* Ilimsk Tillage. Irkutsk, 1957, vol. II, 674 p. (In Russ.)
3. *Shunkov V.I.* Essays on the History of Agriculture in Siberia (XVII Century). Moscow, 1956, 432 p. (In Russ.)
4. *Aleksandrov V.A.* Russian Population of Siberia in the XVII – Early XVIII Century. Moscow, 1964, 302 p. (In Russ.)
5. *Kopylov A.N.* Russians on the Yenisey River in the XVII Century. Agriculture, industry, trade links of the Yeniseysk Uyezd. Novosibirsk, 1965, 297 p. (In Russ.)
6. *Boyarshinova Z.Ya.* The Colonization of Siberia by the Russians in the XVI – the First Half of the XIX Century. *Itogi i zadachi izucheniya Sibiri dovoennogo perioda*. Novosibirsk, 1971, pp. 40–56. (In Russ.)
7. *Saphronov F.G.* Russians in the North-East of Asia in the XVII – Mid-XIX Century. Moscow, 1978, 258 p. (In Russ.)
8. *Saphronov F.G.* Russian Trades and Commerce in the North-East of Asia in the XVII-Mid-XIX Century. Moscow, 1980, 142 p. (In Russ.)
9. *Vilkov O.N.* Essays on the Socioeconomic Development of Siberia in the Late XVI – Early XVIII Centuries. Novosibirsk, 1990, 370 p. (In Russ.)
10. *Bykonya G.F.* Settlement of the Cis-Yenisey Region by the Russians in the XVIII Century. Novosibirsk, 1981, 248 p. (In Russ.)
11. *Scheglov I.V.* Chronological List of the Most Significant Data from the History of Siberia: 1032–1882. Surgut, 1993, 463 p. (In Russ.)
12. *Minenko N.A.* North-Western Siberia in the XVIII – First Half of the XIX Century. Novosibirsk, 1975, 308 p. (In Russ.)
13. Colonial Policy of the Moscow State in Yakutia in the XVII Century. Leningrad, 1936, 281 p. (In Russ.)
14. Discoveries of the Russian Explorers and Polar Sailors of the XVII Century in the North-East of Asia. Moscow, 1951, 547 p. (In Russ.)
15. *Minenko N.A.* Ecological Knowledge and Experience of Environmental Management of the Russian Peasants in Siberia in the XVIII – First Half of the XIX Centuries. Novosibirsk, 1991, 210 p. (In Russ.)
16. *Rezun, D.Ya., Vasilevskiy, R.S.* Chronicle of the Siberian Towns. Novosibirsk, 1989, 304 p. (In Russ.)

17. *Vilkov O.N.* Tobol'sk – the Center of Grain Trade of Western Siberia. *Russkoye naseleniye Pomorya i Sibiri (period feodalizma)*. Moscow, 1973, pp. 164–193. (In Russ.)
18. *Krott I.I.* Agricultural entrepreneurship of Western Siberia in the Late XIX – Early XX Century. Omsk, 2009, 204 p. (In Russ.)
19. *Rabinovich G.H.* Large Bourgeoisie and Monopolistic Capital in the Economy of Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries. Tomsk, 1975, 325 p. (In Russ.)
20. *Saphronov F.G.* The Attempts of Agricultural Development of Kamchatka in the First Half of the XIX Century. *Russkoye naseleniye Pomorya I Sibiri (period feodalizma)*. Moscow, 1973. pp. 407–417. (In Russ.)
21. *Kvetsinskaya E.V.* Grain Trade in Verkhoturye in the 17th Century. *Torgovlya gorodov Sibiri kontsa XVI – nachala XX v.* Novosibirsk, 1987, pp. 68–85. (In Russ.)
22. *Rezun D.Ya., Besedina O.N.* Urban Fairs in Siberia in the XVIII – First Half of the XIX Centuries. *Yarmarki Zapadnoy Sibiri*. Novosibirsk, 1992, 157 p. (In Russ.)
23. *Nosova E.A.* Grain Trade in the Tobol'sk Province (the Second Half of the XIX Century). *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri*. Barnaul, 1997, issue 2, pp. 82–98. (In Russ.)
24. *Ivonin A.I.* Odborsk. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i komertsii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 107–108. (In Russ.)
25. *Vilkov O.N., Rezun D.Ya., Skubnevskiy V.A.* Yakutsk. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i komertsii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 450–452. (In Russ.)
26. *Zakharov V.P.* Fur Trapping and Trade in Yakutia (Late XIX – Early XX Century). Novosibirsk, 1995, 137 p. (In Russ.)
27. *Kushnareva M.D.* The Contribution of the Merchants Kushnarevs to Economical Development and Social Life of Yakuts at the Beginning of the XX Century. *Sibirskiy gorod XVIII–XIX vekov*. Irkutsk, 2015, issue X, pp. 95–111. (In Russ.)
28. *Men'shikov, V.N.* Chernyakovskiy Nikolay Maksimovich. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i komertsii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 395. (In Russ.)
29. *Razgon V.N.* State Regulation of Grain Trade in the Second Half of the XVIII – the First Half of the XIX Century. *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri*. Barnaul, 1997, issue 2, pp. 5–19. (In Russ.)
30. *Shanin V.Ya.* Yeniseysk Chronology. Krasnoyarsk, 2011, 448 p. (In Russ.)
31. *Nosova E.A.* Grain and Provision Stores in the Post-Reform Western Siberia: types, methods of fulfillment, functions. *Sovremennoye istoricheskoye sibirevedenie XVIII – nachala XX v.* St.-Petersburg, 2010, issue 3, pp. 35–43. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160303
УДК 947 (571.1)

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА НА СЕВЕР СИБИРИ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.***

Михаил Викторович Шиловский,
д-р ист. наук, профессор,
Институт истории СО РАН,
630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Статья посвящена анализу специфики политической ссылки на север Сибири в XVIII–начале XX вв. (до февраля 1917 г.). В ней выделяются следующие потоки: представители российской политической элиты периода дворцовых переворотов (конец 1720-х – 1750-е гг.); декабристы; участники восстаний 1830–1831, 1863–1864 гг. в Польше; народники; радикалы конца XIX – начала XX в., преимущественно эсдеки и эсеры. До 1870-х гг. насильственное водворение в арктическую зону политических преступников осуществлялось sporadически. В последующие годы этот процесс приобрел массовый и систематический характер, преследуя цель изоляции революционеров и не обрекая их физическим трудом.

Ключевые слова: политические ссыльные, северные районы Сибири, декабристы, народники, социал-демократы, социалисты-революционеры, побеги, вооруженный протест.

M.V. SHILOVSKIY

**POLITICAL EXILE TO THE NORTH OF SIBERIA:
MAIN DEVELOPMENT TRENDS IN THE XVIII – EARLY XX CENTURY**

Mikhail V. Shilovskiy,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090,
Novosibirsk National Research State University,
2, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

The 18th century Russia witnessed massive exile of political opponents and members of political elites to the empire's remote areas following their power struggle and defeat in the court intrigues. In regard to the northern areas of Siberia until the early nineteenth century such exile was selective and preventative; for the majority of the repressed persons it ended in the exiles' deaths (A.D. Menshikov, A.G. Dolgorukiy, M.G. Golovkin, K.A. Mengden et al.). The area under study had virtually never been used as a place of exile for the Decembrists and participants of the Polish uprising in 1830-1831. Since 1860s the exile to the North became relatively massive, although it had its limitations in terms of the number of exiles who were to serve the sentence. Exile was used for the Narodniks, participants of the 1863 Polish uprising, Social Democrats, Socialist Revolutionaries, anarchists, members of the radical ethnic organizations. In the Yakutsk Oblast deportation of "politicals" was punitive in character. The most radical means of the political exiles' struggle against the political regime and custodial conditions were escapes and armed protests the last of which (Turukhansk revolt in late 1908 – early 1909) turned into a robbery and armed conflict. Exile to the Arctic zone was aimed at isolation of revolutionaries without burdening them with manual labor.

Key words: political exiles, northern areas of Siberia, the Decembrists, the Narodniks, social democrats, Socialist Revolutionaries, escapes, armed protest.

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума РАН 1.32П «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект № 44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Ссылка, используемая властью как принудительное удаление бессрочно или на определенный срок лиц из мест совершения правонарушений, осужденных или признанных в административном порядке в совершении уголовных и политических преступлений, берет отсчет в Сибири с конца XVI в. По характеру отбывания она подразделялась на каторжные работы, поселение и водворение. При абсолютном преобладании среди ссыльных уголовников, в советской историографии политические преступники стали главным объектом исследований. Однако, «надо подчеркнуть и то, что история политической ссылки в Сибири далека от завершения, – констатирует ведущий специалист в области историографии изучаемого явления А.А. Иванов. – До сих пор нет обобщающего исследования пребывания и деятельности ссыльных революционеров в масштабах всей Сибири... Считаем также, что именно сегодня, в условиях, когда историческая наука освободилась от прошлых идеологических наслоений (обретая, впрочем, новые), есть все условия для подлинного изучения, например, ссылки большевиков, их отношений с представителями других партий, роли в местном общественно-опозиционном движении» [1, с. 3].

Неравномерно на этом фоне выглядят результаты исследований политической ссылки в избранных хронологических рамках в арктической зоне Азиатской России – Березовский и Сургутский уезды Тобольской губернии, Туруханский край (северная часть Енисейского уезда), Енисейской губернии, Киренский и Верхоленинский уезды Иркутской губернии и Якутской области. Исходя из имеющихся наработок, попытаемся выявить общие тенденции в эволюции политической ссылки в XVIII–начале XX в. в перечисленных выше территориально-административных образованиях.

Особенности ссылки на север региона в течение XVIII – начала XX вв. заключались в ее относительной малочисленности. Согласно сведениям В.И. Федорова, в 1911 г. по сравнению с 4733 отбывавшими наказание в Якутской области, в том числе 420 политическим (8,8 %), в Иркутской губернии их числилось 55 536, а в Енисейской – 45 545 чел. [2, с. 228, 229]. Полярная зона с незначительной плотностью населения, к тому же преимущественно «инородческого», не могла содержать значительную по численности массу отбывающих наказание. Другой особенностью изучаемой территории явилось отсутствие каторги, здесь не было необходимости в массовом использовании каторжного (принудительного) труда. Единственным исключением стал в XVIII в. Охотск, где в морском порту на погрузочных работах, верфи, выварке соли из морской воды использовался труд каторжан.

Первоначально, особенно в первой половине XVIII в., в период дворцовых переворотов на север в ссылку определяли представителей высшей российской политической и военной элиты. Летом 1728 г. из Тобольска в г. Березов отправилось «потаенное судно», на котором под охраной 20 солдат, двух урядников во главе с капитаном Миклошевским находилась

семья некогда всесильного князя А.Д. Меньшикова. Сам Александр Данилович скончался 12 ноября 1729 г. Через месяц его участь разделила дочь Мария. Дочери Александре и сыну Александру разрешили жить вне острога в своем доме. На их содержание отпускалось по 2 руб. в день. После вступления на престол Анны Иоанновны они возвратились в Петербург.

Вслед за Меньшиковыми в Березов в 1730 г. отправилась семья князя А.Г. Долгорукого. Ее глава с женой вскоре умерли. В 1738 г. подьячий Березовского острога Тишин обвинил старшего сына князя – Ивана в произнесении нескромных речей в адрес императрицы и Э.И. Бирона, после чего князя вывезли в Новгород и, подвергнув пыткам, колесовали. Сопровождавших его в ссылке дворовых людей (31 чел.) этапировали на каторгу в Охотск. Расправились и с сыновьями Ивана: Алексея отправили на Камчатку матросом, Николая и Александра наказали кнутом и урезанием языка – первого сослали в Охотск, второго на Камчатку. Дочерей разослали по сибирским монастырям. После воцарения Елизаветы в 1740 г. оставшихся в живых Долгоруких вернули в Петербург. Последним высокопоставленным ссыльным в Березове стал вице-канцлер А.И. Остерман, скончавшийся здесь в 1747 г.

Особое место в системе сибирской ссылки в XVIII в., как говорилось выше, занимал Охотск, выполнявший роль перевалочной базы с материка в русские владения в Америке. Высочайшим указом от 10 мая 1731 г. первому командиру Охотского порта предписывалось «...заселить Охотск, с учреждением при нем верфи и пристани и отправить туда на поселение неоплатных должников вместо каторги с распределением их в прежнее сословие», т.е. причислив купцов в купцы, мастеровых в мастеровые и т. д. В том же году их прислали 153 чел. [3, с. 20]. В Охотске с февраля по сентябрь 1741 г. отбывал каторгу «в вечной работе под крепким караулом» наказанный кнутом за участие в заговоре А.П. Волынского обер-прокурор Сената генерал-майор Ф.И. Соймонов. В 1757–1763 гг. он в чине тайного советника являлся сибирским губернатором.

Первыми командирами Охотского порта стали лишенные по приказу князя А.Д. Меньшикова в 1727 г. чинов, дворянства, наказанные кнутом и высланные в Жиганское зимовье Якутского уезда генерал-майор, обер-прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев и петербургский генерал-полицмейстер, граф А.М. Девьер. Сенатским указом от 29 апреля 1731 г. «Григорий Скорняков-Писарев, который сослан в Сибирь на поселение, и находящейся в Жиганском зимовье, определен в Охотск с тем, чтобы он имел главную команду над тем местом». Через 8 лет 13 апреля 1739 г. императрица Анна Иоанновна предписала отбывающему ссылку Девьеру: «...По прибытии в Охотск сменить Писарева. И поступать по всем его инструкциям. А Писарева по смене, держать под арестом». В декабре 1741 г. уже императрица Елизавета освободила Скорнякова-Писарева из ссылки, а по его прибытии в Петербург в апреле 1743 г. возвратила ему звание, орден и имения. В отношении Девьера в декабре 1741 г.

последовал аналогичный указ, а в феврале 1743 г. ему вернули чин генерал-лейтенанта, графское достоинство и должность генерал-полицмейстера. Кроме Охотска, в Якутии в Среднеколымске находился в ссылке и скончался (1744–1755) вице-канцлер, граф М.Г. Головкин, а в Нижнеколымске – президент Коммерц-коллегии, барон К.Л. Менгден.

Следующей более массовой группой политических ссыльных стали декабристы. Из 124 отправленных в Сибирь 113 принадлежали к дворянскому сословию, военными являлись 105 чел. [4, с. 466]. Уже в первой партии прибывших в конце августа 1826 г. в Иркутск осужденного на поселение Н.Ф. Заикина отправили в Гижигинск. К концу 1826 г. в Якутск, помимо него, доставили А.Н. Андреева 2-го, А. В. Веденяпина 1-го, Н. С. Бобрищева-Пущина 1-го, М.А. Назимова, Н.А. Чижова, С.А. Краснокутского. Сюда же в 1827 г. прибыли А.А. Бестужев-Марлинский и М.И. Муравьев-Апостол. По отбытию сокращенного до года срока каторжных работ в Забайкалье в июне 1828 г. в Якутии оказался З.Г. Чернышев. Впрочем, пробыли они здесь недолго: Веденяпин через два месяца, Заикин и Назимов через пять переводятся в Иркутскую губернию. То же произошло с Бобрищевым-Пушкиным весной и Краснокутским осенью 1827 г., перемещенными в Енисейскую губернию, соответственно в Туруханск и Минусинск. Бестужева-Марлинского и Чернышева в 1829 г. отправили на Кавказ для зачисления рядовыми. Через полгода в июне 1829 г. из Виллойска в Омскую область переехал на поселение Муравьев-Апостол. В августе 1831 г. Андреева 2-го переназначили в Верхнеудинск, но по пути он остановился в Верхоленске Иркутской губернии у поселенного там после каторги декабриста Н.П. Репина, и оба сгорели в ночном пожаре. В январе 1832 г. император Николай I разрешил переселиться в Александровский Завод Чижову. Такие послабления, на мой взгляд, объясняются ходатайствами родственников и слабостью административных органов на далекой окраине, которые были не в состоянии организовать наблюдение за ссыльными.

Отдельная история связана с отбыванием наказания сыном крестьянина-католика П.Ф. Выгодским (Дунцовым), который после каторги в 1828 г. был отправлен на поселение в г. Нарым Томской губ. В 1854 г. «заслушание и дерзость против местного начальства» его заключают в Томский тюремный замок и приговаривают к наказанию плетью, от которого освобождают по манифесту о вошестве на престол Александра II, и ссылке на поселение в Восточную Сибирь (Виллойский округ Якутской области). Здесь он получил послабление, и, будучи приписан к Нюрбинскому крестьянскому селению, вплоть до перемещения в 1871 г. в с. Урик Иркутской губернии проживал в г. Виллойске.

В Западной Сибири в г. Сургуте ссылку отбывал член Общества соединенных славян поручик А.И. Шахирев, скоропостижно скончавшийся от паралича сердца в мае 1828 г. «во время нахождения на птичьем промысле». Сюда же по отбытию каторжных работ

в апреле 1828 г. прибыл бывший полковник В.К. Тизенгаузен, через год переведенный в Ялуторовск. Сравнительно недолго отбывали ссылку в г. Березове А.В. Ентальцов (с июня 1828 по конец 1829 г., по ходатайству сестры переведен в Ялуторовск), И. Ф. Фохт (с января 1828 г. до конца 1829 г., переведен в Курган), А.И. Черкасов (с апреля 1828 г. до конца 1832 г., переведен в Ялуторовск).

В Туруханск был определен на поселение С.И. Кривцов (июнь 1828 г., по ходатайству матери в 1829 г. переведен в Минусинск). Здесь же отбывали ссылку с апреля 1828 г. И.Б. Аврамов и Н.Ф. Лисовский, которым в 1831 г. разрешили заниматься торговлей в пределах Туруханского края и совершать поездки для закупки хлеба и других товаров в Енисейск. Аврамов скончался в 1840 г., следуя на судне с рыбой из Туруханска в Енисейск; Лисовский скоропостижно ушел из жизни в январе 1844 г., находясь по торговым делам за тысячу верст от Туруханска вниз по Енисею. Наиболее известным туруханским поселенцем из числа декабристов стал князь Ф.П. Шаховской, пробывший здесь с 8 сентября 1826 по 12 августа 1827 г. Имея познания в медицине, он лечил местных обывателей. Из 400 руб., присланных родственницей, «заплатил недоимку за пострадавших от неурожая крестьян в размере 370 руб.» [5, с. 145–146]. По инициативе шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа Шаховского переводят в Енисейск, где он, согласно донесению губернатора А.П. Степанова, «впал в сумасшествия» и по повелению Николая I в начале 1829 г. был доставлен для содержания в особом арестантском отделении в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, где скончался в мае того же года.

Обобщая информацию о специфике ссылки декабристов в Киренский уезд Иркутской губ., А.А. Иванов резюмирует, что ее тяготы «напрямую зависели от социального положения и материального благосостояния осужденных». В качестве примера он ссылается на А.В. Веденяпина, жившего только на пособие от казны и тщетно пытавшегося заниматься сельским хозяйством. «Иначе сложилась ссыльная жизнь декабриста князя В.М. Голицына. Его семья отправила вслед за ним в Сибирь «верного дядьку» Василия Лазова с тремя крепостными «для заботы о здоровье и облегчении участи сына». Регулярно поступала в Киренск и денежная помощь [6, с. 122–124].

На север ссылали и оппозиционно настроенных представителей казахской национальной элиты. В Березове с 1824 г. недолго находился султан Сартай Чингисов, выступавший против организации в Степном крае внешних округов. В 1851 г. сюда же препроводили сына Кенесары Касымова – султана Джафара как зачинщика беспорядков в Акмолинском округе. В 1832 г. в Западной Сибири, в том числе в Березове и Обдорске, началось размещение участников польского восстания 1831 г., но в последующем на север их не ссылали.

Следующий период истории сибирской ссылки, применительно к изучаемому региону, связан с народническим этапом освободительного движения

в России. Одним из первых после каторги на поселении в Вилюйском остроге в 1871–1883 гг. находился Н.Г. Чернышевский. Итоговых данных по количеству народников, отбывавших ссылку в северных районах Сибири, не имеется. Так, в Якутскую область, согласно подсчетам П.С. Троева, в 1870–1990-е гг. их этапировали 313 чел. [7, с. 303]. По сведениям П.Л. Казаряна, в 1871–1894 гг. в Якутию прибыло 346 политических ссыльных [8, с. 93].

Народническая ссылка отличалась массовостью, разнообразием социального (сословного) состава участников, длительностью пребывания их в местах отбывания наказания, в которых остро стояли проблемы адаптации к местным условиям, поиска оптимального варианта жизнедеятельности. Высланный на 10 лет в Среднеколымск В.Г. Богораз-Тан следующим образом характеризует хозяйственную деятельность невольных обитателей Колымы: «Было нас полсотни человек. Собак у нас было за 200. Десяток неводов. Рыбу ловили на каждого в год пудов 60, дров выставляли в общем до сотни кубов. Все своими собственными белыми руками, – кого же заставишь?... Ничего, справлялись» [9, с. 13].

Противоречивым выглядело взаимодействие ссыльных и местного населения. Например, в 1891 г. в Колымском округе насчитывалось 97 ссыльных разных категорий, большая часть которых находилась на иждивении наследов. «Ссылка эта является наказанием не для ссыльных, а для нас, ни в чем не повинных бедных инородцев Колымского округа», – писали в коллективном обращении наследные старосты в 1899 г. [10, с. 96]. Вместе с тем, среди 313 ссыльных народников Якутской области 24 % имели высшее и почти 32 % среднее образование [7, с. 303]. Они внесли большой вклад в научное изучение, врачебную помощь, развитие музейного дела, культурного досуга в местах своего пребывания.

Отдельную группу среди политических ссыльных рассматриваемого периода составили участники восстания 1863 г. в Польше. В 1863–1894 гг. только в Якутскую область их отправили 255 чел., значительное число среди них составили депортированные за проступки уже после осуждения за участие в восстании [11, с. 19]. Такой массовый «наплыв» вынудил местные власти существенно расширить географию расселения репрессированных. В частности, после прибытия 2 марта 1866 г. в Верхоянск В. Пужицкого началась история верхоянской политической ссылки. На север Западной Сибири (Березов, Сургут) поляков перемещали из более южных районов в порядке наказания за конфликты с местной администрацией, «испорченную нравственность и развратное поведение». Так, в июне 1866 г. полиции показалось подозрительным хождение ссыльных в Сургуте мимо порохового погреба, в результате всех их перевели в Березов [12, с. 38–39].

С середины 1890-х гг. среди ссыльных, в том числе в северных районах, стали преобладать социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты,

представители национальных политических объединений. Изменялись и условия распределения и содержания политических преступников. Согласно утвержденному 14 августа 1881 г. положению «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» увеличивалось число ссылаемых в Восточную Сибирь в административном порядке. По распоряжению восточносибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина от 2 мая 1882 г. окончивших сроки пребывания на Нерчинской каторге надлежало направлять на поселение в Якутскую область. 22 мая 1886 г. последовало высочайшее соизволение при рассмотрении в административном порядке дел о государственных преступлениях евреев подвергать их исключительно высылке в Восточную Сибирь и полагающийся в таких случаях максимальный пятилетний срок увеличить для них до 10 лет. В результате резко возросла роль Якутской области как места штрафной ссылки в Восточной Сибири. Указ от 12 июня 1900 г. «Об отмене ссылки на жительство и ограничение ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным» резко сократил масштабы уголовной ссылки в Сибирь, оставил ссылку по политическим преступлениям, в том числе после отбытия каторжных работ. Поэтому после 1900 г. наблюдалось стабильное уменьшение числа ссыльнопоселенцев и увеличение количества административно-ссыльных. На основании указа от 21 октября 1905 г. была объявлена амнистия всем осужденным за политические преступления, но с начала 1906 г. возобновилась ссылка по политическим мотивам.

После революции 1905–1907 гг. в Сибирь хлынул поток политических ссыльных, для размещения которых все чаще использовались северные районы. Изменился социальный состав репрессированных в плане увеличения доли рабочих, крестьян, военнослужащих срочной службы. Согласно выборочным данным в 1914–1917 гг. среди ссыльнопоселенцев преобладали рабочие – 55,7 %, доля служащих составила 35,7 %, учащихся – 3,8 %. Пролетаризация ссылки не отразилась на уровне образования ее представителей. Число лиц, имевших начальное образование, составило 56,1 %, среднее – 14,9, высшее – 5,7 % [13, с. 24; 14, с. 224]. «Революция 1905 г. коренным образом изменила количественный и социальный состав политической ссылки, – резюмирует А.А. Иванов, – на смену народнической интеллигенции и недоучившимся студентам-разночинцам пришла “масса” – рабочие, ремесленники, крестьяне» [6, с. 125].

Изменение социального состава политических преступников повлияло на характер отношений с местным населением в местах отбывания наказания в плане заметного падения влияния ссыльных революционеров. Например, прокурор Якутского окружного суда в отчете за 1909 г. констатировал: «На крестьян же и якутов они не имеют никакого влияния, напротив, своими действиями, насилиями, угрозами, часто кражами терроризируют население, которое даже боится заявить властям о причиняемых им обидах, а только

ходатайствует, чтобы поселенных к ним политических ссыльных убрал от них и новых не посылали». Прокурор Красноярского окружного суда тогда же пришел к выводу, что сконцентрированные в Туруханском крае политические ссыльные «представляют значительную опасность не с точки зрения революционной силы, а с точки зрения общеуголовных законов» [15, с. 156, 157].

Ссылка на север преследовала также цель – исключить возможность побегов осужденных из труднодоступных районов. Подобная предосторожность давала положительный результат применительно к Якутии. Например, первый раз из Верхоянска пытались убежать в 1881 г.: пятеро политических ссыльных (В.Л. Серошевский, С.Е. Лион, И.Д. Царевский, В.И. Зак, В.П. Арцыбушев) планировали, погрузив продукты на лошадь, пешком спуститься к Лене и, обойдя Якутск с запада, добраться до Ленских приисков. Но беглецы заблудились в тайге и вернулись в Верхоянск. Вторая попытка имела место в мае–июне 1882 г. Те же самые, а также Е.П. Александров и Ф.Г. Лунг, построив с помощью скопцов лодки, решили спуститься на них по р. Яне до моря Лаптевых и дальше доплыть до Берингова пролива. Дойдя до устья Яны, остановились на длительный привал, так как они не могли двигаться дальше из-за сплошного льда; здесь стали дожидаться смены ледовой обстановки. Организованная исправником погоня окружила лагерь беглецов, и они без боя сдались. До Якутска с полюса холода в июле 1904 г. удалось добраться на купленных лошадях О.И. Виннику, А.Б. Гургенадзе и З.Н. Левину. Беглецы удачно миновали все засады и были задержаны у переправы на Лене около Якутска [16, с. 91–92]. Несколько удачных побегов совершили высланные на север Тобольской губернии. В 1907 г. по пути в Обдорск из Березова с помощью местных жителей скрылся Л.Д. Троцкий. Дважды оттуда же убежал В.П. Ногин.

Помимо побегов наиболее радикальной формой протеста политических изгнанников являлись вооруженные выступления. В марте 1889 г. в Якутске, собравшись в доме Монастырева, политические ссыльные отказались выполнять распоряжение об отправке их к месту отбывания наказания в Верхоянский и Колымский округа. Произошло вооруженное столкновение. Шестеро ссыльных были убиты в перестрелке, еще троих приговорили к смертной казни через повешение. В феврале 1904 г. в Якутске вооруженные ссыльные собрались в доме Романова и 18 дней сидели в осаде, требуя улучшения своего положения в местах водворения. Имея одного убитого и нескольких раненых, они сдались и были осуждены к различным срокам каторжных работ. Последняя крупная акция относилась к рубежу 1908–1909 гг., – она получила название «Туруханский бунт». 8 декабря 1908 г. на станке Осиново 20 политических ссыльных (9 анархистов, 6 социал-демократов, один эсер, один польский социалист, двое беспартийных) начали вооруженное выступление с целью сведения счетов со

стражниками и побега по побережью Северного Ледовитого океана за границу. Продвигаясь на север, ссыльные освободили ряд заключенных, убили трех стражников, помощника станового пристава, купца. 20 декабря в Туруханске они разгромили канцелярию станового пристава, изъяли казенные деньги, сожгли богатейший архив. Впервые в своей истории Туруханский край, Березовский и Сургутский уезды объявляются состоящими на положении усиленной охраны. 5 февраля 1909 г. в Хатанге беглецов настиг специально сформированный отряд из военных и добровольцев и после короткого боя в условиях полярной ночи, в котором погибло шестеро ссыльных и четверо солдат, взял их в плен. На обратном пути четырех боевиков убили преследователи, пятерых повесили по приговору военного суда, четырех осудили на каторжные работы.

Увеличение числа высланных в северные регионы Сибири привело к образованию их колоний в Березове, Сургуте, Самарово Тобольской губернии; Осиново, Подкаменной Тунгуске Енисейской; Качуге, Киренске, Усть-Куте – Иркутской; Амге, Вилюйске, Олекминске, Якутске – Якутской области. Центрами консолидации в таких образованиях выступали общественные столовые, которые функционировали за счет 1%-го отчисления месячного заработка ссыльного, неимущие освобождались от взносов. При ней, как правило, работали пекарня и магазин с относительно низкими ценами. Демократизация состава ссыльных заставила большую часть их зарабатывать на месте средства к существованию. Работали они грузчиками, пильщиками, заготовителями рыбы, орехов. Более образованные учительствовали, писали корреспонденции в местные газеты, собирали материалы для местных музеев, оказывали медицинскую помощь населению.

Таким образом, предпринятый краткий анализ политической ссылки в арктическую зону Сибири XVIII – начала XX вв. показывает, что до 1870-х гг. насильственное водворение сюда политических преступников осуществлялось спорадически. В последующем она производилась систематически применительно к Якутской области, Туруханскому краю и северным уездам Иркутской губернии. Ссылка преследовала цель изолировать революционеров и не предусматривала обременения их принудительным трудом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов А.А. Предисловие // Сибирская ссылка: сб. науч. стат. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2009. Вып. 5. С. 3–6.
2. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). М.: Academia, 2002. Кн. 1. 328 с.
3. Болгурцев Б.Н. Командиры Охотского порта. Владивосток: Дальнаука, 2008. 184 с.
4. Перцева Т.А. Декабристы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. «Историческое наследие Сибири», 2010. Т. 1. С. 466–470.
5. Суворова С.И. Декабрист Ф.П. Шаховской в Туруханской ссылке // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 143–148.

6. Иванов А.А. Киренская политическая ссылка // Сибирский город XVIII–XX веков. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. Вып. 7. С. 120–131.

7. Троев П.С. Влияние ссылки на культурную жизнь Якутии (60–90-е годы XIX века). Якутск: ГУП «Полиграфист», 1998. 358 с.

8. Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка: учеб. пособ. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 192 с.

9. Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1991. 310 с.

10. Старостина М.И. Голова Колымского улуса Савва Тимофеевич Гуляев // Северо-Восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2012. С. 96–103.

11. Казарян П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск, 1999. 47 с.

12. Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссылных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

13. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. 190 с.

14. Щербakov Н.Н. Влияние политических ссылных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1984. 348 с.

15. Кадиков Э.Р. «Население... ходатайствует, чтоб поселенных к ним политических ссылных убрали от них и новых не посылали»: К вопросу о культурном облике политической ссылки в Сибири в начале XX века // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–начале XX века. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012. Вып. 4. С. 155–161.

16. Казарян П.Л. История Верхоянска. 2-е изд. Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2003. 206 с.

REFERENCES

1. Ivanov A.A. Foreword. *Sibirskaya ssylka: Sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2009, issue 5. pp. 3–6. (In Russ.)

2. Fyodorov V.I. Yakutia in the Era of Wars and Revolutions (1900–1919). Moscow: Academia, 2002, Book 1. 328 p. (In Russ.)

3. Bolgurtsev B.N. The Commanders of Okhotsk Port. Vladivostok: Dalnauka, 2008, 184 p. (In Russ.)

4. Pertseva T.A. Decembrists in Siberia. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Izdatelskiy dom «Istoricheskoye nacleidiye Sibiri», 2010, vol.1, pp. 466–470. (In Russ.)

5. Suvorova S.I. Decembrist F.P. Shakhovskoy v Turukhanskoy ssylke. *Dekabristy i Sibir*. Novosibirsk: «Nauka». Sibirskoye otdeleniye, 1977, pp.143–148. (In Russ.)

6. Ivanov A.A. Kirenskaya politicheskaya ssylka. *Sibirskiy gorod XVIII–XX vekov*. Irkutsk: «Ottisk», 2010, vyp.7, pp.120–131. (In Russ.)

7. Troyev P.S. The Narodnik Exiles' Influence on the Cultural Life of Yakutia (1860s–1890s). Yakutsk: GUP «Poligrafist», 1998, 358 p. (In Russ.)

8. Kazaryan P.L. Yakutsk Political Exile. Training Aide. Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1999, 192 p. (In Russ.)

9. Vladimir Germanovich Bogoraz-Tan and the North-East. Magadan: Magadanskoye kn. izd-vo, 1991, 310 p. (In Russ.)

10. Starostina M.I. Head of the Kolymskiy Ulus Savva Timofeyevich Gulyaev. *Severo-Vostok Rossiya na rubezhe XIX–XX vekov: vlast' i obshchestvo*: Materialy Vseros. Nauch.-praktich. Konf. Yakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2012, pp.96–103. (In Russ.)

11. Kazaryan P.L. Number and Composition of Participants of the Polish Uprising of 1863–1864 in the Yakutsk Exile. Yakutsk, 1999. (In Russ.)

12. Mulina S.A. Involuntary Migrants: Adaptation of the Exiled Participants of the Polish Uprising of 1863 in Western Siberia. SPb.: Aleteya, 2012, 200 p. (In Russ.)

13. Khaziakhmetov E.Sh. Siberian Political Exile 1905–1917. Tomsk: Izd-vo Tomsk. Gos. Un-ta, 1978, 190 p. (In Russ.)

14. Shcherbakov N.N. Influence of the Political Exiles – Proletarian Revolutionaries on the Cultural Life in Siberia (1907–1917). Irkutsk: Izd-vo Irkutsk.gos.un-ta, 1984, 348 p. (In Russ.)

15. Kadikov E.R. «People... petition that political exiles who have been lodged in their houses be removed and never sent to them again»: On the Question of Cultural Image of Political Exile in the Early XX Century. *Khozyaystvennoye i kulturnoye razvitiye Urala i Sibiri v XIX – nachale XX veka*. Tomsk: Izd-vo gos. arkhит.-stroit. un-ta, 2012, vyp.4, pp.155–161. (In Russ.)

16. Kazaryan P.L. Istoriya Verkhoyanska. 2nd ed, Yakutsk: YaF Izd-va SO RAN, 2003, 206 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160304
УДК 94(571.1)»18»(093)

Н.П. МАТХАНОВА

ЗАПИСКИ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ ОБ ИЗУЧЕНИИ И ОСВОЕНИИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СИБИРИ В XIX В.*

Наталья Петровна Матханова,
д-р. ист. наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматриваются мотивы, задачи, содержание и значение исследовательской деятельности и мемуарного творчества православных священников, находившихся на северных территориях Сибири и/или посещавших их, для изучения и ментального освоения, прослеживается инкорпорация аборигенов в общероссийское политическое и культурное пространство. Основными источниками послужили более 50 воспоминаний, дневников, путевых записок духовенства, использовались и другие эго-документы – письма и те официальные отчеты, в которых ярко выражено авторское начало. Сделан вывод о том, что многие наблюдения географического и этнографического характера священников и миссионеров, собранные ими исторические сведения обогатили науку XIX в. и сохранили свое значение до настоящего времени.

Ключевые слова: Арктика, ментальное освоение и изучение Севера, Русская Православная Церковь, духовенство, история Сибири XIX в., мемуаристика.

N.P. MATKHANOVA

NOTES OF ORTHODOX PRIESTS ON THE STUDY AND DEVELOPMENT OF THE NORTHERN TERRITORIES OF SIBERIA IN THE XIX CENTURY

Nataliya P. Matkhanova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History, SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: istochnik_history@mail.ru

The development of northern territories of Siberia included the study of nature and local population, settlement, economic growth, integration of aboriginals into the Russian society. Russian Orthodox priests greatly contributed to the study and development of the northern territories of Siberia. The present article characterizes motives, objectives, content and significance of research activities as well as memoirs of the Orthodox priests who lived in the northern territories of Siberia or visited them in order to study or mentally develop these areas, and to incorporate aboriginals into the Russian political and cultural space. Basic historical sources include more than 50 memoirs, diaries, travel notes of the clergymen. The author also used some other ego-documents – letters and some official reports vividly conveying the author's personality.

The primary goal and content of the clergy's activity was to preach Christ, to strengthen the faith of the baptized and to convert the unbaptized, although there were many people who along with performing their primary duty greatly contributed to the education of the peoples of the North, establishment of schools, translation work, training of priests of aboriginal descent, acquainting them both with the Christian and European cultures. Notes of the missionary journeys for the most part contain information about the geography, numbers and settlement of local population (including indigenous peoples), its material culture, way of life – morals, customs, traditions, trades, dwellings, clothes, norms of common law, religious beliefs etc. The study led to the comprehension of "the other", its inclusion into their own world and mental acquisition.

Notes of the priests contain key geographical, ethnographic, statistical, linguistic, and historical data. These data are even more important for understanding the sociocultural image of the authors – clergy of the Russian Orthodox Church, the significance of their research, educational and general civilizing activities in the North of Siberia. The author suggests that the undoubted success of aboriginals' incorporation into the Russian civilizational space was to a large extent due to the accomplishments of missionaries in the course of their scientific, cultural and religious activities.

Key words: Arctic, mental acquisition and development of the North, Russian Orthodox Church, clergy, history of the 19th century Siberia, memoirs.

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Понятие «освоение» является многосложным. В словаре В.И. Даля, зафиксировавшем значение слова «освоить» в XIX в., оно означает «сделать своим, ... обычным, обиходным» [1, с. 694]. В современном русском языке наряду с распространенным значением «включить в круг своей хозяйственной деятельности» есть и такое – «постичь что-либо» [2, с. 644]. Освоение северных территорий Сибири осуществлялось в течение нескольких столетий и все еще не может считаться законченным. Оно включало в себя изучение природы и местных жителей, заселение территории, развитие экономики, интеграцию аборигенов в российский социум. Огромную роль в изучении и освоении северных территорий Сибири сыграли не только путешественники, ученые, моряки, казаки, офицеры, чиновники, крестьяне, предприниматели, но и священники Русской православной церкви. История миссионерской и просветительской деятельности северных православных миссий Сибири освещалась в ряде трудов, историография вопроса представлена в основательных статьях И.Л. Маньковой [3] и И.И. Юргановой [4]. В настоящей статье характеризуются мотивы, задачи, содержание и значение исследовательской деятельности и мемуарного творчества православных священников, находившихся на северных территориях Сибири и/или посещавших их для изучения и ментального освоения, инкорпорации аборигенов в общероссийское политическое и культурное пространство. Основными источниками послужили 50 с лишним воспоминаний, дневников, путевых записок духовенства, использовались и другие эго-документы – письма и такие официальные отчеты, в которых ярко выражено авторское начало.

Церковь и государство в Сибири решали задачу закрепления крайних территорий за Российской империей и инкорпорации их населения в политическое, экономическое, социальное, культурное и конфессиональное пространство страны. Сохранял свое значение «основной принцип союза церкви и государства... принцип общности интересов и взаимной поддержки» [5, с. 8]. Тесное взаимодействие было естественной и обязательной частью политики и повседневной деятельности государственных и церковных структур, но в XIX столетии, как и ранее, приоритеты в этом процессе у двух сотрудничающих институций были различны [6; 7]. Глубокая мысль А.В. Ремнева о конкуренции православного миссионерства и «расширительного толкования русскости» в качестве «культурообразующего компонента русского национализма» [8, с. 118], справедливая для Дальнего Востока, вряд ли соответствует ситуации на Севере. Вывод И.И. Юргановой о том, что «в условиях Якутии миссионерская деятельность православной церкви стала первоначальным элементом инкорпорации северных народов в состав государства» [9, с. 98], можно с известными коррективами отнести и ко всему Северу Сибири.

Северные территории Сибири находились в рамках нескольких епархий Русской Православ-

ной Церкви – Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской (в 1731–1852 гг.), Камчатской и Якутской (с 1870 г.) [10]. Служившие здесь приходские священники и миссионеры имели разный культурный и образовательный уровень, интересы и склонности, усердие и прилежание. Биографии и творчество таких известных духовных лиц и ученых, как А.И. Аргентов, Д.В. Хитров, впоследствии епископ Дионисий, иркутский архиепископ Нил (Исакович), якутский епископ Иаков (Домский), освещены в энциклопедиях, многочисленных научных, публицистических и литературных сочинениях.

Основной целью и содержанием всей деятельности духовенства были проповедь христианства, укрепление в вере крещеных и христианизация некрещеных, однако среди иерархов, многочисленных священников и миссионеров, служивших в северных округах сибирских епархий, было немало людей, которые, помимо исполнения своих прямых обязанностей, внесли серьезный вклад в просвещение жителей Севера, в его изучение и описание в путевых записках, дневниках, письмах, отчетах. Исследование вело к узнаванию «другого», включению его в свой мир, ментальному освоению.

Огромную роль в изучении и ментальном освоении северных территорий Сибири сыграл выдающийся ученый, церковный и государственный деятель св. Иннокентий (Вениаминов). В частности, очень важными для миссионеров и духовенства были его требование знания родного языка аборигенов главами епархий и миссионерами, а также его личный пример, сочетание в его трудах религиозной и научной составляющих. И он, и некоторые другие главы епархий требовали от священников и миссионеров вести дневники, изучать местность, языки, жизнь и быт аборигенов. Архиепископ Нил, отправивший Д.В. Хитрова в Якутск, дал ему инструкции, как «во все время пути вести путевой журнал» [11, № 1, с. 32]. Им же, вероятно, определены и форма записей в виде таблицы, и их содержание – маршруты, даты, расстояния, пункты остановки, содержание миссионерских собеседований и количество присутствующих, совершаемые требы, а также описание обычаев и нравов слушателей. Став якутским епископом, сам Дионисий просил чукотского миссионера И.А. Неверова «писать о чукчах и местности», вести дневник, посылал ему «бумагу, карандаши и стальные перья» [12, с. 310]. Енисейский епископ Никодим (Казанцев) требовал от миссионеров Туруханского края: «Всякая поездка должна быть описана в подробностях» [13, с. 20]. Такая же практика существовала и в Обдорской духовной миссии, действовавшей на севере Тобольской епархии. Со временем она превратилась в норму [14].

Требования церковного начальства и пример духовных авторитетов стали одними из причин, толкавших священников к созданию записок и исследованиям. Значимыми мотивами был и личный интерес, склонность к научному труду, влияние распространенной и даже модной темы изучения природы, есте-

ственных наук. Именно такие мотивы характерны для епископа Иакова (Домского). Он был образованным человеком – закончил Петербургскую духовную академию, стал магистром богословия, много читал, в том числе популярные книги по естественнонаучной тематике: «История труда. Природа и человек» Ф. Фуку (1872 г.), «Геологические картины» Б. Котта (1859 г.), «Земля. Описание жизненных явлений земного шара» Э. Реклю (1872 г.), «Геология. Общий курс лекций» проф. А.А. Иностранцева (1887 г.) и даже «Введение в науку. Руководство к пониманию природы и ее явлений» Т.Г. Гексли (1880 г.). Эти труды и имена названы им в «Якутских епархиальных ведомостях» [15, № 14, с. 220, 222].

Иркутский архиепископ Нил ощущал себя не только архипастырем, но и исследователем, и писателем. Он был одним из первых церковных деятелей, создавших подробные тексты, посвященные Сибири вообще и Якутии в частности. По его представлению Синод принял решение об образовании самостоятельного прихода на Чукотке. Еще в 1850 г. Нил разослал всем священнослужителям Иркутской епархии приглашение к участию в деятельности Географического общества, он же поручил А.И. Аргентову вести метеорологические наблюдения, а Д.В. Хитрову (и, вероятно, не ему одному) – дневники.

Для енисейского епископа Никодима (Казанцева) ведение дневников стало привычкой, неотъемлемой частью жизни. Среди них были глубоко интимные, посвященные внутренней духовной жизни, и другие, рассчитанные на обнародование и/или использование для публицистических и литературных статей. В очерке «Туруханский край» в типичной для Никодима пессимистической манере освещается природа, местность, население, управление, состав и облик аборигенов, их образ жизни, занятия. Основная идея раздела «Об инородцах» – изобличение вредного влияния русских, главным образом чиновников и купцов на аборигенов: «Русские научили их... пить водку, предаваться распутству», использовать на охоте огнестрельное оружие, что увеличило потребность в деньгах [16, № 1, с. 23, 24]. В таком же сугубо негативном ключе описаны бедность и зависимость от чиновников духовенства, положение Туруханского Троицкого монастыря, который «едва дышит» [16, № 3, с. 23]. Им сделан важнейший вклад в культурную сокровищницу Русского Севера – в с. Назимове приобретена рукопись «Повести о Блаженном Василии Мангазейском и о начале Туруханского Троицкого монастыря» и опубликован ее текст [17].

А.И. Аргентов прославился и как миссионер, и как исследователь Чукотки и ее обитателей, и как мемуарист. Его дневниковые записи и путевые записки легли в основу статей и других публикаций, содержащих новую информацию о растительном и животном мире Чукотки, ее климате и географических особенностях. Член Русского географического общества, он оставил подробные сведения о материальной культуре, быте и нравах чаунских чукчей, юкагиров

и ламутов (эвенов). Его выдающиеся научные сочинения по истории и этнографии народов Северо-Востока Сибири были высоко оценены учеными. В 1879 г. ИРГО наградило Аргентова серебряной медалью [18, с. 172–173; 19, с. 32–33].

В путевых записках большинства миссионеров приводятся сведения о географии, о численности и расселении местного, в том числе аборигенного, населения, его материальной культуре, образе жизни – нравах, обычаях, традициях, занятиях, жилищах, одежде, нормах обычного права, религиозных представлениях и т.п. Это характерно и для А.И. Аргентова, и для священников Обдорской миссии П. Попова, Туруханской – М.И. Сулова (архимандрита Макария) и др. Задачи и мотивы исследовательской деятельности были обусловлены миссионерскими целями, но нередко миссионеры осознавали значение своих заметок этнографического характера для науки. Как правило, более ценными оказываются наблюдения людей, долго прослуживших в одной этнической группе и знавших язык. У многих заметно следование научному дискурсу, который все больше проникал во вторую половину столетия в церковные издания. В ряде текстов есть особенности, отражающие личные интересы авторов. В записках Нила (Исаковича) о поездке в Якутск особое внимание уделяется наблюдениям геологического и минералогического характера. Иакова (Домского) интересовала палеонтология и т.п. Уроженцем Якутии (г. Жиганска) протоиереем М. Винокуровым описан знакомый ему с детства старинный храм – ветхий, но «хорошей архитектуры», с замечательной живописью и богатой ризницей [20, с. 265].

Неотъемлемой частью всей деятельности РПЦ было просвещение в смысле обучения грамоте, создания школ, а затем и училищ – вплоть до семинарий и женских епархиальных училищ. В работах по истории православия в Сибири не раз отмечалось, что «именно с деятельностью церковных учреждений связано появление первой школы, первой книги на якутском языке, первой газеты» [21, с. 5]. Важнейшим результатом стала и подготовка священнослужителей из числа коренного населения, приобщение его не только к христианской, но и к европейской культуре [22; 23; 24]. Серьезное просветительское значение имела деятельность глав Якутской епархии [25; 26].

В записках духовенства отражены и сведения о ходе решения этой задачи, и понимание ее смысла. Священник Обдорской походной церкви А. Тверитин писал: «Грамотность... в деле просвещения инородцев – самое первое и необходимое условие, они до тех пор пробудут в грубом и невежественном состоянии и никогда не поднимутся вперед, пока дети их не будут грамотны» [27, с. 67]. Благочинный церковью Березовского округа И.С. Голошубин утверждал: для успеха миссии «нужна постепенная подготовка инородцев к восприятию учения св. церкви, нужны и люди, которые могли бы сердечно полюбить это дело. Вопрос о специальной инородческой школе становится де-

лом первостепенной важности» [28, № 5, с. 93]. Глава местного прихода П. Попов в 1882 г., подводя итоги своей службы, констатировал: «... в Березовском округе весьма ощутителен недостаток образованного духовенства, которое из других уездов Тобольской губернии никакими средствами привлечь нельзя. Одно только туземное, родившееся здесь, может быть пригодным для образования инородцев этого края, знакомое с детства с суровостью здешнего климата, языком, а отчасти и образом жизни инородцев, яснее будет [со]знавать цель и побуждения, потребность образования и необходимость его для блага спасения своих сородичей» [27, с. 158]. Даже сами «инородцы» понимали, что миссионер должен знать их язык. Священник Обдорской миссии И. Платонов записывал в 1867 г.: «Некоторые из инородцев, и крещенные также, оскорблялись тем, что я очень мало могу говорить сам на их наречии, а говорю через толмача» [27, с. 57].

Особое место и в жизни, и в сочинениях епископа Дионисия занимает организованный им по настоянию св. Иннокентия перевод религиозных книг на якутский язык и связанные с этим занятия лингвистического характера. Обращение к его мемуарным текстам позволяет увидеть многие моменты, не отраженные или недостаточно отраженные в официальной биографии. В «Автобиографических записках» переданы слова св. Иннокентия: «... заклинаю употребить все силы и старания для перевода священных книг на местный язык». Молодой священник попытался было отказаться, ссылаясь на свою неподготовленность, но решающую роль сыграл случай, когда ему надо было исповедовать умирающего якута, который отказывался воспользоваться услугами переводчика [29, № 5, с. 149, № 6, с. 176]. В 1849 г., т.е. через 9 лет после приезда в Якутию, Хитров уже хорошо знал язык: встретив М.С. Корсакова и желая помочь молодому штабс-капитану, он «написал в книжку несколько выражений на якутском языке, через которые он мог бы сообщать свои требования якутам» [11, № 2, с. 131]. Так переводческая деятельность священника оказалась полезной для нужд администрации. В 1850 г. Хитров отмечал уже, что «на якутском языке учил» прихожан «читать молитву» [30, с. 19]. А.И. Аргентов составил первый словарь чукотского языка [18; 19], П. Попов, проживший в Обдорске более 20 лет, составил «остяцко-самоедско-русский словарь» и «самоедскую азбуку» [23, с. 92] и писал о работе над словарем в своем путевом журнале [27, с. 61]. Священник Туруханского края М.И. Суслов составил «большой словарь тазовских остяков (селькупов), на котором он вел церковные службы»¹.

Якутский епископ Иаков утверждал, что «потребность школ и образования... особенно ощутительна в северных окраинах области, для населения, угнетенными страшными нуждами» [31, № 2, с. 22]. Свои

путевые записки епископ в просветительских целях публиковал в «Якутских епархиальных ведомостях». Важным условием просвещения народа он считал образование духовенства – «просветителей народа», причем на высоком уровне, так как «кроме ревности о благе народа, нужна психология, – проникательность, постижение его нужд и средств к облегчению их» [15, № 19, с. 299]. Для Иакова действия церкви связаны с просвещением, с преподаванием русского языка. Он писал: «Политическое значение его состоит в объединении народностей наших и в частности инородцев якутов, с Россией в одно государственное стройное тело посредством письменных произведений и разговорного слова» [31, № 2, с. 23].

Из записок Иакова видна и его самоидентификация как исследователя, ученого, философа, учителя, писателя и проповедника. В заключении к «Путешествию по Лене» прямо указано, что оно написано «с предвзятою целию – содействовать просвещению страны» и должно послужить «занимательным уроком, серьезно напоминающим о необходимости улучшения жизни, грамоты и выхода из юрты. Пусть же оно принесет свою долю добра в общую сумму просветительных действий ко благу населения!» [15, № 19, с. 300]. Записки ведутся для памяти и последующего использования: «В дороге встречается множество любопытных явлений, и каждое явление представляется с такою ясностию, что кажется не выйдет из ума, на деле же скоро вытесняется другими впечатлениями и забывается» [15, № 6, с. 93]. Уверенно предсказывает он «великую будущность» краю, которая обеспечена «богатством минерального и животного царства, необъятностию лесов, залежами каменного угля, обширными складами дорогой мамонтовой кости и направлением судоходных рек в Ледовитое море» [15, № 14, с. 223–224]. Главное же – «почувяв выгоды, связанные с открытым путем чрез Карские ворота и Вайгачский пролив, люди восторжествуют над опасностями морского пути и не упустят из виду ожидаемой прибыли... Кратчайший водный путь торговый из Европы в Азию; обмен мануфактурных изделий на минеральные сокровища наши; сбыт сибирских лесов в Европу, истощенных там кораблестроением и развитием железных дорог... Но какими средствами будут побеждены опасности и препятствия, соединенные с проходом в Карские ворота, не всегда свободные от льдов, притом в самое короткое лето? Средствами, указанными современной наукой, – телеграфом и пароходством. На островах и по берегам материков учредятся обсерватории, проведут телеграф, сообщающий о проходе льда, и нагруженные товарами пароходы и суда двинутся в Сибирь и обратно» [15, № 18, с. 286–287].

Таким образом, записки священников представляют незаменимый исторический источник. Они содержат ценнейшие сведения географического, этнографического, статистического, лингвистического и исторического характера. Еще важнее они для понимания социокультурного облика самих авторов – служителей Русской Православной Церкви, значения их

¹ Власенко Т.А. Служил Богу и Отечеству. URL: http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/179 (дата обращения: 06.05.2016).

исследовательской, просветительской и общецивилизационной деятельности на Севере Сибири. Можно предположить, что решительные успехи в инкорпорации аборигенов Севера Сибири в российское цивилизационное пространство во многом были обусловлены достижениями научной, культурной и религиозной деятельности миссионеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1980. Т. 3. 779 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2. 736 с.
3. Манькова И.Л. История православия на севере Западной Сибири в современной историографии // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 61–73.
4. Юрганова И.И. Русская православная церковь в Якутском крае в отечественной историографии (XVII – нач. XX в.) // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2015. Т.11. С. 115–125.
5. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест крестьян-старобрядцев Урала и Западной Сибири и борьба с ним в XVIII в. Новосибирск, 1974. 394 с.
6. Зольникова Н.Д., Покровский Н.Н. Русская православная церковь // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 788–794.
7. Матханова Н.П. Взаимоотношения представителей светской и церковной администрации Восточной Сибири в XIX веке // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. / серия «Археография и источниковедение Сибири». Новосибирск, 2015. Вып.33. С. 172–184.
8. Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146.
9. Юрганова И.И. Православный приход в Якутии (XVII – начало XX в.) // Российская история. 2014. № 3. С. 97–111.
10. Дулов А.В., Санников А.П. Иркутская и Ангарская епархия РПЦ // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 648–649.
11. Путевый журнал Якутской походной Николаевской церкви священника Димитрия Хитрова с 12 апреля по 1 мая 1849 года // Уфимские епарх. ведомости. Неофиц. часть. 1903. № 1. С. 31–42; № 2. С. 126–132.
12. Дионисий (Хитров Д.В.). Письма чукотскому миссионеру священнику Иоанну Неверову (1871 – 1877 гг.) // Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще. Тверь, 2013. Т. 1. 573 с.
13. Выдрин Е.В. Походные церкви на севере Сибири во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения: материалы 8-й научной конференции. Горно-Алтайск, 2009. С. 19–24.
14. Землякова Н.А. Священник-миссионер в Сибири: идеал и реальность (по материалам религиозной периодической печати второй половины XIX – начала XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 98–101.
15. Иаков (Домский И.П.). Путешествие по Лене // Якутские епархиальные ведомости. –1887. № 12. Неофиц. отдел. С.187–192; № 13. С. 199–205; № 14. С. 219–223; № 15. С. 236–239; № 16. С. 249–252; № 17. С. 263–266; 1888, № 1. С. 7–8; № 2. С. 25–28; № 3. С. 39–41; № 4. С. 53–58; № 5. С. 69–76; № 6. С. 87–95; № 7. С. 103–106; № 8. С. 123–128; № 10. С. 153–155; № 14. С. 218–223; № 18. С. 283 с 288; № 19. С. 295–300.
16. Никодим (Казанцев Н.И.) Туруханский край // Енисейские епархиальные ведомости. 1908, № 10. С. 29–32; 1909, № 1. С. 22–24, № 2. С. 21–24, № 3. С. 23–24 (публ. А.С. Богданова).
17. Повесть о блаженном Василии Мангазейском и о начале Туруханского Троицкого монастыря / изд. преосвященного Никодима, епископа Енисейского. Иркутск, 1864. 48 с.
18. Вальская Б.А. Путешествие Андрея Аргентова на северо-восток Сибири в 1851 году // Страны и народы Востока. География, этнография, история. М., 1961. Вып. 2. С. 172–187.
19. Ткалич А.И. Православная миссия на Крайнем Северо-Востоке (XVII – нач. XX вв.). М., 2011. 235 с.
20. Винокуров М. Путевой журнал // Якутские епархиальные ведомости. 1894. № 17. – С. 260–269.
21. Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск, 2007. 146 с.
22. Винокуров П.В. Подготовка священнослужителей из числа коренных жителей Якутии // На службе Богу и Якутскому народу. Якутск, 2006. С. 70–74.
23. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001. 177 с.
24. Главацкая Е.М. Христианское освоение Обдории // Ямал в структуре российской цивилизации. Салехард; Екатеринбург, 2007. С. 127–164.
25. Пивоваров Б., протоиерей, Маякова И.А. Дионисий (Хитров Д.В.) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 299–302.
26. Зосима (Давыдов), епископ. Иаков (Домский И.П.) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 508–510.
27. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) / сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. 207 с.
28. Голошубин И.С. От Березова до Обдорска (Из путевых записок бывшего благочинного церковью Березовского округа) // Тобольские епарх. ведомости, 1895, № 3. С. 41–47; № 5. С. 89–95.
29. Автобиографические записки преосвященного Дионисия, епископа Уфимского и Мензелинского // Уфимские епарх. ведомости. 1900. № 4. С. 95–105; № 5. С. 140–149; № 6. С. 176–183; № 7. С. 218–226.
30. Путевый журнал походной Благовещенской церкви священника Димитрия Хитрова с 7 октября 1849 по 3-е июня 1850 года. Уфа, 1903. 53 с.
31. Иаков (Домский И.П.). Путевые записки // Якутские епархиальные ведомости. 1888. № 19. Неофиц. Отдел. С. 301–304; № 20. С. 308–313; № 21. С. 326–336; № 22. С. 340–345; 1889. № 1. С. 3–9; № 2. С. 22–26; № 3. С. 37–43; № 4. С. 50–54; № 5. С. 68–75; № 7. С. 98–103; № 8. С. 114–126; № 9. С. 132–139; № 10. С. 151–155; № 11. С. 167–172; № 12. С. 181–190.

REFERENCES

1. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: in 4 vols. Moscow, 1980, vol. 3, 779 p. (In Russ.)
2. Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Moscow, 1986, vol. 2, 736 p. (In Russ.)
3. Man'kova I.L. The History of the Orthodoxy in the North of Western Siberia in the Contemporary Historiography. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2005, no. 12, pp. 61–73. (In Russ.)
4. Yurganova I.I. Russian Orthodox Church in the Yakutsk Region in the National Historiography (XVII – Early XX c.). *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta*. Seriya: Istoriya. 2015, vol. 11, pp. 115–125. (In Russ.)
5. Pokrovskiy N.N. Anti-Feudal Protest of Ural-Siberian Peasants-Old Believers and the Fight against them in the XVIII Century. *Novosibirsk*, 1974, 394 p. (In Russ.)
6. Zolnikova N.D., Pokrovky N.N. Russian Orthodox Church. *Istoricheskaya Entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 2. pp. 788–794. (In Russ.)
7. Matkhanova N.P. Relationships between Members of Secular and Church Administration in Eastern Siberia in the XIX Century. *Religioznye i politicheskiye idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kultury XVI–XXI vv. / seriya «Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri»*. Novosibirsk, 2015, issue 33, pp. 172–184. (In Russ.)
8. Remnyov A.V. Colony or Periphery? Siberia in the Imperial Discourse of the XIX Century. *Rossiyskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniya*. Voronezh, 2004. (In Russ.)

9. Yurganova I.I. Orthodox Parish in Yakutia (XVII – Early XX Century). *Rossiyskaya istoriya*. 2014, no. 3, pp. 97–111. (In Russ.)
10. Dulov A.V., Sannikov A.P. Irkutsk and Angara Diocese of the Russian Orthodox Church. *Istoricheskaya Entsiklopediya Sibiri*. 2009, vol. 2, pp. 648–649. (In Russ.)
11. The Itinerary of Dimitriy Khitrov, Priest of the Yakutsk Mobile Church of Saint Nicholas From April, 12th to May, 1st, 1849. *Ufimskiye yeparkhialnyye vedomosti. Neofits. Chast*. 1903, no. 1, pp. 31–42; № 2, pp. 126–132. (In Russ.)
12. Dionisiy (Khitrov D.V.). Letters to the Chukotka Missionary, Priest Ioann Neverov (1871–1877). *Stopami missionera: trudy Dionisiya (Khitrova), episkopa Yakutskogo, a zatem Ufimskogo, na missionerskom poprishche*. Tver, 2013, vol. 1, 573 p. (In Russ.)
13. Vydrin Ye.V. Mobile Churches in the North of Siberia in the Second Half of the XIX Century. *Makaryevskiye chteniya: materialy 8-y nauchnoy konferentsiyi*. Gorno-Altaysk, 2009, pp. 19–24. (In Russ.)
14. Zemlyakova N.A. Missionary Priest in Siberia: Ideal and Reality (On the Materials of Religious Periodical Press). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2013, no. 3, pp. 98–101. (In Russ.)
15. Iakov (Domskiy I.P.). Traveling along the Lena River. *Yakutskiye yeparkhialnyye vedomosti*. Neofits. Otdel. 1887, no. 12, pp. 187–192; no. 13, pp. 199–205; no. 14, pp. 219–223; no. 15, pp. 236–239; no. 16, pp. 249–252; no. 17, pp. 263–266; 1888, no. 1, pp. 7–8; no. 2, pp. 25–28; no. 3, pp. 39–41; no. 4, pp. 53–58; no. 5, pp. 69–76; no. 6, pp. 87–95; no. 7, pp. 103–106; no. 8, pp. 123–128; no. 10, pp. 153–155; no. 14, pp. 218–223; no. 18, pp. 283–288; no. 19, pp. 295–300. (In Russ.)
16. Nikodim (Kazantsev N.I.). Turukhansk Region. *Yeniseyskiye yeparkhialnyye vedomosti*. 1908, no. 10, pp. 29–32; 1909, no. 1, pp. 22–24; no. 2, pp. 21–24; no. 3, pp. 23–24 (publ. A.S. Bogdanova). (In Russ.)
17. Tale of the Blessed Vasilii of Mangazeya and on the Origins of the Troitsky Monastery at Turukhansk / publ. by the Eminent Nikodim, Bishop of Yeniseysk. Irkutsk, 1864, 48 p.
18. Valskaya B.A. Journey of Andrey Argentov to the North-East of Siberia in 1851. *Strany i narody Vostoka. Geografiya, etnografiya, istoriya*. Moscow, 1961, vyp. 2, pp. 172–187, pp. 172–173. (In Russ.)
19. Tkalich A.I. Orthodox Mission to the Extreme North-East (XVII – Early XX Centuries). Moscow, 2011, pp. 32–33. (In Russ.)
20. Vinokurov M. Notes of a Journey. *Yakutskiye yeparkhialnyye vedomosti*, 1894, no. 17, pp. 260–269. (In Russ.)
21. Yurganova I.I. History of the Yakutsk Diocese. 1870–1919 (Activities of Ecclesiastical Consistory). Yakutsk, 2007, 146 p. (In Russ.)
22. Vinokurov P.V. Training of Priests Descended From the Indigenous Population of Yakutiya. *Na sluzhbe Bogu i Yakutskomy narody*. Yakutsk, 2006, pp. 70–74. (In Russ.)
23. Mavlyutova G.Sh. Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the North-Western Siberia (XIX – Early XX Century). Tyumen, 2001, 177 p. (In Russ.)
24. Glavatskaya Ye.M. Christian Development of Obdoriya. *Yamal v strukture rossiyskoy tsivilizatsiyi*. Salekhard; Ekaterinburg, 2007, pp. 127–164. (In Russ.)
25. Pivovarov B., archpriest, Mayakova I.A. Dionisiy (Khitrov D.V.). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2007, vol. 15, pp. 299–302. (In Russ.)
26. Zosima (Davydov), bishop. Iakov (Domskiy I.P.). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2009, vol. 20, pp. 508–510. (In Russ.)
27. Notes of Journeys of the Missionaries from the Obdorsk Mission (1860s–1870s) / comp. by Ya. Templing. Tyumen, 2007, 207 p. (In Russ.)
28. Goloshubin I.S. From Berezovo to Obdorsk (From the Notes of the Former Archpriest of the Churches in the Berezovo District). *Tobolskiye yeparkhialnyye vedomosti*, 1895, no. 3, pp. 41–47; no. 5, pp. 89–95. (In Russ.)
29. Autobiographical Notes of the Eminent Dionisiy, Bishop of the Ufa and Menzelinsk. *Ufimskiye yeparkhialnyye vedomosti*. 1900, no. 4, pp. 95–105; no. 5, pp. 140–149; no. 6, pp. 176–183; no. 7, pp. 218–226. (In Russ.)
30. Itinerary of Dmitriy Khitrov, Priest of the Mobile Church of Annunciation from October, 7, 1849 to June, 3, 1850. Ufa, 1903, 53 p.
31. Iakov (Domskiy I.P.). Notes of a Journey // *Yakutskiye yeparkhialnyye vedomosti*. Neofits. otdel. 1888, no. 19, pp. 301–304; no. 20, pp. 308–313; no. 21, pp. 326–336; no. 22, pp. 340–345; 1889, no. 1, pp. 3–9; no. 2, pp. 22–26; no. 3, pp. 37–43; no. 4, pp. 50–54; no. 5, pp. 68–75; no. 7, pp. 98–103; no. 8, pp. 114–126; no. 9, pp. 132–139, no. 10, pp. 151–155; no. 11, pp. 167–172; no. 12, pp. 181–190.

Статья принята
редакцией 06.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160305
УДК 061.6(571)

Н.А. КУПЕРШТОХ

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ АРКТИКИ
В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ РАН
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI в.)***

Наталья Александровна Куперштох,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

Ученые Сибирского отделения РАН, продолжая традиции Российской академии наук, в течение нескольких десятилетий определяли стратегию изучения и освоения Сибири и ее северных территорий, участвовали в разведке месторождений минеральных ресурсов, увязывая их освоение с социальными и экологическими проблемами. Совокупный исследовательский потенциал институтов СО РАН по проблемам Арктики является уникальным и должен быть обязательно востребован при реализации государственной стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации. В данной статье рассматривается деятельность ученых Института геологии и геофизики в Новосибирске, заложивших подходы комплексного изучения Сибири и ее арктических территорий. Эти подходы в настоящее время творчески развивают институты СО РАН – Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука, Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева.

Ключевые слова: Арктика, Сибирское отделение РАН, Институт геологии и геофизики, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука, Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева.

N.A. KUPERSHTOKH

**THE INTEGRATED STUDY OF THE PROBLEMS OF THE ARCTIC
IN THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(THE SECOND HALF OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES)**

Natalya A. Kupershtokh
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

Arctic continental shelves where the largest reserves of oil, gas and other strategic resources are concentrated determine the future of the world economy. According to the experts, the intellectual priority of any country in the world community is demonstrated by this country's presence in the Arctic region. New patterns of the Arctic research cooperation emerged. It has been realized that it is necessary to carry out integrated research, take into account any possible outcomes and consequences of interdisciplinary projects. Such approach prevails in all countries that work in the Arctic. In this regard, of particular relevance is a retrospective analysis of the the Russian scientists' achievements made in the course of integrated research of the problems of the Arctic.

The paper considers the contribution of the academic institutes of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences to studying the complex problems of the Arctic region. The author analyzes activities of scientists from the Institute of Geology and Geophysics who provided the basic approaches to the integrated research of Siberia and its Arctic territories. These approaches are currently developed by the Institute of Petroleum Geology and Geophysics named after A.A. Trofimuk, Institute of Geology and Mineralogy named after V.S. Sobolev in Novosibirsk. Scientists of SB RAS following the traditions of the Russian Academy of Sciences for several decades have been determining the strategy of research and development

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

of Siberia and its Northern territories, participating in mineral resources exploration and linking their development with social and ecological issues. In the field of Arctic studies the institutes of SB RAS have a unique research capacity which should be used for implementation of the state strategy of development of the Arctic zone of the Russian Federation.

It is noted that the article highlights only major, most significant accomplishments of Siberian scientists in Arctic studies. The problem requires further, more detailed research.

Key words: Arctic, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Geology and Geophysics named after A.A. Trofimuk, Institute of Geology and Mineralogy named after V.S. Sobolev.

Арктические шельфы определяют будущее мировой экономики, так как здесь сосредоточены богатейшие запасы нефти и газа, других стратегических ресурсов. По мнению экспертов, присутствие в данном регионе демонстрирует интеллектуальный приоритет той или иной страны в мировом сообществе. Определены новые модели взаимодействия ученых – необходимо проводить комплексные исследования, учитывать все возможные последствия и результаты междисциплинарных проектов. Такой подход доминирует у всех государств, которые работают в Арктике¹. В этой связи представляется особенно актуальным ретроспективный анализ достижений, накопленных в изучении комплексных проблем Арктики.

Совокупный исследовательский потенциал Сибирского отделения РАН, полученный в результате междисциплинарного изучения арктических территорий, является уникальным. Между тем он практически не получил освещения в историографии. В статье рассматривается деятельность сибирских ученых по изучению проблем Арктического региона, которая включает не только изучение стратегических природных ресурсов Арктики и определение перспектив их освоения, но также разработку комплексных социально-экономических и экологических проблем региона. Данной статьей содержание темы далеко не исчерпывается, обозначены лишь основные, наиболее крупные результаты сибирских ученых в изучении Арктики. Источниковой базой послужили архивные документы, материалы периодической печати, отчеты институтов по изучаемой теме.

Во второй половине XX в. наиболее существенный вклад в изучение и комплексное освоение природных ресурсов региона внес Институт геологии и геофизики (ИГиГ) СО АН СССР. Он организован в Новосибирске в 1957 г. по инициативе академика А.А. Трофимука [1] – первооткрывателя Предуральской, Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской нефтегазоносных провинций. Ученый обогатил геологическую науку трудами по теории образования нефти и газа, методам поисков, разведки и разработки нефтяных и газовых месторождений, региональной геологии нефтегазоносных провинций России.

Необходимо подчеркнуть важность создания комплексного геологического института в Сибири в конце

1950-х гг. Его концепция отражала ведущую экономическую тенденцию страны – приоритетное развитие Сибири и Дальнего Востока, активное геологическое освоение этих регионов. В СССР впервые создавался академический институт с целью развития фундаментальных и прикладных исследований и координации геологических изысканий. ИГиГ стал определять стратегию поиска и разведки минеральных ресурсов на основе междисциплинарных исследований. Такой результативностью институт обязан сильному «ядру» из ведущих специалистов страны, таких как Ю.А. Косыгин, братья Ю.А. и В.А. Кузнецовы, И.В. Лучицкий, Н.Н. Пузырев, В.Н. Сакс, Б.С. Соколов, В.С. Соболев, Э.Э. Фотиади, Н.В. Фурсенко, Ф.Н. Шахов, А.Л. Яншин и др. Академик М.А. Лаврентьев отмечал, что в институте «удачно объединились сибирские геологи, в основном воспитанники старой томской школы, а также приехавшие из европейской части страны представители других школ» [2, с. 166].

Создание ИГиГ стало первым в стране опытом кооперации специалистов основных направлений геологической науки – от геоморфологов до геофизиков. При определении стратегии поиска нефти и газа коллективом ИГиГ был востребован опыт ученых-геологов отраслевых учреждений, Западно-Сибирского филиала АН СССР во главе с профессором М.К. Коровиным. Открытие крупнейших Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской нефтегазоносных провинций в конце 1950-х – 1960-е гг. вначале было предсказано учеными ИГиГ теоретически, вскоре их прогнозы получили практическое подтверждение. Многие разработки осуществлялись совместно с Сибирским НИИ геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГ-ГиМС), другими организациями.

ИГиГ выступил организатором всесоюзных совещаний, его сотрудники принимали участие в зарубежных симпозиумах и конгрессах. С 1960 г. начал выходить журнал «Геология и геофизика», который освещал научные проблемы Сибири и сопредельных стран Азии, публиковал результаты геологических изысканий. При институте действовали координационные научные советы: по теории образования и размещения эндогенных рудных месторождений Сибири и Дальнего Востока; по закономерностям размещения нефтяных и газовых месторождений; по проблеме тектоники Сибири и Дальнего Востока. По инициативе А.А. Трофимука были организованы институты в Хабаровске, Улан-Удэ, Чите, Тюмени, тематика которых включала проблемы изучения Севера и арктических территорий.

¹ Крюков В.А. Ученые СО РАН: для освоения Арктики необходимы новые модели взаимодействия // Наука в Сибири. 2016. 18 марта. URL: <http://www.sbras.info/news/uchenye-so-ran-dlya-osvoeniya-arktiki-neobkhodimy-novye-modeli-vzaimodeistviya> (дата обращения: 19.03.2016 г.).

Во второй половине 1960-х гг. научный поиск ИГиГ охватывал проблемы выяснения закономерностей образования месторождений полезных ископаемых магматогенного и осадочного происхождения, разработки теоретических основ их поисков; экспериментального воспроизведения процессов минерало- и рудообразования, синтеза промышленно важных минералов; изучения истории развития, глубинного строения земной коры и верхней мантии Земли геологическими и геофизическими методами². Создавался фундаментальный задел, определивший направления научного поиска на годы вперед. Академик В.С. Соболев предложил схему фаций метаморфизма, которая стала основой для составления первой в мире «Карты метаморфических фаций СССР» и положила начало составлению серии карт по отдельным регионам. В 1976 г. серия монографий о метаморфических комплексах мира под общей редакцией академика В.С. Соболева была удостоена Ленинской премии. В 1978 г. 15-томная серия «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока», подготовленная под руководством академика А.Л. Яншина, получила Государственную премию СССР [3, с. 23, 173–174].

Существенный вклад в изучение Арктики внесла лаборатория палеонтологии и стратиграфии мезозоя и кайнозоя ИГиГ во главе с членом-корреспондентом АН СССР В.Н. Саксом, который еще в годы войны предсказал наличие крупных месторождений нефти и газа в арктической части Западной Сибири [4]. Деятельность лаборатории охватывала широкий круг проблем по палеонтологии беспозвоночных, стратиграфии и палеогеографии мезозоя и кайнозоя Сибири и Северо-Восточной Азии. Образцы для исследований сотрудники привозили из экспедиций. Их организатор В.Н. Сакс в 1960–1970-е гг. побывал на Центральном Таймыре, в Приполярном Урале, других районах Арктики. Научная школа В.Н. Сакса объединила исследователей Арктики и северных территорий России из Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Тюмени, Якутска. Ее представители – известные ученые И.С. Грамберг, С.А. Архипов, В.С. Волкова, В.А. Захаров, Г.Н. Карцева, М.С. Месежников, С.В. Меледина, Т.И. Нальняева, З.З. Ронкина, С.Л. Троицкий, Е.Г. Юдовный и др.³

Под руководством академика А.А. Трофимука в ИГиГ был создан мощный задел фундаментальных исследований по всем основным направлениям геологической науки. Практическим приложением теоретических поисков стало комплексное изучение и освоение природных ресурсов региона – основы современного экономического потенциала России. В условиях, когда науку разделяли ведомственные барьеры, координирующая роль ИГиГ в регионе и в стране была

незаменимой. Кооперация исследователей из разных организаций помогла открыть в Сибири новые месторождения нефти и газа, алмазов, золота, платины, других стратегически важных минеральных ресурсов. Мощный прорыв в изучении и освоении региона произошел благодаря реализации программы «Сибирь» в 1980-е гг., одним из инициаторов подготовки которой являлся академик А.А. Трофимук. Эта не имеющая аналогов программа определила стратегию развития нефтяной, газовой и угольной промышленности, комплексного использования минеральных ресурсов, развития транспортной и энергетической систем, включая северные и арктические районы.

В 1988 г. Институт геологии и геофизики СО АН СССР возглавил академик Н.Л. Добрецов – специалист в области геологии, минералогии, магматической метаморфической петрологии, тектоники и глубинной геодинамики, известный научными достижениями как в России, так и за рубежом. Ему принадлежит выдающаяся роль в создании учения о метаморфических фациях и формациях, научном обосновании месторождений, связанных с метаморфизмом, в разработке петрологических моделей офиолитовых комплексов земной коры и фундаментальных исследованиях по глубинной геодинамике [5].

В 1990-е гг. академиком Н.Л. Добрецовым и его коллегами установлено, что образование крупных месторождений полезных ископаемых, в частности алмазов и углеводородов, связано с периодами активности мантийных струй. Выявленные академиком Н.В. Соболевым критерии алмазоносности стали основой для создания принципиально новых методов прогнозирования алмазных месторождений и привели к обоснованию перспектив Якутской алмазодобывающей провинции. Под руководством академика С.В. Гольдина коллектив геофизиков проводил исследования, связанные с проблемами сейсмологии и прогнозом землетрясений.

Прикладные исследования были направлены на поиск и разведку месторождений полезных ископаемых, в первую очередь нефти и газа, на обширных территориях Сибири. Академик Н.Л. Добрецов усилил нефтегазовое направление, пригласив на работу специалиста в области геологии и геохимии нефти и газа А.Э. Конторовича из СНИИГГиМСа. В дальнейшем академик А.Э. Конторович внес выдающийся вклад в разработку теории образования нефти, теории и методов количественного прогноза нефтегазоносности, а также поисковых и разведочных работ на нефть и газ, в экономику нефтегазового комплекса, в научное обоснование и открытие Западно-Сибирской, Лено-Тунгусской и Лено-Виллюйской нефтегазоносных провинций [6].

В 1997 г. в составе ассоциации, созданной на основе ИГиГ, был организован Институт геологии нефти и газа. Под руководством академика А.Э. Конторовича институт проводил комплексные исследования в нефтегазовой области. Научные направления института включали: проблемы происхождения нефти

² Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 759а. Л. 245, 262.

³ Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Ронкина З.З., Элов М.И. и др. Вечно молодая душа... (к 100-летию со дня рождения В.Н. Сакса) // Наука в Сибири. 2011. 14 апр.

и газа; сырьевые проблемы геоэкономики и геополитики; осадочные бассейны, их стратиграфия и палеонтология; ресурсы, динамика и охрана подземных вод. Институт работал над обоснованием открытия крупных месторождений нефти и газа в верхнем докембрии Сибирской платформы, впервые в мировой практике разработал критерии прогноза нефтегазоносности бассейнов с интенсивным проявлением траппового магматизма. Наряду с этим коллектив института выполнял функции аналитического центра по разработке программ энергетической стратегии России, стратегии развития восточных регионов России в целом и Сибири в частности [3, с. 31–32].

В 2005 г. ассоциация на основе ИГиГ была преобразована в два самостоятельных института. Директором-организатором Института геологии и минералогии (ИГМ) выступил академик Н.Л. Добрецов. Под его руководством определены перспективы развития и научные направления ИГМ. В настоящее время в Институте геологии и минералогии им. В.С. Соболева (директор – академик Н.П. Похиленко) изучаются проблемы геодинамики, геохимии, прогнозирования и поиска месторождений полезных ископаемых; экспериментальной минералогии; палеоклимата, геоинформатики и ГТ-картографии.

Директором-организатором Института нефтегазовой геологии и геофизики (ИНГГ) являлся академик А.Э. Конторович. Опираясь на традиции прежних изысканий сибирских геологов и учитывая вызовы нового времени, он определил стратегию развития коллектива. В настоящее время в Институте нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука (директор – академик М.И. Эпов) центральными проблемами для изучения являются месторождения углеводородов и углей, закономерности их размещения; стратегические проблемы развития топливно-энергетического комплекса; геофизические и геохимические методы поисков и разведки месторождений.

В 2000-е гг. проблема изучения Арктики приобрела в тематике двух новосибирских геологических институтов приоритетное значение. ИГМ и ИНГГ выполняют проекты в рамках программ РАН, связанных с комплексным исследованием шельфа, экосистем, газовых гидратов, геологического строения и нефтегазоносности Арктики; участвуют в крупных международных и российских проектах. Результаты исследований настолько впечатляющие, что журнал «Геология и геофизика» посвятил проблеме Арктики несколько специальных выпусков в 2010–2013 гг.

Именно академическим ученым принадлежит идея охватить арктическую часть России современными научными станциями, позволяющими проводить здесь междисциплинарные исследования. Одна из таких станций уже создана по прямому поручению В.В. Путина на о. Самойловский в Якутии. Ее торжественное открытие состоялось в 2013 г. Научно-методическое руководство станцией осуществляет ИНГГ СО РАН, на базе станции выполняется одновременно несколько крупных международных проектов.

Сибирские ученые предложили сгруппировать проблемы Арктики по трем категориям: оборонно-стратегические; освоение нефти и газа в акваториях и прилегающих арктических территориях; изменение климата, устойчивость вечной мерзлоты криолитозоны и возможности транспортных путей, в том числе дальнейшего развития Северного морского пути. К оборонно-стратегической относится проблема уточнения внешней границы континентального шельфа в Арктике и признания специальной международной комиссией при ООН права экономического влияния России на спорную часть арктического шельфа, который соответствует подводным хребтам Ломоносова и Менделеева. Это может произойти, если Россия докажет, что данная территория – часть континента и непрерывное продолжение Сибири⁴.

На Научной сессии Общего собрания РАН (2014 г.), посвященной научно-техническим проблемам освоения Арктики, прозвучало несколько докладов сибирских ученых. В докладе «Геодинамическая эволюция Северного Ледовитого океана и современные проблемы в геологических исследованиях Арктики» член-корреспондент РАН В.А. Верниковский и академик Н.Л. Добрецов акцентировали внимание на том, что геологические знания позволяют понять соотношение континентальных окраин, включая шельфы. Актуальность проблеме придает то обстоятельство, что конфигурация Арктического океана в геологической истории не оставалась постоянной, а менялась на протяжении сотен миллионов лет. В ИНГГ получены данные, позволяющие выполнить реконструкции формирования современной континентальной окраины Евразии [7, с. 20, 23]. Важнейшим достижением сибирских ученых является сбор данных о минеральном составе, возрасте пород и другой геологической информации о хребтах Ломоносова и Менделеева. Если континентальная природа хребта Ломоносова особых дискуссий не вызывает, то в отношении хребта Менделеева такого единодушия нет [8, с. 73]. Данные, полученные в ходе арктических экспедиций, в которых участвовали сотрудники ИГМ и ИНГГ, а также других организаций, свидетельствуют в пользу континентального происхождения хребтов. Это исследование имеет определяющее значение для подтверждения прав России на обширные территории бассейна и шельфа Северного Ледовитого океана.

Академик А.Э. Конторович в докладе «Энергоресурсы российского сектора Арктики, главные направления и методы их освоения» сделал вывод, что в ближайшие годы российский сектор Арктики будет играть ведущую роль в добыче газа и значительную роль – в добыче нефти, а главной газовой базой страны останется Ямало-Ненецкий автономный округ [7, с. 34]. Такие прогнозы опираются на научный фундамент. В ИНГГ разработаны современные

⁴ Михайлова В. Сказочно богатая Арктика // Наука в Сибири. 2012. 29 марта.

модели геологического строения осадочных бассейнов Арктического региона, дана оценка перспектив нефтегазоносности Арктики. Академик А.Э. Конторович на основе истории освоения углеводородных ресурсов Арктики в XX в. сформулировал стратегию их освоения в XXI в., обозначив глобальные проблемы нефти и газа и новую парадигму развития нефтегазового комплекса России в целом [9, 10]. А.Э. Конторович во время церемонии вручения ему в Кремле ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени сообщил президенту России о готовности представить доклад о неотложных мерах по развитию топливно-энергетического комплекса в рамках программы реиндустриализации России⁵.

Таким образом, лидеры сибирской геологической науки академики А.А. Трофимук, Н.Л. Добрецов, А.Э. Конторович, М.И. Эпов, Н.П. Похиленко, а также другие выдающиеся ученые, помимо организации научных геолого-геофизических исследований, внесли вклад в разработку документов, определяющих формирование государственной стратегии в области воспроизводства минерально-сырьевой базы России, включая Арктику. Ученые Сибирского отделения РАН убеждены, что дальнейшее развитие стратегии освоения Арктического региона должно быть связано с разработкой и реализацией национальной политики в области использования природных и минерально-сырьевых ресурсов.

Курс на комплексное освоение Арктики, возведенный в ранг государственной стратегии, ставит на повестку дня все новые научные проблемы. Наиболее острой является проблема координации действий по изучению Арктики между институтами РАН и ее отделениями на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. В связи с реформой РАН (в ее состав вошли РАН и РАСХН) проблема координации приобрела особую актуальность. Первым крупным шагом в этом направлении стало проведение в декабре 2014 г. Научной сессии Общего собрания «расширенной» РАН, где были определены основные подходы к комплексному изучению и освоению Арктики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Главный геолог / под ред. Н.Л. Добрецова, А.Э. Конторовича. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. 332 с.
2. Век Лаврентьева / под ред. Н.Л. Добрецова, Г.И. Марчука. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 456 с.
3. История развития Института геологии и геофизики СО (АН СССР и РАН) и его научных направлений / Гл. ред. Н.Л. Добрецов. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2010. 907 с.

4. Куперитох Н.А. В.Н. Сакс – организатор исследований по проблемам Арктики в Сибирском отделении АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 17–20.

5. Основные направления научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности академика Николая Леонтьевича Добрецова (к 80-летию со дня рождения) // Геология и геофизика. 2016. Т. 57, № 1. С. 3–4.

6. Академик Алексей Эмильевич Конторович – ученый, педагог и гражданин (к 80-летию со дня рождения) // Геология и геофизика. 2014. Т. 55, № 1. С. 146.

7. Научно-технические проблемы освоения Арктики. Научная сессия Общего собрания членов РАН 16 декабря 2014 г. М.: Наука, 2014. 117 с.

8. Верниковский В.А. От Арктиды – к современной Арктике. Северный Ледовитый океан глазами геолога // Наука из первых рук. 2015. № 1 (61). С. 66–75.

9. Конторович А.Э. Нефть и газ российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XXI век // Наука из первых рук. 2015. № 1 (61). С. 46–64.

10. Конторович А.Э. Глобальные проблемы нефти и газа и новая парадигма развития нефтегазового комплекса России // Наука из первых рук. 2016. № 1 (67). С. 6–17.

REFERENCES

1. The Chief Geologist / Ch. Ed.: N.L. Dobretsov, A.E. Kontorovich. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, filial «Geo», 2002, 332 p. (In Russ.)
2. Lavrentev's Century / Ch. ed.: N.L. Dobretsov, G.I. Marchuk. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, filial «Geo», 2000, 456 p. (In Russ.)
3. The History of the Institute of Geology and Geophysics' development (USSR Academy of Sciences and Russian Academy of Sciences) and its fields of research / Ch. ed.: N.L. Dobretsov. Novosibirsk: Akademicheskoye izd-vo «Geo», 2010, 907 p. (In Russ.)
4. Kupershtokh N.A. V.N. Sacks – Organizer of Arctic Studies in the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2012, no. 1. pp. 17–20. (In Russ.)
5. The Major Scientific, Organizational, Pedagogical and Social Activities of Nikolay Leontyevich Dobretsov (On his 80th Anniversary). *Geologiya i geofizika*, 2016, vol. 57, no. 1. pp. 3–4. (In Russ.)
6. Academician Aleksey Emil'evich Kontorovich – a scientist, a teacher, and a citizen (on the 80th anniversary). *Geologiya i geofizika*, 2014, vol. 55, no. 1. pp. 146. (In Russ.)
7. Scientific and technical problems of the Arctic exploration. A scientific session of General Assembly of Members of the RAS. December 16, 2014. Moscow: Science, 2014, 117 p. (In Russ.)
8. Vernikovskiy V.A. From Arctida – to modern Arctic. The Arctic Ocean through the eyes of a geologist. *Nauka iz pervykh ruk*, 2015, no. 1 (61), pp. 66–75. (In Russ.)
9. Kontorovich A.E. Oil and gas of the Russian Arctic: the history of development in the XX century, resources, strategy for the XXI century. *Nauka iz pervykh ruk*, 2015, no. 1 (61), pp. 46–64. (In Russ.)
10. Kontorovich A.E. Global Problems of Oil and Gas and the New Paradigm of Development of Russia's Oil and Gas Complex. *Nauka iz pervykh ruk*, 2016, no. 1 (67), pp. 6–17. (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.07.2016

⁵ Орден «За заслуги перед Отечеством» II степени вручен академику А.Э. Конторовичу // Наука в Сибири. 2016. 24 марта.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20160306
УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

ОБ ОТНОШЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ К ИСПРАВЛЕНИЮ КНИГ ВО ВРЕМЯ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ XVII в.

Наталья Сергеевна Гурьянова,
д-р.ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена анализу текстов, в которых нашло отражение отношение современников к исправлению книг во время церковной реформы, начатой патриархом Никоном. Сделан вывод, что независимо от культурной ориентации авторы считали, что следование традиции – необходимое условие существования и развития Русской Церкви. В этой связи реформаторы утверждали, что все новшества внесены в обряд и богослужебную практику Церкви, ориентируясь на «древние греческие и словенские книги». Их оппоненты, естественно, стали доказывать, что именно этот основной постулат – следование традиции – был нарушен реформаторами. Первое поколение защитников старого обряда наметило пути, по которому пойдут следующие поколения, отстаивая свое право оставаться в оппозиции к нововведениям. Предстояло сопоставление текстов новых богослужебных книг с прежними, а главное – углубление знаний об авторитетных рукописях, старопечатных книгах, в которых зафиксирована традиция Русской Церкви. В результате для защитников старого обряда характерной чертой стал высочайший уровень книжной культуры, унаследованный от Древней Руси и развитый в условиях Нового времени.

Ключевые слова: Русская Церковь, раскол, защитники старого обряда, Сильвестр Медведев, Служебник, традиция, книжная культура.

N.S. GURYANOVA

ON THE CONTEMPORARIES' ATTITUDES TOWARDS THE CORRECTION OF THE BOOKS DURING THE CHURCH REFORM OF THE XVII CENTURY

Natalia S. Guryanova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: gurian@academ.org

The paper deals with analysis of texts reflecting the contemporaries' attitudes towards the correction of the books during the church reform initiated by Patriarch Nikon. It is established that the contemporaries focused their attention on the book editing, i.e. the problem of the original texts that were used to provide a rationale for any changes made by the reformers in the prayer-books and other works. In the prefaces to these editions they presented these changes as the necessary corrections of the accumulated discrepancies between the Old Greek and Slavonic books. Reformers argued that all novelties were introduced to the Rite and liturgical practice of the Church based on the "Old Greek and Slavonic books".

Their opponents, naturally, began to prove that it was precisely this postulate – following the tradition – that was violated by the reformers. The same allegations were brought forth both by the Latin party and the defenders of the Old Rite. The former did it in order to catch the Church in a deception of the flock, without focusing on the betrayal of tradition, while the opponents of the reform, just like the reformers themselves, believed

that following the tradition was a prerequisite for the existence and development of the Russian church. Therefore, both the supporters and opponents of the reform argued that they defended the tradition of the Russian church.

Analysis of the works written by the first generation of defenders of the Old Rite led to conclusion that they charted the course for the next generations defending their right to remain in opposition to the novelties. This implied comparison of the new liturgical texts with the new ones, and, above all, gaining a better knowledge of the authoritative manuscripts and old-printed books where the tradition of the Russian Church was fixed. As a result, the highest level of book culture, inherited from the Old Russia and developed during the Modern Age has become a characteristic feature of the defenders of the Old Rite.

Key words: Russian Church, Schism, defenders of the Old Rites, Sylvester Medvedev, prayer book, tradition, book culture.

Раскол в Русской Церкви в середине XVII в. начался с внесения изменений в ее обряд и богослужебную практику, которые были зафиксированы в печатных изданиях. В такой ситуации в центре внимания и современников, и исследователей оказалась книжная справа, т.е. проблема исходных текстов для новых Служебников и произведений, которыми реформаторы обосновывали нововведения. Первым опытом такого рода были Служебник 1655 г.[1] (описание издания см.: [2, с. 79, № 257]) и сборник «Скрижаль» [3] (описание издания см.: [2, с. 82, № 266]). В предисловиях к ним авторы представляли внесение изменений в тексты в качестве необходимых исправлений накопившихся расхождений с древними греческими и славянскими книгами. Сторонники реформы и ее противники утверждали, что отстаивают традицию Русской Церкви.

Не случайно в классическом труде митрополита Макария книжные исправления, положившие начало церковной реформе, представлены следующим образом: «Никон пожелал исправить наши церковные книги не по одним славянским, но и по греческим спискам, и при том по спискам, славянским и греческим, древним, чтобы очистить эти книги от всех погрешностей, прибавок и новшеств, которые вкрались в них с течением времени...» [4, с. 117]. Подобная интерпретация нововведений стала для исследователей на долгое время основополагающей. Утверждалось, что исправления вносились исключительно при сопоставлении текста с древними славянскими и греческими рукописями.

Эта точка зрения базировалась на мнении, которое сформулировано в «Предисловии к читателем», помещенном в Служебнике, вышедшем в 1655 г. Автор представил деятельность патриарха Никона по внесению исправлений в богослужебные книги в качестве исполнения соборного решения: «Достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих. И еще святой той собор рече сице: И мы такожде утвержаем быти, якоже греческия и наши старыя книги и уставы повелевают» [1, с. 20]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в качестве руководства к действию в деле исправления богослужебных книг в соборном решении была провозглашена ориентация на «старые» греческие и русские книги. Далее отмечено, что для этого были собраны «сущья в России ветхия греческия же и славенския книги», но оценив их, реформаторы якобы посчитали, что этого недостаточно – «...на исправление не доволно мняше» [1, с. 30].

В предисловии сообщается о решении послать Арсения Суханова на Афон с целью привезти в Россию дополнительно авторитетные рукописи [1, с. 30]. Автор сделал акцент на результаты поездок, предпринятых с целью приобретения необходимых для книжной справа книг: «И сему сбывшуся. Святыя горы Афона боголюбивии начальницы, святых и честных монастырей..., изыскавше во своих книгохранительницах книги изрядны и право писаны греческим языком, числом 500» [1, с. 31]. Затем идет краткое перечисление с обозначением названий или авторов основных рукописных книг с указанием на их древность. «И сия вся со оным Арсением Сухановым, – заключает автор предисловия, – в царствующий град Москву прислаша... и инья мнози от православных стран, писанием из царствующаго града Москвы прошени, не мнее двою сот книг различных древних и святых в него прислаша» [1, с. 33].

Нарисовав столь убедительную, соответствующую реальности картину сбора патриархом Никоном авторитетных книг для начала работы по их исправлению, автор Предисловия объясняет появление текста нового Служебника следующим образом: «По сем от греческих и славенских древних книг истинное избравше, и сию святую книгу Служебник во всем справя, и, согласну сотворя древним греческим и славенским, повелеша в царствующем своем граде Москве напечатати в лето 7163-е (1655)» [1, с. 37–38]. Далее отмечается, что подобным образом предполагалось осуществить правку и других богослужебных книг: «И не точию едину сию книгу исправить восхотеша, но и прочия святыя книги. В них же неким от преписующих невниманием погрешения обретаются, во всем с древними греческими и славенскими священными книгами, в них же ни единопогрешение обретається, согласити и исправить узакониша» [1, с. 38]. Митрополит Макарий явно ориентировался на это описание процесса исправления богослужебных книг при патриархе Никоне.

В данном случае важно, что официальная Церковь считала нужным обосновать внесенные новшества в обряд и богослужебную практику потребностью исправить накопившиеся в русских книгах ошибки переписчиков, ориентируясь на «древние греческие и славенские священные книги». Разумеется, как давно установлено и документально подтверждено, все исправления в богослужебные книги были внесены без обращения к древним рукописям. Особенно доказательно это представлено в случае с изданием Служ-

жебника, с которого началось окончательное оформление раскола в Русской Церкви¹.

Первое поколение противников церковной реформы, провозгласив в качестве основополагающего принцип следования старине, попыталось в своих сочинениях представить введенные новыми книгами в обряд и богослужебную практику Русской Церкви новшества как измену традиции, отклонение от ортодоксального православного учения. Отрицательное отношение к этим книгам было сформулировано четко уже Спиридоном Потемкиным (о нем см.: [6, с. 490–493]): «Яко ныне выходят книги от еретик реформованныя, полны злых догматов, из Рима, из Вариси, из Виницей греческим языком, но не по древнему благочестию. Их же прелагают на словенский язык, ныне же реформованы з горшими расколы. Не токмо Церковь раздирающе, но и вся книги словенскаго языка древняго благочестия и весь язык мерзяще отягчением, превратом новомысленных»².

Совершенно ясно, что в данном случае защитник старого обряда опровергает точку зрения на книжные исправления, изложенную в предисловии к Служебнику 1655 г. Спиридон Потемкин обвинил реформаторов в том, что они правили книги, ориентируясь на современные издания, напечатанные на греческом языке, которые «полны злых догматов» и противны «древнему благочестию». Составитель Книги Спиридона Потемкина дьякон Федор в своих сочинениях уделил особое внимание этой теме. Он высоко оценивал вклад Спиридона Потемкина в разоблачение действий реформаторов: «И на Москве он, блаженный старец Спиридон, прося собора у царя Алексея часто на никониянскую пестрообразную прелесть и на новья книги его, хотя их обличити до конца, понеже зная откуда приидоша и что в себе принесоша» [8, с. 210].

Явно ориентируясь на критические высказывания Спиридона Потемкина в адрес реформаторов, дьякон Федор в Послании сыну Максиму писал о книжной справе следующее: «Указывал и ссылался он [Никон. – Н.Г.], льстец, на харатейныя руския книги и греческия, бутто с тех справил и перевел Символ новой и прочая вси своя нововводныя догматы» [8, с. 165]. Далее дьякон Федор опроверг это утверждение и пояснил по поводу греческих книг, разграничив древние рукописные и новые печатные: «Греческия бо книги двои стали давно у них: рукописныя старья малья, кои остались не сожжены от римлян, и те правы книги их, а другия новья печатныя ... и те все растленны суть и римских ересей наполнены... А печатают их латынницы в трех градах своих: в Риме, в Парыже и в Виницеи. И те прокаженныя книги латыно-греческия печатныя Никон послал покупать тамо... И с тех новогреческих печатных книг печатал он на Москве новья нынешния книги, потому они и не согласны со старыми нашими» [8, с. 172–173].

¹ Об этом подробно см.: *Кравецкий А.Г.* Предисловие к публикации [5, с. 9–24].

² Книга Спиридона Потемкина. – Собрание рукописей ИИ СО РАН, № 8/87, л. 57. (описание рукописи см.: [7, с. 154].

Развивая мысль, высказанную Спиридоном Потемкиным, о том, что при подготовке к изданию новопечатных книг в качестве источника для внесения исправлений реформаторами были использованы не «древние греческие и словенские» рукописи, как утверждал автор Предисловия к Служебнику 1655 г., а современные греческие, дьякон Федор ввел понятие о новых печатных и старых рукописных греческих книгах. Причем он повторил за Спиридоном Потемкиным названия мест, где печатают эти книги. Для защитника старого обряда ориентация при издании на «прокаженные книги латыно-греческия печатныя» вполне объясняла расхождение текстов новопечатных книг со «старыми» русскими рукописями.

Не только защитники старого обряда, но и внутри официальной Церкви высказывались подобные мнения о правке книг (об этом более подробно см.: [9, с. 161–199]). Например, Сильвестр Медведев (о нем см.: [6, с. 354–361]) предъявил схожее обвинение в адрес автора предисловия к Служебнику 1655 г. В сочинении «Известие истинное православным...», написанном с целью опровержения точки зрения братьев Лихудов о времени пресуществления св. даров в таинстве Евхаристии, изложенной в произведении «Акос», вначале он критикует практику внесения реформаторами исправлений в Служебники³. Не случайно в заголовке списка патриаршей библиотеки, который цитирует С.А. Белокуров во вводной статье, подробно представлена именно тема исправления книг [9, с. XXVII]. В этом заголовке-аннотации акцент сделан на теме исправления книг, хотя она занимает, по подсчетам исследователя, только третью часть объема сочинения.

С.А. Белокуров обратил особое внимание на анализ Медведевым предисловия к Служебнику 1655 г., поэтому мы остановимся только на основных пунктах обвинения. Сильвестр, приведя дословные цитаты из предисловия к Служебнику и прокомментировав их, заключает: «А в сем Предисловии книги Служебника пишут они, еже ону с греческими древними и славенскими рукописными достоверно исправиша и во всем согласиша... А та книга Служебник правлена не с древних греческих рукописных и славенских, но с нова у немец печатной греческой безсвидетельствованной книги, у нея же и начала несть и где печатана неведомо» [10, с. 13].

Вполне объяснимо, почему Сильвестр Медведев выступил с критикой действия реформаторов, как и их противники. Автором введения к Служебнику 1655 г. был идейный противник – лидер грекофилов Епифаний Славинецкий. «Известие истинное православным...» Сильвестр написал в 1688 г. К этому времени он был вполне осведомлен о работе Печатного двора и составе его библиотеки, поскольку с 1678 г. состоял в штате справщиком (редактором) [6, с. 355]. Как установил С.А. Белокуров, Сильвестр,

³ Анализ содержания сочинения «Известие истинное православным...» см. в Предисловии к публикации: [9, с. XXV – XL].

критику реформаторов за недостоверную информацию об источнике книжной справы, писал, имея ввиду конкретное издание – Евхологий (Венеция, 1602), которое, как он заметил, «и ныне обретается в книгохранительнице на Печатном дворе» [10, с. 14]. Исследователь обнаружил этот экземпляр в библиотеке Московской синодальной типографии [10, с. XXXIII]. А.А. Дмитриевский, продолжив поиски уже «кавычного» оригинала, с которого был напечатан Служебник, обнаружил его тоже в библиотеке Московской синодальной типографии. Им оказался Служебник львовского епископа Гедеона Балабана, изданный в Стрятине в 1604 г. Исследователь убедительно показал взаимозависимость текстов этих двух славянских Служебников и охарактеризовал их связь с греческим Евхологием [5, с. 42–52].

Лидер латинствующих ставил в вину реформаторам то, что они обманули читателей, заявив о внесении правки в Служебник по «древним греческим и русским рукописям», а реально осуществили ее, ориентируясь на современную греческую книгу, напечатанную «у немец». По мнению Сильвестра Медведева, вина реформаторов заключалась не только в том, что они напечатали Служебник, ориентируясь на современное греческое издание, но и в отсутствии стабильности текста при последующих переизданиях, осуществленных при патриархе Никоне⁴. Автор «Известия истинного православным...» констатирует: «А которые Служебники новоисправныя прежде (до 1688 г. – Н.Г.) изданы и те все сами с собою несогласны. И тако за грехи наши те правители книжныя в такое неразумие пришли, еже елико выходов бяше, то ни един с единым во всем Служебник согласен показася. А всюду поведуют, яко они все правиша с древних греческих и славенских рукописменных книг, с которых на соборе править утвержено» [10, с. 14–15].

Разумеется, Спиридон Потемкин и дьякон Федор подобное обвинение дополнили отрицательной характеристикой текстов, которые использовались реформаторами для исправления русских богослужебных книг. При этом и защитники старого обряда, и лидер латинствующих считали аргументом, позволяющим критиковать внесение изменений в обряд и богослужебную практику Русской Церкви, невыполнение провозглашенного принципа следовать текстам из «древних греческих и словенских книг». Во второй половине XVII в. для людей, независимо от культурной ориентации – на современный греческий восток или латинский запад, а также для их оппонентов – защитников старого обряда, оставались авторитетом тексты «древних греческих и славенских книг».

Реформаторы пытались убедить читателей, что исправления в новые богослужебные книги они вносили, ориентируясь на авторитетные рукописи. Их

оппоненты – идейные противники – латинствующие, и защитники старого обряда – ключевым моментом, приведшим к расколу в Церкви, считали книжное исправление. Каждая из сторон утверждала, что новые книги печатались с современных греческих изданий. Разумеется, этот аргумент был сформулирован практически одинаково, но по-разному трактовался и использовался для обвинения официальной Церкви. Для Сильвестра Медведева он применялся только как свидетельство обмана грекофилами паствы, а для противников реформы служил доказательством незаконности и неправомерности действий официальной Церкви и обоснованием своего права оставаться в оппозиции.

Уже первое поколение защитников старого обряда проделало большую работу по сбору свидетельств с целью доказать, что изменения в новые печатные книги были внесены без использования «древних греческих и славенских книг». Направленность этой работы хорошо охарактеризовал дьякон Федор: «Аз же, грешный дьякон, zelo трудихся о сем, исках и прочитал многия древния харатейныя книги, и гоних Никона по следу, яко пес волка и лиса лукаваго, и везде обретох его лукавствующа в завете Господни и святых пределы преступивша и солгавша...» [8, с. 165]. Здесь четко обозначено, что автор обратился к «древним харатейным книгам», чтобы получить подтверждение о внесении изменений в новые печатные книги, ориентируясь на них. Но он вынужден был сделать вывод об обмане со стороны Никона.

Судя по всему, дьякон Федор не только писал об обращении к древним книгам, но и реализовал этот принцип в действительности. Во всяком случае, в своих сочинениях он неоднократно указывает на знакомство с конкретными рукописями, как, например, со Служебником митрополита Киприана, или с печатными книгами. Апеллируя к конкретным рукописям и печатным изданиям, дьякон Федор считал нужным подчеркнуть, что он с ними знаком не понаслышке. Вот характерный пример обращения к читателю в таком случае: «Вся сам видех и прочитал, и Бог свидетель, яко не лгу» [8, с. 166]. Обращение к древним книгам с целью опровергнуть утверждение о том, что все новшества внесены, ориентируясь на эти тексты, стало основным в деятельности противников церковной реформы. Разумеется, большой вклад в то, чтобы подобная деятельность стала основополагающей при защите права оставаться в оппозиции к нововведениям, внесли книжники Соловецкого монастыря, начиная с Сергия Шелонина (об этом см.: [11]).

Наиболее значимый результат, в котором были подведены итоги многолетней работы по сбору свидетельств в пользу точки зрения, отстаиваемой противниками церковной реформы, предоставил в 1665 г. священник суздальского собора Никита Добрынин в своей незавершенной работе над Челобитной [12]. В центре его внимания оказались сборник «Скрижаль» и Служебники. Он попытался указать на реальные расхождения новых книг с древними. Для этого

⁴ Сильвестр Медведев насчитал «пять выходов», хотя реально было осуществлено шесть изданий: в 1655 г., в 1656 г., по два раза был издан в 1657 г. и в 1658 г. (Описание изданий и характер вносимых исправлений см.: [5, с. 65 – 77]).

был собран огромный материал, который автор расположил по тематическим разделам. Они были посвящены основным вопросам, обсуждаемым в связи с внесением изменений в обряд и богослужебную практику Русской Церкви.

Автор подошел ответственно к изложению доказательств, свидетельствующих о том, что при исправлении книг реформаторы отступили от традиции Русской Церкви, которая зафиксирована в древних рукописях и старопечатных книгах. Он не только цитировал соответствующие тексты из рукописей и старопечатных книг, но и давал их ориентиры, по которым можно было идентифицировать книгу. Приведем характерный пример такого рода описаний: «Да в книге Чудова монастыря, больнишнаго чернаго попа Антония, написано... А писана та книга при царе Иоанне Васильевиче всеа России самодержце. Да книга харатейная Никольскаго монастыря с Перервы чорнова священника Евфимия, и в ней написано... А летопись в той книге написана сице: В лето 6932-е списаны быша сия книги месяца генваря в 20 день... При благоверном князе Даниле Борисовиче и преосвященном митрополите Фотии киевском и всея Руси... Рукою многогрешнаго Захара» [12, с. 76].

Детально обсудив все ключевые нововведения, процитировав и прокомментировав тексты из сборника «Скрижаль» и Служебника, Никита Добрынин считал необходимым сделать соответствующий вывод. В качестве примера обратим внимание на его заключение по поводу новых Служебников: «Шесть бо выходов его, никоновых, Служебников в русийское государство насилством разослано: а все те Служебники меж собою розгласуются и не един со другим не согласуются. И то, государь, о тех новых никоновых Служебниках, о нарушении, и о превращении, и о несогласии, и о еже чрез предание излишних прикладах на сем столпце писано. И то он все, Никон, учинил своим развратным вымыслом, збираючи с розных с хромых и с покидных Служебников и со иноземских, а не с преданных догмат и не с правых Служебников» [12, с. 109].

В идейном манифесте пустозерских узников «Ответ православных» в разделе «О Служебниках» особенно четко сформулировано обвинение в адрес реформаторов по поводу нового Служебника: «И егда отвергоша от святаго олтаря старья непорочныя Служебники, купно же с ними и святыню от жертвенника, и издаде Никон, лжываго сатаны сын, шесть выходов новых Служебников, и сказал: «С греческих исправил и с харатейных русских: со Алексеива Служебника митрополита, и Киприанова, и Сергиева Радонежскаго, и сии вси Служебники согласны, – рек, – со греческими». А новья его Служебники, шесть выходов, не токмо с теми всеми, но и сами меж себе несогласны во многих местех. А со старыми печатными и не спрашивай!» [13, с. 211].

Защитники старого обряда постепенно увеличивали количество аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения на новшества, внесенные в обряд и бо-

гослужебную практику в результате церковной реформы. В центре внимания противостоящих сторон оказалось исправление книг при патриархе Никоне. Официальная Церковь отстаивала мнение по поводу новшеств, изложенное реформаторами в первых печатных изданиях, в которых было обосновано право вносить изменения. При этом они апеллировали к традиции, к необходимости исправить накопившиеся неточности в текстах богослужебных книг за длительное время их функционирования, опираясь исключительно на тексты «древних греческих и русских книг».

Их оппоненты, естественно, стали доказывать, что именно этот основной постулат – следование традиции – был нарушен реформаторами. Обращает на себя внимание тот факт, что подобное обвинение сформулировали и идейные противники – латинствующие, и защитники старого обряда, но сделали это с разными целями. Первые выдвинули его только для того, чтобы уличить в обмане паствы, а противники церковной реформы, как и реформаторы, считали, что следование традиции – необходимое условие существования и развития Русской Церкви. Только этим можно объяснить столь пристальное внимание к проблеме исправления книг.

Уже первое поколение защитников старого обряда наметило путь, по которому пойдут следующие поколения, отстаивая свое право оставаться в оппозиции к нововведениям. Это сопоставление текстов новых богослужебных книг с прежними, а главное – углубление знаний об авторитетных рукописях, старопечатных книгах, в которых зафиксирована традиция Русской Церкви. В результате для защитников старого обряда характерной чертой стал высочайший уровень книжной культуры, унаследованный от Древней Руси и развитый в условиях Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Служебник. М., 1655.
2. *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. 152 с.
3. Сборник «Скрижаль». М., 1655; 1656.
4. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1997. Т. V.
5. *Дмитриевский А.А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004. 160 с.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. 520 с.
7. Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / сост. А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова. Новосибирск, 1998. 400 с.
8. *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. 311 с.
9. *Успенский Н.Д.* Коллизия двух богословий в исправлении русских богослужебных книг в XVII веке // Успенский Н.Д. Православная литургия: историко-литургические исследования. Праздники, тексты, устав. М., 2007. С. 161–199.
10. *Медведев Сильвестр.* Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем / с предисловием и прим. С. Белокурова. М., 1886. 128 с.

11. *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. 560 с.

12. Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу Скрижалъ и на новоисправленные церковныя книги // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. IV. С. 1–178.

13. *Демкова Н.С., Титова Л.В.* Полемический трактат пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 170–224.

REFERENCES

1. The Service Book. Moscow, 1655. (In Russ.)
2. *Zernova A.S.* Books of Cyrillic Print Published in Moscow in the XVII–XVIII Centuries. Joint Catalogue. Moscow, 1958, 152 p. (In Russ.)
3. Collected Work «Skrizhal'». Moscow, 1655; 1656. (In Russ.)
4. Macarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. The History of the Russian Church. Moscow, 1997, vol. V. (In Russ.)
5. *Dmitrievskiy A.A.* The Correction of Books under Patriarch Nikon and the Subsequent Patriarchs. Moscow, 2004, 158 p. (In Russ.)
6. Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus'. St.-Petersburg, 1998, issue 3 (XVII Century), part 3, 520 p. (In Russ.)
7. Manuscripts of the XVI–XX Centuries from the Collection of the Institute of History, SB RAS / comp. A.I. Maltsev, T.V. Panich, L.V. Titova. Novosibirsk, 1998, 400 p. (In Russ.)

8. *Titova L.V.* Epistle of Dean Fyodor to His Son Maxim – A Literary and Polemical Monument of the Early Old Belief. Novosibirsk, 2003, 311 p. (In Russ.)

9. *Uspenskiy N.D.* Collision of Two Theologies in Correction of the Russian Liturgical Books in the XVII Century. *Uspenskiy N.D. Pravoslavnyaya liturgiya: istoriko-liturgicheskiye issledovaniya. Prazdniki, teksty, ustav.* Moscow, 2007, pp. 161–199. (In Russ.)

10. *Sylvester Medvedev.* True Word to the Orthodox Christians and Luminous Testimony About the New Books Editing and Other Things. Introd. and comm.by S.A. Belokurov. Moscow, 1886, 128 p. (In Russ.)

11. *Sapozhnikova O.S.* The Russian Scribe of the XVII Century Sergey Shelonin. Editing Activity. Moscow, Saint Petersburg, 2010, 560 p. (In Russ.)

12. Petition of the Suzdal' Priest Nikita Konstantinovich Dobrynin (Pustosvyat) to the Tzar Alexey Mikhaylovich About the Book «Skrizhal'» and Newly Corrected Church Books. *Materialy dlya istoriyi raskola za pervoye vremya yego sushchestvovaniya* / ed. by N. Subbotin. Moscow, 1978, pp. 1–78, vol. IV, (In Russ.)

13. *Demkova N.S., Titova L.V.* Polemical Treatise of the Pustozersk Prisoners “Response of the Orthodox Christians” in the Collections of Works of the XVII Century. *Obshchestvennoye soznaniye i literatura XVI – XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 170–224. (In Russ.)

Статья принята редакцией 07.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160307
УДК 821.161.1–4:271.2 “16”

Т.В. ПАНИЧ

**ТРАДИЦИИ УЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.***

Тамара Васильевна Панич,
д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: istochnik@history.nsc.ru

В статье исследуется ряд сочинений церковных писателей второй половины XVII в. (патриархов Иоакима и Адриана, Афанасия Холмогорского, Евфимия Чудовского, Игнатия Римского-Корсакова и др.), в содержании которых присутствует религиозно-дидактическая проблематика. Рассматриваются основные ее темы, выявляются связи произведений указанных авторов с традицией учительской литературы – с древнейшими текстами христианской письменности назидательного характера, представлявшими значимую часть книжной культуры Древней Руси. Сделан вывод о том, что наряду с обращением к традиционным темам учительской литературы церковные писатели второй половины XVII в. откликались в своих проповедях на актуальные проблемы современности.

Ключевые слова: XVII в., церковные писатели, традиции, учительная литература, окружные послания, духовные завещания

T.V. PANICH

**TRADITIONS OF THE EDIFYING LITERATURE IN THE WORKS
OF ECCLESIASTICAL WRITERS OF THE SECOND HALF
OF THE XVII CENTURY**

Tamara V. Panich,
Doctor of Philological Sciences,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: istochnik@history.nsc.ru

In the works of ecclesiastical writers of the second half of the XVII century (Patriarchs Joachim and Adrian, Athanasius of Kholmogory, Euthymius of Chudov Monastery, Ignatius Rimsky-Korsakov and others), the edifying theme occupied an important place. Religious and didactic issue is present in most texts of this group of authors. The article discusses these texts which include the teachings, encyclical letters of Patriarch Adrian and Archbishop Athanasius of Kholmogory, the spiritual testaments of Patriarch Joachim and Bishop Mitrofan of Voronezh and other works.

In terms of their content and subject matter, the texts under study are closely related to tradition: they are focused on the edifying literature of Ancient Rus' (texts of a protreptic nature from Holy Scripture, words and teachings of the Fathers of Church and Russian writers). Moral and ethical themes of Christian didactic literature were reflected in each work. Following its traditions, the authors condemn human vices and give protreptic recommendations on standards of life and behavior of a pious Christian. One of the important themes that were reflected in the studied works is the theme of "reverence for books". As the analysis shows, similes and metaphors used by the authors and related to the theme of worship of books and reading, go back to the texts, which were known in ancient Russian book-lore from the first centuries of its existence. In addition to considering traditional themes of the edifying literature, each author of the analyzed texts expressed his attitude towards topical issues of the second half of the XVII century. Creative efforts of writers were focused on addressing such issues as spiritual enlightenment; recovery of the Church authority weakened as a result of church reform and strengthening of secularization process; struggle against the schism; counteraction to the influence of western religions.

Studying the works of writers of the patriarch circle of the second half of the XVII century in the context of church and edifying tradition leads to the conclusion that these authors maintained a strong continuity with tradition. Moreover, in their didactic texts they touched upon topical issues of the day.

Key words: XVII c., ecclesiastical writers, traditions, edifying literature, encyclical letters, spiritual testaments

*Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-01-00217а.

Сочинения учительного характера занимали большое место в структуре древнерусской литературы. Пришедшие на Русь с принятием христианства переводные произведения религиозно-дидактического содержания являлись для читателей источником богословских знаний, учили принципам христианской нравственности и морали, служили основой и художественным каноном для древнерусских книжников, создававших собственные произведения по типу византийско-болгарских учительных текстов с использованием приемов, мотивов и образов из арсенала литературных средств их авторитетных предшественников. Как отмечал М.Н. Сперанский, «на этой... литературе получалось просвещение, на ней воспитывались как на образцах для подражания самостоятельные писатели русские» [1, с. 228]. Созданные в разных жанрах многочисленные тексты отцов Церкви и поздних христианских писателей (в том числе отечественных), разъяснявшие основы вероучения и во всех аспектах разрабатывавшие излюбленную тему средневековой христианской литературы «како подобает человеку быти» [2, с. 3–68; 3, с. 3–29], имели широкое хождение в древнерусской письменности. Сборники «душеполезных» сочинений из корпуса учительной литературы на протяжении нескольких веков традиционно составляли предмет домашнего назидательного чтения.

Целью нашей статьи является рассмотрение сочинений назидательного характера писателей патриаршего круга второй половины XVII в. в контексте традиций учительной литературы. В силу того, что деятельность данной группы авторов была связана с церковным служением, религиозно-дидактическая проблематика занимала в их творчестве важное место: почти все их произведения касаются сферы нравственного богословия. Однако в наиболее выраженном виде назидательное начало присутствует в таких произведениях писателей, как пастырские послания, духовные завещания, слова и поучения, приуроченные к какому-либо празднику или событию церковной или общественной жизни. Как правило, все тексты указанных жанров содержат наставления морально-этического характера, которые адресованы пастве, а также разъяснения, касающиеся богословского смысла назидательных рекомендаций.

В качестве примера можно сослаться на два поучения патриарха Адриана, содержащихся в рукописи из Синодального собрания ГИМ, № I¹. Первое из них написано в 1695 г. по случаю Великого поста², второе, судя по содержанию, не имеет какой-либо привязки к определенному событию³. В этих текстах предстоятель Русской Церкви призывает паству чаще посещать церковь, исповедоваться, исполнять евангельские заповеди, предостерегает от греха. Следуя традициям

христианской учительной литературы (словам и поучениям отцов и учителей Церкви), осуждавшей человеческие пороки, он порицает сребролюбие, скупость, лицемерие, хитрость, сквернословие, жестокое обращение с ближними («тиранство») и др.

Более подробно наставления, касавшиеся морально-этических аспектов жизни духовных чад патриарха Адриана, изложены в его Окружном послании к пастве, состоящем из 24 увещаний (публикацию текста см.: [5, с. 76–96]). По предположению Г.А. Скворцова, оно было написано вскоре после поставления Адриана на патриаршество, т.е. после 24 августа 1690 г. [6, с. 15]. В сочинении нашли отражение морально-этические темы христианской дидактической литературы. Автор послания предлагает своей пастве «увещания, нужная ко спасению», учит мирян и духовенство братолюбию, смирению, милости к вдовам и сиротам; призывает жить результатами своего труда, помогать нуждающимся; предостерегает от ростовщичества, а также посягательства на чужую собственность (в том числе на земельные владения Церкви).

Позднее Афанасий Холмогорский переработал текст этого патриаршего Послания в соответствии со стоявшими перед ним задачами, написав на его основе в 1696 г. свое Окружное послание к пастве [7, с. 36–40] (публикацию текста см.: [8, с. 249–264]). По сравнению с патриархом Адрианом Афанасий гораздо чаще обращается здесь к древним источникам. Стремясь украсить текст, добиться его эмоционального звучания, он использует цитаты, мотивы и образы учительной литературы, приводит выразительные словесные формулы из Священного Писания. Например, его рассуждение относительно несправедливо нажитого богатства – «Братие, люте недуг есть несправедное богатство хранимо, погибает бо таковое имевый, зане вся дни его во тме, в сетовании и гневе мнозем и тузе пребывают, и труд таковых в ветр» (цит. по: [8, с. 260]) – содержит образы и фразы ветхозаветного текста (Ек 5: 12–15). Иногда Афанасий расширяет семантическое поле отдельных фрагментов исходного текста за счет введения собственных рассуждений, новых идей, тем и источников [7, с. 36–39; 8, с. 247]. Так, например, он дополнил текст, посвященный обличению пьянства. Пытаясь отучить паству от «проклятого душепагубнаго пьянства», автор в качестве назидательных аргументов использовал ряд выписок (иногда в виде парафраз) из Священного Писания (Притч 23: 20–21; Сир 31: 29; 1 Кор 6: 10 и др.). Существенным образом Афанасий расширил и раздел патриаршего послания, где говорится о воспитании детей – одна из излюбленных тем учительной литературы. Он также дополнил собственные наставления цитатами из Библии (Сир 30: 1, 12), призвал родителей заботиться о своих чадах, воспитывать их «в наказании и чистоте телесной». В целом данный фрагмент Окружного послания построен в традициях известных дидактических сочинений о воспитании чад, перекликается с ними тематически и стилистически. Это, например, «Слово от Притчей Соломоновых о наказании чад» (Пролог,

¹ Рукопись представляет сборник-конволют, состоящий из 33 частей разного формата, собранных под одним переплетом. – Описание рукописи см.: [4, с. 102–104].

² Государственный исторический музей (ГИМ). Синодальное собрание. № I. Л. 447–456.

³ Там же. Л. 457–462.

8 июня); «Поучение от Притчей о казнях чад» (Пролог, 26 июля) и др. [9, с. 271].

Следует обратить внимание на одну важную деталь текста обоих посланий. И патриарх Адриан, и архиепископ Афанасий высказали здесь свое негативное отношение к усилившемуся во второй половине XVII в. влиянию западных конфессий. Так, патриарх Адриан наставлял свою паству: «Нововводных чужестранных обычаев, помалу вкрадывающихся тайно во святую нашу православную восточную Церковь от еретиков латин и лютеров и иных не принимати и учение их всякое возбраняти и не попушати» [6, с. 78]. Холмогорский архиерей в своем Окружном послании почти дословно повторил эти слова патриарха, прибавив к его списку «еретиков» еще «кальвинов и иных расколников» [8, с. 251].

Назидательные рекомендации подобного характера подопечным чадам содержались и в текстах, специально посвященных теме раскола, направленных против «церковных мятежников», воздействия которых на умы верующих «невегласов» опасались представители Церкви. Например, Афанасий Холмогорский в «Увете духовном», написанном от лица патриарха, предостерегал паству от возможного влияния на нее со стороны противников обрядовых нововведений: «Сего ради вси людие, бежите от зла и благо творите и возимете мир, любяще закон Божий и непорочную Церковь Божию, яко несть в ней соблазна и будет мзда ваша многа на небеси...»⁴. Позднее тобольский митрополит Игнатий в одном из сибирских посланий учил свою паству тому же: «Сих же отступников да отгоняете от себе. Аще к вам паки начнут приходить и смущати, держитесь святой Церкви и узрите их наипаче погибель. И учителя их с ними же погинути, нас же да сохранил Господь Бог при святой Церкви в православной вере»⁵.

Проповедь, направленная на защиту Церкви от влияния «нововводных чужестранных обычаев», звучит и в Духовном завещании патриарха Иоакима. Кроме того, здесь присутствуют и размышления на темы христианской нравственности, сформулированы поучительные наказания верующим относительно норм жизни и поведения благочестивого христианина. Опираясь на закрепленные в культуре «мудрые мысли», отражающие наблюдения и жизненный опыт многих поколений, автор этого Завещания учил: «Мудрии бо мужы подобственны на сие вещаша всякому человеку: “Употреби труд, храни мерность, богат будеши. Воздержно пий, мало яждь, здрав будеши. Твори благо, бегай злаго, спасен будеши”. И сиевым образом во правду всякому в души и телеси спасение от Господа Бога готово временное и вечное имство благополучное и продолжение лет во здравии» (цит. по: [10, с. 346]).

Позднее эти назидательные формулировки были процитированы в Духовном завещании Митрофана

Воронежского, написанном на основе Духовного завещания патриарха Иоакима [10, 365]. Текст архиепископа Митрофана в большей степени пронизан морально-учительным пафосом, особенно тот его фрагмент, где воронежский владыка специально обращается к монашеству и священству подведомственной ему епархии. В данном фрагменте использованы этикетные мотивы и образы учительной литературы, цитаты морально-этического содержания из Священного Писания и сочинений патристики. Епископ Митрофан призывал духовенство сохранять церковное благочиние, самим сторониться греха и учить этому паству, чтобы на Страшном Суде «слово воздати о стаде своем». Напоминая назидательные слова Иоанна Златоуста, он писал: «Сохраните убо себе от скверных сатанинских всяких дел нечистых. Якоже глаголет Златоустый: Отверзите от себе пианство, объядение, лишитесь тяжбы и сваров, и хулы на друга своего, и сквернаго мздоимания, клятвы и лжи, скупости и ненависти, и лукавства, блуда и всякия нечистоты бегайте. Со всяким опасством живите и заповедем Господним внимайте, сему учитесь, сему друг друга понуждайте, како бы вам непорочным стати на Страшнем и Грозном Суде во Второе пришествие Христово, егда будет судити всей вселенной. И како слово воздати о людех комуждо в пастве своей. Того ради всяко попецйтесь о своем спасении и образ себе сами себе покажите во всяком благочестии, яко же евангелист Матфей повествует, яко “да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже есть на небесех”. Вам бо есть и слово воздати о стаде своем. Златоустый глаголет: Аще убо кто единого от сих изгубит паствы своея небрежением, не все ли свое превратил есть спасение? Простец бо согрешивый за свою едину душу ответ даст Богу. Игумени и иереи – за многих паствы своея дать Богу ответ, иже млеко и волну от стада емлющи, а о овцах не пекущихся, о них слово имате воздати в великий он День. Како имате избежати, толико нерадивши о спасении? И паки Господь рече: “Горе вам, яко затворяете Царство небесное пред человеки. Сами не входите, и хотящим возбраняете”» (цит. по: [10, с. 356–357]). Помимо ссылок на труды и высказывания Иоанна Златоуста, автор Завещания использует здесь также цитаты из Нового Завета (Мф 5: 16; Мф 23: 13).

Воронежский владыка таким образом предостерегал монашество и священнический чин от пагубных страстей и пороков: блуда, лености, чревоугодия, пьянства, сквернословия и др. Столь пристальное внимание Митрофана в Завещании к этим темам, очевидно, было мотивировано реальными проблемами в церковной жизни Воронежской епархии.

Особое место в сочинениях учительного содержания изучаемых авторов занимала тема «книжного почитания». Так, в упомянутом выше поучении патриарха Адриана содержится адресованное духовным чадам наставление обратиться к чтению «святых книг». Ссылаясь на слово Иоанна Златоуста «о почитании книжном», автор поучения пишет: «Сего ради молю вас, людие Божии, и предлагаю вам пастырский

⁴ Увет духовный. М., 1682. Л. 78 об.

⁵ Библиотека Академии наук (БАН). Архангельское собрание. С. 220. Л. 7.

мой глас. Потщитесь поучатися в законех Господних и прочитати святыя книги, ими бо вся диявольския козни уразумеши, удобно прелести его победите и наследите спасение вечное, по учителству бо святого Златоуста, книжное прочтение свет есть души словесней, благоразумие же на все и житие изрядно, во спасение стяжати в готовности есть всякому»⁶.

Любовь к книге, книжному чтению, о которой говорит патриарх в своем поучении, традиционно рассматривалась как одна из главных добродетелей христианина, а книга (в первую очередь книги Св. Писания и Св. Предания, занимавшие в иерархии книжности высшее положение) расценивалась как сокровищница духовных знаний, символ «откровения», «трансцендентной тайны» – представление, сформировавшееся в христианской литературе в ее ранний период на основе ветхозаветной традиции [11, с. 201–203].

Митрофан Воронежский в своем Духовном завещании также затрагивает тему культа книги («книжного почитания»). Как и патриарх Адриан, он учит любить книгу, призывает к чтению Божественного Писания, которое, как он полагает, вразумит и укажет правильный путь в жизни: «К сему же, братия и чада моя, Божественное Писание любите и в них поучайтесь, Писаний бо прочтение небесам есть отвержение, мнози бо непрочтением книг с праваго пути совратишася. Вы же убо, сынове и братия нашего смирения о Господе избирайте разумения от Божественных Писаний, якоже добрая пчела, пребывающе на цветех и сот взимающе, былие же оставляюще» (цит. по: [10, с. 358]).

Отраженные в приведенном фрагменте метафорические образы и символы (книга как источник небесного света, откровения; уподобление процесса чтения работе трудолюбивой пчелы, собирающей нектар с цветков и избегающей сорняков, под которыми подраزمевались «неполезные», «еретические» книги) восходят к традиционным текстам на тему «почитания книжного», которые были известны в древнерусской книжности с первых веков ее существования. Например, входящее в «Изборник 1076 года» «Слово некоего калугера о почитании книжном» [12, с. 151–156]; поучение на эту же тему Иоанна Златоуста, читаемое в третью неделю Великого поста (книга «Златоуст»); слово, также приписываемое Иоанну Златоусту, – «Како подобает чтение святых книг послушати, с прилежанием чести и внимати» (Пролог, 16 сентября) и др.

Тема «книжного почитания» сопрягается в отдельных рассматриваемых нами текстах с проблемой образования, духовного просвещения, стоявшей на повестке дня во второй половине XVII в. [13]. Процессы, происходившие в общественной жизни, последствия церковной реформы патриарха Никона, расширение контактов с иностранцами актуализировали проблему просвещения. Остро ощущался недостаток образованных людей. Иеромонах Чудова монастыря Евфимий уделил внимание этому вопросу в трактате «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии

и теологии, и стихотворному художеству...» (публикацию текста см.: [13, с. 244–261]), написанном в связи с обсуждением характера русского просвещения (его языковой основы) и планов создания высшего учебного заведения в Москве. Порицая невежество и полагая просвещение великим благом, Евфимий писал: «Неучение – тма, ослепляющая умныя очи, и есть и глаголется, яко апостол глаголет, зане тма ослепи очи. Учение же – ясная луча есть, ею же невежества тма разрушается и естественныя человеческого разума очеса просвещаются. И есть велие благо» (цит. по: [13, с. 244]).

В защиту духовного просвещения выступал и Афанасий Холмогорский в «Увете духовном». Здесь также звучит похвала книге как источнику знаний и неоспоримых истин. Афанасий ссылаясь на «достоверные свидетельства» древних манускриптов, подчеркивая важность обращения к ним в поисках ответов на вопросы и обличения, сформулированные в Челобитной поборников «старой» веры, которая стала предметом его критики. Автор «Увета духовного» напоминал своим, как он полагал, невежественным оппонентам о книжных собраниях царского и патриаршего хранилищ, в которых, по его словам, заключены бесценные сокровища: «И что в них писано, яко неоцененное есть сокровище. И како возможно есть кому противно тем святых книгам писати и противная печатати?...»⁷. Эти древние книги стали основным источником при написании «Увета духовного» [14]. Афанасий Холмогорский при этом обращал свои наставления и «увещания» не только к противникам обрядовых нововведений, но и к тем, кто мог сойти с «правого пути» под влиянием проповеди идеологов раскола.

В настоящей статье мы рассмотрели несколько сочинений церковных писателей второй половины XVII в., в которых наиболее ярко выражено учительное начало. Анализ их сочинений показал, что по своему содержанию и проблематике они ориентированы на учительную литературу Древней Руси (тексты назидательного характера из Священного Писания, слова и поучения отцов и учителей Церкви). В то же время следует отметить, что наряду с обращением к традиционным темам учительной литературы авторы этих произведений направляли свои творческие усилия на решение таких злободневных вопросов эпохи, как духовное просвещение, укрепление ослабленного в результате церковной реформы и усиления процессов секуляризации авторитета Церкви, борьба с расколом, противодействие влиянию западных конфессий.

Таким образом, изучение сочинений писателей патриаршего круга второй половины XVII в., в содержании которых присутствует церковно-дидактическая проблематика, позволяет сделать вывод о том, что эти авторы сохраняли прочную преемственную связь с традициями учительной литературы. Вместе с тем они откликались в своих назиданиях и проповедях на актуальные проблемы современности.

⁶ ГИМ, Синодальное собрание. № I. Л. 460 об.

⁷ Увет духовный. Л. 256 об.–257.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сперанский М.Н.* История древней русской литературы. 4-е изд. СПб., 2002. 541 с.
2. *Адрианова-Перетц В.П.* Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 3–68.
3. *Адрианова-Перетц В.П.* К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. С. 3–29.
4. *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2.
5. *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т. 2: Приложения и материалы.
6. *Скворцов Г.А.* Патриарх Адриан: Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913. 369 с.
7. *Панич Т.В.* Два окружных послания конца XVII в.: История одного текста // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 36–40.
8. *Панич Т.В.* Окружное послание 1696 г. Афанасия Холмогорского // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 241–264.
9. *Панич Т.В.* Традиции учительной литературы в «Окружном послании» 1696 г. Афанасия Холмогорского // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф. посв. 400-летию города Сургута (22–25 марта 1994). Екатеринбург, 1995. С. 266–276.
10. *Панич Т.В.* Три духовных завещания церковных иерархов второй половины XVII в.: идейные и текстуальные связи // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 320–368.
11. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. 318 с.
12. Изборник 1076 года / издание подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965. 1092 с.
13. *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. 296 с.
14. *Панич Т.В.* Источники «Увета духовного» Афанасия Холмогорского // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 25–56.

REFERENCES

1. *Speransky M.N.* The History of Ancient Russian Literature. Fourth Edition. SPb., 2002, 541 p. (In Russ.)

2. *Adrianova-Peretz V.P.* The Man in the Edifying Literature of Ancient Rus'. *TODRL*. Leningrad, 1972, pp. 3–68, vol. 27. (In Russ.)
3. *Adrianova-Peretz V.P.* The Question of a Circle of Reading of the Ancient Russian Writer. *TODRL*. Leningrad, 1974, pp. 3–29. (In Russ.)
4. *Protasyeva T.N.* Description of Manuscripts of the Synodal Assembly (not included in the description of A.V. Gorsky and K.I. Nevostruev). Moscow, 1973, part 2. (In Russ.)
5. *Esipov G.V.* Schismatic Affairs of the XVIII Century. SPb., 1863, vol. 2: Applications and Materials. (In Russ.)
6. *Skvortsov G.A.* Patriarch Adrian: His Life and Work in Connection with the State of the Russian Church in the Last Decade of the XVII Century. Kazan, 1913, 369 p. (In Russ.)
7. *Panich T.V.* Two Encyclical Letters of the End of the XVII Century: The Story of One Text. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2002, no. 2, pp. 36–40. (In Russ.)
8. *Panich T.V.* Encyclical Letter of 1696 by Athanasius of Kholmogory. *Istoricheskie istochniki i literaturnyye pamyatniki XVI–XX vv. Rasvitiye traditsij*. Novosibirsk, 2004, pp. 241–264. (In Russ.)
9. *Panich T.V.* Traditions of the Edifying Literature in «Encyclical Letter» of 1696 by Athanasius of Kholmogory. *Surgut, Sibir, Rossia: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 400-letiyu goroda Surguta* (March 22–25, 1994). Reports. Yekaterinburg, 1995, pp. 266–276. (In Russ.)
10. *Panich T.V.* Three Spiritual Testaments of Church Hierarchs of the Second Half of the XVII Century: Ideological and Textual Relations. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kultury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2015, pp. 320–368. (In Russ.)
11. *Averintsev S.S.* Poetics of the Early Byzantine Literature. Moscow, 1977, 318 p. (In Russ.)
12. Anthology of 1076. Ed. prep. by V.S. Golyschenko, V.F. Dubrovina, V.G. Demyanov, G.F. Nefedov. Moscow, 1965, 1092 p. (In Russ.)
13. *Fonkich B.L.* Greco-Slavic Schools in Moscow in the XVII Century. Moscow, 2009, 296 p. (In Russ.)
14. *Panich T.V.* Sources of «Spiritual Uvet» of Athanasius of Kholmogory. *Arheograficheskie issledovaniya otechestvennoy istorii: Text istochnika v literaturnykh i obshchestvennykh svyazyakh*. Novosibirsk, 2009, pp. 25–56. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 13.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160308
УДК 821.161.1

Л.И. ЖУРОВА

**ФУНКЦИИ НАЧАЛА И КОНЦА ПОВЕСТВОВАНИЯ
В СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЯХ
(ГРУППА ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)**

Людмила Ивановна Журова,
д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: zhurova@ngs.ru

В статье изложены результаты анализа заглавий, предисловий и концовок Есиповской летописи в ее видах и редакциях. Основная цель текстологического анализа – выявление эволюции авторского замысла в рецепции редакторов памятника, существующего в десятках списков XVII–XVIII вв. Метатекстом сибирского летописания стал рассказ о взятии Сибири Ермаком. Название, как ипостась произведения в заданной читателю авторской интенции, с позиции читателя выполняет репрезентативную функцию, с позиции писателя – назывную (номинативную). Множество вариантов названий моделирует изменение цели летописного повествования в его историко-культурном развитии. Многосоставный финал, маркированный автором летописи, придает оптимистичное звучание сибирскому эпосу. Отсутствие элементов финала в некоторых вариантах летописи делает ее структуру открытой.

Ключевые слова: сибирские летописи, поход Ермака в Сибирь, историческое повествование, заголовок, предисловие, концовка.

L.I. ZHUROVA

**FUNCTIONS OF BEGINNING AND ENDING
OF THE NARRATIVE IN SIBERIAN CHRONICLES
(GROUP OF YESIPOV CHRONICLE)**

Ludmila I. Zhurova,
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: zhurova@ngs.ru

Academic publication of the Siberian chronicles, based on codicological and textological analysis of manuscripts, offers extensive material for further research. The revealed redactions and types of texts show that the Chronicle of Savva Yesipov had been actively used in the book culture of the XVII century. The Tale of Yermak's seizure of Siberia became a metatext for the Siberian chronicles. While studying the chronicles it is important to determine the degree of the text's variation and basic trends in the development of historical prose from the viewpoint of an editor as a reader and as an author. Analysis of the manuscript tradition that was created mostly by the scribes of the XVII-XVIII centuries shows the significance of the text's functions and its elements such as titles, word order, introductions, conclusions etc.

In the Siberian chronicles the unlimitedness of events typical of the All-Russian chronicles was replaced with delineated boundaries and limits of the course of historical action which is expressed in titles, forewords and special endings of the narrative. The paper presents some key results of analysis of these elements based on the study of types, redactions and versions of the Yesipov Chronicle. The objective of textological analysis is to determine the evolution of the authorial intention in the history of the text of this monument that was used in dozens of copies in the XVII–XVIII centuries. The titles are the most inconsistent elements in the Old Ancient writings. It is stated that within the Siberian chronicles the titles performed representational function from the reader's point of view and nominative function – from the writer's (editor's) point of view. A variety of titles determined the goals of chronicals' narrative in its historical and cultural development. Introductions appeared in the later redactions of the Siberian chronicles. They were designed for establishing contact with the reader and explaining the conception of the historical narrative. The ending, marked by the chronicle's editor, focuses the reader's attention on the chronicle's compiler. The chronicle has an open structure due to the absence of such endings in some of its versions.

Key words: Siberian chronicles, Yermak's campaign to Siberia, historical narrative, title, foreword, ending.

Сибирские летописи появились в тот период развития русской книжности, когда происходил переход к связному повествованию об истории через преодоление летописного способа изложения. Условия, породившие этот процесс, относятся к эпохе централизации и расширения Русского государства в XVI в. Типологически сибирские летописи тяготеют к такого рода дискурсу, когда историческое повествование строится на сюжетно ограниченных темах, одной из которых является рассказ о завоевании новых земель, например, «Казанская история». В основу сибирских летописей положен рассказ о завоевании Сибири Ермаком и его дружиной, ставший смысловым ядром исторической прозы Сибири. На смену дискретному ряду хроники общерусского летописания, оформленному сеткой погодных записей, приходит линейное, последовательное, цельное изложение событий, что позволяет установить между ними прагматические связи. Это уже рассказ не об истории, а о событиях истории [1, с. 237].

В сибирском летописании на смену неохватности фактов общественной жизни, наблюдаемых в общерусских летописях, приходит очерченность границ и пределов хода действий, выраженная заголовками, предисловиями и специальными концовками. Динамичность повествования передается через мотив пути и движения [2, с. 113–127].

Сибирская историческая проза ведет повествование практически на одну тему – завоевание и освоение Сибири, которую можно определить как метатекст летописания. Поход Ермака – это доминанта исторического сюжета, он либо является смысловым ядром эпического текста, либо выступает предтечей, прологом пространного летописца (как, например, «Книги записной»).

Сегодня публикациями сибирских летописей, основанными на кодикологическом изучении рукописей и текстологическом анализе многочисленных списков [3], представлен обширный материал, требующий дальнейшего исследования. Изучение истории текста на протяжении XVII–XVIII вв. позволит определить основные тенденции в развитии сибирской исторической прозы. В этом процессе ведущую роль сыграли редакторы – последователи Саввы Есипова, которых можно квалифицировать как особый тип читателей. Именно с позиции таких читателей имеет смысл представить историю сибирского летописания.

Летописи есиповской группы (редакции и виды) при общей событийной основе отличаются и текстурально, и композиционно. Авторский текст, составленный в 1636 г. в Тобольском архиерейском доме дьяком Саввой Есиповым, выделяется не только стройностью концепции и четкостью изложения идеи [4, с. 239], но и продуманной структурой. Сибирскими исследователями Е.И. Дергачевой-Скоп, Е.К. Ромодановской установлены и описаны редакции Есиповской летописи (ЕЛ): Основная (28 списков), Забелинская (2 списка), Лихачевская (1 список), а также виды: Титовский (2 списка) и Абрамовский (1 список) [3, с. 6–19]. Особое место в истории текста группы Есиповской лето-

писи занимает Распространенная редакция. Различия между редакциями настолько существенны, что некоторые исследователи предпочитали видеть в них самостоятельные памятники.

Задача настоящей статьи – проследить подвижность внешних границ текста ЕЛ. Начало и конец произведения, занимающие сильные позиции текста, отличаются своей многосоставностью. Начало сибирских летописей представляет комплекс таких структурных элементов, как название, предисловие, оглавление текста; заключительная часть включает в себя «благодарение», просьбу об «исправлении» и авторские комментарии. Эти внешние границы выполнили вспомогательную функцию в организации повествования. Внутренние границы ЕЛ определяются развитием двух сюжетов – сибирские цари и смерть Кучума, поход Ермака и его гибель. Причем второй сюжет расположен внутри первого, что усиливает его значимость как смыслового ядра летописи. Хочется заметить, что изучение поэтики начал и концовок в «Повести временных лет» решает другие задачи [5, с. 13–31].

Начало и конец текста более всего подвергаются редакторским изменениям, притягивают к себе внимание читателя, организуют его чтение и восприятие. Начало текста, как отмечал Ю.М. Лотман, связано с моделированием причины, а «конец активизирует признак цели» [6, с. 264]. Задачи писателя-историка, сформулированные еще Нестором в «Повести временных лет», сохранены Саввой Есиповым. Перефразируя ее название, получим формулу: «Откуда есть пошла [*Сибирская*] земля, кто первое нача [*воеводствавати*]... откуда [*Сибирская*] земля стала есть». Осваивая новые земли, летописцы ставили вопросы исторического характера: откуда и как шли русские в Сибирь, насколько оправдано их пришествие, как шло закрепление первооселенцев на новых местах. В конце автор ЕЛ закрепляет идею провиденциализма, проведенную через все сочинение. Различаясь формой и смыслом начал и концовок текстов, летописи есиповской группы находятся на разных стадиях развития исторического дискурса. Повествование Есиповской летописи представляет его парадигму.

По вариантам названий, наблюдаемых в истории текста сибирских летописей, можно оценить рецепцию читателей на протяжении целого столетия. Заголовки сочинений являются ипостасью произведения в адресованной читателю авторской интенции [7, с. 287]. Они содержат смысловую доминанту сочинений, и их задача – ввести читателя в текст. Ю.М. Лотман рассматривал текст и заглавие как два самостоятельных текста, находящихся в иерархических отношениях, где один из них – текст, а другой – метатекст [6, с. 132].

Есиповская летопись открывается двумя заголовками. С позиции читателя заголовок выполняет репрезентативную функцию, с позиции писателя – назывную (номинативную) [8, с. 8]. Первое название «О Сибири и о сибирском взятии» (заголовок 1) практически совпадает с названием Румянцевского летописца (РЛ), который, согласно концепции

Е.И. Дергачевой-Скоп, мог быть одним из протографов ЕЛ [9, с. 58]: «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии» [3, с. 32]. Автор ЕЛ усекает заголовки источника (РЛ), а имя Ермака использует в своем названии, где провозглашает провиденциалистскую теорию завоевания Сибири и воспекает подвиг русского полка: «О Сибирской стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною» (заголовок 2) [3, с. 42].

Известно, что заглавия являются самой неустойчивой частью древнерусского сочинения [10, с. 310]. Вариативность названий ЕЛ, отмеченная в многочисленных списках, очень высока. Так, одиннадцать списков Основной редакции вовсе не содержат заголовка 1. Видимо, книжники чувствовали повторяемость мотивов в двух названиях и предпочитали пространные варианты названий, которые давали более полное представление о повествовании.

Концептуальный заголовок Саввы Есипова (заголовок 2) претерпел ряд изменений. Так, в Уваровской группе списков (ГИМ. Собр. Уварова. № 613. XVII и XVIII в., РНБ. F.IV.122. Вторая половина XVII в.), которую Е.И. Дергачева-Скоп считает наиболее близкой к тексту Румянцевского летописца [9, с. 82], заголовок 1 отсутствует, а заголовок 2 отличается тем, что акцент в нем поставлен на завоевании Сибири православными людьми, т.е. ими заменена «храбрая и предобрая дружина»: «О Сибирстей стране, како взята бысть от православных христиан изволением Божиим, сиречь от рускаго полка, волским атаманом Ермаком». В этих списках нет Синодика ермаковым казакам, который составил последнюю главу ЕЛ. Такие трансформации не случайны, они демонстрируют процесс замещения коллективного героя (казачьей дружины) его символическим образом (атаманом Ермаком), который лучше закрепляется в исторической памяти.

В списках Окладной книги Сибири 1697 г., составленной в Москве в конце XVII в., вместо заголовков Основной редакции ЕЛ сделано надписание, содержащее ссылку на летопись: «Да в летописи, какова изложена бысть в лето 7145-го месяца септевриа в 1 день, о Сибирском царстве написано» (РНБ. F.IV.76. 1697 г.; ГИМ. ОПИ. Ф. 113. № 34; ГИМ. Собр. Щукина. № 526. Первая четверть XVIII в.; РНБ. НСРК. Q.244. XVIII в.). Этот заголовок возник под влиянием концовки, где указана дата составления летописи.

В отдельных текстах, происхождение которых следует относить к XVIII в., заголовок 2 элиминирован. Например, в списке, принадлежавшем первому сибирскому писателю, воспитаннику Тобольской духовной семинарии П.А. Словоцову, он опущен, а в заголовке 1 четче разделены две темы: «О Сибирстей стране и о взятии Сибири» (БАН. Собр. Археографической комиссии. № 85. Конца XVII – начала XVIII в.). В Миллеровском списке (РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. № 505. Д. 5. Середина XVIII в.) вместо двух заголовков Основной редакции появилась доку-

ментальная фраза: «7089 году октября 26 дня взятые Сибири», видимо, вписанная по замыслу самого Г. Миллера, собиравшего в XVIII в. материалы по истории Сибири. Таким образом, вариативность названий в списках Основной редакции ЕЛ достаточно высока, что говорит о большой подвижности текста и сильной его рецепции.

Повествование в сибирских летописях начинается с «географической статьи», содержанием которой стало описание расположения сибирской земли, ее растительного и животного мира, направления движения рек, по которым пройдут пути казаков, русского воинства и первооселенцев. Сибирские авторы продолжили традицию общерусского летописания, открывая исторический рассказ с географии. В «Повести временных лет» рассказ о «пути из Варяг в Греки» служит введением в историю Русской земли [5, с. 21]. В сибирских летописях вектор «пути» – обратный: от «греков» к «варягам», и «географическая статья» здесь тоже выполняет роль вступления к историческому повествованию. Видимо, по этой причине в списке, положенном в основу публикации – Сычевском (РНБ. Q.XVII.33. XVII в.), начальная статья не отмечена номером и названием, а нумерация глав в нем начинается со статьи «О сибирских царех и князех». Фраза «о сибирской стране» принадлежит окончанию предисловия (выделено курсивом): «...поведаша ми яве о сибирстей стране». В большинстве списков «географическая статья» обозначена и в оглавлении, и в тексте летописей как «Глава 1», «О сибирских царех и князех» – как «Глава 2» и т.д. (всего 36 глав, «Синодик» – «Глава 37»).

Несколько текстов ЕЛ не содержат заголовков 1 и 2, предисловия и оглавления и начинаются с «географической статьи». В этом ряду находятся как списки Основной редакции (например, Коркуновский), так и Забелинской, Лихачевской редакций и Абрамовского вида. Примечательно, что «географическая статья» в них приобрела жанровое название, например, в списках Основной редакции: «Сказание о Сибирской стране» (РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 457. Последняя четв. XVII в., P₁), «Списание о Сибирской земле» (РНБ. Q.IV.82. Конец XVII – начало XVIII в., T₁; Архив ЛОИИ. Колл.11. Собр. Археографической комиссии. № 70. Первая четверть XVIII в., A). Примечательно, что эти три списка другими особыми текстологическими приметами не отличаются, но тексты T₁ и A имеют ряд общих разночтений. Список P₁ заканчивается датой сложения летописи и авторских комментариев, помещаемых обычно в конце летописи, не содержит.

В Лихачевской редакции, представленной единственным списком второй половины XVII в., текст летописи открывается названием первой статьи «Слово о Сибирской стране» [3, с. 117]. В Забелинской редакции текст начинается с названия «географической статьи»: «Сказание о Сибирской земле, откуда широту и долготу имеет, и о первых царех сибирских» [3, с. 107]. Такой формулировкой редактор подчеркнул ее

географический характер. По наблюдениям Е.К. Ромодановской, эта редакция представляет собой «беллетристическую обработку ЕЛ конца XVII в.», составленную тоболяком, активно использовавшим устные предания [3, с. 17; 4, с. 273–282].

Появление жанровых номинаций («Сказание», «Списание», «Слово») в сильной позиции начала текста могло восприниматься (в отсутствие заголовков 1 и 2) как название всей летописи. Определение жанров стало возможным на том этапе развития сибирской эпической прозы, когда возникла необходимость обозначить форму представления прошедших событий, чтобы обеспечить эффект их восприятия.

Динамичность названий в видах ЕЛ еще энергичнее. Списки, как правило, относятся к XVIII в. Так, заголовок Титовского вида (РНБ. Собр. Титова. № 3708. Первая четверть XVIII в.) представляет собой полную переработку заголовка Есипова, в результате чего сложилось пространное название с расширенным содержанием [3, с. 79]. Рассказ «О Сибирской стране» представлен как «Описание известительное...», что подчеркивает информативный характер известий об истории сибирских народов, почерпнутых из «татарского летописца». Усилены церковные мотивы: к «изволению Божию» добавлена помощь «молитвами Богородицы». Сами завоеватели представлены православнороссийскими христианами (вместо «православными»). Указана цель покорения Сибири: «во обдержание российскому скипетру». Подчеркнуты мужество и храбрость русского воинства (вместо «полка»), «собранного и водимаго атаманом Ермаком...». Сама трансформация заголовка построена на расширении срединной его части, начало (О Сибирской стране) и окончание (о войске Ермака) сохранили свои позиции. Такая редакция текста заглавия представляет собой довольно сложный творческий процесс, но главное, в ней появились новые акценты в интерпретации сюжета о сибирском взятии. Обратим внимание, что Титовский вид находится в составе сборников, включающих сочинения, основанные на сюжетах о взятии: «Казанская история», и «Сказание о взятии Астрахани Иваном Грозным». То есть на рубеже веков совершенно целенаправленно собирался цикл повестей о взятиях, и сюжет о покорении Сибири в него встраивался.

Абрамовский вид (Архив Всероссийского географического общества. Разр. 114. Оп. 1. № 108. Середина XVIII в.) начинается с «географической статьи», сохранившей свое традиционное название. Но здесь появляется новый заголовок, покрывающий содержание всей летописи – «Летописец Тоболской» – и ориентирующий на историю города. В продолжение этой тенденции редактор внес изменения в формулировки названий глав, например: «О присылке из Москвы воевод в Тоболск» (вместо «Глава 30. О пришествии воевод»). Заголовок «О поставлении града Тоболска» приписан к главе 32 ЕЛ «О взятии князя Сейдяка, и царевича Казачьи орды Салтана, и Карачи и о убиении прочих», тогда как должен быть отнесен к главе 31

«О граде Тобольске, и о создании его, и о поставлении церкви, и о начальстве его, яко начальный град нареченя», которая в Абрамовском виде осталась без названия, и т.д. Противоречивость идейных позиций автора Абрамовского вида отмечена Е.И. Дергачевой-Скоп [3, с. 17]. Но некоторые несоответствия в повествовании следует объяснить ошибочностью целого ряда чтений.

Таким образом, из анализа заголовков сибирских летописей следует, что они отличаются разной степенью коиндексальности, т.е. полного соответствия своему тексту. Заголовок 1, генетически связанный с начальным этапом сибирского летописания, оказался слабо устойчивым в историческом движении текста, видимо, из-за своего дублирующего характера. Авторское название Саввы Есипова трансформировалось в направлении расширения его содержания и размытия концепта взятия Сибири «храброй дружиной». В истории текста ЕЛ прослеживается тенденция к редуцированию авторского заголовка Саввы Есипова, что говорит о наметившемся разрыве в культурной памяти о сибирском взятии.

Другие элементы начального комплекса ЕЛ – предисловие и оглавление – свидетельствуют о тяготении летописного повествования к форме книги, поэтому точнее было бы называть сибирский текст летописной книгой. В древнерусской книжной традиции предисловие всегда было исторически изменяющейся формой, фиксирующей литературный процесс в его переломных точках [11, с. 12]. Предисловие служило «вратами» в сборник и способствовало «формированию представления о книге» [12, с. 156]. В нем, как правило, обозначена цель труда писателя и мотивировка его замысла.

Одну из разновидностей предисловий наблюдаем в истории сибирской исторической прозы. Задача предисловия в ЕЛ – обозначить темы повествования. Их несколько: об истории Сибирского царства, взятии Сибири русским воинством, победе над Кучумом, мужестве и храбрости полка Ермака, поставлении городов и создании церковей, чудесах Богородицы и «прочих вещех». Автор предупредил, что изложил все по главам, «да не с трудом вся обрящутся», установив таким образом контакт с читателем, что было, как правило, главной целью книжного предисловия [12, с. 171], и заверил в достоверности своего изложения, указав на один из источников своего повествования: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца татарского, ино же достоверными мужы испытовах, еже добре и некоснено поведаша ми яве» [3, с. 42]. Е.К. Ромодановская высказывала предположение, что такой источник дьяку Тобольского архиерейского дома мог предоставить Черкас Александров [4, с. 228]. Предисловие, как и заголовок, выступает метатекстом ЕЛ, фиксирующим внимание читателя на значимых моментах повествования. В Титовском виде появилось надписание к вступительной части ЕЛ: «Предисловие книги сея».

Ориентации в пространстве книги и путеводителем служит оглавление. Как показывает текстологи-

ческий анализ, оглавление в списках ЕЛ различается как своим оформлением, так и формулировками (списки могут иметь разное число глав и разные варианты названий в оглавлении). Маркирование оглавления – «Главы книзе сей» (вариант: «Главы настояция книги сея») – встречается только в пяти списках Основной редакции. В Титовском виде появилось надписание: «Главы, написанныя книзи сея о Сибирстей стране и царстве и о протчих иных вещех» [3, с. 79]. Введение рубрикации в пространный текст способствовало более четкому структурированию летописного повествования. Деление летописного текста на главы известно из истории новгородского летописания.

Заканчивается рассказ сибирских летописей смертью Кучума (глава 34). Далее следует многосоставное заключение, содержание которого не связано с нарративным началом. Финальная часть сложена из нескольких структурных единиц, представляющих отдельные виды концовок. Первая концовка – это статья «Благодарение Богу» (глава 35), где основной мотив – распространение христианской веры в Сибирской земле. Следует признать, что не все списки приводят ее название. Заканчивается глава словами, маркирующими ее нижнюю границу: «И о сих до зде. Паче же ко исправлению приидох» [3, с. 69]. В Уваровском списке после этой фразы стоит «Аминь».

Следующая глава – 36, которую мы рассматриваем как вторую концовку ЕЛ, открывается фразой: «Имей же помочь, исправляюще летописи сия, еже о взятии Сибири и победе сичеве». Это место (конец одной главы и начало другой) оказалось наиболее подвижным в редакциях ЕЛ. В Абрамовском виде конец текста выглядит так: «И о сих ко исправлению приидох, исправляюще летописи сия, еже о взятии Сибири, града Тоболска и о победе (так! – Л.Ж.) царя Кучума и о воинстве его» [3, с. 97]. Ошибочный текст возник, видимо, из-за невнимательности писца.

Глава 36 имеет название только в оглавлении: «Глава 36. О исправе летописи сия, имея таковыя приклады». В качестве «приклада», надо полагать, приводится упоминание о «написании», которое казаки принесли Киприану. Рассказ о поставлении архиепископа Киприана и его замысле составить память убиенным казакам, по сути, является предисловием к следующей главе – «Глава 37. Синодик казаком».

После Синодика без обозначения главы помещена еще одна – третья концовка, отмеченная фразой: «Конец предлагаем летописи сия». Она состоит из трех фрагментов, по содержанию представляющих собой авторские комментарии: сообщение о дате написания летописи («лета 7145-го сентября в 1 день»), литорей (имя составителя – Саввы Есипова) и ссылки на источники («с писания, преж мене списавшаго... аз же распространих» и «от достоверных муж испытах») [3, с. 72]. Этот текст перекликается с предисловием ЕЛ: «ино же достоверными мужы испытывах» [3, с. 42]. Завершается эта концовка так: «И о сем словеса мои в конец преидоша» [3, с. 72], что служит сигналом окончания текста. Но самым последним моментом ав-

торской речи стало славословие Христу и зааминивание: «Упразднимся, братие, паки на Божия чудеса... Аминь».

Такая сложная конструкция заключительной части ЕЛ служит постепенному завершению темы взятия Сибири и создает впечатление масштабности и важности эпического события.

В истории текста судьба трехчастного заключения сложилась по-разному. Некоторые списки Основной редакции отличаются названиями глав 35 и 36. Уваровский список не содержит третьей концовки. Ряд списков заканчивается на свидетельстве о времени составления летописца (начало третьего вида концовки) и не содержит литорей и сообщения об источниках [13, с. 71, прим 68].

В Забелинской редакции слов об «исправе» летописи, которыми заканчивается 35 глава и начинается глава 36, вовсе нет. Третьего вида концовки тоже нет, что говорит об утрате интереса к автору летописи. Редакция заканчивается славословием Христу. Тексты последних глав, как и всей редакции, имеют множество индивидуальных чтений.

В Лихачевской редакции название главы 36 из оглавления перенесено в основной текст и убрана начальная фраза «Имей же помочь...». В третьем виде концовки сохранена только первая фраза в такой редакции: «Конец же предлагаю сему летописцу, Всесибирское царство и княжения, и о взятии Тобольска града, в лето 7145 году в 1 день» [3, с. 128]. Как видим, в истории текста ЕЛ происходило смешение фактов и событий.

Все три концовки сохранились в Титовском виде, где ЕЛ включена в цикл сказаний о взятиях («Казанской истории» и «Сказания о взятии Астрахани»). Повествование заканчивается примечательной фразой: «Конец взятиям Казанскому, Астраханскому и Сибирскому» [3, с. 90]. Составитель сборника начала XVIII в. [3, с. 17] выстроил ряд исторически однотипных событий, и такая концовка является знаком победы над «неверными» народами, покорения новых земель, расширения границ Российского государства. Сам пафос заключительной фразы отвечает культуре эпохи Петровского времени. Окончание эпического текста согласно традиции должно звучать оптимистично.

Анализ начала и конца сибирских летописей, создавших закрытую структуру текста, показал, что трансформации его внешних границ свидетельствуют о сильной динамике, наблюдавшейся в процессах книжной культуры Сибири XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. 376 с.
2. Журова Л.И. Путь и движение в сибирских летописях XVII в. // Русский травелог XVIII–XX веков Новосибирск, 2015. С. 113–127.
3. ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. 383 с.
4. Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. 390 с.

5. Шайкин А.А. Поэтика начал и концовок в «Повести временных лет» // Русская литература. 2002. № 4. С. 13–31.

6. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. 534 с.

7. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990. 182 с.

8. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология: Автореф. канд. дис. филол. наук. М., 1986. 17 с.

9. Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания. Концепция. Материалы. Новосибирск. 2000. 95 с.

10. Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. 639 с.

11. Лазареску О.Г. Литературное предисловие как фактор литературного развития и метатекст литературы // Филол. науки. 2007. № 6. С. 3–13.

12. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Тематики и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. 234 с.

13. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск. 2001. 440 с.

REFERENCES

1. Likhachev D.S. The Poetics of Early Russian Literature. Moscow, 1979. (In Russ.)

2. Zhurova L.I. Journey and Movement in the Siberian Chronicles of the XVII Century. *Russkiy travelog XVIII–XX vekov.* Novosibirsk, 2015, pp. 113–127. (In Russ.)

3. The Complete Collection of the Russian Chronicles. Moscow, 1987, vol. 36, 383 p. (In Russ.)

4. Romodanovskaya Ye.K. Siberia and Literature. XVII Century. Novosibirsk, 2002, 390 p. (In Russ.)

5. Shaykin A.A. Poetics of Beginnings and Endings in the “Primary Chronicle”. *Russkaya literatura*, 2002, no. 4, pp. 13–31. (In Russ.)

6. Lotman Yu.M. The Semiotics of Culture and the Concept of a Text. *Izbrannyye statyi: v 3 t.* Tallin, 1992, vol. 1. (In Russ.)

7. Florenskiy P.A. At the Watersheds of Thought. Moscow, 1990, 182 p. (In Russ.)

8. Kozhina N.A. The Title of a Work of Fiction: Structure, Functions, Typology. Extended Abstract of Candidate of Philology Dissertation. Moscow, 1986, 17 p. (In Russ.)

9. Dergacheva-Skop Ye.I. Genealogy of the Siberian Chronicles. Conception. Materials. Novosibirsk, 2000, 95 p. (In Russ.)

10. Likhachev D.S. Textology. On the Materials of Russian Culture of the X–XVII Centuries. Leningrad, 1983, 639 p. (In Russ.)

11. Lazaresku O.G. Literary Introduction as a factor of Literary Development and Metatext of Literature. *Filologicheskiye nauki*, 2007, no. 6, pp. 3–13. (In Russ.)

12. Sazonova L.I. Ukrainian Old-Printed Prefaces of the Late XVI–First half of the XVII Century (Specifics of Literary Form). *Tematika i stilistika predisloviy i poslesloviy.* Moscow, 1981, 234 p. (In Russ.)

13. Literary Monuments of the Tobolsk Hierarchal House of the XVII Century. Novosibirsk, 2001, 440 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160309
УДК 279.99 – 285.2

Н.А. СТАРУХИН

**«ВОЗЗВАНИЕ К СТАРООБРЯДЦАМ ЧАСОВЕННЫМ» –
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СИБИРСКИХ СТАРОВЕРОВ-«АВСТРИЙЦЕВ»**

Николай Алексеевич Старухин,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье в научный оборот вводится сочинение рубежа 1890-х гг. «Воззвание к старообрядцам часовенным» малоизвестного белокриницкого писателя-старовера Г.А. Страхова. Выявлен основной круг источников сочинения, дан их анализ. Исследуется динамика творческого пути апологета, труды которого стоят особняком в литературной и идеологической жизни белокриницких общин второй половины XIX в. Доказано, что рассматриваемые автором темы подводят определенный итог многолетней полемике, развернувшейся между основными старообрядческими согласиями после возникновения собственного староверческого епископата. Примечательна и определенная жесткость оценок действий церковной и гражданской администрации по отношению к старообрядческому движению, присущая сибирскому крестьянскому писателю, в отличие от позиции верхов Белокриницкой иерархии.

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, староверы-часовенные, полемическая литература, апологетика.

N.A. STARUKHIN

**«THE APPEAL TO THE OLD BELIEVERS CHASOVENNYYE» –
A POLEMIC MONUMENT OF SIBERIAN OLD BELIEVERS «AUSTRIANS»**

Nikolay A. Starukhin,
Candidate of Historical Sciences,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: prognostika@mail.ru

The aim of this article is to introduce into scientific circulation one of the unknown polemic writings dated from the turn of the 1890s. The work is written as an epistle, a style common among the Old Believers, and belongs to the Tomsk peasant writer G.A. Strakhov. Today, the only known copy of “*Appeal*” is stored in the Scientific Library of the Tomsk State University. The author of the article used methods of historicism, hermeneutics and causal analysis. It seems logical that the polemic writings constitute a significant portion not only of the general Old Believers’ literary legacy, but of the Belokrinitskie Old Believers (“Austrians”) as well, because ideologists of the new community had to uphold their position from the first steps towards institutionalization taken in 1846-1847. In the case at hand, the aggravation of polemics between the Old Believers Chasovennyye and “Austrians” was caused by several factors connected particularly with the common past of Beglopopovtsy agreements whose routes of migrations had often overlapped within the Ural and Siberian Region. Inner contradictions took place both in the Chasovennyye and Belokrinitskie communities. In “*The Appeal to the Old Believers Chasovennyye*” these contradictions can be traced in regard to such issues as the rites of reception, adoption of common position towards the official Orthodox (“Nikonianskaya”) church and to always such a politically acute issue as the time of Antichrist’s advent. At the same time, re-establishment of its own Belokrinitskiy episcopate and the refusal to accept Orthodox clerics converting to Old Believers faith, according to a previous decision of the Tyumen convocation in 1840, resulted in the final organizational and ideological divergence between the two Old Believer communities. Analysis of sources used by G.A. Strakhov in his “*Appeal*” shows that the Belokrinitskiy apologist quite extensively used not only the literature that was authoritative for all Old Believers, but the synodal and civil publications as well. At the same time, ideological conceptions of the opponents, in G.A. Strakhov’s opinion, are directly affected by the radical Old Believers groups.

Key words: Old Believer faith, Belokrinitskaya hierarchy, Old Believers chasovenie, polemic literature, apologetics.

Пolemические сочинения составляют существенную часть литературного наследия старообрядческого движения [1, с. 3–4]. Литература староверов-«австрийцев» не является в этом случае исключением, поскольку правоту возникновения нового согласия пришлось отстаивать буквально с первых шагов его организационного оформления в 1846–1847 гг. С последним тесно переплетается комплекс проблем, связанных как с общей историей старообрядческого движения, так и формированием собственных организационных структур белокрыницкого согласия, системой его «авторитетов», с необходимостью доказывать многочисленным оппонентам необходимость того или иного выбора [2, с. 19–20]. Список «авторитетов» не оставался неизменным, а интерпретация событий церковной истории, истории согласия, несмотря на наличие базовых текстов, заставляла его апологетов для обоснования собственных позиций привлекать все новые виды источников. Именно их анализ помогает проследить особенности идейной эволюции, борьбу определенных группировок внутри и белокрыницких общин.

Известно, что беглопоповщину изначально отличала неоднородность идейных предпочтений ее лидеров, группировавшихся вокруг определенных центров. Это неоднократно проявлялось, например, в выработке позиций по отношению к Русской Православной Церкви и органам государственной власти, в понимании «последних времен», в обосновании приема переходящих в старообрядчество православных («никонианских») клириков. Вплотную связаны с этим и жаркие дискуссии по вопросам чинопоема этих самых клириков, которые, как показывают источники, периодически возникали на протяжении не только XVIII, но и XIX вв. Конечно, этим далеко не исчерпывается круг вопросов, позднее разделивших относительно единое беглопоповских обществ страны на два антагонистических лагеря. К одному из них условно можно отнести группы общин, более радикально настроенные по отношению к синодальной церкви и одновременно сохранявшие память о своем беглопоповском прошлом [3, с. 105–114; с. 127–141]. В другой лагерь входили старообрядческие, прежде всего, столичные организации, в которых была доведена до своего логического конца давняя идея поиска собственного старообрядческого архиерея. Причем немалая часть из перечисленных выше вопросов будет активно обсуждаться уже внутри названных лагерей, вызывая новые «споры и разделения».

Вместе с тем, практически с момента распространения Белокрыницкой иерархии как в Европейской России, так и на Урале и в Сибири, старообрядческие общества которых изначально были теснейшим образом связаны между собой, начинается жесткое противостояние между сторонниками и противниками «австрийского священства». Противостояние усугублялось, с одной стороны, давними противоречиями урало-сибирских беглопоповских общин, частично закрепленными Тюменским собором 1840 г. и санкционировавшими оформление общин стариковщины-часовенных

[4, с. 334–338; с. 708–709]. С другой стороны, имело место и давление властей, и с этим тесно переплетались духовные и родственные связи, борьба за лидерство. Кроме того, в конце XIX – первой трети XX в. нередко совпадали направления миграций как мирских, так и основных иноческих общин «австрийцев» и часовенных [3, с. 29]. Не случайно в результате археографических экспедиций собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН будет регулярно пополняться полемиками памятниками, создаваемыми на путях пересечений этих миграций¹.

Некоторые сочинения часовенных, направленные против «австрийцев», уже введены в научный оборот [3, с. 222; с. 232–238; с. 243; с. 251; с. 257–261; 5, 6]. Но немало повествовательных источников, касающихся полемики творчества этих двух согласий, еще нуждается в изучении [7, с. 160–162; с. 167–172]. Наиболее ранние образцы этого творчества, освещающие нашу тему, относятся к середине 1870-х гг. и связаны с активной деятельностью священноинока Феофилакта (Савкина) – основателя Казанского скита белокрыницких, располагавшегося неподалеку от Томска. Температурный томский игумен являлся выходцем из уральских часовенных скитов, и закономерно, что полемика затронула основной скит часовенных – Дионисия–Максима–Нифонта. Но административная и писательская активность сибирского скитника распространялась и на городские приходы, включая такие, как томский, барнаульский, колыванский, с входящими в сферу их влияния сельскими общинами белокрыницких. Неудивительно, что в полемику со временем оказались втянуты и мирские общества часовенных и «австрийцев».

Из известных на сегодняшний день полемики сочинений, направленных против часовенных, следует выделить работы томского белокрыницкого писателя Г.А. Страхова, вошедшие в состав нескольких авторских сборников². Один из этих сборников, датированный 1895-м г., включен Н.Ю. Бубновым (без каких-либо географических привязок в комментарии) в каталог гектографированных изданий БАН [8, с. 246; с. 317].

В отличие от большинства других трудов Страхова, «Воззвание к часовенным» известно лишь по одному гектографированному списку, хранящемуся в книжном собрании Томского университета³. По выражению полемика, его «краткое» (8 л. в 4-ю долю листа) с «ясными доказательствами» послание было составлено против неких часовенных наставников в защиту митрополита Амвросия и «поставленных им лиц», т.е. белокрыницкого духовенства. В описании «Воззвание» датируется 1880-ми гг. С этим может быть соотнесена датировка как немногих используемых в сочинении источников, так и наличие двух имеющихся штемпелей [9, с. 109]. Но с учетом некоторых фактов биографии

¹ Собрание ИИ СО РАН. № 3/70; № 21/70; № 1/75-г; № 2/08-г; № 8/08-г; № 4/09-г; № 20/09-г.

² ОРКр НБ ТГУ, В 312030, л. 40 об., 166; Книгохранилище Митрополии РПСЦ, № 105, 106.

³ ОРКр НБ ТГУ, В 8549. В дальнейшем сноски на сочинение даются в основном тексте в круглых скобках.

сибирского писателя (конфликт с томской общиной в конце 1880-х гг., уход из старообрядчества и работа в томском противораскольническом Братстве святителя Димитрия Ростовского с лета 1891 до весны 1892 г.), а также того, что «Воззвание» не было включено в состав прижизненных авторских сборников, в то время как система доказательств, прямые текстовые совпадения с более поздними работами явно присутствуют, можно предположить, что сочинение было составлено позднее – между 1892–1895 гг., после возвращения Страхова к «австрийцам». В этот период, по словам апологета, он интенсивно размышлял над вопросами вероучения, а результаты своих размышлений старался изложить в своих сочинениях.

Сложнее определить место создания «Воззвания». Имеющееся на л. 5 текста сочинения указание на распространенность часовенных в Сибири выглядит слишком абстрактно и требует дополнительных обоснований. Хотя следует учитывать и тот факт, что после отъезда из Томска на свою родину в Мариинский уезд Томской губернии Страхов занимался какой-то «пропагандой австрийства». Причем упоминаемые в миссионерских отчетах в связи с этим деревни Светленькая и Черная изначально являлись крупными центрами именно староверов-часовенных [10, с. 74]. Наше предположение о возможности издания сочинений Григория Арефьевича в какой-либо подпольной типографии центральной части страны [11, с. 113], высказанное в связи с их достаточной распространенностью в столичных собраниях, а также явным влиянием на его творчество некоторых белокриницких апологетов, с учетом его связей с ними, на сегодняшнем уровне исследований следует признать в качестве рабочей гипотезы.

В «Воззвании» использованы следующие источники, которые перечисляются в порядке убывания количества цитирований: одно из изданий Библии на славянском языке (7 цитат), синодальная периодика (5), синодальные антистарообрядческие издания (3), толкования Иоанна Златоуста на Апостол и Толковый Апокалипсис (3), творения Ефрема Сирина (2). По одному разу используются гражданские издания [12]; славянская Кормчая, Большой Катехизис, Кириллова книга, послание Ипполита Римского (вероятнее всего, по «Сборнику из 71 слова»). Ссылки на греческую Кормчую «Пидалион» приводятся, возможно, по известному исследованию преподавателя Ярославской духовной семинарии И. Никольского [13]. Кроме того, имеются две глухие ссылки на старообрядческие (беспоповские и белокриницкое) сочинения. Цитирование сопровождается авторскими пометами «сличи» и «смотри».

«Воззвание к часовенным» условно можно разделить на две части. В одной из них (л. 1–4) Страхов излагает свои взгляды, касающиеся проблем православной экклезиологии, далее, через интерпретацию трагического церковного раскола 1666–1667 гг., он переходит к основной части сочинения, где пытается доказать своим оппонентам «истинность» Белокриницкой иерархии (л. 5–8). Сочинение предваряет буквальная цитата из послания апостола Павла: «Будет бо

время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешими слухом. И от истины слух отварят, и к басням уклонятся» (2 Тим. 4: 3, 4). Указанная цитата определяет идейный и эмоциональный тон «Воззвания», и именно ее использует белокриницкий апологет в разных частях сочинения с разными целями.

Уже в первых строках сочинения звучит тема «последних времен», к которой Г.А. Страхов постоянно возвращается. Повторяя распространенное старообрядческое утверждение, писатель подчеркивает, что с наступившими, по его мнению, «горько-плачевными» временами и связано разделение Церкви «на многия религии, и толки, и согласия» (л. 1). В то же время апологет осуждает позицию тех староверов, которые, со всеми вытекающими отсюда последствиями, признают состоявшимся пришествие Антихриста в мир (л. 5).

Раскол Вселенской церкви 1054 г., возникновение реформационного движения, выделение лютеранства и, по выражению Страхова, «множества других сект», в соответствии с хорошо знакомой «австрийскому» книжнику теорией «трех отступлений», представляются им звеньями одной цепи. Но причины раскола западной и восточной церквей сводятся автором исключительно к изменению католиками догмата об исхождении Святого Духа. Этим Страхов как бы проводит параллель с реформой русской церкви XVII в., в ходе которой, среди прочих, возникли яростные дискуссии и об изменении одного из членов Символа Веры. Прозрачен намек и в использовании слова «сектанты». Этим ярлыком белокриницкий писатель регулярно награждает своих оппонентов, отвергнувших, по его мнению, полноту православного учения. Термин, далеко не единственный, явно позаимствован Страховым из миссионерской литературы. Вполне в духе миссионерских обличений звучат и его упреки представителям беспоповских согласий с их «мужицким наставничеством» (имеется в виду институт наставников общин, вынужденно «заменявший» отсутствовавшее духовенство). Попутно заметим, что это же определение фигурирует и в беспоповских сочинениях, но уже по отношению к белокриницкому священству!

Одна из самых сложных для белокриницких полемистов проблем – «чистота» греческого православия и доверие к греческой церкви. Григорий Арефьевич уделяет этой теме буквально несколько строк: Русская церковь приняла «православно-христианское» учение от «истинно-православных греческих святителей», которые со временем потеряли его (л. 2 об.). Свое мнение Страхов подкрепляет ссылкой на статью Н.Ф. Каптерева (автор при этом не называется), опубликованную в одном из номеров журнала «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения» за 1881 г. Им приводится выдержка из письма митрополита Палеопатрского Феофана о трудностях, связанных с изданием богослужебных греческих книг (письмо адресовалось царю Алексею Михайловичу в период очередного сближения двух государств в 1645 г.). Здесь Страхов невольно затрагивает интереснейшую про-

блему взаимоотношений церковью греческой и русской, волновавшую умы многих представителей отечественной науки конца XIX в. Но белокрыницкого апологета не волнуют вопросы «большой» церковной политики: из приведенного им письма он делает однозначный вывод о том, что «истинно-православное» вероучение теперь сохранялось исключительно на Руси.

Обращает на себя внимание, что доказывая неправомерность реформ патриарха Никона, сведенную исключительно к правке книг, Г.А. Страхов использует распространенное антистарообрядческое сочинение бывшего епископа Винницкого – Макария (Булгакова) [14]. Но аккуратно вынимая из текста сочинения нужные выдержки из документов, полемист абсолютно игнорирует сопроводительный текст Макария. В частности, подчеркивая негативную роль в реформе не только Никона, но и греческих иерархов, Страхов опускает фрагменты текста, в которых говорится об участии в соборных заседаниях царя Алексея Михайловича. Это вполне бы могло соответствовать позициям белокрыницких верхов, однозначно стремившихся не конфликтовать с гражданскими властями и неоднократно подчеркивавших свою лояльность в 1860–1880-е гг. Но вывод Г.А. Страхова в оценке реформаторской деятельности церковной и гражданской администрации звучит совершенно не в этом ключе: «... русская церковь с 1656 года с русским царем во главе, под влиянием п. Никона вступила в тесный союз с утерявшими уже чистоту... православия греческими иерархами, и с тех пор всею силою своею ополчилась на отделившихся от ее полного единства невинных старообрядцев...» (л. 3 об.). При этом вызванное реформами протестное движение, по мнению апологета, изначально получило самое широкое распространение среди разных социальных слоев – «множества лиц духовного и гражданского звания».

Приведенный отрывок сочинения интересен и прозвучавшей темой «гонений». Но сама тема в «Воззвании» звучит скорее рефреном. Писателю в связи с его задачами важнее подчеркнуть в сочинении преемственность с завещаниями единственного русского епископа, открыто выступившего против патриарха Никона – Павла Коломенского. Г. Страхов, оставляя в стороне многолетнюю в беглопоповщине и не законченную в 1880-е гг. даже в белокрыницком согласии полемику относительно чиноприема «инославных», однозначно утверждает: «... старообрядцы и их священники со священноиноком Феодосием во главе решились по совету... епископа Павла... принимать никониян и их священнослужителей посредством миропомазания...» (л. 4–4 об.). Свою точку зрения он подтверждает единственной ссылкой на известное 8-е правило Первого Вселенского собора, и практику «древней» церкви. Глухо и вряд ли убедительно для осведомленных оппонентов звучит и отсылка к труду белокрыницкого инок Павла – «История белокрыницкого священства». Какой именно список или издание сочинения авторитетного белокрыницкого апологета использует сибиряк, не ясно.

Линия преемственности «благочестивых» священников до митрополита Амвросия приводится Страховым очень кратко: от рукоположенного патриархом Иоасафом священноинока Феодосия к белым попом «нового» поставления Александру Рыльскому, Григорию Московскому и Борису Калужскому. Для нашего писателя важнее подчеркнуть два момента: прием изначально осуществлялся вторым, через миропомазание, чином, а вся полнота «древлеправославной церкви» сохранилась исключительно у белокрыницких староверов.

Именно на этом и выстраивается линия аргументации Г.А. Страхова. Он достаточно уверенно использует знание истории, по его ироничному замечанию, «кружка» часовенных, ставя на вид их беглопоповское прошлое. Но в то же время писатель явно передергивает факты, когда пишет, что отказ от приема священников «никоновской» церкви в обществах часовенных произошел после перехода в старообрядчество греческого митрополита Амвросия, т.е. в 1846 г., а не в 1840 г. Белокрыницким книжником особо подчеркивается противоречивая практика часовенных: если их предки принимали переходящее от «грекорусской церкви» священство, то почему впоследствии оно перестало признаваться их последователями? При этом Страховым игнорируются свидетельства оппонентов, неоднократно приводимые на страницах их исторических и нормативных памятников и связанные с распространением обливательного крещения в этой самой церкви [3, с.133]. Идея «вождедения» (желания) таинства священства, по мнению «австрийского» полемиста, особенно непростительна часовенным лидерам. В этом случае Г. Страховым подчеркивается, что если предки часовенных находили возможным принимать духовенство из православной церкви, то тем более они без всяких сомнений должны принять митрополита из «единоверной» церкви греческой (л. 7). Данное положение накладывалось как на продолжающуюся полемику в обществах часовенных о поиске священства, так и на заимствование ими отдельных идей у представителей беспоповских согласий. Так, на наш взгляд, идея «вождедения» таинств вполне коррелирует с одним из тезисов знаменитых «Поморских ответов» [15, л. 589].

Абсолютно неубедительным, с точки зрения белокрыницкого апологета, выглядит довод оппонентов, ссылающихся на Слово 105 Ефрема Сирина. Довод касается понимания «последнего времени» и темы церковных таинств: «Во днеш онех не имать явитися Тело и Кровь Христова» (л. 6 об.). Данный тезис Страхов покрывает близкой по смыслу отсылкой к 6-му знамению Кирилловой книги (о «запустении жертвы») и цитатой из Толкового Апостола, хотя вывод его звучит совершенно в другом ключе. Так, по мнению Страхова, период пришествия антихриста будет четко ограничен оговоренными в 13-й главе Апокалипсиса сроками. Таинство евхаристии не будет совершаться, но с прекращением «бескровной жертвы» последует мгновенная кончина мира (л. 7).

Не более чем «баснями» считает Григорий и один из самых сильных упреков оппонентов в «обливательном» крещении митрополита Амвросия. По его мне-

нию, правильное, в три полных погружения, крещение доказываемое каноническими нормами, изложенными в греческой книге правил «Пидалион», практикой перекрещивания в греческой церкви «латин», закрепленной решениями собора греческой церкви 1756 г., и самое главное, данными многочисленных старообрядческих депутатов. В частности, со ссылкой на один из выпусков 1876 г. антистарообрядческого журнала «Братское слово», издаваемого Н.И. Субботиным, Страхов пишет о депутации беглопоповцев в Константинополь 1875 г. Результаты этой поездки неоднократно служили предметом полемики и позднее [16, с. 197–203]. Кроме того, со ссылкой на один из номеров единоверческого (в прошлом – беспоповского) журнала «Истина», Г. Страхов прибегает к свидетельству «о всеобдержном трехпогружательном крещении в греческой церкви» поморского инока Варнавы, совершившего путешествие «на восток» в 1868 г. и получившего якобы эти свидетельства у александрийского патриарха и пелусийского митрополита (л. 8–8 об.)

Таким образом, в небольшом, но достаточно емком по своему содержанию сочинении белокрыницкому писателю удалось рассмотреть ключевые вопросы межконфессиональной полемики, затронувшей два некогда родственных староверческих согласия. В основе этой полемики лежали ключевые темы, изначально разделявшие мир староверия: отношение к официальной церкви и поддерживавшей ее гражданской администрации, а также всегда политически заостренная тема «последних времен». Конечно, указанные вопросы Г.А. Страхов рассматривает с разной степенью полноты, исходя как из имеющейся у него источниковой базы, так и задач самого сочинения. Круг дискуссионных проблем очерчен им в основном верно. И вполне закономерно, что обозначенная в сочинении тематика в дальнейшем получила новое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. 311 с.
2. *Покровский Н.Н.* О роли древних рукописных и печатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. Вып. 14: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. С. 19–40.
3. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII –XX вв. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
4. Духовная литература староверов Востока России XVIII – XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т.1. 799 с.
5. *Зольникова Н.Д.* Межконфессиональная полемика сибирских староверов в XX в.: «часовенные» против «австрийских» // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2. С. 51–55.
6. *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 85–107.
7. *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокрыницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–172.
8. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012. 460 с.
9. *Клепиков С.А.* Филигрны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. 306 с.
10. *Новиков И.* Томская епархия в 1902 г. Томск, 1903. 88 с.
11. *Старухин Н.А.* Проблемы изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С.113–115.
12. *Кожанчиков Д.С.* Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862. 181 с.
13. *Никольский И.* Греческая Кормчая книга «Пидалион». М., 1888.
14. *Макарий, епископ Винницкий.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. 367 с.
15. Поморские ответы. М., 1914.
16. *Мельников Ф.Е.* Изследование о крещении и святительском достоинстве митрополита Амвросия. М., 1914. 210 с.

REFERENCES

1. *Titova L.V.* Deacon Fyodor's letter to his Son Maxim – Early Old Believers Literary and Polemic monument. Novosibirsk, 2003, pp.311. (In Russ.)
2. *Pokrovskiy N.N.* On the Role of Ancient Manuscripts and Printed Books in the Formation of Old Believers' System of Authorities. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dalnego Vostoka*. Novosibirsk, 1973, vyp. 14: *Voprosy knizhnoy kultury Sibiri i Dalnego Vostoka*, pp. 19–40. (In Russ.)
3. *Pokrovskiy N.N., Zolnikova N.D.* Old Believers Chasovennyye in the East of Russia in the XVIII –XX Centuries. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002, pp. 714. (In Russ.)
4. Spiritual literature of the Old Believers in the East of Russia in the XVIII–XX centuries / editor-in-chief N.N. Pokrovskiy. Novosibirsk, 1999, vol. 1, pp. 799. (In Russ.)
5. *Zolnikova N.D.* Inter-confessional Polemics of the Siberian Old Believers in the XX century: «Chasovennyye» against «Austrians». *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. Novosibirsk, 1999, no. 2, pp. 51–55. (In Russ.)
6. *Klyukina Yu.V.* Old Believers Chasovennyye in the Urals In Late XIX – Early XX centuries. *Ocherki istorii starobryadchestva Urala i sopredelnykh territoriy*. Ekaterinburg, 2000, pp. 85–107. (In Russ.)
7. *Beloborodov S. A.* «Austrians» in the Urals and Western Siberia (From the History of the Russian Orthodox Old Believers Church – Belokrinitz Group). *Ocherki istorii starobryadchestva Urala i sopredelnykh territoriy*. Ekaterinburg, 2000, pp. 136–172. (In Russ.)
8. Old Believers Hectographed Publications From the Library of Russian Academy of Sciences / Author and comp. N.Yu. Bubnov. SPb., 2012, 460 p. (In Russ.)
9. *Klepikov S.A.* Filigrees and Stamps on the Paper of Russian and Foreign Production of the XVII–XX Centuries. Moscow, 1959, 306 p. (In Russ.)
10. *Novikov I.* Tomsk Diocese in 1902. Tomsk, 1903, 88 p. (In Russ.)
11. *Starukhin N.A.* Problems of Studying the Legacy of the Old Believers Writer G.A. Strakhov. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2009, no 3, pp. 113–115. (In Russ.)
12. *Kozhanchikov D.S.* Three Petitions: by Editor Savvaty, Sava Romanov and the Monks of Solovetsky monastery. SPb., 1862, 181 p. (In Russ.)
13. *Nikolskiy I.* Greek Nomocanon «Pidalion» Moscow, 1888. (In Russ.)
14. *Macarius, Bishop of Vinnitsa.* History of the Russian Schism Known as the Old Belief. SPb, 1855, 367 p. (In Russ.)
15. The Pomorian Answers. Moscow, 1914. (In Russ.)
16. *Melnikov F.E.* Investigation about Baptism and Hierarchical Dignity of Metropolitan Ambrosius. Moscow, 1914, 210 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160310
УДК 003.2(=512.157)''17/18''

А.А. БОРИСОВ

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РАННЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ У ЯКУТОВ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)***

Анриан Афанасьевич Борисов,
д-р ист. наук, приглашенный исследователь,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
РФ, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7,
e-mail: a_a_borisov@mail.ru

Возникновение письменности у якутов в первой половине XIX в. – установленный факт. Считается, что она получила ограниченное распространение, тем не менее велось преподавание якутского языка. Миссионерская деятельность осуществлялась на якутском языке. Началась личная и деловая переписка. Осуществлялись переводы светских документов на якутский язык. Бытование ранней письменности у якутов стало одним из каналов ретрансляции русской культуры. Большую роль в этом сыграли *акторы* – создатели письменной традиции. Показано разнообразие жанров от литературных и делопроизводственных до эпистолярного. Целенаправленные действия государства и церкви, их инициатива по созданию письменности у младописьменных народов были важнейшей особенностью политики по отношению к этим народам.

Ключевые слова: якуты, ранняя письменность, особенности ее функционирования, первая половина XIX в., миссионеры, грамотность, памятники, акторы-подвижники, политика.

A.A. BORISOV

**ON THE SPECIFICS OF ORIGIN AND FUNCTIONING
OF THE EARLY YAKUT WRITING (LATE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

Andrian A. Borisov,
Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow,
Saint Petersburg Institute of History RAS,
7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110, Russia,
e-mail: a_a_borisov@mail.ru

The aim of the article is to draw attention to the nascent period of the early writings of the Yakuts, which played an important role in the history of the Yakuts and characterizes ethnic and confessional policy of Russia. In order to achieve the set goal the author describes the revealed texts and actors in the process.

Although historians have admitted the existence of the written tradition before the Revolution of 1917, they questioned the extent of its spread. On the basis of the revealed texts the article attempts to show the historic features of origin and the nature of existence of the written tradition at the end of the XVIII – first half of the XIX century. Furthermore, it pays attention to the authors of these texts, some of them have been mentioned for the first time. The beginning of the period under study was marked by the spread of literacy among the Yakut population. This was possible thanks to the initiative of the state to create the Yakut writing, which was an important element of Russia's policy.

The author adheres to the concept of multiculturalism in relation to the national policy of the Russian Empire, that went through three stages of development. This policy was clearly manifested in the creation of writing for various peoples that were annexed into Russia at different times, including those ethnic groups that previously had not had written languages. Among the methods used in the article the leading position is taken by the retrospective, historical and comparative methods.

Among the key research findings one should mention the setting of a problem of the early Yakut writing's origin. Aside from the famous monuments of this writing the author identifies a number of new texts demonstrating the variety of genres – from literary to epistolary; identifies and characterizes the first actors of the process of formation of the early Yakut writing. These actors included representatives of the yakutized Russians and educated Yakuts.

Key words: Yakuts, the earliest written language, appearance, functioning, features, the first half of the XIX century, missionaries, literacy, monuments, actors-devotees, policy.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

В отечественной науке якутский язык относят к так называемым младописьменным языкам. Среди бывших советских народов выделялись восемь групп народов – начиная с тех, у которых издавна была национальная письменность (русские, армяне, грузины) до народов, не имевших письменности (народы Севера, Дагестана, каракалпаки, ингуши и др.). Якуты наряду с удмуртами, коми, осетинами и некоторыми другими народами были отнесены к народностям, имевшим начатки письменности в форме алфавитов на базе русской графики [1, с. 3, 28].

Современная якутская письменность возникла в первые годы советской власти. Вначале это был алфавит С.А. Новгородова на основе МФА, а затем – кириллическая система письма, которой и ныне пользуются якуты. В качестве предшественников выступают хитровский алфавит и академический алфавит О.Н. Бётлингга–Э.К. Пекарского. Первый был разработан протоиереем Д. Хитровым в 1858 г. для миссионерских целей. Именно благодаря ему за более чем полвека были изданы сотни книг на якутском языке духовного содержания. Второй успешно обслуживал академические цели. Издавались научные труды, словари, фольклорные сборники [2, с. 286–306]. Между тем истоки традиции якутского письма лежат глубже и восходят, судя по всему, к началу XIX в.

Очевидно, что письменность выступает важнейшим элементом государственности и гражданского общества. Ее возникновение стало мощным фактором интеграции якутского общества в российское общественно-политическое, социально-правовое и культурное пространство. В этой связи важно проследить время и обстоятельства возникновения письма, а также влияние данного процесса на историческое и культурное развитие якутского общества.

В якутской историографии пересмотрено ошибочное мнение об отсутствии письменности у якутов в XIX в. Она была, но не получила массового распространения [3, с. 77–78]. В связи с этим встает вопрос о времени ее возникновения. До сих пор отдельно этим вопросом никто из исследователей не занимался.

Литературовед Н.Н. Тобуроков вслед за Н.М. Заболоцким, Н.А. Габышевым, П.А. Слепцовым считает, что «Воспоминания Уваровского» «заложили начало истории якутской художественной литературы» [4, с. 30].

П.А. Слепцов, признавая факт возникновения письменности в дореволюционное время, задался целью – выяснить, «насколько язык этой письменности можно назвать литературным (письменно-литературным) и каково его отношение к современному литературному языку» [5, с. 14].

Таким образом, в историографии вопрос о бытовании письменности у якутов до 1917 г. решен положительно. Открываются большие перспективы в изучении ранних памятников якутской письменности, в частности, относящихся к первой половине XIX в., что и предполагается сделать в настоящей статье. В связи с вышеизложенным важно обратить внимание

также на *акторов* процесса зарождения данного очень важного явления в истории якутов.

Грамотность среди якутов стала распространяться усилиями как светских, так и духовных властей в XVIII в. Это было частью политики государства по закреплению территории края в составе Русского государства. Создание национальной письменности облегчало приобщение коренного населения к православной вере, что служило цели интеграции его с основным населением страны.

К середине XVIII в. в каждом улусе Центральной Якутии было по несколько грамотных якутов из числа новокрещенных, а во второй половине века их число перевалило за полсотню [3, с. 21–23, 28]. Среди якутов постепенно сформировался слой грамотных людей, что, на наш взгляд, предопределило успех якутских петиционных инициатив С. Сыранова (1767), А. Аржакова (1789), И. Шадрина (1797), С. Васильева (1803), Н. Рыкунова, И. Мигалкина, С. Кириллина (1824), Е. Готовцева (1848) и др. Первые четыре акции объединены стремлением законодательно утвердить правовое поле, в рамках которого действовало инородческое самоуправление. Названные лидеры хотя и не были сами грамотны, но хорошо понимали значимость поставленных проблем. Последующие инициативы облечены в более зрелую форму борьбы за расширение уже достигнутых успехов в области предоставления инородцам некоторых административных и судебных прав, в сфере образования (открытие школ), в хозяйствовании (закрепление земель за фактическими владельцами – расчищенных участков под пашни и сенокосы и пр.). Подготавливалась почва для создания слоя образованных людей из числа инородцев Якутии.

Тем временем различными путешественниками и учеными (И. Идесом, Н. Витзенем, Ф. Стралленбергом, Г. Миллером, Я. Линденау, П. Палласом, И. Георги, И. Биллингсом и др.) происходила фиксация отдельных якутских слов, фраз и даже коротких текстов, например, образцов фольклора или перевода молитвы «Отче наш». Впервые якутские тексты, по состоянию на середину XIX в., описал в своей монографии О.Н. Бётлингк [6, с. 53–68].

Обнародованное в 1804 г. Положение об устройстве учебных заведений Министерства народного просвещения стало внедряться и в Якутии: открывались начальные школы, уездное училище, приходское духовное училище. В первые десятилетия только в Якутском уездном училище количество учащихся превышало 90 чел. [3, с. 30]. В открывшейся в 1801 г. школе при Якутском Спасском монастыре обучались в разное время несколько десятков якутских детей [7, с. 351]. Важно, что они пополняли штат писарей в инородных управах, а некоторые из них поступали на службу в местные органы власти.

Наконец, в 1799 г. состоялось важное историческое событие – сын боярский Николай Шестаков перевел текст присяги императору Павлу I на якутский язык [3, с. 53–54, 78]. Обратим внимание на замысел

акторов данного события. Создавался текст не из узко научного кабинетного интереса, а для массового использования.

Такие тексты были довольно разнообразные, хотя и малочисленными. О.Н. Бётлингк использовал три текста: 1) христианского исповедания, 2) клятвы и 3) сказки [6, с. 67–68]. Кроме них и упомянутой выше присяги нами обнаружены два образца клятвы: один – из языческой практики¹, другой – представлял собой, по-видимому, перевод православной клятвы². В первом случае власти Якутского округа 21 мая 1847 г. якутам и тунгусам Якутского округа приказали доставить сведения «о том, какая клятва употребляется в важных случаях между инородцами до принятия христианства». В результате был представлен текст из шести строк на языке оригинала.

Во втором случае в ноябре 1835 г. якуты 5-го Мальжегарского наслега Кангаласского улуса использовали текст клятвы также на якутском языке, представляющий собой, судя по форме и содержанию, перевод из православной практики.

К изучаемому времени относятся по меньшей мере два перевода православной духовной литературы [8, 9, 10]. Это, во-первых, «Сокращенный Катихизис для обучения юношества православному закону христианскому, переведенный на якутский язык с приложением наперед таблиц для складов и чтения гражданской печати», издававшийся в Иркутске дважды – в 1819 и 1821 гг. Для облегчения чтения и обучения текст во втором издании расположен на листах, разделенных на две части: на левой – русский текст и на правой – якутский перевод. О литературных достоинствах перевода имеются диаметрально противоположные мнения, тем не менее, это издание служило на протяжении столетия учебным пособием не только для освоения православного вероучения, но и для развития якутского письма.

О втором тексте – «Кратком катихизисе на русском и якутском языках», изданном в Санкт-Петербурге в 1844 г., известно гораздо меньше. Важно, что это был самостоятельный перевод, заметно отличающийся от предыдущего. Поскольку он представляет собой перевод текста, состоящего из вопросов и ответов, по-видимому, он был еще более адаптирован для якутского читателя.

Нами выявлен один любопытный двуязычный текст из обычного права якутов³. Он дополняет русскоязычные образцы нормативной практики якутов, которые содержат в себе якутскую лексику. Он представляет собой «расписку» князя Дмитрия Готовцева, датированную 10 марта 1813 г. по поводу заключения калымного договора между ним и сватом Андреем Сыромятниковым. Текст в основном напи-

сан по-русски, но включает в себя якутские термины и даже отдельные фразы.

Имеются также два перевода официальных документов: «Записка» – прошение кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева от 10 июня 1848 г.⁴, и выдержки из «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», переведенные на якутский язык, датированные 1838 г.⁵

В «Записке» со знанием дела описано положение Якутской области и выражена обеспокоенность тем, что обещанное со времен «Устава об инородцах» 1822 г. издание «степных законов» не состоялось. Автор свои предложения по улучшению ситуации сформулировал в четырех пунктах: 1) об отделении области от Иркутской и Енисейской губерний по части отнесения земских повинностей, 2) об устройстве продовольственных магазинов, 3) о восстановлении Степной думы, упраздненной в 1838 г., 4) о присвоении якутским родоначальникам звания потомственных почетных граждан.

Любопытен «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», собравший нормы обычного права бурятов, хакасов, якутов. Он состоит из 540 статей. Сохранился один из вариантов, часть которого переведена на якутский язык. Судя по уровню перевода, автор был хорошо подготовлен. Помимо владения якутским языком он старался сохранить суть текста и одновременно стремился быть понятен и для якутского читателя, подбирая с этой целью близкие по смыслу слова из словарного фонда якутского языка того времени. Переводу предпослан небольшой словарь, куда вошли 205 терминов, отражающих обычное-правовую лексику⁶. Это, пожалуй, первый специализированный словарь, созданный для перевода лексики, обслуживающей юридическую сферу.

Кроме того, отложился определенный массив текстов эпистолярного жанра⁷ [5, с.24]. По данным исследователей, сохранились десятки писем на якутском языке, относящихся в том числе и к изучаемому периоду. Этот ценный источник еще ждет своего исследователя. Даже при первом знакомстве с ними видно, что корреспонденты вполне буднично обмениваются новостями, просят о помощи, договариваются о своих делах и т.д. Приведем один образец такого частного письма. Якут Иван Готовцев пишет своему дяде Егору Лазаревичу Готовцеву (бывшему кандидату головы Баягантайского улуса, автору вышеупомянутой «Записки») весьма прозаичное письмо. Во-первых, в преамбуле этого письма сразу же оговаривается, что письмо отправлено с нарочным, поэтому на нем нет почтового номера, что лишний раз свидетельствует об обыденности эпистолярного жанра для некоторых

¹ Научный архив республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 1505. Л. 16об – 17.

² Там же. Ф. 39-и. Оп. 2. Д. 33. Л. 35–35 об.

³ Архив Якутского научного центра СО РАН (Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 4. Оп. 16. Д. 4. Л. 49–49об.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–6об.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366. Л. 27–117.

⁶ Там же. Л. 28–33.

⁷ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 16. Д. 43, 47, 57 и др.

слоев якутского общества. Во-вторых, автор письма просит о небольшом одолжении – устроить угощение для своего родственника за счет средств в размере 3 руб. серебром, вырученных от продажи быка⁸. Сам слог и содержание письма говорят о том, что для якутов изучаемого времени частная переписка становится повседневной необходимостью.

Наконец, следует отметить высшую форму проявления письменной практики изучаемого времени – о творчестве А.Я. Уваровского – «Воспоминания» и перевод нескольких русских текстов на якутский язык, нижние временные границы которого относятся к 1846 г. [11]. Поскольку о его литературных достоинствах и общественной значимости достаточно много написано [12; 13; 14, с. 41–56; 15, с. 134–135 и др.], ограничимся лишь следующими соображениями. Поскольку данное произведение увидело свет как академическое издание, оно осталось не доступным якутскоязычному читателю на долгие годы. Кроме того, поскольку автор был русским чиновником, сохранялась определенная межэтническая дистанция. Он находился несколько в стороне от образованной якутской среды. Тем не менее, интересно предположение о том, что А.Я. Уваровский писал по-якутски еще до знакомства с О.Н. Бётлингом (12, с. 36; 13, с. 18; 14, с. 5 0). В этой связи перспективным выглядит поиск его возможных корреспондентов среди представителей якутского населения.

Афанасий Яковлевич Уваровский (1800–1861) – русский чиновник Якутского областного правления, титулярный советник, самый яркий представитель среди *акторов* ранней якутской письменности. По матери имел якутские корни, поэтому его в литературе иногда снисходительно называли «инородцем». Судя по его мировосприятию и воспитанию, он был, безусловно, русским человеком, но представителем русского старожильского населения, тесно связанным не только со своей узкой средой, но и с этнокультурным окружением; а оно было в подавляющем большинстве якутским. Он вошел в историю как автор первого художественного литературного произведения на якутском языке. Интерес представляет не столько тот факт, что он по просьбе академика Отто Бётлинга написал свои «Воспоминания» на чистейшем якутском языке, а то, что, судя по всему, и до этого времени уже началась традиция письма на данном языке. Весь вопрос в том, какова степень развития этой традиции, как она повлияла на культурно-исторические процессы.

Другой представитель этой небольшой группы подвижников – **Попов Георгий Яковлевич** (1786–..?), русский священник; он служил в Олекминском Спасском храме. Перевел на якутский язык «Сокращенный катехизис», который был издан в Иркутске в 1819 г., а затем переиздан в 1821 г. Происходил из священнической династии Поповых, основателем которой был Попов Василий Егорович – родился между 1719 и 1724 гг. в г. Великий Устюг. Был назначен священни-

ком в Якутский уезд и добился постройки в м. Сунтар Сунтарской Введенской церкви. Получил сан протоиерея. Всего насчитывается шесть поколений Поповых [16, с. 13–21].

В свое время П.А. Слепцов не согласился с мнением С.Н. Донского и П.В. Попова, что указанный перевод представляет собой совершенно исковерканный якутский язык: «Перевод, буквально следующий оригиналу, в своих лучших частях довольно точен и даже выразителен» [5, с. 18].

В указе Иркутской духовной консистории от 29 апреля 1821 г. предписывалось: «чаще прочитывать своим прихожанам катехизис, переведенный на якутский язык, и прилагать неусыпное попечение к обучению детей грамоте по напечатанной при том Катехизисе таблице и по данному к тому наставлению» [17, с. 44]. Другими словами, на какое-то время это издание стало своеобразным учебным пособием. Учащиеся не только познавали бога на своем родном языке, но и обучались грамоте. Обращает на себя внимание, что второе издание 1821 г. было опубликовано на обоих языках, что, несомненно, облегчало процесс обучения.

Переводчиком издания 1844 г. стал другой священник – **Михаил Охлопков** [3, с. 56–57], о котором, к сожалению, пока ничего не известно. Следует отметить, что он осуществил свой перевод независимо от своего предшественника. По-видимому, предстоит перспективный сравнительный анализ художественных достоинств обоих переводов.

Из других деятелей, оставивших след в истории зарождения якутской письменности, следует упомянуть **Федора Посельского** из Второго Ольтекского наслега Борогонского улуса, бывшего письмоводителя управы данного улуса и Якутской степной думы. Ему принадлежит перевод упомянутой выше «Записки» кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о состоянии Якутской области (1848 г.). Сам документ был составлен сыном якутского купца Ахментия Чекалева – Феодосием, видимо, по просьбе Е.Л. Готовцева⁹.

Стоит упомянуть и первого учителя из якутов из Первого Мальжегарского наслега Кангаласского улуса **Назара Борисова** – выпускника местного уездного училища, назначенного в Якутское приходское училище в 1826 г. [3, с. 38; 18, с. 111–112].

Таким образом, возникновение ранней якутской письменности стоит в ряду с общим процессом создания письменности младописьменных народов Российской империи. Заметные успехи были сделаны в конце XVIII – начале XIX в. Этот процесс в Якутии развивался по инициативе государства и церкви. С одной стороны, подготовка писарей из числа коренных жителей для повышения эффективности официального делопроизводства, а с другой – приобщение их к догматам православной веры объективно вели к глубокой политической, общественной и культурной интеграции.

⁸ Там же. Д. 47. Л. 6.

⁹ ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 60б.

Опыт развития ранней письменности якутов имеет важное значение для изучения конкретных событий и фактов культурной жизни, а также для познания особенностей духовной жизни народа, связанной с письменной практикой. На наш взгляд, первые переводы на якутский язык текстов духовного и светского содержания оставили заметный след в развитии языка и формировании национальной интеллектуальной традиции. Достаточно обратиться к переводу священника Георгия Попова, ведь именно он выполнил в первые переводы отвлеченных понятий, употребление которых в якутском языке, по-видимому, берет начало с данного перевода. То же относится и к переводчикам светских текстов – прошений деятелей инородческого самоуправления, памятников обычного права, официальных документов.

Изучение памятников ранней письменности якутов кириллической традиции является перспективным направлением современной историографии. Открываются возможности раскрыть внутреннее мировосприятие представителей народов, которые в разное время вошли в состав Российской империи. Благодаря этому данная область исторического знания позволит шире и глубже представить особенности этноконфессиональной политики Российской империи в изучаемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958. 264 с.
2. Попов П.В. Краткая история развития якутского письма // Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947. Ч. 1: Фонетика и морфология. С.279–306.
3. Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 79 с.
4. Тобуроков Н.Н. Истоки якутской стихотворной речи в «Олонхо» А.Я.Уваровского // О жизни и деятельности Афанасия Уваровского. Якутск, 2011.
5. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Новосибирск, 1986. 262 с.
6. Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина Новосибирск, 1990. 646 с.
7. Попов Г.А. Историко-статистические данные о народном просвещении в Якутском крае // Попов Г.А. Сочинения. Якутск, 2006. Т. 2: Якутский край: пособие по краеведению; Научные статьи. С. 351–353.
8. Сокращенный Катехизис. Иркутск, 1819. 21 с. (На якут. яз.)
9. Сокращенный Катехизис. 2-е изд., Иркутск, 1821. 36 с. (На рус. и якут. яз.)
10. Краткий катехизис на русском и якутском языках. СПб., 1844. 36 с. (На рус. и якут. яз.)
11. Уваровский А.Я. Воспоминания / Подг. текста и вст. ст. Н.М.Заболоцкого. Якутск, 1947. 60 [1] с. (На якут. яз.)
12. Габышев Н.А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания» (биографический очерк). Якутск, 1995. 64 с.
13. Габышев Н.А. А.Я. Уваровский и его «Воспоминания» // О жизни и деятельности Афанасия Уваровского. Якутск, 2011. С. 5–27.
14. Тобуроков Н.Н., Сыромятников Г.С., Габышев Н.А., Михайлова М.Г. История якутской литературы (середина XIX – начало XX века). Якутск, 1993. 196 с.
15. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. 551 с.
16. Яковлев А.Е., Кузьмина Н.К. Сунтар: очерки истории села. Якутск, 2014. 160 с.
17. Парышев Ст. Заметки о первом якутском переводе сокращенного катехизиса и обучении якутов русской грамматике // Якутские епарх. ведомости. 1901. 1 февр. № 3. С. 43–45.
18. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. 343 с.

REFERENCES

1. Desheriev Yu.D. Development of the Newly Created Written Languages of the Peoples of the USSR. Moscow, 1958, 264 p. (In Russ.)
2. Popov P.V. A Brief History of the Yakut Writing. *Kharitonov L.N. Sovremennii yakutski yazik*. Yakutsk, 1947, vol. 1: *Fonetika i morfologiya*, pp. 279–306. (In Russ.)
3. Safronov F.G., Ivanov V.F. Yakut Writing. Yakutsk, 1992, 79 p. (In Russ.)
4. Toburokov N.N. The Origins of the Yakut Poetic Diction in «Olonkho» by A.Ya. Uvarovskiy. *O zhizni i deyatelnosti Afanasiya Uvarovskogo*. Yakutsk, 2011. (In Russ.)
5. Sleptsov P.A. Yakut Literary Language. The Origins, the Emergence of Standards. Novosibirsk, 1986, 262 p. (In Russ.)
6. Betingk O.N. On the Yakut Language. Trans. from German by V.I. Rassadin. Novosibirsk, 1990, 646 p. (In Russ.)
7. Popov G.A. Historical Statistical Data On Public Education in the Yakutsk Region. *Popov G.A. Sochineniya. Vol. 2: Yakutskiy kray: posobiye po kraevedeniyu; Nauchnye statii*. Yakutsk, 2006, pp. 351–353. (In Russ.)
8. Abridged Catechism. Irkutsk, 1819, 21 p. (In Yakut.)
9. Abridged Catechism. The 2nd ed. Irkutsk, 1821, 36 p. (In Russ., in Yakut.)
10. A Brief Catechism in Russian and Yakut Languages. SPb., 1844, 36 p. (In Russ., in Yakut.)
11. Uvarovskiy A.Y. Memories. Ed. by N.M. Zabolotskiy. Yakutsk, 1947, 60 p. [1] (In Yakut.)
12. Gabyshev N.A. Afanasiy Uvarovskiy and his «Memoirs» (Biographical Sketch). Yakutsk, 1995, 64 p. (In Russ.)
13. Gabyshev N.A. Afanasiy Uvarovskiy and his «Memoirs». *O zhizni i deyatelnosti Afanasiya Uvarovskogo*. Yakutsk, 2011, pp. 5–27. (In Russ.)
14. Toburokov N.N., Syromyatnikov G.S., Gabyshev N.A., Mikhailova M.G. History of the Yakut literature (mid XIX – beginning of XX century). Yakutsk, 1993. 196 p. (In Russ.)
15. Matkhanova N.P. Siberian memoirs of the XIX century. Novosibirsk, 2010, 551 p. (In Russ.)
16. Yakovlev A.E., Kuzmina N.K. Suntar: Essays on the History of the Village. Yakutsk, 2014, 160 p. (In Russ.)
17. Paryshev St. Notes on the First Translation of the Abridged Catechism into Yakut and Teaching the Russian Grammar to the Yakuts. *Yakutskie eperkhalnye ведомosti*. 1901. February, 1st., no. 3, pp. 43–45.
18. Afanasyev V.F. The School and the Development of Educational Thought in Yakutia, 1966, 343 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 30.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160311
УДК 929(470+571)

С.А. ПОНОМАРЁВА

**«ЖУРНАЛ МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СИБИРИ...» –
О «СИБИРСКОМ (АЗИАТСКОМ) ВЕСТНИКЕ», ИЗДАВАЕМОМ Г.И. СПАССКИМ
В 1818–1827 гг.**

Светлана Альбертовна Пономарёва,
аспирант кафедры всеобщей истории,
Сибирский федеральный университет
РФ, 660041, Красноярск, просп. Свободный, 79,
e-mail: vay72@mail.ru

В статье рассматривается деятельность известного исследователя Сибири Григория Ивановича Спасского, связанная со сбором материалов для издаваемого им журнала «Сибирский (Азиатский) вестник». Это первое в Российской империи периодическое издание такого рода тематики. В числе корреспондентов, снабжавших Г.И. Спасского «сибирскими» материалами, были Сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский, томские губернаторы В.С. Хвостов и П.К. Фролов, ориенталисты Е.Ф. Тимковский, С.В. Липовцов, М.Д. Сипаков и др. Анализ архивных документов из «Фонда Спасского» (№ 805), в Государственном архиве Красноярского края, в сопоставлении с материалами «Сибирского (Азиатского) вестника», дает представление о вкладе этих лиц в распространение знаний о Сибири. Кроме того, показана эволюция «Сибирского вестника» от журнала для развлекательного чтения к научному изданию и объяснен механизм трансформации «Сибирского вестника» в «Азиатский вестник».

Ключевые слова: Г.И. Спасский, М.М. Сперанский, П.К. Фролов, ориенталистика, журналист, «Сибирский вестник», «Азиатский вестник», Сибирь, Азия.

S.A. PONOMAREVA

**“THE JOURNAL OF MY VOYAGE THROUGH SIBERIA...”
ABOUT “SIBIRSKY (ASIATSKY) VESTNIK” (“SIBERIAN HERALD AND ASIAN HERALD”),
PUBLISHED BY GRIGORY I. SPASSKY IN 1818–1827.**

Svetlana A. Ponomareva,
postgraduate student of the chair of General history
Siberian Federal University,
79, Svobodny Str., Krasnoyarsk, 660041, Russia
e-mail: vay72@mail.ru

The article deals with the activity of a famous researcher of Siberia Grigory Ivanovich Spassky, which is connected with collecting of materials for the magazines «Sibirsky Vestnik» («Siberian Herald») and «Asiatsky Vestnik» («Asian Herald»), published by him. This was the first periodical on this topic in the Russian Empire. This publication is distinguished by the wealth of published materials (more than 430 printed sheets), the major part of which has never been published before.

The source of «Sibirsky Vestnik»'s materials wasn't analyzed in the complex by the previous researchers, but such research would help to reveal the mechanism of «Sibirsky (Asiatsky) Vestnik»'s transformation. «Sibirsky (Asiatsky) Vestnik» made the evolution from the leisure time magazine to a scientific publication, which became the instrument of scientific knowledge not only in Siberia and Eastern Asia, but in the East in general.

Among the people who supplied Grigory I. Spassky with «Siberian» and «Eastern» materials, the names of Siberian governor general Mikhail M. Speransky, Tomsk governors Vasily S. Khvostov and Peter K. Frolov, Orientalists Egor F. Timkovsky, Stepan V. Lipovtsov, Mikhail D. Sipakov and others were revealed. The analysis of archive materials from Spassky Fond (№ 805), which are stored in the State Archive of Krasnoyarsk region, in comparison with the materials from “Sibirsky Vestnik” and “Asiatsky Vestnik” demonstrates these people's contribution into the spread of knowledge about Siberia. The article also presents reference data concerning the publications in “Sibirsky (Asiatsky) Vestnik”. It also emphasizes the role of Grigory I. Spassky not only as the collector of “Siberian antiquities”, but more as the organizer of the publication, which played the role of the attraction centre for original, trustworthy and live information about the Asian part of the Russian Empire.

Key words: Grigory I. Spassky, Mikhail M. Speransky, Petr K. Frolov, Oriental studies, journalist, «Sibirsky Vestnik» («Siberian Herald»), «Asiatsky Vestnik» («Asian Herald»), Siberia, Asia.

Журнал «Сибирский (Азиатский) вестник», издаваемый в 1818–1827 гг. Григорием Ивановичем Спасским, был первым в России периодическим изданием, полностью посвященным изучению Сибири. Это издание отмечалось уникальной особенностью: ежегодно увеличивался объем публикуемых материалов. В 1818 г. объем «Сибирского вестника» составил 33 п.л.¹, в 1819 г. – 23, в 1820 г. – 42, в 1821 – 40, в 1822 г. – 53, в 1823 – 71, в 1824 г. – 55 п.л.; объем «Азиатского вестника» в 1825 г. был 58 п.л., в 1826 г. – 37, за первое полугодие 1827 г. – 21 п.л.; объем журналов, изданных за 10 лет, превысил 430 п.л. Это огромное количество материалов, включающих географические описания различных районов Сибири, исторические, этнографические, статистические исследования и т.п. Обеспечить материалами непрерывное десятилетнее издание стараниями одного человека было бы невозможно, поэтому Г.И. Спасский упоминая свои «труды ... и пожертвования, употребленные во время 12-летнего пребывания в Сибири»², не забывал и о тех, кто способствовал его исследованиям. В последнем номере «Сибирского вестника» за 1824 г., подводя итоги семи лет издания, он изъясил «чувствительнейшую благодарность ... особам, оказавшим покровительство сему изданию, равно содействовавшим семилетнему продолжению онаго ... сообщением статей для напечатания в нем» [1, с. 124–125]

В отечественной историографии вопрос о происхождении материалов журнала рассмотрен далеко не полностью: из работ такого рода тематики следует выделить статью Н.К. Чернышовой [2], в которой рассматриваются контакты Г.И. Спасского с М.М. Сперанским по поводу размещения в «Сибирском вестнике» научных материалов о Сибири; публикацию А.С. Янушкевича [3], отчасти дополняющую предыдущую и содержащую дополнительные свидетельства таких контактов; наконец, статью Л.С. Рафиенко [4], где подробно рассмотрена и опубликована переписка Г.И. Спасского с П.К. Фроловым; Л.С. Рафиенко перечислила также большую часть статей из «Сибирского вестника», которые были написаны по его материалам. Однако названные исследователи не пошли дальше и не сделали предположения о преобладающем влиянии этих и некоторых других деятелей на издателя «Сибирского вестника» в разное время, равно как не предприняли попыток связать имена корреспондентов Г.И. Спасского с определенными периодами развития «Сибирского вестника». В этой связи основной задачей стало обоснование указанных двух предположений настоящего исследования.

С целью выявления «качественных» характеристик материалов «Сибирского вестника», таких как оригинальность, достоверность, и оперативность, нами рассмотрена деятельность Г.И. Спасского по сбо-

ру сведений о Сибири и Восточной Азии; установлена личность его основных корреспондентов в разное время, приведены библиографические ссылки на предоставленные ими статьи, вошедшие в «Сибирский вестник», а также выделены в соответствии с новыми критериями и охарактеризованы основные этапы развития этого издания.

В ноябре 1803 г. Г.И. Спасский поступил на сибирскую службу в Томскую губернию под начало В.С. Хвостова, – «начальника, по словам подчиненных, просвещенного и чувствительного». Уже в сентябре 1804 г. Спасский в качестве чиновника для особых поручений сопровождал губернатора в ознакомительной поездке по уездам губернии. Тогда к Спасскому и пришла идея издания в печати своих сибирских впечатлений. Задуманный им «Журнал моего путешествия по Сибири» по плану Спасского должен стать историко-этнографическим, вместить «исторические и естественные описания мест и народов в них обитающих, нравственность и образ жизни народов, языки, ими употребляемые, успехи в просвещении, в промышленности и торговле, описания картинных или по каким-нибудь случаям примечательных мест в природе; также растений и других вещей особенно употребительных в кругу домашнем между жителями...»³. «Журнал» планировалось издавать под эгидой Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ)⁴, однако в связи с нарастающим количеством поступающих материалов эта идея обратилась в замысел самостоятельного периодического издания.

Потребности службы совпали со стремлением Г.И. Спасского «пользоваться всякими случаями к познанию сибирской страны». Он «занимался собиранием сведений по части истории, географии, статистики, древностей, филологии и проч.» на полном основании, «вследствие сделанных начальственных поручений»⁵. Кроме наблюдений над «иногородцами», Спасский «...посвятил себя изысканию всех предметов, могущих сколько-нибудь объяснить древность Сибири... лазил он по горам, списывал на ребрах их изсеченные надписи на непонятном языке, с удивительным чутьем угадывал места старых могил и довольно удачно иногда в них рылся. Таким образом составил он себе изрядный музей из хартий, оружия и маленьких бурханов или медных идолов. Труды его были признаны полезными, одобряемы и поддерживаемы Академией наук» [5, с. 159]. Собирательство Спасского по методам мало чем отличалось от хищнических приемов сибирских «бугровщиков» – охотников за древними кладами из курганов; однако найденные древние предметы и надписи он тщательно зарисовывал, делая это самостоятельно или прибегая к услугам местных рисовальщиков.

¹ «Сибирский вестник» печатался «ин октаво» – из одного «листа» получалась тетрадка в 16 с.

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 268. Л. 2–2 об.

³ ОРК НБ СПбГУ Ф. Архив Вольного общества любителей словесности наук и художеств. Д. 123. Л. 2 об.

⁴ Г.И. Спасский состоял членом ВОЛСНХ с 9 марта 1802 г.

⁵ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.–8

Будучи причислен к научной части российско-го посольства в Китай в 1805 г., Спасский по поручению сибирского генерал-губернатора И.О. Селифонтова доставил для Академии наук чучела сибирских животных; попутно делал описания сибирской флоры и фауны, собрал несколько энтомологических коллекций, одна из которых в количестве трех ящиков была передана также Академии наук [6, с. 487]. По распоряжению графа И.О. Потоцкого – начальника научной части посольства, Спасский собирал «сведения о языках, кочующих вверх Енисея»⁶, также вошедшие впоследствии в «Сибирский вестник» [7]. На начальном этапе (1804–1809 гг.) Г.И. Спасский действовал соответственно служебным интересам своего начальства, большей частью интуитивно, выбирая цели исследований по наитию. Однако с поступлением в службу в Колывано-Воскресенские заводы его «собирачество» вышло на новый уровень.

Исполняя должность кузнецкого земского исправника, Спасский завел в октябре 1807 г. знакомство по переписке с П.К. Фроловым – горным инженером Колывано-Воскресенских горных заводов, автором проекта первой в России железной дороги, построенной в Змеиногорском руднике. Сибирский уроженец П.К. Фролов писал Спасскому о необходимости периодического издания, которое было бы посвящено исследованию Сибири: «Мы бывши жителями ея [Сибири] не много по сию пору знаем об ней. Итак этот журнал без сомнения есть одна из вещей нужных для Сибири, любящего свою Родину!»⁷. П.К. Фролов немало способствовал становлению Г.И. Спасского как ученого. Фролов снабжал Спасского книгами Палласа и Миллера, журналами и газетами, выписками из рукописей колыванских архивов и копиями карт, советовал обратить пристальное внимание на местные сибирские архивы, которые «...сохранились от пожара и от просмотра немцами...», подсказывал наиболее интересные направления исследований – «о приведении в подданство России телеутов», «о побеге Волжских калмык, и посылке за ними, о успехе их и ... об обратном их переводе на Волгу. Это самые любопытные случаи нашего края»⁸.

П.К. Фролов, имеющий большой опыт коллекционирования и лучшее образование, учил Спасского буквально азам «правильного», научного исследования: «... Лица сказок иногда бывают историческими, украшенные чудесностями и тому подобным. Чем более можно будет собрать таких известий, тем лучше. Не худо было бы собрать несколько песней веселых и печальных. Через них можно бы узнать витийством душевные способности ... Есть места, во всякой земле примечательные по сражениям, жизни отличных людей и по другим достопамятным, о чем народ их населяющий сохраняет предание»⁹.

Очное знакомство П.К. Фролова и Г.И. Спасского было недолгим: последний поступил в 1809 г. на горную службу в Колывано-Воскресенские заводы, а в 1811 г. Фролов отбыл в Санкт-Петербург. В 1817 г. Спасский в свою очередь сменил службу в провинции на столичную, Фролов теперь уже вернулся на Алтай – уже начальником заводов.

Находясь на службе в Колывано-Воскресенских заводах, Спасский совершил несколько путешествий по Сибири и Горному Алтаю: дважды – в 1809–1810 гг. и 1817 г. – сопровождая казенные караваны с серебром в столицу; а в 1813 г. «с 9 февраля по 11-е апреля по поручению начальства свидетельствовал у крестьян хлеб в 51 заводском селении на предмет снабжения оным по случаю бывшего неурожая нуждающихся жителей»¹⁰, попутно пополняя свою коллекцию. В июне 1813 г. в должности бергмейстера в Змеиногорском руднике, Спасский инспектировал селения и горные разработки округа. Его путевые записки превратились в цикл статей о путешествии по Алтаю, размещенных в первых номерах «Сибирского вестника» [8; 9].

Переписка П.К. Фролова и Г.И. Спасского возобновилась в 1818 г. после того, как началось издание «Сибирского вестника», и стала весьма содержательной: Фролов переправлял Спасскому материалы для публикаций, среди них указы императрицы Екатерины II к сибирскому губернатору Д.И. Чичерину и его рапорты к ней, описания Нерчинских заводов, прочие документы о начале горного дела в Сибири [10]; «Описание киргиз-кайсаков с родословною таблицею их ханов» [11, 12]; словари качинского и кызыльского языков, «Описание посланника в Китай, отправленного Михайлом Федоровичем» [13], «Обозрение Монголии» (сделанное А.В. Игумновым) [14], «Описание Бухары и Ташкента, сочиненное Бурнашевым и Поспеловым» [15, 16]; «Карта Медного острова и описание горных работ, произведенных в 1758 г.» [17] и др.¹¹ Через посредничество П.К. Фролова к Г.И. Спасскому была доставлена из Тобольска так называемая Черепановская летопись, выдержки из которой впервые были опубликованы в «Сибирском вестнике» [18, 19, 20, 21, 22]. Материалы, отправленные Фроловым к Спасскому, составили весьма значительную часть выпусков «Сибирского вестника» в 1818–1821-х гг., придав всему изданию характер научно-популярного сборника, а по мысли самого издателя – книги для чтения «по возможности занимательного и общепользовного».

Характер публикаций существенно изменился в 1822–1824 гг. В этот период в «Сибирском вестнике» в большом количестве размещались материалы, относящиеся к «современному состоянию Сибири»: отчеты правительственных и частных экспедиций, сведения, составляющие предмет первостепенной

⁶ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 343. Л.2

⁷ Там же. Д. 342. Л.3

⁸ Там же. Л. 1 об.

⁹ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁰ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.–4

¹¹ Приведенные в тексте статьи названия документов даны П.К. Фроловым.

государственной важности: об экспедиции Врангеля и Анжу, Геденштрома – относительно плаваний в «Ледовитом море», сведения об Амуре и др. Такое изменение в характере журнала объясняется влиянием, которое оказывал на Г.И. Спасского М.М. Сперанский. В известном письме [23, с.116], написанном последним из Иркутска, после похвал издателю «Сибирского вестника» М.М. Сперанский пишет о необходимости продолжать издание. Но в ГАКК имеются и другие документы, из которых видно, что активное сотрудничество со Спасским началось по возвращении Сперанского из Сибири. После назначения М.М. Сперанского в образованный в июле 1821 г. Сибирский Комитет Г.И. Спасский стал в некоторой степени полезен для планов опального реформатора. М.М. Сперанский, устраненный от прочих государственных дел, смог взять в свои руки все дела управления Сибирью и, разумеется, не мог обойти вниманием единственное в стране периодическое издание об этом регионе. Спасский писал в конце 1821 г. своему брату Никифору: «Михайло Михайлович продолжает ко мне свои милости. Он сделал отношение к сибирскому губернатору о распространении там подписки на Сибирский Вестник и приказал выдать мне некоторые материалы из своей Канцелярии»¹². Из переписки Г.И. Спасского с личным секретарем М.М. Сперанского – Кузьмой Григорьевичем Репинским¹³ следует, что в 1821–1824 гг. из личного архива М.М. Сперанского для печати Г.И. Спасскому были переданы: известия о занятиях Усть-Янского отряда Северной экспедиции¹⁴ лета 1822 г., данные о геологической съемке, производимой этим отрядом, и метеорологические наблюдения [24], выписки из дневника медика Фигурина [25]; «Замечания доктора Кибера, служащего при бывшем Нижне-Колымском отряде Сев. экспедиции» [26], его же заметки о ламутах, чукчах и о прочих «инородцах», сделанные весной 1823 г., – эти материалы были доставлены руководителем экспедиции бароном Врангелем к М.М. Сперанскому в декабре 1823, а от него – к Спасскому, и были напечатаны в «Сибирском вестнике» в начале 1824 г. [26, 27, 28].

К.Г. Репинский приводит еще два списка документов: «Список бумаг взятых для Г.И. Спасского из архива его прев-ва М.М. Сперанского, 10 окт. 1823 – Соч. надв. сов. Лосева; Описание Иркутской губернии в 1810 году, ... Обзорение исторических происшествий, в 1812 году, ... Собрание известий о инородцах сибирских, соч. Лаганса 1789-го года [29, 30], ... Исторические записки о реке Аму-

ре [31] ... Сведения о Монгольской Даурии, Лосева... Из Архива его прев. М.М. Сперанского 22 октября 1823 – Семипалатинск (на французском) неизвестного; Петропавловской крепости описание (неизв.); Ялуторовский уезд (тоже, и неизв.); Географическое описание Томской губернии Иличевского; Описание южных инородцев в Томской губернии Дмитренко. Енисейского [уезда] Осипова; Нарымского уезда, Шкляревского...»¹⁵. Кроме использования в различных статьях «Сибирского вестника», эти материалы частично вошли также в «Географическое и статистическое описание Сибири и ее островов», публикуемое в качестве приложения к журналу. И так, если до начала сотрудничества Г.И. Спасского с М.М. Сперанским «Сибирский вестник был своеобразным хранилищем сведений о любопытных «древностях Сибирских», то переданные М.М. Сперанским с конца 1821 по 1824 г. материалы, своего рода «экслюзив», предоставляемый от официального учреждения, придали журналу характер своеобразного полуофициального издания, освещающего современное состояние исследований, касающихся Сибири.

Говоря о влиянии, оказываемом М.М. Сперанским на Г.И. Спасского, нужно также отметить, что именно с «подачи» М.М. Сперанского «Сибирский вестник» сохранил свое название в 1823 и 1824-м гг. Сохранился черновик письма Г.И. Спасского к издателю «Вестника Европы» М.Т. Каченовскому, отрывок из которого проясняет до некоторой степени механизм трансформации журнала: «Вестник свой назвать Азиатским я хотел еще на 1823 год, как сказано было и в объявлении; по совету М.М. Сперанского принят план новой, пригोветленный для Азиат. Вест., а название удержано прежде»¹⁶.

Особая тема в «Сибирском вестнике» – Китай и русско-китайские отношения. Г.И. Спасский всегда проявлял живой интерес к восточному соседу России. После возвращения в Россию в 1821 г. членов IX Русской духовной миссии в Пекине его журнал пополнился материалами о Китае, сообщенными некоторыми участниками этой миссии. О сотрудничестве с ориенталистами в Петербурге Г.И. Спасский пишет следующее: «Из пребывающих здесь ориенталистов ... первое место занимает г. Липовцов, которой охотно готов мне содействовать. Некоторые из молодых людей, обучавшихся здесь восточным языкам, также подают большую надежду. Во 2 кн. будет помещен сообщенный одним из них перевод, причем с Персидского подлинника»¹⁷ [32]. С.В. Липовцовым были предоставлены уникальные переводные материалы по истории Монголии и Китая: «Бегство тургутов из России в Зюнгарию» [33], «История монгольских ханов», «О китайско-монгольском летоисчислении и отношении его к русской истории», «О китайской хронологии и соединенной

¹² ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 273. Л. 4 об

¹³ Там же. Д. 329

¹⁴ Бумаги П.Ф. Анжу (1797–1869), возглавлявшего Усть-Янскую экспедицию; которая занималась описанием сибирского побережья между устьями р. Оленек и Индигирка, Новосибирских островов и поиском «земли», виденной промышленником Санниковым. Материалы этой экспедиции были почти полностью утрачены. Частично использованы в «Описании берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова камня» [24].

¹⁵ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 329. Л. 6–7

¹⁶ Там же. Д. 273. Л. 2об.–3

¹⁷ Там же. Д. 229. Л. 5-5об. (письмо к И.И. Давыдову).

с ней астрологией и о всех обрядах и суеверных обычаях, на них основанных», личные документы начальника X Духовной миссии Петра Каменского: «Описание Галерного селения», «Разговор христианина с язычником, на основе которых Г.И. Спасским написана биография архимандрита Петра, и некоторые другие бумаги. Другой ориенталист – М.Д. Сипаков – предоставил перевод сообщения о кончине богдыхана Цзя-Цина [34].

Обильными материалами о Китае снабдил Г.И. Спасского Егор Федорович Тимковский. Пристав X Духовной миссии Е.Ф. Тимковский по долгу службы вел путевые записки, ставшие впоследствии основой известного трехтомного труда «Путешествие в Китай через Монголию». Спасский принял участие в редактировании его записок и в 1823 г. опубликовал их часть в своем журнале [35]. Об этом сотрудничестве в ГАКК сохранилось письмо Е.Ф. Тимковского к Г.И. Спасскому: «Сообщенную от меня статью из моего путешествия покорнейше прошу, сократив, назвать просто: “Извлечение из дневных записок, веденных NN во время пребывания в Пекине с 1 дек. 1820 по 15 мая 1821”»¹⁸.

Е.Ф. Тимковским также были переданы Г.И. Спасскому бумаги иеромонаха IV миссии Феодосия Смержевского и архимандрита Софрония Грибовского – начальника VIII Миссии; среди них – рукописи об истории русской православной диаспоры в Пекине – албазинцах. Эти документы легли в основу нескольких больших, печатавшихся с продолжениями статей [36, 37, 38], а также ряда мелких заметок и очерков [39, 40], опубликованных в «Сибирском» и «Азиатском вестнике».

Таким образом, активные и энергичные действия Г.И. Спасского, широкий круг его интересов и знакомств, в совокупности с удачным стечением обстоятельств дали начало коллекции документов, опубликованных в «Сибирском (Азиатском) вестнике». Г.И. Спасский, начав как коллекционер-любитель сибирских «древностей», а затем как редактор «сибирского» журнала, совершил эволюцию от собирательства к организации профессионального сбора информации, а его «Сибирский (Азиатский) вестник» прошел путь от развлекательного журнала к серьезному научно-популярному изданию, ставшему своеобразным инструментом для изучения Сибири и Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спасский Г.И. Краткое обозрение статей, помещенных в Сибирском Вестнике с 1818 по 1825 год // Сибирский вестник. 1824. Ч. 4, кн. 19–24. С. 113–126
2. Чернышова Н.К. Деятельность М.М. Сперанского по собиранию коллекции книг и рукописей о Сибири // Археология книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 153–180.
3. Янушкевич А.С. Из рукописного наследия Спасского // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика: памяти Ю.С. Постнова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. С. 196–213

4. Рафиенко Л.С. Горный инженер П.К. Фролов – деятель общественной культуры // Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2006. С. 201–275.

5. Записки Филиппа Филипповича Вигеля // Русский архив. М., 1892. Т. 154, ч. 2, 238 с.

6. Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович. Отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.

7. Спасский Г.И. Народы кочующие в верху реки Енисея // Сибирский Вестник. 1818. Ч. 1. С. 87–111 (1–25); ч. 2. С. 179–209 (26–56); 1819. Ч. 5. С. 1–14 (57–70).

8. Спасский Г.И. Путешествие на Тигирецкие белки или горы, вечным снегом покрытыя // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 43–65 (5–27).

9. Спасский Г.И. Путешествия по Южным Алтайским горам в 1809 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 3. С. 1–37 (28–64); ч. 4. С. 131–165 (66–100).

10. Грамота о первоначальном горном производстве в Сибири. // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20, кн. 10. С. 269–280 (117–128).

11. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9, кн. 1. С. 51–58 (71–78); кн. 2. С. 93–124 (79–110); кн. 3. С. 167–196 (111–140); ч. 10, кн. 4. С. 211–234 (141–164); кн. 5. С. 285–292 (165–172); кн. 6. С. 343–374 (173–204).

12. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20, кн. 11. С. 321–328 (142–148).

13. Путешествие в Китай козака Ивана Петлина в 1620 году. // Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 211–246 (1–36).

14. Игумнов А.В. Обзорение Монголии // Сибирский вестник, 1819. Ч. 5. С. 15–58; ч. 6. С. 109–148.

15. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары // Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 247–284 (37–74); ч. 3. С. 95–130 (75–110).

16. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 4. С. 183–252 (111–180).

17. Спасский Г.И. Описание Меднаго острова, лежащего в Камчатском море. // Сибирский вестник 1822. Ч. 18, кн. 4. С. 281–290 (1–10), с приложением карты.

18. Любопытное вооружение города Тобольска против нашествия Калмыков в 1614 году // Сибирский вестник. 1821. Ч. 14, кн. 5. С. 289–294 (1–6).

19. Спасский Г.И. Известие о новейшей Летописи Сибирской, сочиненной Ильею Черепановым // Сибирский вестник, 1821. Ч. 14, кн. 6. С. 303–314 (35–46).

20. Посольство из Тобольска к Бушухту-Хану Зюнгарскому в 1691. // Сибирский вестник. 1821. Ч. 15, кн. 9. С. 106–119 (1–14).

21. Монах Игнатий Козыревский // Сибирский вестник. 1823. Ч. 2, кн. 11. С. 27–32.

22. Выписка из Сибирской Летописи Черепанова о небесных и воздушных явлениях, замеченных в Тобольске с 1656 по 1753 год. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 4, кн. 22. С. 196–204.

23. Смирнов Б. Григорий Иванович Спасский: Материалы к биографии // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 110–122.

24. Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова камня. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 2., кн. 7. С. 1–12; кн. 8. С. 13–26; кн. 9. С. 27–42.

25. Замечания медико-хирурга Фигурина о разных предметах естественной истории и физики, учиненные в Устьянске и окрестностях онаго в 1823 г. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 4, кн. 20. С. 185–212; кн. 22. С. 215–234; кн. 23–24. С. 235–248.

26. Извлечение из дневных Записок д-ра Кибера. // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1, кн. 2–5. С. 1–58.

27. Краткия замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3, кн. 17. С. 13–20.

28. Чукчи // Сибирский вестник. 1824. Ч. 2, кн. 9–10. С. 87–126.

29. Буряты или братские // Сибирский вестник, 1824, ч. 1, кн. 1–6. – С. 21–72; ч. 2, кн. 8–10. – С. 73–86.

¹⁸ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 338. Л. 1–10б.

30. Якуты // Сибирский вестник. 1824. Ч. 3, кн. 17–18. С. 127–148; ч. 4, кн. 19–24. С. 149–166.

31. Историческая и статистическая записки о местах лежащих при реке Амуре. Сибирский вестник. 1824. Ч. 1, кн. 6. С. 175–186; ч. 2, кн. 7. С. 187–200; кн. 8. С. 201–218, кн. 9–10. С. 219–238; кн. 11. С. 230–256; кн. 12. С. 257–264; ч. 3, кн. 13–14. С. 265–272.

32. [Ботьянов И.В.] Науфель. Отрывок из Персидской поэмы Меджун и Лейла // Азиатский вестник. 1825. Кн. 2. С. 135–140.

33. Липовцов С.В. О переходе Тургутов в Россию и обратное их удаление из России в Зюнгарию // Сибирский вестник 1820. Ч. 12, кн. 10. С. 168–189 (167–188); кн. 11. С. 214–235 (189–210); кн. 12. С. 254–269 (211–226).

34. Известие о кончине Китайского Богдо-Хана Цзя-Цина и о вступлении на престол старшего сына его Мян-Нина // Сибирский вестник. 1823. Ч. 1, кн. 1. С. 1–16; кн. 2. С. 17–28.

35. Тимковский Е.Ф. Дневные записки Е.Ф. Тимковскаго во время пребывания его в Пекине с 1 декабря 1820 по 15 мая 1821 года // Сибирский вестник. 1823. Ч. 1, кн. 4. С. 63–76; кн. 5. С. 77–88; ч. 2, кн. 7. С. 89–100; кн. 8. С. 101–120; кн. 9. С. 12–138; кн. 10. С. 139–150; кн. 11. С. 151–160; кн. 12. С. 161–168; 1824. Ч. 3, кн. 13–14. С. 169–194; кн. 15–16. С. 195–220; кн. 17–18. С. 221–228.

36. Об езуитах в Китае // Сибирский вестник. 1822. Ч. 19, кн. 8. С. 107–132 (197–222); кн. 9. С. 181–210 (223–252); ч. 20, кн. 10. С. 227–254 (253–280); кн. 11. С. 295–310 (281–296); кн. 11. С. 329–356 (297–324).

37. О начале торговых и государственных сношений России с Китаем // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18, кн. 4. С. 259–280 (99–120); кн. 5. С. 315–338 (121–144); кн. 6. С. 399–418 (145–164).

38. Путешествие Архимандрита Софрония Грибовскаго от Пекина до Кяхты в 1808 году // Сибирский вестник. 1823. Ч. 1, кн. 1. С. 1–14; кн. 2. С. 15–30; кн. 3. С. 31–44; кн. 4. С. 45–62.

39. Известие о необыкновенном ветре, бывшем в Пекине 1819 года и указ Богдо-Хана, обнародованный по сему случаю // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20, кн. 12. С. 371–376 (1–6).

40. Сун, китайский министр и военачальник // Сибирский вестник. 1823. Ч. 1, кн. 2. С. 1–6.

REFERENCES

1. Spassky G.I. A Brief Review of the Articles, published in «Sibirsky Vestnik» [Siberian Herald] from 1818 till 1825. Sibirsky Vestnik, 1824, part 4, vol. 19–24, pp. 113–126 (In Russ.)
2. Chernyshova N.K. Activity of Speransky M.M. in order to collection of the books and manuscripts about Siberia. Arkheografiya knizhnykh pamiatnikov. Novosibirsk, 1996, pp. 153–180 (In Russ.)
3. Ianushkevich A.S. From the manuscript heritage of Spassky. Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistika: pamiati Iu.S. Postnova. Novosibirsk: SB RAS, 2002, pp. 196–213 (In Russ.)
4. Rafienko L.S. The mining engineer Peter K. Frolov as eminent personality of national culture. Problemy istorii upravleniya i kul'tury Sibiri XVIII–XIX vv. Novosibirsk. 2006, pp. 201–275 (In Russ.)
5. The Commentaries of Filipp Filippovich Weigel. Russky Arkhiv, 1892, vol. 154, part 2. Moscow, 238 p. (In Russ.)
6. The Chronicle of the Kunstkamera. 1714–1836. Comp. by Kharatanovich M.F., Kharatanovich M.V., ed. Kopanyova N.P., Chistov Y.K. St. Petersburg, MAE RAN, 2014, 740 p. (In Russ.)
7. Spassky G.I. The peoples migrating in the upper reaches of Enisey. Sibirsky Vestnik, 1818, part 1, pp. 87–111 (1–25); part 2, pp. 179–209 (26–56); 1819, part 5, pp. 1–14 (57–70) (In Russ.)
8. Spassky G.I. The travel to Tigiretskiye Belky or mountains, covered with permanent snow. Sibirsky Vestnik, 1818, part 1, pp. 43–65 (5–27) (In Russ.)
9. Spassky G.I. The travels in the Southern Altai mountains in 1809. Sibirsky Vestnik, 1818, part 3, pp. 1–37 (28–64); part 4, pp. 131–165 (66–100) (In Russ.)

10. The document on the origins of mining in Siberia. Sibirsky Vestnik, 1822, part 20, vol. 10, pp. 269–280 (117–128) (In Russ.)

11. The Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle and Small Hordes. Sibirsky Vestnik, 1820, part 9, vol. 1, pp. 51–58 (71–78); vol. 2, pp. 93–124 (79–110); vol. 3, pp. 167–196 (111–140); part 10, vol. 4, pp. 211–234 (141–164); vol. 5, pp. 285–292 (165–172); vol. 6, pp. 343–374 (173–204) (In Russ.)

12. The comments on the antiquities of the Kirghiz-Kaisaki steppe. Sibirsky Vestnik, 1822, part 20, vol. 11, pp. 321–328 (142–148) (In Russ.)

13. The traveling to China of the Cossack Ivan Petlin in 1620. Sibirsky Vestnik, 1818, part 2, pp. 211–246 (1–36) (In Russ.)

14. Igumnov A.V. The Review of Mongolia. Sibirsky Vestnik, 1819, part 5, pp. 15–58; part 6, pp. 109–148 (In Russ.)

15. The traveling from the Siberian Line to the town of Bukhara. Sibirsky Vestnik, 1818, part 2, pp. 247–284 (37–74); part 3, pp. 95–130 (75–110) (In Russ.)

16. The traveling from the Siberian Line to Tashkent and back in 1800. Sibirsky Vestnik, 1818, part 4, pp. 183–252 (111–180) (In Russ.)

17. Spassky G.I. The description of the Mednyy island situated in the Kamchatka Sea. Sibirsky Vestnik, 1822, part 18, vol. 4, pp. 281–290 (1–10), with the map attached. (In Russ.)

18. An interesting armament of Tobolsk against the Kalmyk invasion in 1614. Sibirsky Vestnik, 1821, part 14, vol. 5, pp. 289–294 (1–6) (In Russ.)

19. Spassky G.I. Information about the newest Siberian Chronicle, written by Ilya Cherepanov. Sibirsky Vestnik, 1821, part 14, vol. 6, pp. 303–314 (35–46) (In Russ.)

20. The embassy from Tobolsk to Bushukhtu-Khan of Dzungaria in 1691. Sibirsky Vestnik, 1821, part 15, vol. 9, pp. 106–119 (1–14) (In Russ.)

21. The monk Ignatij Kozyrevskiy. Sibirsky Vestnik, 1823, part 2, vol. 11, pp. 27–32 (In Russ.)

22. The extract from the Cherepanov's Siberian Chronicle about the celestial and aerial phenomena observed in Tobolsk from 1656 till 1753. Sibirsky Vestnik, 1823, part 4, vol. 22, pp. 196–204 (In Russ.)

23. Smirnov B. Grigory Ivanovich Spassky: Materials to Biography. Sibirskie Ogni, 1927, no. 1, pp. 110–122 (In Russ.)

24. Description of the Arctic Ocean coastline from the Yana estuary to Cape Baranov. Sibirsky Vestnik, 1823, part 2, vol. 7, pp. 1–12; vol. 8, pp. 13–26; vol. 9, pp. 27–42 (In Russ.)

25. The surgeon Figurin's comments on different things in natural history and physics, made in Ust'yanks and its surroundings in 1823. Sibirsky Vestnik, 1823, part 4, vol. 20, pp. 185–212; vol. 22, pp. 215–234; vol. 23–24, pp. 235–248 (In Russ.)

26. The abstract form doctor Cyber's Daily Memoirs. Sibirsky Vestnik, 1824, part 1, vol. 2–5, pp. 1–58 (In Russ.)

27. Brief commentaries on the Lamuts, the Tunguses and the Yukagirs. Sibirsky Vestnik, 1823, part 3, vol. 17, pp. 13–20 (In Russ.)

28. The Chukchi. Sibirsky Vestnik, 1824, part 2, vol. 9–10, pp. 87–126 (In Russ.)

29. The Buryats or Bratskye. Sibirsky Vestnik, 1824, part 1, vol. 1–6, pp. 21–72; part 2, vol. 8–10, pp. 73–86 (In Russ.)

30. The Yakuts. Sibirsky Vestnik, 1824, part 3, vol. 13–18, pp. 127–148; vol. 19–24, pp. 149–166. (In Russ.)

31. Historical and statistical memoirs about the places located near the Amur River. Sibirsky Vestnik, 1824, part 1, vol. 6, pp. 175–186; part 2, vol. 7, pp. 187–200; vol. 8, pp. 201–218, vol. 9–10, pp. 219–238; vol. 11, pp. 230–256; vol. 12, pp. 257–264; part 3, vol. 13–14, pp. 265–272 (In Russ.)

32. [Bot'yanov I.V.] Nauphel. The extract from the Persian poem Majnun and Layla. Asiyatsky Vestnik, 1825, vol. 2, pp. 135–140 (In Russ.)

33. Lipovtsov S.V. About the passing of the Turguts to Russia and back from Russia to Dzungaria. Sibirsky Vestnik, 1820, part 12, vol. 10, pp. 168–189 (167–188); vol. 11, pp. 214–235 (189–210); vol. 12, pp. 254–269 (211–226) (In Russ.)

34. The information about the Chinese emperor Jia Qin's death and his elder son Mian Ning's accession to the throne. *Sibirsky Vestnik*, 1823, part 1, vol. 1, pp. 1–16; vol. 2, pp. 17–28 (In Russ.)

35. *Timkovsky E.F.* The Daily Memoirs of Timkovsky E.F. during his stay in Beijing from December 1820 till May 15, 1821. *Sibirsky Vestnik*, 1823, part 1, vol. 4, pp. 63–76; vol. 5, pp. 77–88; part 2, vol. 7, pp. 89–100; vol. 8, pp. 101–120; vol. 9, pp. 121–138; vol. 11, pp. 151–160; vol. 12, pp. 161–168; 1824, part 3, vol. 13–14, pp. 169–194; vol. 15–16, pp. 195–220; vol. 17–18, pp. 221–228 (In Russ.)

36. About the Jesuits in China. *Sibirsky Vestnik*, 1822, part 19, vol. 8, pp. 107–132 (197–222); vol. 9, pp. 181–210 (223–252); part 20, vol. 10, pp. 227–254 (253–280); vol. 11, pp. 295–310 (281–296); vol. 11, pp. 329–356 (297–324) (In Russ.)

37. About the beginning of trade and state relations between Russia and China. *Sibirsky Vestnik*, 1822, part 18, vol. 4, pp. 259–280 (99–120); vol. 5, pp. 315–338 (121–144); vol. 6, pp. 399–418 (145–164) (In Russ.)

38. The traveling of the Archimandrite Sophrony Gribovsky from Beijing to Kyakhta in 1808. *Sibirsky Vestnik*, 1823, part 1, vol. 1, pp. 1–14; vol. 2, pp. 15–30; vol. 3, pp. 31–44; vol. 4, pp. 45–62 (In Russ.)

39. The information about the unusual wind, which was in Beijing in 1819 and the decree of the Chinese emperor on this occasion. *Sibirsky Vestnik*, 1822, part 20, vol. 12, pp. 371–376 (1–6) (In Russ.)

40. Sun, the Chinese minister and general. *Sibirsky Vestnik*, 1823, part 1, vol. 2, pp. 1–6 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 30.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160312
УДК 002.2:271.22–36–9(571.1/.5)''19/20''

Н.К. ЧЕРНЫШОВА

ЛОКАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АГИОГРАФИИ В СИБИРИ НА ПРОТЯЖЕНИИ XIX – НАЧАЛА XX в.

Надежда Константиновна Чернышова,
д-р ист. наук, старший научный сотрудник,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье рассматриваются особенности развития агиографии в Сибири в XIX – начале XX в. Ставится вопрос о том, существовала ли единая сибирская агиографическая традиция или она складывалась из отдельных территориальных локусов. Согласно современным представлениям, основу существования региональных агиографических традиций составляет место подвига святого. В отличие от XVII в., когда на территории Сибири существовала одна Тобольская митрополия и не возникало вопроса об отдельных локусах, в XIX в. сложилась иная ситуация: появились основания говорить о тобольской, томской, иркутской агиографии. Одновременно в таких территориальных локусах активизируется деятельность по собиранию информации о подвижниках благочестия, происходит формирование «гнезд святости». Ведется работа над текстами отдельных житий, а также над подготовкой патериков.

Ключевые слова: агиография, житие, житийные собрания, Патерик, святые, аскеза, агиографическая традиция, Собор Сибирских святых, Сибирь, епархия, издание.

N.K. CHERNYSHOVA

FORMATION OF THE LOCAL CENTERS OF HAGIOGRAPHY IN SIBERIA DURING THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Nadezhda K. Chernyshova
Dr. of Historical Sciences, senior researcher,
State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS),
15, Voshod Str., Novosibirsk, 630200, Russian,
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

The article examines the features of hagiography development in Siberia in the XIX – early XX centuries. For the first time it raises the problem whether there was a single Siberian hagiographic tradition, or it was composed of separate territorial loci. According to modern concepts, the place where a Saint performed his ascetic labors provided the basis for the development of regional hagiographic traditions. The analysis of “Siberian Paterik” project by Omsk hagiographers (1916) allowed to hypothesize on forming regional hagiographic traditions in Siberia – territorial loci. Unlike the XVII century, when there was the only Tobolsk metropolis in Siberia, so the individual loci were not the subject to dispute, the XIX century witnessed a different situation: there were grounds to talk of the Tobolsk, Tomsk, Irkutsk, and other hagiographies. Their further development was provided by the penetration and spread of printing technology in Siberia as is evident from the “Joint Catalogue of the Siberian and Far Eastern book. 1780-1917” (Vol. 1-3. Novosibirsk, 2004-2005). Formation of the regional loci is indicated by the growing activities on collecting the information about the saints and piety ascetics in individual dioceses. The “Nests of Holiness” were formed; along with writing the texts of individual biographies and hagiography, the hagiographic collections and “Lives of the Fathers” associated with several territories, monasteries, and Orthodox missions were prepared. The project of “Siberian Paterik” can be viewed as a possible result of this process. The author raises an issue of the need to study the creative legacy of Siberian historians, such as A. I. Sulotsky, N. A. Abramov, A. I. Yurievsky and others, in the context of regional hagiographic tradition development.

Key words: hagiography, life, hagiographic collection Patericon, saints, ascetics, hagiographic tradition, Siberian Saints Cathedral, Siberia, diocese, edition.

В 1984 г. по благословению патриарха Пимена было введено празднование Собора Сибирских святых. Инициировал это решение епископ Омский Максим (Кроха). В состав Собора вошли имена 31 прославленного угодника Божия [1, с. 9]. Спустя некоторое время – в 1998 г. – под редакцией епископа Новосибирского и Бердского Сергия (Соколова) было осуществлено издание «Житий сибирских святых». Составители назвали его «сибирским патериком». Книга явилась первым изданием патерика сибирских святых, доведенным до конца. В сборник вошли жития 32 святых [2]¹, подвизавшихся и почитавшихся на обширной территории региона в XVII–XIX вв. В 2006 г. в г. Единец Единецко-Бричанской епархии Русской Православной Церкви по благословению митрополита Одесского и Измаильского Агафангела (Саввина) был опубликован еще один сборник – «Патерик сибирских святых и подвижников благочестия», составленный протоиереем Анатолием Дмитруком [3]. В отличие от новосибирского издания, в состав данного Патерика включено значительное число текстов о святых, чья жизнь протекала или завершилась после 1917 г. Самостоятельный раздел составили жития новомучеников и исповедников сибирских. Наконец, несколько житий посвящено подвижникам дореволюционного времени, имена которых не вошли в новосибирское издание. Важную часть сборника составили приложения, куда вошел месяцеслов сибирских святых и подвижников благочестия и другие справочные материалы.

Данные патерика явились итогом работы, проводившейся на протяжении XVII–XXI вв. с участием духовенства отдельных епархий Сибири, в том числе представителей высшей иерархии и местных краеведов. Замысел сибирского патерика вызревал постепенно, предположительно с середины XIX в. Проект сборника, наиболее представительного по полноте, составлен дореволюционными сибирскими агиографами в начале XX в. Публикация проекта состоялась в 1916 г. на страницах «Омских епархиальных ведомостей» [4, с. 7–12]. Автор публикации писал: «К сожалению, только мы мало знаем своих родных, близких нам по месту нашего жительства подвижников благочестия, мало и чтим их. <...> Даже прославленные от Господа небесные покровители Сибири мало почитаются насельниками Сибири. Последние не знают житий своих Сибирских святых, не слышали об их подвигах и трудах, не знают дней памяти их и нередко не прибегают к их небесному предстательству» [4, с. 7].

Издание патерика предполагалось осуществлять под руководством епископа Омского и Павлодарского Сильвестра. Создатели проекта задумывали «сделать «Сибирский Патерик» интересным по полноте со-

держания для людей просвещенных, а по изложению доступным и самому простому читателю» [4, с. 12]. За образец были взяты «Жития святых», составленные по руководству Четых Миней Димитрия Ростовского на русском языке, они изданы в начале XX в. Московской синодальной типографией [4, с. 11].

Первым интерес к данному сборнику проявил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) [5, с. 31–60]. В жизнеописании известного иерарха РПЦ – подвижника и духовного писателя агиографа митрополита Мануила (Лемешевского) – митрополит Иоанн сообщил о возникновении замысла Патерика, особо выделив роль помощника начальника Киргизской духовной миссии – иеромонаха Мануила в этом процессе, описал условия начального этапа работы над сборником. Факт существования такого замысла известен и омским православным исследователям [6, с. 157–158; 7]. В числе составителей Патерика автор статьи «Омских епархиальных ведомостей» называет большую группу лиц – преимущественно представителей омского духовенства [4, с. 11]. Имя иеромонаха Мануила в статье однако не упоминается, возможно, потому, что последний в 1916 г. покинул Сибирь.

Разыскание патерика или реальных свидетельств его существования и последующее изучение истории – самостоятельные научные задачи. Косвенное подтверждение того, что работа эта вышла из стадии замысла, мы находим в фундаментальном труде митрополита Мануила, посвященном иерархам Русской Православной Церкви. В статье о митрополите Мануиле в составе этого труда упомянута рукопись «Синодик сибирских просветителей и исповедников, подвижников и ревнителей благочестия и боголюбцев, церковных историков и писателей духовных о Сибири» (Серпухов, 1929) [8, с. 382].

Обращает на себя внимание стремление авторов проекта к «полноте содержания». В состав патерика предполагалось включить жизнеописания 50 «прославленных угодников Божиих и непрославленных подвижников веры и благочестия, кои родились или подвизались в пределах Азиатской России». В раздел прославленных угодников Божиих включено семь имен: св. Димитрий (Туптало), митрополит Ростовский, св. Иннокентий (Кульчицкий), епископ Иркутский, свв. Иоанн (Максимович) и Павел (Корноскевич), митрополиты Тобольские, свт. Софроний (Кристалеvский), епископ Иркутский (против имен двух последних святителей стоит пометка – «в чаянии скорого его прославления»), праведный Симеон Меркушино-Верхотурский, блаженный Василий убиенный, Мангазейско-Туруханский [4, с. 9].

Имена «непрославленных подвижников веры и благочестия» расположены по большим хронологическим периодам – XVII, XVIII, XIX вв. – с указанием чина святости, времени кончины, а также места совершения подвига. Как свидетельствует опубликованный перечень, в регионе представлен практически весь спектр чинов православной святости: святители,

¹ В составе Собора не упомянуты имена сибирских старцев Зосимы и Василиска, прославленных позже – в 2004 г. «Жития сибирских святых...» включили статью о пустынножителе Василиске, куда вошли также сведения о жизни старца Зосимы.

праведные, Христа ради юродивые, преподобные, пустынножители, мученики. Отличительной чертой православного подвижничества Сибири XVIII–XIX вв., как отмечают духовные авторы, явилось «святое миссионерство» [9, с. 74–75]. Рассматриваемый перечень включает значительное число представителей этой группы святых.

Внимание к собиранию и изучению агиографии отдельных территорий, входящих в состав Российской империи, отчетливо проявилось в трудах известных историков церкви, агиографов конца XIX – начала XX в. (Димитрий (Самбикин), Н.П. Барсуков, Сергей (Спасский), Леонид (Кавелин), Никодим (Кононов), Е. Поселянин и др.). Были напечатаны важные справочные издания, сборники жизнеописаний отечественных подвижников благочестия. В эти издания включена и накопленная к тому времени информация о сибирских подвижниках. В 1891 г. архимандрит Леонид Кавелин обратился к «местным читателям» памяти святых с призывом «составить патерики по областям и городам» [10, с. IV]. Е. Голубинским был составлен список «книг и статей о святых отдельных местностей» [11, с. 5–10]. В данный список включено всего одно издание о святых и подвижниках благочестия Сибири. «Сказания...» М. Путинцева мы рассматриваем как одну из первых заявок на создание сибирского патерика [12].

Заметный всплеск интереса к изучению региональных агиографических традиций в России – тверских, псковских, смоленских, вологодских и других – произошел в работах исследователей последних лет (см. напр.: [13, 14, 15]). Под региональной агиографической традицией, как уточняет современная исследовательница, «скорее имеют в виду не столько место создания жития, сколько место духовного подвига святого» [14, с. 122].

Православная Сибирь – особый регион России, как в силу размеров территории, особенностей присоединения и освоения, так и того обстоятельства, что значительную часть ее населения составляли народы неправославных исповеданий. Церковно-административное управление в регионе на протяжении XVII–XX вв. претерпевало изменения: число епархий возрастало за счет расширения территории и выделения новых из состава более крупных. Можно ли рассматривать агиографическую традицию в Сибири XIX в. как единую или она включала несколько территориальных локусов со своими особенностями? Отметим, что проблема формирования территориальных локусов агиографии внутри Сибири внутри XIX – начала XX в. как самостоятельного явления духовной и культурной жизни в настоящее время пока остается вне рассмотрения исследователями.

Упомянутый выше проект Патерика 1916 г. отражает возможную полноту территорий, охватываемых понятием «Сибирь» на протяжении XVII – начала XX в.: от Приуралья (части современных Пермской, Челябинской, Свердловской областей) до Дальнего Востока и Америки. Перечень свидетельствует о по-

степенном продвижении «гнезд святости» на восток и на юг региона. Они возникали в центрах и на окраинах епархий, в монастырях и пустынях.

В перечне представлены и православные миссионеры, трудившиеся в различных регионах Сибири: на Алтае, Дальнем Востоке и в Америке. Наконец, в перечень вошли имена уроженцев Сибири, прославившихся в других регионах страны.

Рассмотрим перечень подробнее. XVII в. представлен в нем именами 15 святых и подвижников благочестия. Агиографические памятники этого периода относятся к наиболее изученным (см. работы С.В. Бахрушина, Е.К. Ромодановской, О.Д. Журавель и др.). Речь идет преимущественно о рукописной традиции, развивавшейся в пределах Тобольской митрополии, которая охватывала всю Сибирь. Важным социокультурным фактором, определявшим некоторые особенности развития агиографии в XIX в., было широкое распространение печатной книги и постепенное перемещение рукописной книги на периферию. В начале 2000-х гг. ГПНТБ СО РАН был подготовлен и опубликован сводный каталог книг, напечатанных на территории Сибири и Дальнего Востока [16].

В число изданий Русской Православной Церкви в отдельных издающих центрах входят и агиографические сочинения. Заметную часть их составляют тексты о святых и подвижниках благочестия данного региона. Информация сводного каталога подтверждает гипотезу о существовании территориальных локусов агиографии в пределах Сибири. Так, среди житий, жизнеописаний и других агиографических источников о св. Иннокентии Иркутском, упомянутых в справочнике, в Иркутске было напечатано 51, в Томске – 5, в Тобольске – 1. По данным каталога выявлено 20 изданий житийного жанра, осуществленных в Тобольске. Эти книги, брошюры и листки посвящены святым и подвижникам XVII – начала XIX в. – митрополиту Киприану, преподобным Симеону Верхотурскому и Захарии, святителям Димитрию Ростовскому, Иоанну Максимовичу, Филофею Лещинскому, сибирским подвижникам Зосиме и Василиску (1), а также святым и подвижникам, связанным с другими территориями Сибири, – митрополиту Иннокентию (Вениаминову) (1), старцу Феодору Космичу, старцу Даниилу Ачинскому (1). Агиографическая традиция Тобольска в XIX в. представлена трудами местного духовенства по сбору информации о святых Тобольской митрополии, публикациями источников, созданием агиографических текстов и исторических сочинений (А.И. Сулоцкий, С. Знаменский, Н. Абрамов, А.М. Карпинский, Н.Д. Скосырев, П.В. Остроумов, Г.С. Тутолмин, А.И. Юрьевский).

Кроме изучения агиографии XVII в., в епархии проводилась работа по подготовке к прославлению митрополита Иоанна Тобольского, изучению биографий и творческого наследия иерархов XVIII в. и других православных подвижников. Труды духовных писателей Тобольска и Западной Сибири долгое время интересом претерпевались в рамках развития исторической науки

в регионе, теперь предстоит рассмотреть их в контексте развития агиографических традиций. Заметным центром развития агиографии в Сибири во второй половине XIX в. становится Иркутск. В епархии активно изучалась биография и история почитания первого иркутского епископа св. Иннокентия (Кульчицкого), создавались, распространялись и публиковались тексты житий. Наиболее значительные из них принадлежат протоиерею П.В. Громову и ректору Иркутской семинарии архимандриту Модесту (Стрельбицкому). В «Сводном каталоге...» учтены также жития, жизнеописания, описания чудес и другие агиографические тексты о других подвижниках, чья биография и подвиги связаны с Иркутской епархией, – епископе Софронии (Кристалевском) (7), архиепископе Харьковском Мелетии (Леонтовиче) (1), Иннокентии, митрополите Московском (1), пустыннике Варлааме Чикойском (2). Святым и подвижником благочестия других регионов Сибири посвящена одна публикация – о преп. Василии Мангазейском.

Еще одним центром развития агиографии стал Томск. В Томске, по данным сводного каталога, выявлено более 20 изданий, которые можно отнести к житийному жанру, из них 6 посвящено томскому старцу Феодору Кузьмичу, 6 – начальнику Алтайской духовной миссии архимандриту Макарию (Глухареву), несколько изданий – св. Иннокентию Иркутскому и праведному Симеону Верхотурскому.

На примере Иркутской епархии коснемся еще одной грани развития агиографической традиции: духовенство и православная общественность Иркутска активно занимались сбором сведений о святых и подвижниках благочестия города и всей Восточной Сибири – документов о жизни и деятельности, свидетельств о подвигах и чудесах, воспоминаний и т.п. В рукописном собрании архиепископа Иркутского и Нерчинского Нила (Исаковича), управлявшего Иркутской епархией с 1838 по 1854 г., представлены документальные материалы о сибирских подвижниках благочестия – архиереях, основателях монастырей, монахах, пустыльниках (в настоящее время находятся в архивохранилищах Ярославля). Следует упомянуть и комплекс документов об иеромонахе Арсении, которого отдельные исследователи отождествляли с митрополитом Арсением Мацеевичем². Большое место в рукописном собрании архиепископа Нила занимали материалы о восточносибирских миссионерах XVIII – начала XIX в. – Василии Березине, Кирилле Суханове и Григории Слепцове, а также о миссионерах–современниках Нила – А. Аргентове, Д. Хитрове, Н. Запольском, Терентии Дычковском [17]³. Отметим, что имена этих подвижников, за небольшим исключением, не вошли в известные ныне перечни.

К концу XIX в. в развитии агиографии отдельных локусов Сибири проявилась еще одна черта, свя-

зывающая ее с общерусскими процессами. Речь идет о создании перечней, сборников житий или жизнеописаний подвижников отдельных обителей или регионов в целом [18–21 и др.]. Мы рассматриваем эти издания как часть работы по созданию патериков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собор Сибирских святых // Православный церковный календарь. 2003. М., 2002. С. 109.
2. Жития Сибирских святых: сибирский патерик. Новосибирск, 1998. 288 с.
3. *Дмитрук А.Н., прот.* Патерик Сибирских святых и подвижников благочестия. Единец, 2006. 608 с.
4. Предполагаемое издание «Сибирского Патерика» // Омские епарх. ведомости. 1916. № 37. Часть неофиц. С. 7–12.
5. *Иоанн (Снычев), митроп.* Жизнь и служение митрополита Мануила: биограф. очерк. Самара, 1997. 18 с.
6. *Лосунов А.М.* Омская епархия: история и современность // Актуальные проблемы исторической науки: общее и уникальное в истории. Омск, 2009. С. 157–158.
7. *Феодосий (Процюк), митр.* В вере ли вы? Житие и труды священномученика Сильвестра, архиепископа Омского. М., 2006. 607 с.
8. *Manuil (Lemješjewskii), mitrop.* Die russische orthodoxe Bischöfe // Erlangen, 1986. Bd. IV. S. 282.
9. *Пивоваров Б., прот.* Духовные истоки Алтайской духовной миссии // Богослов. сб. / Новосибир. епархия РПЦ. 2006. № 2. С. 72–93.
10. *Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Изложены в таблицах, с картою России и планом Киевских Пещер: справ. книжка по русской агиографии. СПб., 1891. 220 с.: ил.
11. *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1998. 997 с.
12. *Путинцев М.* Сказания о некоторых сибирских подвижниках благочестия протоиерея. М., 1889. 38 с.
13. *Гадлова Г.С.* Жития тверских святых в трудах богословов и историков Церкви XVI–XIX веков // Вестн. ПСТГУ. 2005. Филология. История. С. 91–113
14. *Семячко С.А.* Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 122–142
15. *Стороженко Э.А.* Проблема перечня смоленских святых // Концепт святости в историческом контексте: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 1150-летию первого упоминания города Смоленска в русских летописях. Смоленск, 2013. С. 166–175.
16. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг.: в 3 т. / отв. сост. Р. Е. Павлова; ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2004–2005. Т. 1–3.
17. *Нил (Исаакович).* Миссионерская деятельность в Сибири: из путевого журн. свящ. Николаевской походной церкви Дм. Хитрова // Ярослав. епарх. ведомости. 1865. Часть неофиц. № 19–37, 40–46.
18. Тобольская епархия. Ч. 2, отд. 1: Архипастыри Тобольской епархии / сост. М.П. Путинцев. Омск, 1892. 158 с.
19. *Корелин В.* Настоятели Иркутскаго Знаменскаго монастыря, со времени основания его 1693 года по настоящее время. Иркутск, 1892. 47 с.
20. *Шавельский Л.* Краткое историко-статистическое описание Иркутского Вознесенского монастыря со списком настоятелей его. Иркутск, 1905. 53 с.
21. *Путинцев М.* Алтай. Его святыни. Миссионерство. Дивные пути Промысла Божия в обращении язычников в христианство. Воспоминания о почивших миссионерах. 2-е изд. М., 1891. 71 с.

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Б-ка. Коллекция рукоп. Оп. 1. Д. 181. Л. 234–234 об.

³ Там же. Д. 141; Д. 181. Л. 143–144 об., 276; и др.

REFERENCES

1. The Cathedral of Siberian Saints. *Pravoslavnyy tserkovnyy kalendar*. 2003, Moscow, 2002, p. 109. (In Russ.)
2. The lives of the Saints in Siberia: Siberian Paterik. Novosibirsk, 1998, 288 p.
3. *Dmitruk A.N., archpriest*. Patericon of Siberian saints and ascetics of piety. Edinet, 2006, 608 p. (In Russ.)
4. The alleged publication of «Siberian Paterik». *Omskiye yeparkhialnyye vedomosti*. 1916, no. 37, pt. unofficial, pp. 7–12. (In Russ.)
5. *Ioan (Snychev), metropolitan*. The life and ministry of Metropolitan Manuil: biographic essay. Samara, 1997, p. 318. (In Russ.)
6. *Losunov A.M.* Omsk diocese: history and modernity. *Aktualnyye problemy istoricheskoy nauki: obshcheye i unikal'noye v istorii*. Omsk, 2009. pp. 157–158. (In Russ.)
7. *Theodosius (Protsyuk), metropolitan*. Are you in faith? The life and works of priest-martyr Sylvester, Archbishop of Omsk. Moscow, 2006, 607 p. (In Russ.)
8. *Manuil (Lemješjewskii), mitrop.* The Russian Orthodox Bishops. Erlangen, 1986, Bd. IV, S. 282. (In Germ.)
9. *Pivovarov B., archpriest*. Spiritual roots of the Altai Spiritual mission. *Bogoslov.sb.* / Novosib.yeparkhiya RPTs. 2006, no. 2, pp. 72–93. (In Russ.)
10. *Leonid (Kavelin), archimandrite*. Holy Russia or information about all saints and ascetics in Russia (up to the XVIII century) common and locally revered. Set out in tables, with a map of Russia and the plan of the Kiev Caves: reference book on Russian hagiography. St. Petersburg, 1891, 220 p. (In Russ.)
11. *Golubinsky E.* History of the saints canonization in the Russian church. Moscow, 1998, 997 p. (In Russ.)
12. *Putintsev M.* Archpriest's tales of some Siberian ascetics. Moscow, 1889, 38 p. (In Russ.)
13. *Gadalova G.S.* Lives of Tver saints in the works of theologians and historians of the church of the XVI–XIX centuries. *Vestn. PSTBU*. 2005. Philology. History, pp. 91–113. (In Russ.)
14. *Semyachko S.A.* Problems of studying the regional hagiographic traditions (a case of Vologda hagiography). *Russkaya agiografiya. Research. Publication. Controversy*. St. Petersburg, 2005, pp. 122–142. (In Russ.)
15. *Storozhenko E.A.* A problem of the list of Smolensk saints. *The concept of Holiness in a historical context: proc. of Intern. sci.-pract. conf. devoted to the 1150th anniversary of the first reference to the city of Smolensk in the Russian Chronicles*. Smolensk, 2013, pp. 166–175. (In Russ.)
16. Joint catalogue of the Siberian and Far Eastern books. 1790–1917: in 3 vol. / comp. R.E. Pavlova; SPSTL SB RAS. Novosibirsk, 2004–2005. (In Russ.)
17. *Neal (Isakovich)*. Missionary activity in Siberia: from a travel log of D. Khitrov, the priest of St. Nicholas Field Church. *Yaroslav. Yeparkh.vedomosti*. 1865, pt. unofficial, no. 19–37, pp. 40–46. (In Russ.)
18. Tobolsk diocese. Pt. 2, sect. 1: Archpastors of the Tobolsk diocese / comp. M. P. Putintsev. Omsk, 1892, 158 p. (In Russ.)
19. *Korelin V.* The Abbesses of Irkutsk Znamensk monastery, since its founding in 1693 to the present day. Irkutsk, 1892, 47 p. (In Russ.)
20. *Shavelsky L.* A brief historical-statistical description of Irkutsk Vosnesensk monastery with the list of its abbots. Irkutsk, 1905, 53 p. (In Russ.)
21. *Putintsev M.* Altai. Its sacred objects. Missionary work. Wondrous ways of God's Providence in the conversion of Pagans to Christianity. Memoirs of deceased missionaries. 2nd ed. Moscow, 1891, 71 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160313
УДК 655.4/.5

Е.А. БАЗЫЛЕВА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЧИТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Елена Анатольевна Базылева,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: bazyleva_ea@mail.ru

Статья посвящена вопросам издательской практики Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в дореволюционный период. Рассматривается вклад Читинского отделения ПОИРГО в развитие книжной культуры Забайкалья, отмечено, что распространение книжной продукции отделения способствовало популяризации его научно-издательской деятельности. Благодаря принципам историзма и научной достоверности, логическому и статистическому методам воссоздана общая картина книгоиздания ЧО ПОИРГО. Детально освещен процесс выпуска его периодических изданий.

Ключевые слова: Читинское отделение Приамурского отдела ИРГО, Императорское Русское географическое общество, издательская деятельность, книжная продукция, книжная культура.

Е.А. BAZYLEVA

**PUBLISHING ACTIVITIES
OF THE CHITA SUBBRANCH OF THE AMUR REGION BRANCH
OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY**

Elena A. Bazyleva,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian,
e-mail: bazyleva_ea@mail.ru

The article is devoted to the problems of publishing activities of the Chita Subbranch of the Amur River Branch of the Imperial Russian Geographical Society (CS PBIRGS) during the pre-revolutionary period. For the first time in historiography the article considers the formation and development of book publishing of the CS PBIRGS based on the archival records and clerical documents, taking into account the data contained in scientific works, reflecting past scientific views. The author also analyzed sources that are bibliographic in nature – the book production of the CS PBIRGS. The fundamental principles of historicism and scientific reliability, logical and statistical methods allowed to recreate an overall picture of book publishing of the CS PBIRGS. The article is quite detailed in outlining the process of publishing the periodicals of CS PBIRGS. A comprehensive approach to studying the book publishing of the CS PBIRGS made it possible to analyze the distribution of printed editions of the Subbranch. It is noted that the editions of the CS PBIRGS were distributed not only on a free-of-charge basis (by means of book-exchange with other scientific organizations), but also through sale in book-selling establishments.

On the basis of the conducted research, the valid conclusion is drawn that the CS PBIRGS paid special attention to its publishing activity, promoting distribution of results of its scientific research among the general public both in Russia, and abroad. The state of CS PBIRGS publishing practice was determined by trends of development of the regional science and culture, the level of local printing base. The output of book production depended on financial opportunities of the Subbranch, qualification of local scientific experts. It is obvious that the publishing activity of the CS PBIRGS represents an important stage of the book culture of the Transbaikalia.

Key words: the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of IRGS, the Imperial Russian Geographical Society, publishing activity, dissemination of book output, book culture.

Читинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ЧО ПОИРГО)¹ было открыто 16 июля 1894 г. по инициативе выдающегося врача – исследователя Забайкалья и Дальнего Востока Н.В. Кирилова (первый секретарь), ученого-краеведа А.К. Кузнецова (директор музея), генерал-майора И.П. Потоцкого (первый товарищ председателя), а также при активном содействии военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Е.В. Мациевского (первый председатель) и генерал-губернатора Приамурского края С.М. Духовского. Чтобы информировать широкие круги общественности об открытии отделения, была выпущена специальная листовка (объявление), ставшая, очевидно, первым печатным изданием Читинского отделения. В его задачи входило изучение окружающей природы и населения, накопление фактов для последующих разработок, создание условий для научной работы в провинции, а также объединение разобщенных специалистов [1, с. 4]. Благодаря функционированию в Чите филиала ИРГО, а также основанных при нем музея и библиотеки, к середине 1890-х гг. здесь стало складываться «культурное гнездо». Деятельность ЧО ПОИРГО послужила началом большого культурного движения. Вся передовая общественность края оказалась в числе учредителей и членов первого научного общества Забайкалья.

Сотрудники ЧО ПОИРГО исследовали экономическое состояние края, положение местного населения, причины и последствия наводнения. Проводились работы по изучению вечной мерзлоты, состояния почв, водоемов, целебных источников, рассматривались возможности строительства Забайкальской железной дороги, состояние статистики, земельных угодий, их распределение, анализировались проблемы, связанные с переселенцами, развитием кинематографа в Забайкальской области². К сожалению, с 1901 до 1904 г. в деятельности отделения наблюдался полный упадок, а в 1903 г. было даже прервано взаимодействие с другими научными обществами. Работа стала налаживаться только с 1904 г. после избрания нового Совета ЧО ПОИРГО во главе с правителем дел Д.М. Головачевым. Однако наступившие революционные события 1905 г. сказались крайне отрицательно на работе ЧО ПОИРГО – многие из членов отделения были арестованы. Более активная работа стала разворачиваться лишь в 1914 г. Но затем снова последовал период упадка, в конечном счете приведший к полному прекращению работы, что было связано с Первой мировой войной, революционными событиями 1917 г., а затем с Гражданской войной.

Деятельность ЧО ПОИРГО велась в соответствии с Уставом ИРГО. Научно-исследовательской, редак-

ционно-издательской и хозяйственной работой ведал Совет. Денежные средства отделения состояли из ежегодной субсидии от государственной казны в размере 500 руб., членских взносов, пожертвований частных лиц и продажи научных изданий. По результатам деятельности Совет ежегодно составлял, а затем публиковал отчеты, приходно-расходные сметы. Так, на его заседании от 19 июля 1899 г. были рассмотрены и утверждены к печати вновь составленные членом Ревизионной комиссии Б.Д. фон Дервизом кассовые отчеты отделения за 1895 и 1896 гг. Они были подготовлены заново в связи с тем, что в годовой отчет за 1895 г. были включены неверные данные по кассе библиотеки, а в отчете за 1896 г. такие сведения отсутствовали³.

Проект издания «Записок» отделения возник еще в начале 1895 г. Для их подготовки была образована редакционная комиссия. С 1896 по 1913 г. вышло 14 выпусков. Большая часть книг была издана в Чите в типолитографии Торгового дома «П.А. Бадмаев и К^о» и типографии «Товарищества печатного дела Бергут и сын». Ввиду стесненности средств ЧО ПОИРГО зачастую несвоевременно оплачивало счета из типографий. Согласно архивным данным на заседании Совета 19 июля 1899 г. было доложено о долге за печатание Торговому дому «П.А. Бадмаев и К^о» в размере 100 руб. 79 коп. Было принято постановление – уплатить по данному счету из первых же поступлений в кассу отделения⁴.

На страницах «Записок» публиковались материалы по вопросам географии, истории, этнографии, геологии, ботаники и др. Первый выпуск «Записок», издание которого обошлось в 225 руб. 12 коп., был представлен на заседании Совета в октябре 1896 г. Однако при рассмотрении книги обнаружилось большое количество ошибок, которые Совет признал необходимым исправить. «Записки» были переданы для редактирования во вновь организованную редакционную комиссию, в которую вошли А.М. Грабовский, И.С. Иконников, А.К. Кузнецов, С.И. Мартыновский, И.Ю. Старынкевич, И.И. Шари (председатель). В результате первое издание «Записок» было уничтожено и перепечатано в измененном виде в количестве 500 экз. (объем – 144 с.). Второе издание обошлось в 313 руб. 71 коп. Всего было истрчено на оба издания первого выпуска 538 руб. 83 коп. [2, с. 8].

Порядок публикации поступающих в отделение статей был следующим. Все материалы подлежали рецензированию. Предложенные редакционной комиссией статьи к публикации в «Записках» рассматривались на заседаниях Совета. Так, 1 марта 1897 г. были утверждены содержание второго выпуска и смета на его издание в размере 350 руб. Например, работа Г.А. Стукова «Очерк флоры Восточного Забайкалья» рецензировалась членом редакционной комиссии Н.К. Волковым, который признал этот труд ценным и интересным и рекомендовал его к изданию. На заседании 24 де-

¹ Забайкальская областная филиация Приамурского отдела ИРГО – с 1894 по 1895 г., Читинское отделение Приамурского отдела ИРГО – с 1895 по 1917 г., Читинское отделение РГО – с 1917 по 1920 г., в дальнейшем – Забайкальский отдел РГО.

² Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 26. Л. 208; Д. 34. Л. 49; Д. 40. Л. 345–346.

³ Там же. Д. 4. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 23 об.

кабря 1906 г. Совет постановил работу Г.А. Стукова, составившую восьмой выпуск, напечатать в количестве 1000 экз., при этом заботу об издании и редактировании поручить самому автору⁵. В дальнейшем на заседании 26 марта 1907 г. председателем было доложено, что очерк Г.А. Стукова напечатан. Настоящая информация была принята к сведению, и Совет утвердил расходование денежных средств на издание указанной работы⁶.

Зачастую в «Записках» печатались сообщения, уже заслушанные на заседаниях Совета или общих собраниях. Так, на заседании 30 августа 1895 г. М.А. Кроль прочел доклад «О забайкальских бурятах», где осветил историю расселения, эволюцию семейных отношений, самоуправления, бытовые условия и эксплуатацию хоринских, баргузинских и агинских бурят. Этот доклад был включен в состав первого выпуска «Записок», а также вышел в качестве отдельного оттиска. Однако доклады, сделанные на общих собраниях в 1902 г., не были опубликованы, так как издание «Записок» с 1901 г. приостановилось на четвертом выпуске. В 1904 г. «Записки» были возобновлены, причем Советом было решено из-за ограниченности средств каждую поступающую работу печатать отдельным выпуском, что существенно уменьшило объем «Записок» [3, с. 22]. Так, пятый выпуск был представлен только речью Д.М. Головачева, подводящей итоги десятилетней деятельности ЧО ПОИРГО (20 с.), шестой – статьей Г.А. Стукова «Народные лекарственные травы Забайкалья» (50 с.), в седьмой вошли «Постановления Читинского отделения по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области» (14 с.), в восьмой – «Очерк флоры Восточного Забайкалья» Г.А. Стукова (76 с.).

Особого внимания заслуживает седьмой выпуск «Записок». В 1902 г. Советом Министров было предложено Читинскому отделению ИГРО, как единственному научному учреждению края, высказаться по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области. Советом отделения была избрана специальная комиссия, на заседаниях которой были заслушаны по этому вопросу доклады А.К. Кузнецова и В.А. Севастьянова. После окончательной редакции правителя дел Д.М. Головачева предложения были заслушаны на общем собрании, а затем опубликованы и представлены в Совет министров [4, с. 25]. Данный факт явно свидетельствует о высокой общественной и научной роли, о государственной значимости провинциального филиала ИРГО – Читинского отделения. Впоследствии были подготовлены и напечатаны в читинской типографии «П.А. Бадмаев и К^о» аналогичные постановления за 1902–1906 гг. (1907) и 1909–1910 гг. (1912).

Важным событием в издательской практике Читинского отделения стал выпуск в свет «Трудов Агин-

ской экспедиции». Хотя труды издавались самостоятельно, но одновременно они представляли 10–14-й выпуски «Записок».

В 1907 г. буряты Агинской думы⁷ обратились в ЧО ПОИРГО с просьбой снарядить за их счет экспедицию для всестороннего изучения Агинской степи «в почвенном, ботаническом, оросительном и хозяйственном отношении, а также издать труды этого исследования» [4, с. 29]. Предложение было принято, и в 1908 г. отделением была организована Агинская экспедиция. На проведение работ буряты выделяли 4767 руб.

Собранные материалы решено было опубликовать отдельными выпусками под общим названием «Труды Агинской экспедиции». Все издание Совет постановил напечатать в количестве 1200 экз., из которых 50 экз. – на глянцевого бумаже, а остальные 1150 экз. – на простой. Труды планировалось выпустить по следующей программе: 1) геологический очерк; 2) почвенный очерк; 3) география, орография, климат; 4) растительный мир; 5) животный мир; 6) исторический очерк; 7) население и хозяйственный быт. Однако в связи с недостатком у Читинского отделения средств на издание материалов исследования на заседании Совета 22 октября 1909 г. было решено просить у бурят Агинской и Цугольской волости 2000 руб. [5, с. 8, 14]. Просьба была удовлетворена.

На заседании Совета 3 августа 1910 г. Г.А. Стуков сообщил о предложении И.В. Палибина издать труды Агинской экспедиции в Санкт-Петербурге и взять на себя поиски типографии, а затем наблюдение за ходом печатания, на что Совет дал согласие. В связи с этим Г.А. Стуков предложил послать И.В. Палибину свою рукопись, а также указать формат и шрифт для книги [5, с. 12]. Проблемы публикации результатов экспедиции освещались на страницах местной прессы⁸.

К концу 1910 г. в Санкт-Петербурге вышел четвертый выпуск трудов Агинской экспедиции – «Растительный мир» Г.А. Стукова, с введением и под редакцией И.В. Палибина (Записки, вып. 13). Здесь же был помещен библиографический обзор И.В. Палибина «Главнейшая библиография по флоре Агинских степей и близлежащих к ним районов». При определении растений И.В. Палибин нашел несколько новых разновидностей и один ранее неизвестный вид, который был назван *Oxytropis Stukowi* – Остролодка Стукова. Об открытом растении И.В. Палибиным был сделан доклад в Женеве. «Растительный мир» Г.А. Стукова был его последней работой и в крае лучшей по ботанике. В этом ботанико-географическом очерке дана подробная картина распространения представителей растительного мира на обширной Агинской территории [4, с. 31].

⁷ Агинские буряты – основная этническая часть населения Забайкалья.

⁸ Н.И. Заседание географического общества (вопрос о печатании результатов Агинской экспедиции) // Забайкальская новь. 1909. 17 мая.

⁵ ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 19 об.

Работа, освещающая почвенные исследования Агинской степи, не была вовремя представлена. Несмотря на неоднократные просьбы и напоминания со стороны Совета в течение 1909–1910 гг. М.П. Григорьев задержал свой труд. На заседании Совета 16 декабря 1910 г. председатель Д.М. Головачев сообщил о получении от агронома М.П. Григорьева трех глав его работы и альбома фотоснимков (другие главы остались без изменений). Совет принял решение передать полученную часть работы М.П. Григорьева Б.Д. Очирову для просмотра и, если необходимо, для исправления бурятских и монгольских названий [5, с. 13]. Труд М.П. Григорьева «Почвенный покров и материнские породы» (1913) вышел в иркутской типолитографии П.И. Макушина и В.М. Посохина (объем – 182 с.), он состоял из двух глав: «Почвенный покров» и «Материнские породы».

Обработкой статистико-экономических материалов занимались Д.М. Головачев и В.В. Солдатов. К концу 1910 г. очерки Д.М. Головачева «Население» и В.В. Солдатов «Хозяйственный быт» были уже закончены и сданы в печать в типографию Забайкальского товарищества печатного дела. По поводу составления геологического очерка Совет вступил в переговоры с геологом А.П. Герасимовым, а составить исторический очерк предложил А.Д. Рудневу [5, с. 14].

Однако первоначально намеченная программа издания трудов Агинской экспедиции не была осуществлена полностью из-за недостатка средств. В свет вышли следующие работы: выпуск первый – М.П. Григорьев «Орогидрографический очерк Агинской степи» (Записки, 1913, вып. 10), выпуск второй – М.П. Григорьев «Климат» (Записки, 1913, вып. 11), выпуск третий – М.П. Григорьев «Почвенный покров и материнские породы» (Записки, 1913, вып. 12), выпуск четвертый – Г.А. Стуков «Растительный мир» (Записки, 1910, вып. 13), выпуск седьмой – Д.М. Головачев «Население», В.В. Солдатов «Хозяйственный быт» (Записки, 1911, вып. 14). К седьмому выпуску прилагалась карта Агинской степи. Не были изданы геологический и исторический очерки, работа о животном мире, а также большинство статистических таблиц, картограмм и рисунков. Труды печатались в типографиях Санкт-Петербурга, Иркутска и Читы. Необходимо отметить, что пять томов, опубликованных по результатам Агинской экспедиции, и в настоящее время продолжают служить науке и обществу.

Помимо «Записок» ЧО ПОИРГО издавало «Отчеты» (всего – 7 книг), а также всевозможные брошюры – программы для проведения исследований, журналы заседаний, протоколы собраний и пр. Зачастую владельцы местных типографий шли навстречу отделению, поддерживали его начинания и сотрудничали с ним на безвозмездной основе. Так, на заседании Совета 1 марта 1897 г. в связи с недостатком средств было решено просить Областную типографию отпечатать «Отчет» за 1896 г. бесплатно⁹.

Говоря об издательской практике ЧО ПОИРГО, следует отметить и его деятельность по распространению своих изданий. В 1897 г. Читинское отделение ПОИРГО состояло в книгообмене с 95 учреждениями, обменивалось печатной продукцией не только с российскими, но и с зарубежными организациями. Например, со Шведской археологической академией в Стокгольме, Смитсоновским институтом в Вашингтоне, с Венским музеем [6, с. 17–19], библиотекой Императорского университета в Токио¹⁰. Кроме того, ЧО ПОИРГО высылало свои труды в ИРГО, притом в нескольких экземплярах (не менее 10 экз.)¹¹. Как отмечалось выше, начало XX в. было крайне неблагоприятным для деятельности ЧО ПОИРГО. В 1902–1906 гг. книгообмен был прерван. Четвертый выпуск «Записок», изданный в 1901 г., не был разослан ни сотрудникам, ни обществам, состоявшим в книгообмене. Книги пролежали до 1904 г. в ящиках на складе. Рассылка изданий ЧО ПОИРГО возобновилась в 1905 г. «Записки» с пятого по седьмой выпуск были разосланы 79 учреждениям [3, с. 22, 68]. Новым витком в развитии книгообмена ЧО ПОИРГО стало издание «Трудов Агинской экспедиции». Согласно архивным данным, четвертый выпуск трудов – «Растительный мир» Г.А. Стукова (Записки, 1910, вып. 13), уже в первом полугодии 1911 г. поступил во все научные учреждения и вузы, с которыми отделение сотрудничало по книгообмену, а 50 экз. этого выпуска было отправлено агинскому инородческому волостному старшине Читинского уезда Забайкальской области¹².

Книжная продукция ЧО ПОИРГО не только распространялась безвозмездно, но и продавалась через книготорговые заведения в разных городах страны. Нельзя не отметить, что ЧО ПОИРГО внесло весомый вклад в развитие книжной торговли Забайкалья. В связи с возникшим спросом на народные книги в конце 1896 г. отделение открыло при своей библиотеке книжный склад для продажи народных изданий, ставший на тот момент первым книготорговым предприятием в области [7, с. 6]. Однако в 1902 г. книжный склад был закрыт.

В заключение следует подчеркнуть, что ЧО ПОИРГО особое внимание уделяло издательской деятельности, стремясь распространить результаты своих научных изысканий среди широких кругов общественности как в России, так и за рубежом. Состояние издательской практики ЧО ПОИРГО определялось тенденциями развития науки и культуры в регионе, а также уровнем местной полиграфической базы. Выпуск книжной продукции зависел от финансовых возможностей отделения, в том числе от поддержки меценатов, квалификации местных научных кадров. Издательская деятельность ЧО ПОИРГО являлась важным звеном книжной культуры Забайкалья.

¹⁰ Там же. Д. 42. Л. 34–34 об.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 4 об.

¹² Там же. Д. 34. Л. 1–66.

⁹ ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 29. Л. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головачев Д.М. Десятилетие Читинского отделения Императорского Русского географического общества: 1894–1904 гг.: речь, читанная правителем дел Д.М. Головачевым на общ. собр. отд-ния 31 окт. 1904 г. Чита, 1905. 20 с.; Оттиск из Зап. Чит. отд-ния Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1905. Вып. 5.
2. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1896 г. Чита, 1897. 68 с.
3. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1902–1906 гг. Чита, 1907. 71 с.
4. Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Краевого музея им. А.К. Кузнецова за тридцать лет. 1894–1924. Чита, 1924. 90 с.
5. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1909–1910 гг. Чита, 1912. 44 с.
6. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1897 г. Чита, 1899. 79 с.
7. Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Чита, 1913. Вып. 9. 138 с.

REFERENCES

1. Golovachev D.M. Decade of the Chita Subbranch of Imperial Russian Geographical Society: 1894–1904: speech delivered by the chief of administration D.M. Golovachev at the general meeting of Subbranch on October 31, 1904. Chita, 1905, 20 p.; Reprint from Notes of the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of Imperial Russian Geographical Society. 1905, iss. 5. (In Russ.)
2. Report on Activities of the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of the Imperial Russian Geographical Society for 1896. Chita, 1897, 68 p. (In Russ.)
3. Report on Activities of the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of the Imperial Russian Geographical Society for 1902–1906. Chita, 1907, 71 p. (In Russ.)
4. The Review of Activities of the Transbaikalian Branch of the Russian Geographical Society and Regional Museum of A.K. Kuznetsov over thirty years. 1894–1924. Chita, 1924, 90 p. (In Russ.)
5. Report on Activities of the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of the Imperial Russian Geographical Society for 1909–1910. Chita, 1912, 44 p. (In Russ.)
6. Report on Activities of the Chita Subbranch of the Amur Branch of Imperial Russian Geographical Society for 1897. Chita, 1899, 79 p. (In Russ.)
7. Notes of the Chita Subbranch of the Amur Region Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Chita, 1913, iss. 9, 138 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 30.05.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160314
УДК 655.59; 070

А.С. МЕТЕЛЬКОВ

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(1940–1980-е гг.)**

Антон Сергеевич Метельков,
аспирант, главный библиотекарь,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, Россия, Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: mantoon@ngs.ru

В статье впервые анализируются ведущие тенденции развития литературно-художественных журналов Сибири и Дальнего Востока на протяжении 1940–1980-х гг. Рассматривается феномен одновременного возникновения журналов в различных сибирских и дальневосточных городах в послевоенный период. Прослеживается смена благоприятных для развития журналов периодов этапами нападков на них со стороны государственных структур, а также связь давления на одни журналы с изменениями в дальнейшей редакционной политике других журналов. Особое внимание уделяется динамике тиражей и периодичности выхода литературно-художественных журналов. Предпринимается попытка выделить особенности и общие черты их развития, характерные для этих регионов.

Ключевые слова: литературно-художественный журнал, толстый журнал, альманах, Сибирь, Дальний Восток, издательская деятельность, тираж, этапы развития, типология, «Сибирские огни».

A.S. METELKOV

**LITERARY MAGAZINES OF SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE CONTEXT
OF THE REGIONAL PUBLISHING ACTIVITIES (1940–1980s)**

Anton S. Metelkov,
Postgraduate, Chief Librarian
The State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voskhod Str., 630200, Novosibirsk, Russia,
e-mail: mantoon@ngs.ru

The paper considers the origin and evolution of literary-art journals in Siberia and the Far East. It also attempts to identify common features of the journals' development specific to these regions. Much attention in this work is paid to the origin of the journals since much of them were established under similar spontaneous conditions. The mode of their further development also followed a similar pattern. Periods of repressions were followed by "thaws". Pressure on the journals in one region entailed the revision of editorial policies in the neighboring regions. Many authors and critics, and with them the journals, at one time or another, fell from grace. Often these were writers who brought fame to the national literature.

Finally, by the end of the Soviet period the journals had reached their peak when they published a number of works of the "returned literature", i.e. works that had been previously censored or forbidden. But in the 1990s much of the formerly unavailable materials were published, so the journals lost their popularity and were on the verge of being closed. However, forces accumulated by the literary journals during the Soviet age helped them to survive later.

Special emphasis is placed on changing circulation and periodicity of journals, as well as changing status of periodicals from the literary miscellanies to the literary journals.

Chronicle of events that took place at the same time in different places allows to make generalizations not only about the history of Siberian and Far Eastern literature but also, with certain assumptions, about the history of these regions. In conclusion the author pays attention to the literary interests of Siberians which can be identified by analysis of publishing and socio-political activities of the journals. They portray a specific image of Siberians, that is a unique combination of the strive for independence and commitment to social order. This paradoxical combination is explained by their love for homeland every inch of which was reclaimed from nature with great difficulty.

Key words: literary-art journal, thick journal, miscellany, Siberia, the Far East, publishing activities, printing, stages of development, typology, «Sibirskie Ogni».

История появления литературно-художественных журналов (или так называемых «толстых» журналов) в советской Сибири исследована достаточно полно. Стоит напомнить, что первым из таких журналов являлись «Сибирские огни», которые стали издаваться в Новониколаевске в 1922 г. [1]. За «Сибирскими огнями» последовало появление журналов и альманахов «Будущая Сибирь» (Иркутск, 1931) [2], «На рубеже» (Хабаровск, 1933) [3], «Омский альманах» (Омск, 1939) [4], «Красноярский альманах» (Красноярск, 1940) [5]. Возникнув в непростых условиях, они тем не менее наращивали тиражи и обретали своего читателя [6]. Создатели этих журналов понимали, что экономический подъем в регионах невозможен без культурного подъема, а значит – без развития литературы и издательского дела. В борьбе за культуру им приходилось сталкиваться с противодействием властей, державших курс на ограничение свобод. Существовая в условиях постоянной «подводной» борьбы, журналы регулярно подвергались нападкам и репрессиям. К началу Великой Отечественной войны выпуск «На рубеже» и «Красноярского альманаха» был приостановлен. «Сибирские огни» стали выходить в виде альманаха и фронтовой газеты [7, с. 87–111].

Значительный интерес представляет послевоенный этап формирования «толстых» журналов [8]. «Сибирские огни», пережив кризис конца 1930-х гг. и военное время, в 1946 г. по настоянию Новосибирского отделения Союза советских писателей и при поддержке Новосибирского обкома ВКП(б) вернули себе статус журнала. При главном редакторе С.Е. Кожевникове журнал начинает возрождаться. Но вскоре в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда» и «Ленинград», «Сибирские огни» в очередной раз были подвержены критике в прессе за «безыдейность» (у Л.Н. Кондырева и И.А. Мухачева), за «узко субъективный лиризм» и «тенденции демобилизации» (у Е.К. Стюарт и К.Л. Лисовского) [9, с. 131–133], последовали предупреждения ЦК. Следует заметить, что свой вклад в идеологическую кампанию против «Сибирских огней» внесли известные сибирские писатели А.Л. Коптелов, входивший в редколлегию журнала, и А.В. Высоцкий, успевший поработать его редактором и впоследствии вновь сменивший на этом посту С.Е. Кожевникова [10].

«Ошибок» «Сибирских огней» стараются избежать в других возникавших в Сибири журналах. В 1944 г. появляется второй номер «Красноярского альманаха», который с этого момента стабильно выходит под названием «Енисей». Новые номера альманаха содержат много произведений фронтовиков и о фронтовиках. В основном это рассказы, стихи и очерки. «Енисей» быстро «набирает силу» и в последующих номерах появляются уже более крупные произведения – повести и романы. В связи с тем, что Красноярский край имеет богатую историю революционной борьбы, вокруг «Енисея» концентрируются не только писатели, но и историки, краеведы.

В 1946 г., после пятилетнего перерыва, возобновился выпуск хабаровского журнала «На рубеже» – под новым названием «Дальний Восток». Теперь журнал выходит ежемесячно и уделяет особое внимание национальной литературе (В.Н. Ажаев, Д.Б. Кимонко).

В 1947 г. Союз писателей Бурят-Монгольской АССР обратился к руководству Союза писателей СССР с просьбой об открытии в республике литературного альманаха. Было принято постановление о создании литературно-художественного альманаха «Байкал». Вскоре увидел свет первый номер – на бурятском языке. Затем журнал стал выходить в двух вариантах – на русском и бурятском языках. В 1955 г. на базе «Байкала» был организован журнал «Свет над Байкалом» на бурятском языке. На страницах «Байкала» впервые увидели свет произведения многих бурятских писателей и поэтов.

В Чите в 1947 г. начинает выходить ежегодный альманах «Забайкалье», среди авторов которого были Б.А. Костюковский, О.А. Хавкин и др. Однако в 1959 г. альманах прекращает свое существование в связи с централизацией восточносибирской полиграфической базы.

В Барнауле также в 1947 г. был основан альманах «Алтай». Первый его номер, посвященный труженикам деревни, вышел тиражом 15 тыс. экз. при участии московских писателей. Насыщенность первого номера качественным разнообразным материалом не только привлекла внимание столицы к Алтаю, но и показала властям возможности алтайских писателей. Много внимания альманах уделял творчеству писателей Горного Алтая и советских писателей-немцев, проживавших в Алтайском крае (А.О. Адаров, Б.Я. Бедуров, Ф.Д. Больгер, В.А. Гердт). Альманах выходил один раз в год, вскоре его тираж упал до 10 тыс. экз., а затем до 4 тыс. экз. [11].

В 1949 г. был основан кемеровский альманах «Сталинский Кузбасс», выходивший по мере накопления материала один–два раза в год. В первых номерах альманаха были напечатаны роман А.Н. Волошина «Земля Кузнецкая», пьеса «Высокий накал» историка-краеведа И.А. Балибалова, стихи М.А. Небогатова, А.В. Косаря и др. Много внимания в альманахе уделялось литературе родного края, его жителям и истории, политическим и экономическим событиям в регионе. Как и большинство других «толстых» журналов, он позиционировался не только как литературно-художественное но и как общественно-политическое издание [12].

Тираж «Омского альманаха» увеличился с 2 тыс. экз. в 1939 г. до 10 тыс. экз. в 1945 г. В нем публикуются уже ставшие известными Л.Н. Мартынов, С.Н. Марков, С.П. Залыгин. Однако в 1950 г. альманах прекратил свое существование. На его базе в 1953 г. возник альманах «Литературный Омск», но и его издание было прекращено в 1960 г. В 1989 г. в Омске будет создан альманах «Иртыш», отличавшийся разнообразностью материалов, но и он закончит свое существование несколько лет спустя в связи с трудностями

в финансировании. Выпуск «Литературного Омска» возобновился лишь в 2001 г. [13].

В целом период «оттепели» можно считать благоприятным для развития сибирских журналов. В литературе появился интерес к внутреннему миру человека, его личности. Журнал «Сибирские огни» при С.Е. Кожевникове встал на ноги и к началу «оттепели», уже с новым редактором (А.В. Высоцкий), имел репутацию лучшего в Сибири. Начиная с 1958 г. «Сибирские огни» выходят ежемесячно. Если после Великой Отечественной войны тираж журнала составлял 6 тыс. экз., то к 1958 г. – уже 14 тыс. экз., а к 1963 г. – 30 тыс. экз. [14, с. 256–261]. На общем подъеме формировалось целое поколение талантливых поэтов и публицистов, появляются материалы «легких» жанров, рисунки и цветные обложки. В 1960–1980-е гг. журнал переживает свой расцвет. Публикация на страницах «Сибирских огней» является гарантом вхождения в большую литературу. Значимыми становятся публикации на его страницах произведений В.П. Астафьева («Кража»), В.Г. Распутина («Деньги для Марии»), В.М. Шукшина («Любовины»), «Я пришел дать вам волю»).

Иркутский журнал «Будущая Сибирь», еще в 1936 г. сменивший название на «Новую Сибирь», в 1958 г. был вновь переименован – в «Ангару». Он начинает выходить 4 раза в год, а затем, слившись с «Забайкальем», – 6 раз в год. Растет и тираж «Ангары»: если в 1931 г. он составлял 3 тыс. экз., то в 1975 г. (уже под названием «Сибирь», которое журнал обрел в 1971 г.) – 12,5 тыс. экз. Для сравнения, тираж «Байкала» увеличивался сопоставимым темпом – в 1949 г. – 5 тыс. экз., в 1965 г. – 10 тыс. экз., в 1975 г. – 16,5 тыс. экз.

На закате «оттепели» именно эти два журнала, оказавшиеся несколько в тени «Сибирских огней», попадают под удар. Удаленность сибирских журналов от столиц всегда играла для них двойственную роль: с одной стороны, вызвала постоянную оглядку на столицы, а с другой – позволяла несколько большую степень свободы, «пространство для маневра». В «Ангаре» были опубликованы все основные произведения В.Г. Распутина и А.В. Вампилова – и это до поры до времени сходило журналу с рук [15]. Но в 1969 г. в нем появилась «Повесть о Тройке» братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких. Тираж номера был изъят, а главный редактор Ю.С. Самсонов освобожден от должности [16]. В связи с этим в альманахах так и не попали запланированные произведения – «Стальная птица» В.П. Аксенова, «Дьяволиада» и «Роковые яйца» М.А. Булгакова. Спустя год, в 1970 г., М.Д. Сергеев и А.М. Шагин проворачивают хитрую комбинацию и печатают в «Ангаре» пьесу А. Вампилова «Утиная охота», которую накануне забраковали в «Новом мире». После этой публикации последовала очередная кампания нападок на журнал [17].

Незадолго до нападок на «Ангару» в альманахе «Байкал» в 1968 г. оказывается опубликованной повесть братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких «Улитка

на склоне». Заместителю главного редактора «Байкала» В.В. Бараеву удалось в то время печатать на страницах журнала произведения М.А. Булгакова, А.А. Ахматовой и других «неоднозначных» авторов [18]. При помощи К.И. Чуковского В.В. Бараев довел до печати главу из книги А.В. Белинкова о Ю.К. Олеше. Благодаря всему этому «Байкал» стал пользоваться необычайной популярностью – не только в СССР, но даже за рубежом. Однако, если в середине 1960-х гг. книги Стругацких еще преодолевали цензуру, то в 1967 г. на них было наложено вето. Публикация в «Байкале» второй части «Улитки на склоне» вызвала шквал критики в центральной прессе. Первого секретаря Бурятского обкома партии А.У. Модогоева вызвали в Москву к заведующему отделом пропаганды ЦК КПСС В.И. Степакову, была создана специальная комиссия по изучению деятельности «Байкала», проводились допросы. Главный редактор журнала В.В. Бараев был уволен. Материалы, готовившиеся к публикации, в журнале не были напечатаны, а «крамольные» номера «Байкала» оказались изъятыми из библиотек. Курс журнала резко изменился [19].

Расправа над «Ангарой» и «Байкалом» была воспринята редакциями «Дальнего Востока», «Енисей», «Алтай», «Огней Кузбасса» и других сибирских журналов как повод к большей осмотрительности. В это время они набираются сил. «Сталинский Кузбасс» переименовывается в «Огни Кузбасса» и с 1962 г. начинает выходить ежеквартально. С 1960 г. «Енисей» выходит 4 раза в год, с 1966 г. – 6 раз в год тиражом 25 тыс. экз. Альманах публикует много краеведческих материалов, очерков о гидростроителях, газопроводчиках, речниках, создавая своеобразную летопись того времени. Публикуются исторические очерки о видных революционных деятелях, отбывавших ссылку в Енисейской губернии. В 1980-е гг. «Енисей» будет признан газетой «Советская Россия» лучшим альманахом страны по всем параметрам, являясь к тому времени, по сути, уже полноправным журналом [20, с. 76–81].

По схожим принципам стараются действовать и другие журналы. «Дальний Восток» под руководством А.С. Пришвина (1948–1955 гг.) и затем – Н.М. Рогова (1955–1977 гг.) и Н.Д. Наволочкина (1977–1987 гг.) переживает пору своего подъема. В 1966 г. «Дальний Восток» становится республиканским изданием. Его тираж к 1979 г. достигает 30 тыс. экз., и в 1983 г. журнал был награжден орденом Дружбы народов «за заслуги в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся, а также в связи с 50-летием журнала» [21].

Альманах «Алтай» с 1962 г. при новом главном редакторе Н.Г. Дворцове начинает выходить 4 раза в год тиражом 3 тыс. экз., тем самым был заложен прочный фундамент для получения статуса журнала (это произойдет лишь в 1991 г.). К 1974 г. тираж альманаха увеличился до 7 тыс. экз. [22].

Старейший журнал «Сибирские огни» в это время сравнивали с «Новым миром» А.Т. Твардовско-

го. В 1964–1975 гг. журналом руководил А.И. Смердов, а в 1975–1987 гг. – А. В. Никульков. При этом в 1971 г. за ряд «вольнодумных» публикаций о литераторах 1920–х гг. был отстранен от должности известный критик, заместитель главного редактора «Сибирских огней» Н.Н. Яновский. В специальном постановлении обкома КПСС подверглись нападкам многие ведущие авторы журнала – Р.Х. Солнцев, Н.Я. Самохин, В.К. Сапожников, Ю.М. Магалиф, В.Г. Распутин и др.

На этом фоне в 1970–1980–х гг. на голову выше прозы в «Сибирских огнях» оказывается поэзия. Возникает крайне интересное сочетание поэтов разных поколений (Е.К. Стюарт, А.А. Кухно, А.И. Денисенко, И.А. Овчинников, С.Г. Михайлов, Ю.Л. Пивоварова), а журнал играет роль питательной среды для развития талантов, для передачи опыта, для литературного процесса в целом.

К концу 1980–х гг. сибирские литературные журналы подходят на подъеме, имея солидный круг самых разных авторов. К 1990 г. тираж «Сибирских огней» достиг 95 тыс. экз., «Дальнего Востока» – 50 тыс. экз., «Байкала» – 25 тыс. экз. [23, с. 193]. На волне «перестройки» в журналах остро зазвучали «проблемные» нотки – экономическая, социальная, нравственная. Появляются публикации А.П. Платонова, В.Т. Шаламова и других «запретных» авторов.

Однако к 1990–1991 гг. многие журналы захлестывает волна разнородных «шокирующих» публикаций, характерных для того времени, и после пика 1990 г. в истории «толстых» журналов начинается резкий спад, вызванный и политическими, экономическими и культурными причинами. А затем большинству журналов предстоит возрождаться из пепла, конкурируя в борьбе за выживание со своими более юными собратьями.

В заключение следует отметить, что появление и формирование «толстых» журналов в Сибири отличалось стихийностью, зависело от конкретных людей и стечений обстоятельств. Большую роль играла инициатива «снизу», которая нередко шла вразрез с официальными идеологическими установками. Отсюда дух самостоятельности, свойственный многим сибирским журналам. Даже в тех случаях, когда он не выражался в явной оппозиционности, его можно было почувствовать в выборе тематики материалов, близкой местным читательским ожиданиям. Это послужило формированию особого рода журнала, характерного для обширного региона с разнообразным национальным и конфессиональным составом. С одной стороны, ему свойственна ориентация на универсальность и толерантность, а с другой – стремление к независимости, отстаивание права говорить о тех проблемах, которые волнуют сибиряков. В трудных условиях сформировался фундамент, позволивший выдержать испытания, обрушившиеся на региональную литературу в последующие десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яранцев В.Н. Краткая история долгого пути // Сибирские огни. 2012. № 10. С. 159–171.
2. Трушкин В.П. Возникновение журнала «Будущая Сибирь» // Трушкин В.П. Литературный Иркутск. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 112–130.
3. Николашина А.В. «...А корабль плывет» // Дальний Восток. 2013. № 5. С. 3–9.
4. Акелькина Е.А. «Альманах Победы» // Омский научный вестник. 2012. № 2. С. 134–137.
5. Уразов И.В. «Енисею» – 40 лет // «Енисей». 1980. № 6. С. 31–33.
6. Шастина Т.П. Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской национальной окраины // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4. С. 158–172.
7. Горшенин А.В. Беседы о сибирской литературе. Новосибирск: ИД «Горница». 1997. 272 с.
8. Лизунова И.В. Книжное дело послевоенной Сибири: разум творцов и рифы идеологии (1946–1953 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 72–75.
9. Лизунова И.В. Стюарт Е.К. // Средства массовой информации Новоиколаевска – Новосибирска. 1906–2006 гг.: словарь-справ. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. 544 с.
10. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): автореф. ... дис. д-ра. ист. наук. Кемерово, 2009. 52 с.
11. Бутаков А.Т. 50 лет со времени первого выпуска альманаха «Алтай» // Страницы истории Алтая, 1997 г.: календарь памяти. дат. Барнаул, 1996. С. 131–137.
12. Попок В.В. Первые номера «Сталинского Кузбасса» // Кузбасс. 2009. № 53. С. 3.
13. Шик Э.Г. Литературный Омск в XX веке / Э.Г. Шик, сост. Л.Л. Дашьянц, А.Э. Лейфер. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 296 с.
14. Посадсков А.Л. «Сибирские огни» // Средства массовой информации Новоиколаевска – Новосибирска. 1906–2006 гг.: словарь-справ. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. 544 с.
15. Жартун С.Г. Под обложкой «Сибири» // Восточно-Сибирская правда. 2011. 15 марта.
16. Самсонов Ю.С. Как перекрыли «Ангару», или Иркутская глава «Сказки о Тройке» братьев Стругацких // Голос. 1990. № 1. С. 70–79.
17. Гольдфарб С.И. «Не отдавайте сердце стуже...» // Восточно-Сибирская правда. 2007. 6 июня.
18. Бараев В.В. «Как главный редактор журнала «Байкал» публиковал произведения Булгакова, Ахматовой, Стругацких...» // Новая Бурятия. 2011. 15 августа.
19. Бараев В.В. «Байкал», журнал. Из истории // Литературная Россия. 2012. 30 марта.
20. Уразов И.В. Феномен альманаха «Енисей» // Красноярская пресса. XX век: сборник материалов по истории СМИ Красноярского края. Красноярск: Буква, 2002. 351 с.
21. Федоров В.М. К 60-летию журнала «Дальний Восток» // Дальний Восток. 2013. № 5. С. 10–15.
22. Кирилин А.В. И время не поссорит: к 65-летию журнала «Алтай» // Алтай. 2012. № 5. С. 8–13.
23. Лизунова И.В. Средства массовой информации Сибири и Дальнего Востока в российском медиапространстве (90-е гг. XX – первое десятилетие XXI в.). Новосибирск, 2012. 309 с.

REFERENCES

1. Yarantsev V.N. A Short story of a long journey. *Sibirskie ogni*. 2012, no. 10, pp. 159–171. (In Russ.)
2. Trushkin V.P. The appearance of the magazine «Buduschaya Sibir». *Trushkin V.P. Literaturniy Irkutsk*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981, pp. 112–130. (In Russ.)

3. Nikolashina A.V. «... And the ship sails on». *Dal'niy Vostok*. 2013, no. 5, pp. 3–9. (In Russ.)
4. Akelkina E.A. «Almanac of Victory». *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2012, no. 2. pp. 134–137. (In Russ.)
5. Urazov I.V. 40th Anniversary of «Yenisey». «Yenisey». 1980, no. 6. pp. 31–33. (In Russ.)
6. Shastina T.P. Oyrotia in the journal «Sibirskie ogni»: the initial stage of forming the image of the Soviet ethnic periphery. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya*. 2014, no. 4, pp. 158–172. (In Russ.)
7. Gorshenin A.V. Talk about Siberian literature. Novosibirsk: PH «Gornitsa», 1997, 272 p. (In Russ.)
8. Lizunova I.V. Book Publishing in the Post-War Siberia: the Mind of the Creators and the Reefs of the Ideology (1946–1953). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2003, no. 3, pp. 72–75. (In Russ.)
9. Lizunova I.V. Stewart E.K. Sredstva massovoy informatsii Novonikolaevska–Novosibirska. 1906–2006.: dictionary. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2007, 544 p. (In Russ.)
10. Genina E.S. The campaign against cosmopolitanism in Siberia (1949–1953): extended abstract of Doct. Sci. (Hist.) dissertation. Kemerovo, 2009, 52 p. (In Russ.)
11. Butakov A.T. 50th Anniversary of «Altai». *Stranitsy istorii Altaya, 1997: the calendar of mem. dates*. Barnaul, 1996, pp. 131–137. (In Russ.)
12. Popok V.B. The first issue of «Stalinskiy Kuzbass». *Kuzbass*, 2009, no. 53, pp. 3. (In Russ.)
13. Shik E.G.. Literary Omsk in the XXth century. E.G. Shik, comp. L.L. Dash'yants, A.E. Leyfer. Omsk: OmGPU Publ., 2010, 296 p. (In Russ.)
14. Posadskov A.L. «Sibirskie ogni». *Sredstva massovoy informatsii Novonikolaevska – Novosibirska. 1906–2006.: slovar'-sprav*. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2007, 544 p. (In Russ.)
15. Zhartun S.G. Under the cover of «Sibir». *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 2011. March, 15. (In Russ.)
16. Samsonov Yu.S. How «Angara» was shut off or the Irkutsk Chapter of «Tale of the Troika» by Strugatsky brothers. *Golos*. 1990, no. 1. pp. 70–79. (In Russ.)
17. Urazov I.V. The phenomenon of the almanac «Yenisey». *Krasnoyarskaya pressa. XX vek: sbornik materialov po istorii SMI Krasnoyarskogo kraja*. Krasnoyarsk: Bukva, 2002, 351 p. (In Russ.)
18. Goldfarb S.I. «Don't give a heart to an icy cold...». *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 2007, June, 6. (In Russ.)
19. Barayev V.V. «As chief editor of the journal «Baikal» published works of Bulgakov, Akhmatova, Strugatsky...». *Novaya Buryatiya*. 2011, August, 15. (In Russ.)
20. Barayev V.V. «Baikal» magazine. From the history. *Literaturnaya Rossiya*. 2012, March, 30. (In Russ.)
21. Urazov I.V. The phenomenon of the almanac «Yenisey». *Krasnoyarskaya pressa. XX vek: sbornik materialov po istorii SMI Krasnoyarskogo kraja*. Krasnoyarsk: Bukva, 2002, 351 p. (In Russ.)
22. Fyodorov V.M. 60th Anniversary of «Dal'niy Bostok». *Dal'niy Vostok*. 2013, no. 5. pp. 10–15. (In Russ.)
23. Kirilin A.V. And time will not embroil us: 65th Anniversary of «Altai». *Altai*. 2012, no. 5, pp. 8–13. (In Russ.)
24. Lizunova I.V. Media in Siberia and the Far East in the Russian media space (1990s – the first decade of the XXI century). Novosibirsk, 2012, 309 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 13.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160315
УДК 94 (47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ ЧАСОВЕННЫХ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX в. КАК ИНСТРУМЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Наталья Дмитриевна Зольникова,
д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье рассматривается процесс накопления новаций в толкованиях нижееннисейскими староверами признаков конца света, делается попытка определить критический уровень этих новаций для принятия решения отдельным полемистом или авторитетной общиной об их каноничности или еретичности, т.е. принадлежности к «своим» или «чужим». Доказывается, что позиционирование себя в качестве «истинных христиан» обеспечивалось двумя способами. Традиционный состоял в подборе возможно большего количества цитат из Священного Писания и творений святых отцов, с помощью которых полемист доказывал свою правоту. Второй способ – изложение эсхатологической теории, далекой от классических образцов, погибшего в сталинском лагере игумена тайных старообрядческих скитов о. Симеона со ссылкой полемиста на свою верность этому авторитетному местному богослову.

Ключевые слова: Сибирь, староверы-часовенные, экзегетика, антихрист, конец света, эсхатология, «свои» и «чужие».

N.D. ZOLNIKOVA,

ESCHATOLOGICAL DISPUTES OF THE CHASOVENNYYE OLD-BELIEVERS IN THE LAST THIRD OF THE XX CENTURY AS AN INSTRUMENT OF SELF-IDENTIFICATION

Natalya D. Zolnikova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nnpokrov@gmail.com

The article considers mechanism of accumulation of novelties in interpretation of signs of the Day of Judgment made by the Old-Believers from the lower reaches of the Yenisey River; it also attempts at determining when a high threshold of such novelties was reached letting individual polemicists or authoritative communities make a decision about their canonicity or heterodoxy. The article presents results from an analysis of original writings of Fr. Symeon, hegumen of a skete, who died in 1954 in one of the concentration camps and was regarded as a saint by the Chasovennye (Chapeliers) Old-Believers; works of an outstanding popular writer A.G. Murachev, scribe K. Pleshakov and monk Fr. Timothy. It is proven that the starting points of all theological interpretations were the innovative works of Fr. Symeon who considered proletarians as servants of Antichrist surrendering to his will under the slogan "Proletarians of all countries, unite". Establishment of the block of socialist countries in Europe in the wake of the World War II convinced his disciples in the truth of his words. Self-identification of the Chasovennye theologians as "true Christians" further included referring to loyalty to the teaching of Fr. Symeon. However, the skete ideologists believed that A.G. Murachev's new scenario of Judgment Day moved so much away from the original concept that it came close to the line where "ours" turns into "alien". This was probably due to the fact that eschatological ideas were dominant in the system of Old-Believers' teaching (as a rule, occasional deviations from the eschatological system that was acclaimed as canonical did not result in accusations of heresy). On the other hand, the fact that in the 1990s sketes identified bar-codes as marks of Antichrist made A.G. Murachev think that the inhabitants of the sketes fell into heresy. However, the line where "ours" irrevocably turns into "alien" has never been crossed by both polemizing parties, apparently, because of their high authority along with fears of a major schism in the church.

Key words: Siberia, Chasovennye Old-Believers, exegetics, Antichrist, Judgment Day, eschatology, «ours» and «alien».

С самого своего возникновения старообрядчество постоянно ощущало себя в преддверии конца света, чему в особенности, как известно, способствовали преследования со стороны официальных властей. Непрерывными были попытки староверов найти в текущей действительности конкретные признаки скорого Второго пришествия, отождествить явления современности с катастрофами Апокалипсиса, а наиболее значимых деятелей страны – с его узнаваемыми персонажами. Яркое отражение эти попытки нашли в обильных сочинениях старообрядческих книжников и вероучителей, а также в материалах их допросов в российских следственных органах. Отношение к антихристу (или его слугам) как символу или олицетворению российской жизни после 1666 г. постепенно стало одним из основных элементов системы самоидентификации староверов. В этом общероссийском процессе Сибирь не была исключением, не стала она им и до начала XXI в.

Одной из самых крупных сибирских старообрядческих конфессий в XX в. продолжало оставаться согласие часовенных. И хотя оно сильно сократилось в ходе репрессий 1920–1950-х гг., все же сумело сохранить свою развивавшуюся с начала XVIII в. в огромном урало-сибирском регионе самобытную историко-литературную традицию [1]. Трагические события первой половины XX в. дали обильный материал для обновления представлений о признаках конца земной человеческой истории, и оставшиеся в живых после сталинских репрессий староверы-часовенные создали ряд оригинальных толкований Откровения Иоанна Богослова. В некоторых случаях они даже совершенно сознательно отвергали толкования отцов Церкви в пользу своей теории (Исай Назарович Жариков); менее радикальные утверждали, что лишь дополняют их (Иродион Уральский, А.Г. Мурачев) [1, с. 295–313, 395–425]. Каждая такая новая теория живо обсуждалась в часовенном согласии, и в зависимости от того, удавалось ли автору убедить своих одноверцев в «каноничности» своих воззрений, ставился или не ставился вопрос об их еретичности. В последнем случае несчастливый творец нового толкования образа антихриста и нового сценария конца света попадал под проклятие и изгнание из лона Церкви (И.Н. Жариков). В этом случае он лишался поддержки общины вплоть до его покаяния, если таковое случалось.

На эсхатологические представления часовенных серьезно повлияли теоретические разработки о. Симеона – одного из самых авторитетных игуменов сибирских скитов этого согласия в XX в. В целой череде своих сочинений 1920-х – 1940-х гг. он осуществил новые расшифровки пророчеств Даниила и Откровения Иоанна Богослова. Игумен признавал традиционное для христианской эсхатологии отождествление апокалиптического зверя с Римским царством (четвертым – в схеме Даниила), но считал, что с ним генетически связаны 10 буржуазных государств, существовавших в начале XX в. перед октябрьской революцией. Поскольку апокалиптические темные силы в указанном

пророчестве враждовали друг с другом, то о. Симеон увидел в октябрьской революции 1917 г. и крушении ряда старых монархий последнее наступление сил антихриста, предвещающее конец света. Антихристу, по Священному Писанию, присуща единая воля. Ее о. Симеон распознал в объединяющемся по всему миру пролетариате с его общеизвестным лозунгом. Именно пролетариат и будет, как он считал, сражаться с Христом в конце времен. Его убеждала в антихристовой сущности рабочего класса как расстрельная практика в отношении носителей христианства, начавшаяся вскоре после революции, так и резкое расширение социалистического лагеря после Отечественной войны (антихрист, по Писанию, перед своей гибелью покорит всю землю). Известно, что игумен специально обучал на своеобразных «семинарах» монахов и послушников правилам полемики, осмыслению Священного Писания и церковной истории, литературному творчеству. Как следует из ряда позднейших высказываний его учеников, они усвоили и уроки его экзегетики [1, с. 239–277]. Авторитет о. Симеона в скитах и единовременной округе был непререкаемым, и нет ни одного свидетельства, что его богословские новации встретили протест.

Наиболее талантливым учеником о. Симеона, погибшего в 1954 г. в одном из сталинских лагерей, был А.Г. Мурачев, живший несколько лет в Дубческих (бассейн Нижнего Енисея) скитах о. Симеона, но не успевший стать иноком. Ему удалось бежать из-под ареста после разгрома скитов в марте 1951 г. Позже, после регенерации разгромленных скитов на прежнем месте, он стал наставником часовенных в одной из деревень на притоках Нижнего Енисея, много путешествовал, занимался проповедью, переписывал душеполезные книги и сам стал незаурядным писателем. Он – автор выдающегося памятника народной литературы – воспоминания о разгроме Дубческих скитов [2], а также многих прозаических и поэтических произведений.

Ему принадлежит разнообразнейшая полемика (в основном, трактаты, послания и письма); иногда она оформлена в художественные произведения: например, в старинной диалоговой форме или в силлабических стихах. В Урало-Сибирском патерике А.Г. Мурачеву принадлежат выразительные образцы агиографической прозы. Однако сам он особое значение придавал своим экзегетическим сочинениям. За отправную точку он взял схему о. Симеона, но пошел существенно дальше. Свои воззрения он изложил в большом труде 1969–1970 гг. «О временах», существенно дополнив их в 1982 г. в обширном богословском произведении – «О останке Израилевом». А.Г. Мурачев углубляется в ветхозаветные пророчества о конце человеческой истории и приходит к нетривиальному для старовера выводу. Раздумывая над печальным состоянием современного ему «христианства» (т.е. часовенных), он решил, что вряд ли оно спасется, кроме единичных избранных. Кого же Христос поставит одесную при Втором прише-

стии? Таких А.Г. Мурачев усмотрел среди иудеев, читая в Ветхом завете о постоянных обещаниях Господа привести к спасению остаток своего богоизбранного народа. Именно к этому иудейскому остатку будут, по мнению крестьянского экзегета, посланы Илья и Енох для успешной проповеди христианства. Она и станет причиной появления когорты избранных святых, упомянутых в Откровении Иоанна Богослова в качестве спасенных. Весь этот процесс, по мнению писателя, далеко не сразу закончится Вторым пришествием и может растянуться, вопреки общепризнанному мнению, на несколько столетий [3].

А.Г. Мурачев сознавал оригинальность своих богословских рассуждений. Именно поэтому он постоянно ссылаясь на авторитет о. Симеона и подчеркивал, что игумен одобрял его первые опыты толкования Священного Писания. Однако данную ситуацию, как оказалось, хорошо описывало крылатое латинское выражение: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Нельзя сказать, что у А.Г. Мурачева совсем не оказалось сторонников. Они были среди многочисленных слушателей его проповедей по всей Сибири и Дальнему Востоку. Это и раздражало его противников, которых более всего оказалось среди жителей восстановленных на Дубчесе скитов. Один из них – о. Тимофей, удостоившийся самой нелестной характеристики в мемуарах А.Г. Мурачева [4, с. 266–268]. Их отношения испортились далеко не сразу. После разгрома скитов в 1951 г. о. Тимофей, как и некоторые другие скитожителы (в том числе, как упоминалось, А.Г. Мурачев), сумели бежать от карателей и вместе «скитались около попелищев». Разногласия начались позже, когда стали восстанавливаться тайные монастыри. Среди монахов, как вспоминает мемуарист, началась борьба за власть (по его образному выражению, «старцы начали тянуть портфель»), а затем полученная власть стала оказывать развращающее влияние [4, с. 266–268]. Во всяком случае, в 1971 г. (по другим сведениям – в августе 1972 г.), вслед за появлением первого экзегетического опыта А.Г. Мурачева, о. Тимофей пишет сочинение, нигде не называя имени своего противника и не выступая прямо с опровержением его конкретных идей, но излагая систему эсхатологических взглядов, весьма отличившуюся от его разработок. Вероятно, осторожность о. Тимофея диктовалась тем, что у А.Г. Мурачева сложились очень хорошие отношения с игуменом всех Дубчесских скитов о. Антонием, который при жизни о. Симеона был его «соправителем»¹. В 1960–1970-е гг. под руководством скитов и самого о. Антония создавалась расширенная редакция Урало-Сибирского патерика, и Афанасий был одним из наиболее активных его авторов, поставщиков текстов, редакторов и переписчиков [1, с. 317–321].

¹ В часовенных скитах некоторое время существовала система двойного руководства. В частности, после смерти старого игумена о. Саввы о. Симеон руководил скитами со старшим игуменом о. Миной, после смерти которого он сам стал старшим, а обязанности помощника были возложены на о. Антония.

Но направленность сочинения о. Тимофея не была тайной для А.Г. Мурачева, который позже жаловался: «(Отец Тимофей. – Н.З.)... написал опровержение на мое сочинение со лжесвидетельством в 1971-м г., что я писал объяснение на Апокалипсис» [4, с. 267].

В своем небольшом сочинении о. Тимофей при описании текущего времени почти без вариаций придерживается схемы о. Симеона. Он также пишет, что Римское царство в виде 10 государств до 1917 г. «стояло по преемству от римских царей»; слуги антихриста в лице победивших пролетариев «царскую власть с корнем вырвали и еще вырывают и уничтожают и экономическую и весь буржуазной клась... и вконец уничтожают собственность, согласно сего и святии отцы глаголют... А мы на деле видим, что теперь власть антихристова, его самые слуги управляют и объединяют вселенную... И во всем мире должен быть Советский Союз, управляемый едином президентом»². Тут будет уместно привести воспоминание А.Г. Мурачева о споре только что арестованного о. Симеона с одним из главных лиц карательного отряда Щербиным: «Говорит отец: “Мы пророчество сличаем с событием времени и видим, что мир объединяется и в дальнейшем должно быть одно государство во всем мире”. Начальник с веселым взглядом сказал: “Да, справедливо, отец, коммунистическая партия к этому ведет”. Говорит отец: “Тогда будет один управитель во всем мире”. Начальник радушно ответил: “Да, весь советский народ борется за это”. Говорит отец: “Но управитель тот будет антихрист”» [2, с. 100]. Как видим, установку о. Симеона о. Тимофей усвоил точно.

Среди других признаков власти антихриста в современном мире о. Тимофей назвал равенство народа, равноправие и раскрепощение женщин – в полном соответствии с идеями о. Симеона, писавшего, что на знаменах антихриста, которые «пронесли по всей России», написали слова «свобода, равенство, братство». Первым же, напоминал игумен, к равенству устремился сатана, за что и был свержен с небес и отправлен в преисподнюю [1, с. 252]. «Самое главное, – рассуждал о. Тимофей, – освободили народ от религиозного дурмана и помещения религиозного характера обратили на культурно-общественные цели, в большинстве случаев под [с]кладочное помещение. Так и святое писание говорит, что церкви Божия яко овощное хранилище будут»³. Нельзя сказать, что о. Тимофей просто механически повторяет идеи, усвоенные от о. Симеона. В сочинении о. Тимофея имеются и его собственные соображения по поводу катаклизмов ожидаемого конца света – например, в отношении окончательного крушения буржуазии: «...Америка, Англия и Франция, с этими государствами должна произойти сильная война, тогда во всем мире будет едина воля». И война эта мыслилась им, в отличие от А.Г. Мурачева, в очень скором време-

² Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН. № 13/97-г. Л. 4 об., 5 об.–6 об.

³ Там же. Л. 6, 6 об.

ни: «Глаголют, как бы от Писания, что осмая тысяща не преполовится». Здесь имеется в виду чрезвычайно популярная в свое время в старообрядчестве старая легенда о том, что конец света наступит до середины восьмой тысячи лет от сотворения мира (т.е. не позже 1992 г.) На своем экземпляре сочинения о Тимофея, переданном в Собрание Института истории СО РАН в 1997 г., А.Г. Мурачев рядом с этими словами не преминул ехидно написать: «Уже преполовилась», несомненно, подчеркивая общую несостоятельность своего противника как экзегета⁴.

Появление в 1982 г. сочинения А.Г. Мурачева «Об останке Израилевом» привело к обострению его противостояния со скитами. К этому времени уже умер о. Антоний, а в скитах у А.Г. Мурачева не осталось защитников. В полемику с ним вступил Корнилий Плешаков – еще один бывший товарищ А.Г. Мурачева, с которым они раньше вместе работали над Урало-Сибирским патериком. Вначале стороны обменивались все более резкими, исполненными ругательных слов, посланиями, а в октябре 1989 г. К. Плешаков составляет обширный труд с обличениями А.Г. Мурачева. Внутри своего весьма невнятного произведения, придавая ему недостающий вес, он помещает дополненное сочинение о Тимофея, теперь уже прямо направленное против А.Г. Мурачева⁵. Что касается «останка Израилева», то о. Тимофей в новой редакции своего сочинения долго перечисляет, у кого из святых нет никаких упоминаний об обращении Израиля в христианскую веру. Теперь А.Г. Мурачева о. Тимофей обвиняет не в том даже, что он дополнил толкования святых отцов «на последние времена» (это делал и о. Симеон, чей авторитет о. Тимофей сомнению не подвергал), а в том, что он их «совершенно отрывает». И здесь уже появляется весьма грозное для А.Г. Мурачева напоминание, что святые отцы «отрвали» только еретиков! Так в полемике впервые звучит завуалированное обвинение в ереси.

А.Г. Мурачев в долгу не остался. В своих мемуарах он с обидой писал, что о. Тимофей «оболгал вселенских учителей святителей в том, что о обращении иудеов оне не пишут. А ето сотворилось с тем умыслом, чтоб подорвать христианом доверие ко мне... За его несправедливость я к ним в скит не бывал» [4, с. 267]. А Корнилий Плешаков жаловался на то, что А.Г. Мурачев «нас отлучает и ерестником страшает»⁶. Налицо растущее отчуждение книжников одной конфессии, каждый из которых считал именно себя «истинным христианином» в эсхатологических спорах. Оно стало опасно приближаться к полному разрыву отношений и взаимным обвинениям в ереси. И хотя в конце 1980-х гг. такого разрыва не произошло и клеймо еретика на А.Г. Мурачева не навесили, его взаимоотношения со скитами и частью часовенных-мирян становились все

более напряженными. В середине 1990-х гг. они еще раз обострились. Между 1995 и 1997 гг. А.Г. Мурачев пишет сочинение «О начертании», в котором обрушивается на новые представления о признаках конца света, появившиеся в среде енисейских часовенных и взятые на вооружение скитами. Речь идет о толковании товарного штрих-кода как антихристовой печати (начертания), разработанного в среде западных протестантских конфессий и распространившегося в 1990-е гг. в России. У А.Г. Мурачева эта новация получила название «баптистских выдумок». О деятельном участии нижеенисейских черноризцев в пропаганде эсхатологического толкования штрих-кода А.Г. Мурачев пишет так: «Когда-то лет 5–6 назад отец Виталий на Индыгином читает... принародно журналишка о начертании, баптистские выдумки. Я только подумал, вот это по твоей мудрости, если истинного Писания не знаешь, а он в Апокалипсисе отнюд не разбирается. Тогда мне даже в мысль не пришло, что будет время, что скиты это за догмат примут»⁷.

«Говорит пророчество, – пишет далее А.Г. Мурачев, – что начертание или написание будет даваться на чело или на десницу поклонившимся антихристу... а баптисты совершенно суеверно, лживо поняли электронно-компьютерные знаки за начертание... которые виднеются на всех товарах покупаемых, только не на челах и не на десницах. И вот наши старцы в это уверовали. По правилу... они подлежат отлучению за суеверие, а получается наоборот, они нас невинно хотят отлучить за то, что мы не приемлем... суеверное мудрование о ложном начертании»⁸. Интересно, что в скитах усмотрели подтверждение новому толкованию в каких-то начавшихся там сверхъестественных явлениях: «...когда в скиты навезли американских вещей с начертанием, и вот что-то начало мерещить скитяном, якобы из-за начертания»⁹. В своем сочинении второй половины 1990-х гг. А.Г. Мурачев уже открыто пишет, что главный идеологический центр часовенных, нижеенисейские скиты, лишился прежней благодати, которая пребывала на них еще при о. Симеоне. Он очень образно, с привлечением ветхозаветной аналогии, заключает: «С 1954 (времени освобождения из лагерей скитских жителей. – Н.З.) до 1994 года минуло 40 лет благодатного времени, как древнему Израилю в пустыне... Это уже последнее отпадение скитов, разве только еще останутся в Туве»¹¹.

Таким образом, прежние единомышленники, которых ранее объединяла и совместная жизнь в скитах под началом о. Симеона в конце 1940-х гг., и трагедия разгрома скитов, позже – бегство и сиротское тайное скитальчество «вокруг попелищев» (А.Г. Мурачев и о. Тимофей), и общая работа над Урало-Сибирским

⁷ Там же. № 9/97-г. Л. 63 об.

⁸ Там же. Л. 67.

⁹ Имеются в виду подарки, привезенные староверами, живущими в США и других зарубежных странах, которые с падением «железного занавеса» начали активно посещать сибирские скиты.

¹⁰ Там же. Л. 69 об.

¹¹ Там же. Л. 63, 69 об.

⁴ Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН. № 11/97-г. Л. 7 об., 19 об.

⁵ Там же. Л. 2–33 об.

⁶ Там же. № 11/97-г. Л. 49 об.

патериком (А.Г. Мурачев и К. Плешаков) под руководством нижееннисейских скитских старцев, постепенно стали превращаться из «своих» в «чужих», разойдясь в вопросах эсхатологии, в том числе (если можно так выразиться) «злободневной». Для полного отторжения противникам не хватило только формально провозглашенного отлучения, о котором, собственно, уже прямо говорилось в полемике. При этом каждая из враждующих сторон идентифицировала себя как представителя «истинного христианства», верного доктрине староверов-часовенных, выработанной авторитетным игуменом о. Симеоном, который давно воспринимался в согласии сибирских староверов-часовенных в качестве святого; оппоненты же (или оппонент) фактически провозглашались еретиками.

Далеко не каждое разногласие в эсхатологических взглядах приводило к внутреннему расколу и извержению из общин прежних «своих», ставших «чужими». В частности, не всегда происходило взаимное отчуждение в случае разного понимания текущего времени: как наступившего в 1666 г. царства духовного антихриста (теория «духовного антихриста») или же как царства всего лишь его слуг, еще только готовящих мир к появлению врага в качестве телесного человека (теория «чувственного антихриста»). Хотя тому же А.Г. Мурачеву принадлежит несколько ярких полемических сочинений, в которых он отстаивал взгляд на исповедующих теорию «духовного антихриста» как на еретиков. Но все же для общинного проклятия нужно было нечто большее: возникновение и распространение новой эсхатологической системы, осознававшейся совершенно чуждой имеющейся традиции. Так произошло с богословскими разработками И.Н. Жарикова – жителя одной из нижееннисейских деревень. Так едва не произошло с эсхатологией А.Г. Мурачева: вероятно, из-за боязни

раскола в конфессии он не был формально предан соборному проклятию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
2. Афанасий Герасимов. Повесть о Дубчесских скитах / публ., коммент. и вступ ст. Н.Н. Покровского // Новый мир. 1991, № 9. С. 91–103.
3. Зольникова Н.Д. А.Г. Мурачев. «О останке Израилевом» // Духовная литература староверов востока России в XVIII–XX вв. / Изд. подг.: Н.Н. Покровский, Н.С. Гурьянова, Н.Д. Зольникова и др. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2005. С. 536–541.
4. Зольникова Н.Д. Мемуары А.Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX – начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 213–288.

REFERENCES

1. Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D. The Chasovennye Old-Believers in the East of Russia in the XVIII–XX Centuries: Problems of Creative Work and Social Consciousness. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002, 471 p. (In Russ.)
2. Afanasiy Gerasimov. Story about the Dubches Sketes / publ., comm. and introduction by N.N. Pokrovsky. *Novyy mir*. 1991, no. 9, pp. 91–103. (In Russ.)
3. Zolnikova N.D. A.G. Murachev. «On the Israel's Remains». *Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii v XVIII-XX vv.* / izd. podgot.: N.N. Pokrovsky, N.S. Guryanova, N.D. Zolnikova i dr. Novosibirsk: «Sibirskiy khronograf», 2005, pp. 536–541. (In Russ.)
4. Zolnikova N.D. Memoirs of A.G. Murachev, a Siberian Old-Believer from Chasovennye Denomination (Late XX – Early XXI Century). *Traditsii otechestvennoy dukhovnoy kultury v narrativnykh i dokumentalnykh istochnikakh XV–XXI vv.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010, pp. 213–288. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160316
УДК 821.161.1; 398.32

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

НАРОДНО-УТОПИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В ПАМЯТНИКЕ СОВРЕМЕННОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Ольга Дмитриевна Журавель,
д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
доцент,
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
e-mail: helgazhuravel@gmail.com

В центре внимания автора статьи – рецепция утопических легенд (в частности, легенды о Китеже) в «Урало-Сибирском патерике» – старообрядческом историко-агиографическом сочинении (1940–1990-е гг.). Показано, что современные нарративы об исчезнувших святых местах, основанные на устном предании, связаны с архаическими народно-христианскими эсхатологическими и утопическими представлениями и сохраняют особенности мифологических текстов. Некоторые сюжеты позволяют проследить связь между ранневизантийской, древнерусской и ранней старообрядческой традициями утопии. Одним из ближайших контекстов таких легенд в «Урало-Сибирском патерике» являются сюжеты из древнерусских сборников. Выявлена роль народно-утопических легенд в формировании историософской концепции старообрядцев-часовенных.

Ключевые слова: старообрядчество, Урало-Сибирский патерик, утопия, легенда о Китеже, народная религиозность, фольклор.

O.D. ZHURAVEL

FOLK UTOPIAN LEGENDS IN THE CONTEMPORARY LITERATURE OF OLD BELIEVERS

Olga D. Zhuravel,
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Institute of History, SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
Associate Professor,
Novosibirsk State University,
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: helgazhuravel@gmail.com

This article is focused on the reception of the utopian legends, particularly the legend of Kitezh, in the Ural-Siberian Paterik (historical and hagiographical work of Old Believers, created in the 1940-1990s in some taiga sketes of the Urals and Siberia). The legends about the vanished holy places are based on the stories of eye-witnesses capturing historical realities. In particular, these narratives reflect the theme of repressions of the authorities against the Old Belief. Several story lines in the Ural-Siberian Paterik allow to trace the links between the Early Byzantine, Old Russian and Early Old Belief traditions of utopias.

These legends are interpreted by local scribes from the perspective of medieval literature. The stories from the Old Russian manuscripts are the nearest context for the legends in the Ural-Siberian Paterik. It is shown that the legend of Kitezh, its archaic prototypes, as well as its secondary Old Belief versions preserving the “trace” of this legend represent the successive elements of the same lineage. This most recent monument of the traditional book culture reflects all basic motives of the Kitezh legend. Story lines from the Ural-Siberian Paterik are typologically close to the legend of Kitezh and represent a particular case of the Old Believers Utopia. The author considers this Utopia as a manifestation of mythopoetic thought; shows that the Old Believers Utopia represents the popular perception of the Christian Ideal.

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-219.2014.6 «Археографические и источниковедческие исследования: политические и религиозные идеи в памятниках русской истории и литературы XVI–XXI вв.».

This perception is inseparably linked with eschatological beliefs (particularly with the doctrine of salvation in «the end times») and with a complex of traditional mythologemes and archetypal concepts which are inherent to the national popular and religious culture.

It is also necessary to take into account the links between the Old Belief and the main directions of Russian history, with utopian ideas being in the core of the public mind in Russia. The author identifies the function of social utopian legends in the contemporary Old Believer's spiritual culture. It relates to the idea that holy places hidden by the God from the outside world and exposed only to the righteous men ensure the genuineness of the confession. The author shows that Utopia based on a mythopoetic consciousness serves as a breeding ground providing unity and continuity of the traditional culture of Old Belief. The unique monument of the popular book culture recently discovered by the Siberian archaeographers has been analyzed as a main source of information. Some works of Old Believers have been analyzed for the first time.

Key words: Old Believers, Ural-Siberian Paterik, Utopia, legend of Kitezh, popular Orthodoxy, folklore

Последние десятилетия XX в. и начало нынешнего ознаменовались высоким интересом исследователей к утопиям и утопическому сознанию [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8], что в немалой степени обусловлено кризисом глобальных социально-политических утопических проектов [9, с. 18–20]. Наряду с «интеллектуальными» утопиями с 1960-х гг. началось изучение народного утопизма [8, 9, 10, 11]. К.В. Чистов, открывший феномен русской народной утопии, не раз писал о связи легенд, основанных на поисках блаженных земель, «земного рая», с движением староверия. Особенно это подчеркнуто во втором, дополненном издании его классической монографии «Русская народная утопия», где публикуются списки «Путешественника» – рукописного памятника, бытовавшего прежде всего в старообрядческой среде бегунов-странников [9, с. 399–426]. Само движение бегунов К.В. Чистов называет «анархической утопией с религиозной окраской» (9, с. 281). Изучение сочинений странников, предпринятое А.И. Мальцевым [12, 13, с. 436–478], позволяет судить о том, что уход от мира и поиски мест спасения закономерно следовали из программы этого самого радикального согласия староверов с ее ярко выраженной эсхатологической и эскапистской составляющей. Впрочем, открытия и находки российских археографов, расширяющие представление о рукописном наследии самых традиционалистских слоев русского населения, подтверждают слова Г. Флоровского, высказанные в начале XX в., о том, что все движение старообрядчества по большому счету можно назвать социально-апокалиптической утопией [14, с. 67–68].

Так, изучение литературной культуры Выга позволило достаточно полно реконструировать основные черты утопической концепции основателей самого крупного старообрядческого центра, процветавшего на протяжении почти полутора столетий (с начала XVIII до середины XIX в.), провести связи теократической утопии староверов Поморья с древнерусскими традициями [15, с. 167–242]. В демократических кругах старообрядчества была популярна легенда о Беловодье, а самая известная в русской культуре Китежская легенда впервые была записана старообрядцами [16, с. 23–41]. Недавно обнаруженные сибирскими археографами памятники литературы староверов-часовенных свидетельствуют о том, что народная утопия в этой среде продолжала развиваться и в конце XX в. В настоящей статье обратимся к нескольким сюжетам Урало-Сибирского патерика, преемственно

связанным с архаическим представлением об исчезающих святых местах и наиболее известным по Китежской легенде.

Урало-Сибирский патерик – трехтомный рукописный историко-агиографический труд, созданный книжниками самого распространенного на востоке России согласия часовенных в 1940-х–начале 1990-х гг. [17, 18]. В конце прошлого столетия он был открыт Н.Н. Покровским и Н.Д. Зольниковой [19, с. 314–394]. Памятник является уникальным источником по изучению не только идеологии и истории старообрядчества, но и народной духовной культуры. Среди его источников – произведения ранневизантийской и древнерусской книжности, историческая и научно-популярная литература, а также рассказы, основанные на устном предании, – легенды, слухи, былички и бывальщины.

Несколько сюжетов Урало-Сибирского патерика позволяют проследить связь между ранневизантийской, древнерусской и ранней старообрядческой традицией утопии. Легенда о Китеже, ее архаические прототипы (византийские патериковые и проложные легенды о святых «сокровенных» местах), а также вторичные старообрядческие версии, хранящие «след» этой легенды, образуют преемственную линию. Основное ее назначение – формирование и закрепление представления о том, что наличие мест, «покрываемых» Богом от внешнего мира и открытых только праведникам, – залог истинности вероучения и, соответственно, спасения в «последние времена». Эти места существуют в особом, по сути параллельном, мире – в этом отличие данных сюжетов как от поисков «земного рая» (древнерусский апокриф «Хождение Агапия в рай»), так и от легенды о Беловодье и прочих «далеких землях» [9, с. 276–356], хотя соприкосновение, определенная интерференция данных сюжетов могут иметь место (типология данных сюжетов еще ждет своего изучения).

Отметим ключевые мотивы Китежской легенды. Как известно, ее ранняя версия представлена двумя взаимосвязанными памятниками, – «Книга глаголемая летописец» и «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» [20, с. 169–183]. Списки в составе старообрядческого сборника датируются XVIII в., а их протографы восходят в XVII в. [20, с. 481]. В их основу легли подлинные события, связанные с разорением при князе Георгии Всеволодовиче (XIII в.) Большого и Малого Китежа (Городца) [20, с. 481]. Святость благочестивого города, ушедшего на дно озера, и святость

князя – основные темы сказания. Исчезновение Китежа – результат нападения врагов: в лето 6747 (1239) «... грѣх ради наших прииде на Русь воевати нечестивый и безбожный царь Батый. И разоряше грады и огнем пожигаше, церкви Божия также разоряше и огнем пожигаше же. Людей же мечю предаваше, а младых дѣтей ножом закалалаше, младых дѣв блудом оскверняше. И бысть плач велий» [20, с. 174]. Логика сюжета обусловлена эсхатологическим финалом истории: «И не видим будет Болший Китежь даже и до пришествия Христова, якоже и в прежняя времена бысть сия, якоже свидѣтельствуот жития святых отец ... и въ тѣх монастырех много множество бысть святых отец, яко звѣзд небесных просияв житием своим ... И такоже убо в послѣднее время будет сие: грады и монастыри сокровенныя будут, якоже антихрист царствовати начнет в мирѣ» [20, с. 174–176].

В «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже» указывается на возможность войти в этот град и, соответственно, спастись: «Аще ли же который человек общается истинно итти в него, а не ложно и от усердия своего постигится начнет, и многи слезы пролиет ... вѣждь, яко спасет Бог таковаго» [20, с. 178]. Предупреждается в Повести и о надлежавшей осторожности: «И хотящему итти в таково мѣсто святое никакова помысла не имѣти лукава, и развращенна, и мятущего ум, и отводящаго в мѣста оного мысли человека того хотящаго итти. Но убо велими блюдиися опасно мыслей злых, хотящих разлучити от мѣста того» [20, с. 180]. В противном случае «аще ли же пойдет и мыслити начнет, славити вездѣ, и таковому закрыет Господь. И покажется ему лѣсом и пустыем мѣстом» [20, с. 180].

Все обозначенные здесь мотивы: святое место – исчезновение места вследствие опасности – соединение с местом истинно верующих в «последние времена» – узнаются в легендах Урало-Сибирского патерика [17, с. 61–62; 18, с. 66–70]¹. Они оформлены в памятник как чудеса, а следовательно, в соответствии с общим замыслом патерика, должны способствовать «утвержению» веры [17, с. 10]. В полном соответствии и с жанровым каноном чудес, и с требованиями фольклорных фабулатов указываются свидетели и рассказчики, чудо строго документируется. Так, редактор пишет, что сюжет «О сокровенных святых старцах» поведал ему отец Максим, а тому в юности – «две некия жены». Точно указано место: близ деревни Маракуши Пермской области, и время – «Быша же сѣм во время германскїа войны, наченшїа сѣм въ лето 7422 (1914)» [18, с. 66]². Рассказ матушки Веры о святых старцах в ските принадлежит Александру Григорьевичу, услышавшему его от тестя Филиппа, тот – от своего

деда Иоанна Гридина [17, с. 61]. Целый цикл о местах, «закрываемых» Богом, принадлежит матери Македонии – писательнице, славившейся своей начитанностью в древнерусской литературе, также корректно ссылающейся на все источники, в том числе книжные. А легенду «О слышании пения и звона церковнаго» со слов свидетельницы Раисы записал Афанасий Мурачев – последний редактор патерика.

Данный сюжет отразил наиболее современные события, датированные 7466 (1958) г., и представляет особый интерес как поздний отзвук Китежской легенды, адаптированной к старообрядческим реалиям. Участницы – некто Анна Константиновна и ее 13-летняя дочь. Место происшествия – вблизи с. Тасеево Красноярского края. Повествуется о том, как они, собирая в лесу живицу, стали свидетельницами чуда: «въ начале своей работы каждѣю сѣботѣ въ полдни слышалсѣ имѣ обоим ц[е]рковный колокольный звонѣ». Редактор, Афанасий Мурачев, при описании этого звона (устойчивый мотив китежской легенды) не поспешил на стилистические средства: «И какъ бѣдыто где-то вдали звѣчашїи, ѿ котораго глѣз раздавалсѣ по лесной тишине, глѣбоко и тревожно печатлелсѣ въ уме, ѿ котораго легко можно было взятъсѣ мыслїю и поточить слезы ч[е]л[ове]кѣ, скитающемѣсѣ въ лесѣ» [18, с. 69–70]. Рассказ драматизирован, в него внесен диалог – разговор матери с дочерью, обсуждающих это явление, и местной жительницы Раисы. Сомнения матери («то ли звонѣ ц[е]рковный или глѣдокъ заводской?») рассеялись после ответа дочки: «Нетѣ, мама, не глѣдокъ, ето какъ у насѣ въ Китае въ Хантахезе колоколѣ звенелѣ, и здесь так же» [18, с. 70] (видимо, семья Анны затронула участь старообрядцев, мигрировавших в Китай и вернувшихся на родину).

Эта историческая деталь – не единственная в рассказе. То, что они услышали от местной жительницы Раисы об источнике звона, является легендарным отражением трагических событий, связанных с преследованием старообрядчества. Рая рассказала, что «здесь недалеко есть свѣтлый ключь, и на нем жили люди, Б[о]гѣ молились. У них была часовнѣ и еще дрѣгаѣ хоромина, и у них былѣ скотѣ, пашни и покосы. А потом етихъ людей всех побили, а часовню со всеми людми сожгли. И вотѣ с тех порѣ на том месте стали полѣчатъсѣ разныѣ удивленїѣ. То звонѣ ц[е]рковный, то пенїе слышитсѣ, а то свѣщи горѣт, и многѣ дрѣгое многое повѣствѣют», «поют «Аллилуїѣ» и прочїѣ молитвы» [18, с. 70]. Ни Раиса, ни редактор рассказа не смогли уточнить, «от кого ети люди пострадали и когда», но рассказ этот отразил типичную ситуацию. Судя по всему, речь идет о разорении старообрядческих скитов, – явлении не редком и в царской, и в советской России. Рассказ о нападении войск НКВД на Дубческие скиты в 1951 г., уничтожении книг, избияниях и арестах старцев содержится и в Урало-Сибирском патерике [19, с. 337]. Святое место, нападение врагов, исчезновение места и обнаружение его через колокольный звон и пение – это яркие приметы Китежской легенды.

¹ Эти сюжеты привлекали внимание Н.Н. Покровского [21, с. 568–572; 22, с. 154–158], однако специального анализа не проводилось.

² Здесь и далее цитирую памятник по научной публикации [17, 18], где сохранены орфографические и графические особенности рукописи.

Интересно, что в начале XX в. М. Пришвин, автор рассказа «У стен града Невидимого (Светлое озеро)», записал со слов местной жительницы, «древней старухи Татьяны Горней», подобные сведения: «Старуха древняя, не раз слышала звон колоколов из города праведников, а главное, знает, где сохраняется «летопость» о граде Китеже» [23, с. 427]. «Жизнь свою прожила тут, возле торфяного болота, видела огни, слышала звон, но сказать не хочет об этом. Пытаю — молчит, темная, торфяная старуха» [23, с. 428]. Нежелание жительницы Светлояра рассказывать легко объяснимо: вспомним о запретах «Повести и взыскания о граде сокровенном Китеже»: «Аще ли же пойдет ... славити вездѣ, и таковому закрыет Господь». Наверное, нечто подобное произошло и с персонажами рассказа из Урало-Сибирского патерика. После расспросов у Раисы, вызванных скорее праздным любопытством, нежели «взысканием града», они перестали слышать колокольный звон: «Какъ ѿ объѣснилась Рае, съ тех поръ больше ни разъ не слыхивали звонъ и даже пожалела, что лишилась слышанїѧ» [18, с. 70].

Во всех сюжетах патерика упоминается, что именно Бог скрывает (укрывает) места. «От Бога покрываемы бяху», «без сомнения благодать Божия кроет боящихся его», — пишет матушка Македония, приводя примеры и из древнерусской литературы, и из устной традиции. Рассказ, услышанный ею, когда она еще «бых дитя», о «москвичих», спасенных во время бури по молитве старообрядцев, дополняется литературными примерами. После молитвы путники оказались на чудесном острове, куда они не менее чудесным образом сумели взойти («зане невозходно»). «Они шли и дошли до населенїѧ, ꙗкобы малъ градокъ, а люди тѣтъ до единого вси хр[и]стїѧне», «иноки в мантиях» их накормили, «хлеба надавали и путь указали», а когда позже спасенные пытались вновь попасть на остров, чтобы отблагодарить, найти никого не смогли [18, с. 67]. Далее почти дословно передан сюжет из Пролога от 21 марта о сокровенном монастыре [24, л. 110 об.–111]), его дополняет свидетельство из Хронографу, а завершает цепочку рассказов упоминание о Соловецких старцах со ссылкой на 1-ю Соловецкую челобитную.

Этот факт чрезвычайно важен в рассматриваемом контексте. К.В. Чистов уже отмечал, что история старообрядческого протеста на о. Соловки органично вписывается в утопическую традицию [9, с. 293]. Здесь для нас важен не только остров как мифопоэтический топос, свойственный фольклору многих народов и генетически восходящий к представлениям об острове, куда переселяются души умерших предков, и закрепленный в литературной и в фольклорной утопии. Важно то, что очаг раннего раскола, Соловецкий монастырь, роль которого в истории старообрядчества признана и самими носителями традиции, служит для старообрядческой писательницы XX в. связующим звеном между древней традицией и сегодняшним днем. «Тѣтъ нам надежда стоить

упованїѧ ко спасенїю. О[т]цы соловецкїе 30 лѣт жили во острове, ч[е]л[ове]ка не видѧ, а ловцы по всѧ седмицы прїезжали (Челобитна о о[т]цех и страдальцех) [18, с. 68].

Рассказы об укрываемых Богом, недоступных врагам святых местах включаются в процесс формирования историософии старообрядчества, начатый еще в XVII в. и тесно связанный с эсхатологическими идеями: «до скончанїѧ вѣка иноческїй чинъ, быть емѸ предписано, какъ искре въ пепеле» [18, с. 67]. Для понимания важности рассказов о сокровенных местах в общей концепции Урало-Сибирского патерика стоит обратить внимание на сюжет из 1-го тома о матери Вере [17, с. 61–62]. Ее могила недалеко от Миасского завода была одной из самых почитаемых у уральских староверов. Причем расположена она на острове в озере Туркояк — отметим, что и здесь речь идет об острове. Семейная устная традиция Александра Григорьевича, одного из информаторов патерика, сохранила рассказ о том, как его предок Иоанн получал благословение на наставничество у матери Веры. Прежде чем дать благословение, она поведала ему «чудную повесть» о двух старцах, которых она обрела «в пустыне». Описана почти сказочная обстановка: «идушей ми по пустыни, и се узрех пень велик, и верху его исхождаше мало дыма. Пред ним же трава бе попруна, под корнем бе западня» [17, с. 62]. Помолвившись, услышала голос: «Аминь». Войдя в пещерку, в которой не было даже оконца, она узрела «некий чудный» свет перед иконами, «аки клѣбъ огненный», и двух сидящих старцев. На вопрос, кто они и как сюда пришли, они отвечали: «с[вя]щеннаго чина есмы, бежавшии от никонїянъ. Н[ы]нѣ же погипе с[вя]щенство от рода сего» [17, с. 62].

После она приходила к ним и обнаружила их умершими, причем чудный свет погас, «и бысть тма». Сходив за братией, чтобы погresti старцев, матушка не смогла найти ту пещеру — она бесследно исчезла. Эта история о двух святых старцах, пострадавших «от никониян» и засвидетельствовавших прерывание истинного священства, сыграла своеобразную ритуальную роль в благословении Иоанна в наставники. Связь с идеологией часовенных, отказавшихся от института священства, здесь достаточно прозрачна. Примечательно и то, что этот идеологический компонент оформляется при помощи мотива чудесного сокрытия святых старцев, носителей истинного знания.

Таким образом, народно-утопические легенды, включенные в состав письменного памятника современной старообрядческой литературы, свидетельствуют о синкретичной функции древнерусского литературного и фольклорного наследия. Помимо эстетической значимости, степень которой обусловлена как «памятью жанра» легенд и преданий, так и талантом крестьянских писателей-старообрядцев, эти легенды несут идеологическую нагрузку, способствуя формированию историографической концепции сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Negley G.* Utopian Literature. A Bibliography: With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. 408 p.
2. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
3. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
4. *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М.: Владос, 1995. 208 с.
5. *Гройс Б.* Искусство утопии. М.: Худ. журнал, 2003. 321 с.
6. *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.
7. *Ковтун Н.В.* Русская литературная утопия второй половины XX века. М.: Флинта, 2014. 353 с.
8. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
9. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.
10. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 336 с.
11. *Егоров Б. Ф.* Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
12. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
13. *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII–начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 572 с.
14. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.
15. *Журавель О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII–начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
16. *Комарович В.Л.* Китежская легенда (опыт изучения местных легенд). М.: Изд-во АН СССР, 1936. 184 с.
17. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. Кн. 1 (Т.1–2) / изд. подгот.: Н.Н. Покровский, О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова; отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. 464 с.
18. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. Кн. 2 (Т. 3) / изд. подгот.: О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова; отв. ред. Н.Д. Зольникова. М.: Языки славянской культуры, 2016.
19. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
20. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с.
21. *Покровский Н.Н.* «Повести чудесных событий» из Урало-Сибирского патерика XX в. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 1996. Т. 50. С. 568–572.
22. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 799 с.
23. *Пришвин М.М.* У стен града невидимого (Светлое озеро) // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 387–474.
24. Пролог, вторая половина (март–апрель). М., 1643.

REFERENCES

1. *Negley G.* Utopian Literature. A Bibliography: With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. 408 p.

2. *Shatskiy E.* Utopia and tradition. Moscow: Progress, 1990, 456 p. (In Russ.)
3. Utopia and utopian thinking: Anthology of Foreign Literature / comp., general ed. and foreword by V.A. Chalikova. Moscow: Progress, 1991, 405 p. (In Russ.)
4. *Shestakov V.P.* Eschatology and Utopia. Essays on Russian philosophy and culture. Moscow: VLADOS, 1995, 208 p. (In Russ.)
5. *Groys B.* The Art of Utopia. Moscow: Art Magazine, 2003, 321 p. (In Russ.)
6. *Geller L., Nick M.* Utopia in Russia. SPb.: Hyperion, 2003, 312 p. (In Russ.)
7. *Kovtun N.V.* Russian literary utopia of the second half of the XX century. Moscow: Flint, 2014, 353 p. (In Russ.)
8. *Tchistov K.V.* Russian people's socio-utopian legends in the XVII to the XX centuries. Moscow: Nauka, 1967, 342 p. (In Russ.)
9. *Tchistov K.V.* Russian People's Utopia (genesis and functions of socio-utopian legends). SPb.: Dmitry Bulanin, 2003, 540 p. (In Russ.)
10. *Klibanov A.I.* People's social utopia in Russia. Feudalism period. Moscow: Nauka, 1977, 336 p. (In Russ.)
11. *Egorov B.F.* Russian utopia. Historical Guide. SPb.: Art-SPB, 2007, 416 p. (In Russ.)
12. *Maltsev A.I.* The Old Believers-wanderers in the XVIII–first half of the XIX century. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1996, 268 p. (In Russ.)
13. *Maltsev A.I.* Old Believer without priestly consent in the XVIII – beginning of the XIX century: a problem of relationship. Novosibirsk: Publishing House «Owl», 2006, 572 p. (In Russ.)
14. *Florovsky G.* The Ways of Russian Theology. Vilnius, 1991, 599 p. (In Russ.)
15. *Zhuravel O.D.* Literary creativity of the Old Believers in the XVIII to beginning of the XX century: themes, problems, poetics. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012, 442 p. (In Russ.)
16. *Komarovich V.L.* The Kitezh legend (The experience of studying local legends). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1936, 184 p. (In Russ.)
17. Ural-Siberian Patericon: texts and comments: in three vol. Book 1 (Vol. 1–2). Edition prepared by N.N. Pokrovsky, O.D. Zhuravel, N.D. Zolnikova. Ed. N.N. Pokrovsky. M.: Slavic Culture Languages, 2014, 464 p. (In Russ.)
18. Ural-Siberian patericon: texts and comments: In three volumes. Book 2 (Vol. 3). Edition Prepared by O.D. Zhuravel, N.D. Zolnikova. Ed. N.D. Zolnikova. Moscow: Slavic Culture Languages, 2016. (In Russ.)
19. *Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D.* Old Believers «Chasovennyye» in the East of Russia in the XVIII to the XX centuries. Problems of creativity and social consciousness. Moscow: Pamytniki istoricheskoy mysli, 2002, 471 p. (In Russ.)
20. Library of the Old Russian Literature. SPb.: Science, 1997, vol. 5: XIII Century. 527 p. (In Russ.)
21. *Pokrovsky N.N.* «The Tale of the wonderful events» from the Ural-Siberian Patericon of the XX century. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. SPb.: Izd-vo D. Bulanina, 1996, vol. 50. pp. 568–572. (In Russ.)
22. Spiritual literature of the Old Believers of eastern Russia in the XVIII to the XX centuries. Ed. N.N. Pokrovsky. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1999, 799 p. (In Russ.)
23. *Prishvin M.M.* Near the walls of the Invisible City (Light Lake). *Sobr. soch.: in 8 vol.* Moscow: Literature, 1982. Vol. 1, pp. 387–474. (In Russ.)
24. Prologue, the second half (March-April). Moscow, 1643. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160317
УДК 19.51.61 (470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА, Е.В. ЕНГАЛЫЧЕВА (БУЛГАКОВА)

**ИЗДАНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
РОССИЙСКИЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

Ирина Владимировна Лизунова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: 2004liv@ngs.ru

Екатерина Валерьевна Енгальчева (Булгакова),
преподаватель каф. библиотечной деятельности,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
РФ, 644077, Омск, ул. Мира, 55а
e-mail: katja-03@mail.ru

В статье освещается процесс трансформации детского книгоиздания в России в постсоветский период. На примере Сибири и Дальнего Востока раскрываются его основные тенденции и особенности, характеризуются особенности данного процесса в Сибири и на Дальнем Востоке. Подчеркивается, что за прошедшие два десятилетия в детском сегменте книжного пространства страны прочно утвердились специализированные книжные бизнес-гиганты, усилилась и гипертрофировалась традиция моноцентризма российского книгоиздания. Выявляются общие и специфические проблемы издания детской литературы, которые сдерживают содержательное наполнение детского книгоиздания, влияющего на развитость общероссийского и регионального книжного пространства и, в конечном итоге, на доступность детской литературы населению. Прослеживается смена лидеров издания литературы для детей, подчеркивается необходимость всемерной поддержки издателей, выпускающих детскую литературу.

Ключевые слова: книгоиздание, издательства, книги для детей, подростков и юношества, детская литература, тенденции, специфика, Сибирь, Дальний Восток.

I.V. LIZUNOVA, E.V. ENGALYCHEVA (BULGAKOVA)

**CHILDREN'S BOOK PUBLISHING:
RUSSIAN TRENDS AND REGIONAL SPECIFICITY**

Irina V. Lizunova,
Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher,
State Public Scientific-Technological Library of the SB RAS
15, Voskhod Str., 630090, Novosibirsk, Russia,
e-mail: 2004liv@ngs.ru
Ekaterina V. Engalycheva (Bulgakova),
Lecturer,
Omsk state University n.a. F.M. Dostoevsky,
55A, Mira str., 644077, Omsk, Russia,
e-mail: katja-03@mail.ru

The article is devoted to understanding the institutional changes in the children's segment of the Russian book publishing, basic trends of its development in the 1990s - the first decade of the XXI century. The use of formal logic and comparative-historical methods helped identify cause-and-effect chains in the study of the specificity of the development of children's book publishing in Siberia and the Far East in connection with the logic and trends of development of Russia's publishing business at the turn of the XX–XXI centuries. The transformation of the domestic publishing system changed the traditional leaders of children's book publishing, both in the center of the country and on the periphery; the emergence of many small and medium-sized private and hybrid publishing companies, dependent on market conditions. Over the past two decades in the children's segment of

the country's book space the specialized book business giants were firmly established. They took up the challenge of supplying children's books to the regions of Russia. The tradition of monocentrism in the Russian book publishing was only strengthened and hypertrophied during the post-Soviet period. Functions of the specialized children's publishers in Siberia and the Far East were assumed by the editorial staffs of the children's journals which published the unique series and single issues of children's literature.

Specific features of the publication of children's literature at the turn of the XX-XXI centuries included the small number of published children's books of the regional authors, small editions of adolescent literature, lack of support for the young authors who write for children and youth, lack of committed support for the regional publishers of the children's literature. All of this identifies challenges impeding the full development of children's book publishing, which directly affects the development of a regional book space and the availability of children's literature to the public.

Key words: publishing, publishers, books for children, teenagers and youth, children's literature, trends, specifics, Siberia and the Far East.

В современном обществе проблема издания книг для детей является не только объектом активной научной рефлексии, ее также можно отнести к основополагающим факторам, способствующим консолидации общества и укреплению государственности на всех уровнях [1]. Актуальность обращения к теме детского книгоиздания обуславливается рядом причин. Во-первых, в России наблюдается процесс утраты книгой прежнего приоритетного положения при одновременном возрастании влияния на юных медиапотребителей визуальной электронной культуры. Во-вторых, прослеживается переход, начавшийся в 2000-е гг. от старой к новой модели освоения детьми книжной культуры, что нашло выражение в смене мотивации чтения и читательских предпочтений детьми [2]. К тому же на фоне углубляющегося общенационального кризиса чтения, повышении доли «не читающих семей» продолжается снижение статуса, престижа и интенсивности чтения в детско-юношеской среде. В-третьих, растет число подрастающего поколения, не включенных в книжное пространство конкретного региона, развитость которого может быть различной. Она зависит от наличия на местах библиотек, в первую очередь детско-юношеских библиотек с богатыми обновляемыми книжными фондами; сети книжных магазинов с разнообразным ассортиментом печатной продукции, ориентированной на детскую аудиторию; издательств, выпускающих литературу для детей, подростков и юношества [3].

Перечисленные сегменты книжного пространства – библиотечная отрасль, книгораспространение и издательское дело – претерпели в 1990-е гг. в Сибири и на Дальнем Востоке серьезные модификации. В районных центрах и на селе многие библиотеки были закрыты. В городах и областных центрах в течение долгого времени не обновлялся либо недостаточно комплектовался детский книжный фонд библиотек, что привело к его обеднению и обветшанию. Распад советской книготорговой сети, проблемы с распространением печатной продукции в провинции, сокращение или закрытие книжных магазинов, практика ценообразования привели к серьезным переменам в книготорговой отрасли. И, наконец, трансформация сибирско-дальневосточной издательской системы, банкротство либо уход с книжного рынка многих областных и краевых государственных издательств оказали серьезное влияние на региональное детское книгоиздание.

Именно выпуск детской литературы является не только существенной характеристикой современ-

ного российского книжного пространства, но и одной из основных проблем регионального книгоиздания. К публикациям детской литературы традиционно в российском обществе предъявляются достаточно высокие требования: книги должны быть качественными как по содержанию, так и по оформлению, художественному и полиграфическому. Для выполнения этих условий издателям необходимо располагать соответствующими кадровыми резервами (известными авторами, профессиональными редакторами и художниками-оформителями), а также финансово-техническими ресурсами (специальным оборудованием, денежными средствами и т. п.). Детское книгоиздание всегда было достаточно затратным. В советский период оно финансировалось государством. На выпуске книг для детей специализировались единичные, в основном центральные издательства – «Детская литература» и «Малыш». Небольшую долю книг издавали «Прогресс», «Радуга», «Советская Россия». Накануне кардинальных рыночных трансформаций детское книжное пространство Сибири и Дальнего Востока, помимо вышеперечисленных общероссийских издательств, формировали лидирующие государственные областные и краевые (Восточно-Сибирское (1963–2001), Новосибирское (1920–2007), Алтайское (1947–1998), Красноярское (1935–), Омское (1920–), Магаданское (1954–1998), Хабаровское (1963–), Дальневосточное (1963–), Сахалинское (1954–2008) и национальные книжные издательства: Якутское «Бичик» (1926–), Хакасское «Айра» (1931–), Бурятское (1923–), Горно-Алтайское «Юч-Сумер-Белуха» (1933–). Кроме того, функционировало Сибирское отделение издательства «Детская литература» (1987–1998) и Сибирское отделение издательства «Наука» (1965–). В тематические планы последних входило ежегодное издание произведений сибирских писателей и поэтов для детей и юношества. Так, в 1991–1995 гг. Новосибирским книжным издательством было выпущено 26–45 % книг, ориентированных на детскую аудиторию, а Сибирским отделением издательства «Детская литература» – 14,3–36,8 % наименований книг соответственно [3].

Однако в большинстве областей региона положение в детском сегменте книгоиздания оказалось крайне тяжелым. В первую очередь это касалось национального книгоиздания для детей. Так, за 1992–1998 гг. на территории Бурятии было издано только 17 книг для детей (4 % от общего объема всей литературы, вышедшей в РБ), причем из них 13 книг вышли на бурятском языке (14 % от всего объема литературы на бурят-

ском языке). Соответственно ежегодно книжный фонд Республиканской государственной детской библиотеки им. Б.Д. Абидуева пополнялся на крайне малое количество книг – всего на 2–3 экз. местных изданий [4]. Однако если отсутствие в регионе детской литературы на русском языке могли восполнить книги, изданные в центре России, то выпуском книг на национальных языках занимаются только национальные издательства. Национальное книгоиздание в России в постсоветские годы полностью сместилось в регионы [5]. Поэтому на региональные издательства ложилась задача обеспечить литературой титульные и малочисленные народы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера самой разнообразной тематики, в том числе ориентированной на детей.

В новых экономических условиях рубежа XX–XXI вв. издание книг для детей коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока оказалось «коммерчески невыгодным» для действующих в регионе книжных издательств [6]. Отсюда резкое снижение их числа в постсоветские годы. По мнению И.С. Трояк, «многое зависело как от энтузиазма самих издателей, так и желания местных властей поддерживать книгоиздание в своем регионе» [6]. Так, деятельность Национального книжного издательства «Бичик» Республики Саха (Якутия) регулируется Республиканской целевой программой государственной поддержки. Поэтому «Бичик» наращивает издание книг самой разнообразной тематики, в том числе детской литературы на языках народов Сибири и Дальнего Востока (якутском, русском, эвенском, эвенкийском и юкагирском) [6; 7].

К концу 1990-х гг. большинство государственных издательств исчезло с рынка детской литературы, на смену им пришли частные издающие организации: «Гелиос», «Арена», Омский Дом печати, издательский центр «Диалог-Сибирь», (Омск); «Издательство Риф плюс-книга», «Инфолио-пресс», «Сибирская книга» (Новосибирск); научно-производственное объединение «ОблМашИнформ» (Томск); «Буква Статейнова», «Платина», «Поликор», «Бонус» (Красноярск); ИД «Приамурские ведомости» (Хабаровск) «Лукоморье» (Южно-Сахалинск), холдинговая компания «Новая книга» (Петропавловск-Камчатский) и др. Все они включили в свой издательский портфель выпуск книг для детей.

Специализированных постоянно действующих детских книжных издательств полного цикла в регионе к началу 2000-х гг. не было. Исключение составил короткий период деятельности дальневосточного издательства детской и юношеской литературы «Амур» (1989–1996 гг.), не пережившего кризисов середины 1990-х гг. [8]. Функции специализированных детских издательств в начале нового века взяли на себя редакции детских журналов: республиканский детский иллюстрированный журнал для чтения в семейном кругу «Колокольчик / Чуораанчык» (Якутск, 1987); детский журнал «Солоны» (Горно-Алтайск, 1990); детский литературно-художественный журнал «Сибирячок» (Иркутск, 1991); областная детская газета «Тюменские

непоседы» (Тюмень, 2006); журнал детского творчества «Православный сибирячок» (Тюмень, 2009); журнал для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Карусель «Бим! Бом!» (Кемерово, 2003); ежемесячный иллюстрированный детский журнал на бурятском, русском и английском языках, с приложением на эвенкийском языке «Одон / Звезда-Стар» (Улан-Удэ, ИД «Буряад унэн», 2009), журнал для детей от 6 лет и старше, а также для чтения родителями детям «Развивалки» (Новосибирск, 2010); красочный журнал для детей и родителей «Филиппок» (Барнаул, 2011).

Многие редакции одновременно с журналом выпускали книжные серии. Например, иркутский «Сибирячок», предназначенный для детей 5–12 лет, издавал серию книг «Сибирячка», куда в разные годы вошли сборники русских народных сказок «Пень через колоду», богатырских сказов; исторические повести В. Яна «Никита и Микитка»; повести популярной детской писательницы конца XIX в. Л. Чарской «Счастливчик» и «Сибирочка»; сборники игр «Крепкие орешки Сибирячка», «Копилка игр Сибирячка»; просветительские проекты – маленькая энциклопедия «Удивительное путешествие Сибирячка по Байкалу»; книга «Слово о Байкале. Мифы, легенды, предания, сказки, сказания и наставления народов Сибири»; сказки В. Стародумова «Омүлевая бочка», «Берестяное лукошко» и др. [9]. Основатель и главный редактор детского журнала «Солоны», К. Тепуков издал сборник стихов алтайских поэтов «Эпшлерге эрке сөс»; перевёл на алтайский язык и издал сборники сказок народов мира и произведений М. Твена, М. Карема, Д. Хармса, Л. Толстого. Редакция журнала подготовила к печати переводные произведения русских и зарубежных классиков детской литературы: К. Чуковского, Р. Распэ и др.¹

В целом выпуск детской литературы в России стал одним из самых конкурентных видов издательской деятельности, количество издаваемых книг увеличилось с 2560 названий в 1998 г. – до 4123 в 2000 г. и до 11 296 – в 2008 г. [10]. Даже в кризисные годы детская литература, единственная из всех других видов изданий целевого назначения, экспонировала движение вверх по числу названий и тиражей (рис. 1)².

За первое десятилетие XXI в. издание книг для детей и юношества по количеству названий выросло более чем в 2,5 раза (на 155 %). Книги для детей и юношества оказались единственным видом литературы, из года в год демонстрирующим значительную положительную динамику по тиражам. За 2001–2010 гг. их тиражный рост составил 88,3 %. Интересно, что к максимальному уровню 2008 г. тиражные показатели детских книг и брошюр выросли на 213,7% [11, с. 9].

¹ Тепуков К.Э Неталантливых детей не бывает: беседа с гл. ред. детского журнала «Солоны» К.Э Тепуковым; вела К. Тюгай // Звезда Алтая. 2000. 30 сент. С. 7.

² Подсчитано по: Печать Российской Федерации в ... году. – М.: Изд-во РКП, 2001–2010.

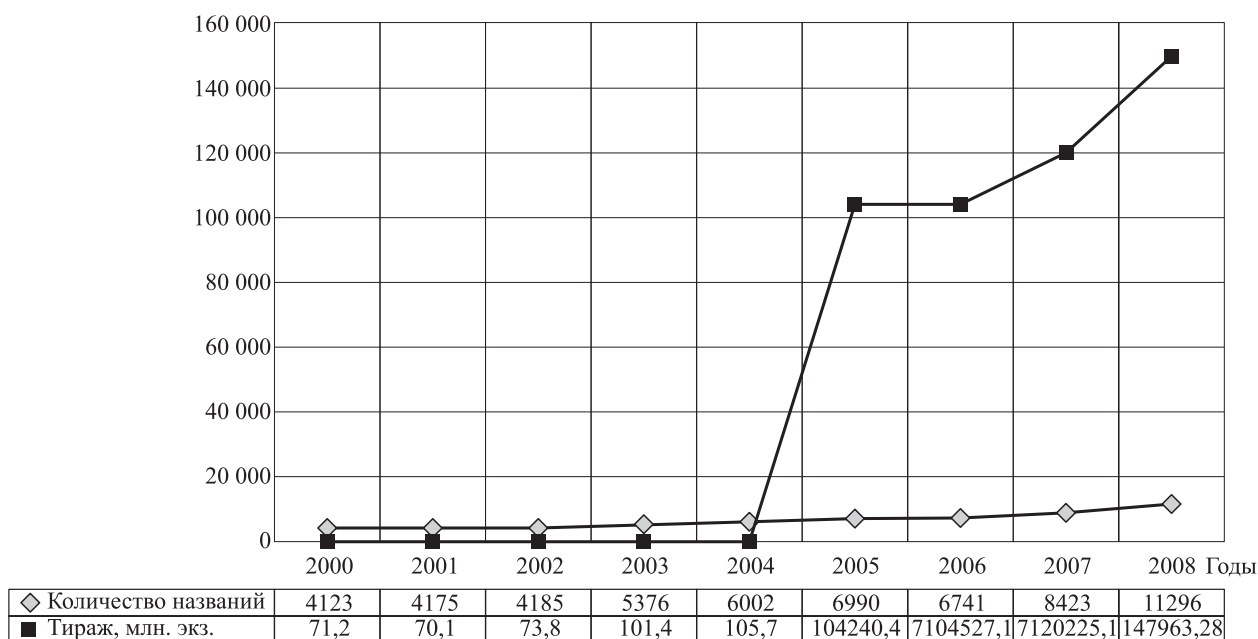

Рис. 1. Выпуск детской литературы в РФ в 2001–2008 гг.

По подсчетам специалистов, за два десятилетия постсоветского периода – с 1992 по 2008 г. – абсолютный прирост детской литературы составил 473 % [10].

Повышение выпуска количества названий детской литературы отмечалось не только на территории РФ, но и в регионах. Если до 2004 г. ситуация колеблется, то с 2005 г. идет постепенное повышение всех показателей книгоиздания детей. Тем не менее среднее число книг, вышедших на территории Западной и Восточной Сибири, оставалось крайне низким, составляя 15–41 название (рис. 2–3).

Постсоветское развитие книжного пространства сохранило и гипертрофировало давнюю российскую традицию моноцентричности рынка, тяготения издающих предприятий к столицам – Москве и Санкт-Петербургу. Особенно выпукло это проявилось в детском сегменте книгоиздания. На рубеже XX–XXI вв. появилась масса издательств, ориентированных на выпуск книжной продукции для детской аудитории, и практически все они оказались сконцентрированы в центре страны. Среди крупнейших назовем: «Детскую литературу» (первое и старейшее в стране

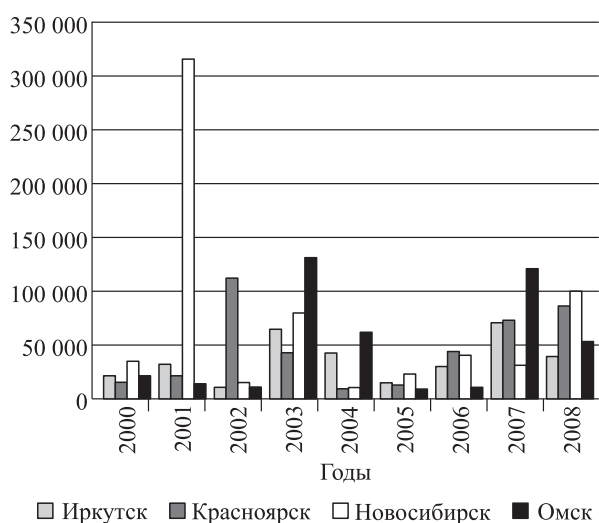

Рис. 2. Выпуск детской литературы по названиям в отдельных областях Сибирского федерального округа в 2000–2008 гг.

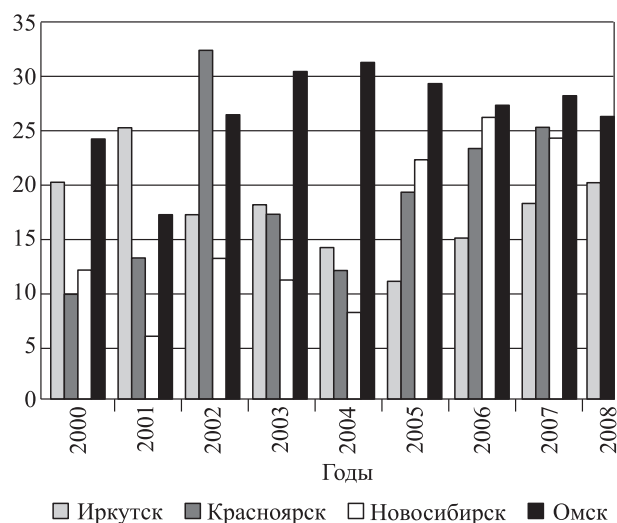

Рис. 3. Выпуск детской литературы по тиражам в отдельных областях Сибирского федерального округа в 2000–2008 гг.

Доля федеральных округов России в 2000–2008 гг. в книгоиздании

Федеральный округ	Доля в общем тираже, %	Доля в населении России, %	На одного человека приходится экземпляров местных изданий
Дальневосточный	0,1	4,6	0,17
Приволжский	2,5	21,3	0,63
Северо-Западный	5,7	9,5	3,23
Сибирский	0,8	13,8	0,30
Уральский	0,8	8,6	0,50
Центральный	87,4	26,2	17,90
Южный	2,5	16,1	0,81

специализированное детское издательство, созданное в 1933 г., Москва); «Книги искателя» (образовано в 1989 г. на базе популярного журнала «Искатель»); «Самовар» (создано в 1990 г., Москва); «Дрофа» (1991 г., Москва); «Росмэн» (1992 г., Москва); «Эгмонд Россия» (основано в 1992 г. как дочерняя фирма старейшего в Европе датского издательского концерна «Эгмонт Интернэшнл Холдинг», Москва); «Аванта+» (создано в феврале 1992 г., в 2005 г. включено в Издательский холдинг «АСТ», Москва); «Линка-пресс» (издательство учебной литературы, 1992 г., Москва); «Махаон» (1993 г., Москва, с 2007 г. входит в издательскую группу «Азбука-Аттикус»); «Омега» (1993 г., Москва); «Лабиринт-Пресс» (1996 г., Москва); «Оникс» (1996 г., Москва); «Алтей и К^о» (1996 г., Москва); «Айрис-Пресс» (1996 г., Москва); «Карапуз» (2000 г., Москва); «Стрекоза-Пресс» (2001 г., Москва); «Самокат» (2003 г., Москва); «Лунный аист» (Москва); «Розовый жираф» (2007 г., Москва) и др. Список продолжает изменяться и дополняться. А такие гиганты издательского бизнеса, как «АСТ» (1990 г., Москва), «ЭКСМО» (1991 г., Москва), и «Вече» (1991 г., Москва), являются универсальными издательскими холдингами, выпускающими в числе прочих целевых изданий широкий ассортимент книг для детей 0–16 лет.

Перечисленные издательства России ведут огромную работу по созданию серий, книг нового формата. Выпускается не только художественная литература, но и учебная с занимательными эффектами; научно-популярная, написанная доступным языком; издания для досуга; литература, специально созданная для мальчиков и девочек отдельно. Однако все сводится к тому, что центральными издательствами публикуются произведения тех авторов, чье имя знакомо читателю. Современные авторы из регионов, пишущие для детей, а также оформители детских книг остаются широкому кругу российских читателей неизвестными. Они трудноиздаваемы в регионах. Если раньше региональные книжные издательства и местные писательские организации через литературные конкурсы и другие литературно-издательские мероприятия выявляли молодых писателей и поэтов и содействовали их росту, то в рыночную эпоху эти механизмы взращивания и поддержки молодых талантливых авторов перестали работать. Отсюда перенасыщение рынка однотипны-

ми изданиями, одновременно опубликованными сотысячными тиражами столичными и региональными издательствами в 1990-е гг. (Р. Киплинг, А. Линдгрэн, Р. Стивенсон, Х. Андерсон, Д. Родари, А. Пушкин, М. Лермонтов, С. Есенин и др.). Доминирование тенденции переизданий уже проверенных известных имен классиков как в центре, так и в провинции (К. Чуковский, А. Барто, В. Степанов, Н. Носов, А. Волков и др.) сохранялось и в 2000-е гг.

Более того, число издаваемых книг в регионах в сравнении с центром мизерно, катастрофически мало. Так, ежегодный выпуск детской книги в Дальневосточном федеральном округе в постсоветские годы в соотношении с общероссийским количеством изданий не превышал 1–2 % [6]. Это подтверждает официальная статистика (табл. 1, рис. 1–3)³.

Представленная таблица показывает, что Сибирский и Дальневосточный регионы занимают последние места по всем сравниваемым параметрам. Так, по доле в общем тираже первое место принадлежит Центральному федеральному округу. Сибирский и Дальневосточный федеральные округа поделили 6-е и 7-е места из 7 возможных. По количеству экземпляров местных изданий, приходящихся на одного человека, указанные округа занимают крайние позиции. Это дает основания полагать, что региональная детская литература здесь практически не издается. Вся литература для детей и подростков за Урал поступает из Москвы и Санкт-Петербурга, что неизбежно сказывается на ее цене и доступности.

В заключение отметим, что издание детской литературы в Сибири и на Дальнем Востоке, демонстрируя медленный рост, находится на начальном этапе развития и зависит от многих факторов: финансовых преференций, почтовых и транспортных льгот, поддержки властей, конъюнктурных моментов рынка.

В Сибири и на Дальнем Востоке так и не возникло крупных специализированных детских книжных издательств. А имеющиеся издающие предприятия при редакциях детских журналов не в состоянии обеспечить детской литературой юных сибиряков. Сложной остается и ситуация в сфере детского националь-

³ Подсчитано по: Печать Российской Федерации в ... году. – М.: Изд-во РКП, 2001–2010.

ного книгоиздания. Отдельные примеры успешной деятельности региональных издательств в целом повлиять на изменение положения в региональном детском книжном сегменте не могут. Книжное пространство провинции страны по-прежнему формируется из центра, региональная специфика еще слаба и неразвита. Необходимо усилие и поддержка государства, объединение всех существующих социальных институтов, в том числе авторов, издателей, оформителей для того, чтобы детская региональная книга была читаема, узнаваема и распространяема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленский Б.В. «Человек читающий» – национальная ценность: печатная книга нуждается в защите // Современные проблемы детского чтения и книгоиздания для детей: наш взгляд. М., 2003. С. 5–7.
2. Чудинова В.П. Детское чтение. Негативные последствия развития медиасреды // Дети и культура. М., 2007. С. 131–164.
3. Лизунова И.В., Булгакова Е.В. Издание книг для детей в Сибири и на Дальнем Востоке (1990-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 66–70.
4. Кучмурукова Е.А. Издание детской литературы в Бурятии на современном этапе // Пятые Макушинские чтения. Новосибирск, 2000. С. 224–226.
5. Lizunova I.V. National book publishing in Siberia and the Far East at the turn of XX–XXI centuries: current state and prospects of development // European Journal of Scientific Research, 2016, N 1 (13), (January–June). Vol. II. Paris University Press, 2016. P. 237–244.
6. Трояк И.С. Выпуск детской литературы для коренных малочисленных народов Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Книжная культура народов Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX–XXI веков: сб. науч. тр. Новосибирск, 2014. С. 191–201. (Труды ГПНТБ СО РАН; вып. 6).
7. Егоров А.В. Не изменяя выбранному пути // Печатный двор – Дальний Восток России. 2006. №6. С. 49–51.
8. Ремизовский В. «Амур»: история издательства детской и юношеской литературы // Печатный двор – Дальний Восток России. 2009. №9. С. 38–39.
9. Смирнов С. Есть «Сибирячок» у сибирячков // Детская литература. 1999. №5/6. С. 96–97.
10. Ленский Б.В., Воропаев А.Н. Книгоиздание в Российской Федерации 2001–2010 гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2011. № 3. С. 3–29.
11. Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Доклад. М., 2009. 119 с.

REFERENCES

1. Lenski B.V. «Homo Lector» – a national value: book printing needs protection. *Sovremennye problemy detskogo chteniya i knigoizdaniya dlya detej: nash vzglyad*. Moscow, 2003, pp. 5–7. (In Russ.)
2. Chudinov V.P. Children's reading. The negative consequences of the development of the media environment. *Deti i kul'tura*. Moscow, 2007, pp. 131–164. (In Russ.)
3. Lizunova I.V., Bulgakova E.V. Publication of books for children in Siberia and the Far East (1990s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013, no. 3, pp. 66–70. (In Russ.)
4. Kucharikova E.A. Publishing children's literature in Buryatia at the modern stage. *Pyatye Makushinskie chteniya*. Novosibirsk, 2000, pp. 224–226. (In Russ.)
5. Lizunova I.V. National book publishing in Siberia and the Far East at the turn of XX–XXI centuries: current state and prospects of development. *European Journal of Scientific Research*, 2016, no. 1 (13), (January–June). Vol. II. «Paris University Press», 2016, pp. 237–244.
6. Troyak I.S. The publication of children's literature for the indigenous peoples of the Far East in the late XX – early XXI century. *Knizhnaya kul'tura narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka na rubezhe XX–XXI vekov: sb. nauch. tr.* Novosibirsk, 2014, pp. 191–201. (Trudy GPNTB SO RAN; vyp. 6). (In Russ.)
7. Egorov A.V. Without changing the selected path. *Pечатный двор. Dal'niy Vostok Rossii*. 2006, no. 6, pp. 49–51. (In Russ.)
8. Remizov V. «Amur»: the history of the publishing house of children's and youth literature. *Pечатный двор – Dal'niy Vostok*. 2009, no. 9, pp. 38–39. (In Russ.)
9. Smirnov S. Siberians have a «Siberian». *Detskaya literatura*. 1999, no. 5/6. pp. 96–97. (In Russ.)
10. Lenski B.V., Voropaev A.N. Book publishing in the Russian Federation, 2001–2010. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 2011, no. 3, pp. 3–29. (In Russ.)
11. Book publishing in Russia. Status, trends and prospects of development. Report. Moscow, 2009, 119 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 13.06.2016

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20160318

УДК 39(47).03

М.А. ОВЧАРОВА

РАССЕЛЕНИЕ МОРДВЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ СИБИРИ В XIX–XX вв.

Мария Александровна Овчарова,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Новосибирский государственный краеведческий музей,
Р.Ф., 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 23
e-mail: masha_pa@mail.ru

В статье впервые предпринимается попытка на основе анализа архивных данных, статистических материалов, устных источников комплексно рассмотреть расселение мордвы в юго-восточных регионах Сибири. Автор выделяет отдельные зоны компактного проживания мордовских переселенцев – Верхнее Приобье, Среднее Притомье, Томское Приобье, определяет особенности в заселении мордвой этих районов. Показано, что заселение Сибири мордвой началось с южных районов – Верхнего Приобья – с середины XIX в., в 1920–1930-е гг. основная часть мордовских переселенцев осела в Среднем Притомье, образовав моноэтнические поселения. Последний переселенческий поток в 1940–1950-х гг. способствовал образованию зон локального проживания мордвы в Томском Приобье.

Ключевые слова: переселения, ареалы расселения мордвы в Сибири, этапы переселения, численность, моноэтнические поселения.

M.A. OVCHAROVA

THE MORDVIN SETTLEMENT IN THE SOUTHEASTERN PART OF SIBERIA IN THE XIX–XX CENTURIES

Maria A. Ovcharova,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Novosibirsk State Museum of Local Lore,
23, Krasny Pr., Novosibirsk, 630099, Russia
e-mail: masha_pa@mail.ru

In the Siberian region groups of resettlers had been formed during several centuries, while the Mordvins actively participated in the process. The article aims to provide a comprehensive study of the history of the formation and settlement of the Mordvin ethno-territorial group in the Southeastern areas of Siberia in the XIX–XX centuries. At the beginning of the XX century the Mordvin migrants constituted a large share of the migration flow to Siberia. In the process of the Mordvins' settlement in the southeastern parts of Siberia the author delineates several stages which differed quantitatively and qualitatively: prior to 1865, from 1865 to 1899, from 1906 to 1916, and from 1920 to 1930.

Due to some economic and cultural preferences local Mordvin settlements appeared in certain areas of the southeastern part of Siberia: the Upper Ob River regions, Middle Tom' River region, the Tomsk Ob region. By the early XX century in these areas the Mordvin population had become the third largest ethnos second only to the Russians and the Ukrainians.

In the second half of the XIX century the fertile lands of the Upper Ob region became the main area of the Mordvin habitation. An intensive formation of resettlement groups took place in the region at that time. In the Chumysh river area and the Ob river area near Biysk the mono-ethnic and mixed Mordvin settlements were built where Erzya and Moksha settlements stood out. The second compact relocation area was formed in the Middle Tom River area. The bulk of the Mordvin settlers came here during the Stolypin reforms and in the 1920s. In this region the northern taiga and northwestern steppes became the areas with mono-ethnic and mixed Mordvin population. The third zone, where the Mordvin population was particularly dispersed, was formed in the Ob river area near Tomsk. The main flow of settlers started moving here at the end of the Stolypin reforms and peaked in the hungry 1920s. It was during this period that the areas with scarcely-populated Mordvin settlements were formed.

Key words: relocation, areas of Mordvin settlement in Siberia, resettlement stages, population size, mono-ethnic settlements.

Мордва – самый многочисленный финно-угорский этнос в России. Термин «мордва» охватывает два субэтноса – мордву-эрзя и мордву-мокша. На протяжении XIX–XX вв. в специфических природно-ландшафтных и историко-культурных условиях Сибири происходило формирование переселенческого сообщества мордвы, которое, претерпев ряд трансформаций, к началу XXI в. приобрело черты этнотерриториальной группы, обладающей определенной спецификой. В современной этнографической науке изучение малочисленных подразделений этноса, расселившихся вне территорий традиционного проживания, занимает все более заметное место. Актуальным является изучение истории формирования мордовского сообщества юго-восточных районов Сибири в XIX–XX вв., а также выявления ареалов расселения этнотерриториальной группы в обозначенный период. Особую актуальность данная проблематика представляет при изучении сибирского региона, население которого наряду с коренными народами представлено также большим числом переселенческих групп из европейской части страны.

Комплексное изучение истории формирования и расселения этнотерриториальной группы мордвы юго-восточных районов Сибири ранее не проводилось. Это было обусловлено следующими причинами. В XIX – первой половине XX вв. внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей было направлено преимущественно на изучение этнического массива центральных регионов России. В Сибири этнографов и историков в основном интересовало коренное население. Во второй половине XX в. основные интересы ученых в сибирском регионе были связаны с восточнославянскими и тюркоязычными этносами. Направленный интерес к изучению мордовского населения юга Западной Сибири отмечается к концу 1980-х гг. В это время развиваются несколько научных центров, занимающихся изучением разных аспектов мордовского этноса. Долгое время приоритеты в изучении мордвы Сибири принадлежали ученым академического центра г. Саранска. Историко-этнографическое изучение мордовского населения юго-восточной части Сибири нашло отражение в публикациях Л.И. Никоновой, Л.Н. Щанкиной, М.С. Волковой и др. Заметным событием стало издание с 2007 г. ряда коллективных монографий, посвященных мордовским переселенцам разных регионов Сибири и Дальнего Востока [1; 2; 3]. В этих работах наибольшее внимание уделяется выявлению особенностей развития в этих регионах у мордвы сельского хозяйства, здравоохранения, промыслов, поселений, жилища, пищи, семейных традиций. В то же время не нашли должного освещения проблемы, связанные с формированием зон расселения, изменением демографической ситуации среди мордовского населения на протяжении XX – начала XXI вв., а также особенностями современных этнических процессов у данного этноса в юго-восточной части Сибири.

Другой научный центр по историко-этнографическому изучению мордвы складывается в Барнауле, в рамках научно-практической программы: «Народы Алтая: история и культура» (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т.К. Щеглова). Появляется ряд оригинальных работ И.В. Поповой [4], Н.П. Гончарик [5], Л.И. Клоковой [6], М.В. Дубровской [7], посвященных характеристике мордовской одежды и утвари на материалах региональных краеведческих музеев. С 1998 г. М.А. Овчарова начинает изучение истории, материальной и духовной культуры, этнического самосознания, демографического развития и адаптационных процессов мордовского этноса в юго-восточных регионах Сибири [8; 9; 10; 11; 12; 13].

Новизна представленного материала определяется тем, что в научный оборот вводится широкий круг новых архивных, статистических и этнографических источников. На основе комплекса различных источников впервые предпринимается попытка показать процессы формирования и развития мордовского сообщества на территории Верхнего Приобья, Среднего Притомья, Томского Приобья (в границах Алтайского края, Кемеровской и Томской областей) с XIX в. до первой половины XX в. Выделяются этапы переселенческого процесса, проводится анализ этапов демографического развития.

Важным итогом русской колонизации Волго-Уральского региона стала активная миграция мордвы за его пределы. На первом этапе переселения она вместе с русским населением участвовала в «вольной миграции», направляясь из Центральной России на поиски свободных земель в Сибири. Время появления первых мордовских переселенцев на землях Юго-Восточной Сибири определить сложно. Во-первых, заселение происходило, как правило, стихийно; во-вторых, первых переселенцев ассоциировали с русским крестьянством [14, с. 46–49]. В истории заселения мордвой этого региона можно выделить поэтапность как во времени переселения, так и в заселяемости отдельных районов.

К середине XIX в. мордовские переселенцы предпочитали селиться на государственных землях в таежных районах Томской губернии, привлекательных для земледелия, скотоводства и промыслов. По данным на 1859 г., мордва в Томской губернии составляла 957 душ обоего пола и проживала в десяти населенных пунктах. Первое мордовское моноэтническое поселение зафиксировано официальной статистикой в Томском округе Кривошековской волости – это д. Марьина (393 чел.), в которой проживали «пензенские мордовцы, считавшиеся хорошими пахарями, живущими безбедно». В остальных деревнях мордва проживала совместно с русскими: Маринский округ, Почитанская волость, д. Мало-Пичугина – 108 душ обоего пола; Бийский округ, Уксунайская волость, с. Солтонское – 102, Яминская волость с. Нижнее-Ненинское – 38 душ обоего пола¹.

¹ Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Томская губерния. СПб., 1868. Т. 60. С. LXXI–LXXXII.

Массовое движение мордвы на плодородные земли Верхнего Приобья начинается со второй половине XIX в. В своей статье С.Л. Чудновский писал: «Алтайский горный округ есть именно тот излюбленный район, который представляется всем мечтающим о переселении на “вольные места” тем раем, тою обетованною землею, где все привольно, изобильно и сытно-пресытно» [15, с. 27]. В результате масштабных переселений в XIX – начале XX в. в Верхнем Приобье сформировались зоны с компактным расселением мордвы: Причумышье – бассейн р. Чумыш (северные, северо-восточные районы – современные Залесовский, Заринский, Первомайский, Тальменский, Тогульский, Ельцовский районы Алтайского края) и в Бийское Приобье (восточные и юго-восточные районы – современные Солтонский, Целинный районы, предгорная лесная часть Бийского района, Красногорский, Алтайский, Солонешенский, Змеиногорский и Угловский районы Алтайского края). В Причумышье мордва-эрзя численно преобладала над мокшей. Расселение имело кустовой характер с моноэтническими и русско-мордовскими селами. Это сформировало два самостоятельных района проживания мордвы: эрзянский и мокшанский. Эрзянский район разместился вокруг с. Борисово: моноэтнические села – Никольское, Пыхтарь, Покровка, Кочегарка и смешанные – Большой Калтай, Пещерка, Ново-Красилово, Дресвянка, Воскресенская, Еланда, Яминское и др.

По рассказам Г.М. Кичайкина, «село Борисово изначально было образовано кержаками из с. Пещерка, а потом стала сюда приселяться мордва»². Первые мордовские семьи в с. Борисово появились в 1862–1870 гг. Это были в основном переселенцы из д. Тавла Кочкуровской волости Саранского уезда Пензенской губернии и из с. Косогор Печурской волости Ардатского уезда Симбирской губернии³. «Из-за безземелья в Симбирской и Пензенской губернии от общества выбирались, хотя малограмотные, но надежные люди в количестве 3–4-х человек... которым поручали ехать в Сибирь для подыскания вольных свободных земель... Получив разрешение в Барнаульском окр. на заселение этой площади отправлялись большими группами из Симбирской и Пензенской губернии “только мордваки по наречению эрзя”»⁴.

Селения с мордой-мокшей сформировались вокруг д. Малый Калтай: Зудилово, Белоярск, Инюшево, Думчево, Черемушкино, Камышенка, Матюшово. По архивным материалам в д. Малый Калтай основной поток переселенцев пришелся на 1880–1890-е гг., когда сюда вселилось 52 мокшанские семьи, большая часть которых являлись выходцами из с. Рыбкино Рыбкинской волости Краснослободского уезда

Пензенской губернии⁵. Были случаи, когда мордва-мокша, переселяясь в русские старожильческие села, вытесняла русское население, делая поселения моноэтническими.

В Бийском Приобье первые мордовские новоселы появились во второй половине XIX в., но в отличие от Причумышья пик миграций здесь приходится на период столыпинских преобразований. Первые семьи мордвы-эрзи приехали в с. Урунское еще в 1855 г. В основной массе это были выходцы из сел Большое Маресево, Малое Маресево и д. Ахматова Ардатского уезда Симбирской губернии⁶. Рядом у с. Урунское по обе стороны рек Большая и Малая Кена в 1879 г. ходоками из с. Подлесная Тавла Кочкуровской волости Саранского уезда Пензенской губернии Иваном Титойкиным, Абрамом Фадеевым, Василием Кудалейкиным был образован эрзянский зас. Рождественский [16, с. 57]. Массовый приток мордвы-эрзи в с. Сrostки пришелся на 1880–1890-е гг. и был связан с выходцами из с. Толкаевское Бузулулавского уезда Вознесенской волости Самарской губернии [17, с. 46].

В земельных ходатайствах мордовские новоселы выражали желание поселиться «своей народностью». Так, в д. Ирменская (современный Ельцовский район Алтайского края) мордва переселилась из Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний. Ходатайство в Переселенческое управление от крестьян поступило еще в 1907 г. В их прошении отмечалось: «А мы в своем прошении за все 102 души просим поселить нас всех в местность поблизости друг от друга, так как мы одной народности и исстари сроднились и сжились между собой...»⁷. С началом работы переселенческой партии в Бийском Приобье мордовскими новоселами было образовано около 24 моноэтнических поселений [18, с. 125–128].

Время появления первых мордовских переселенцев в зоне Среднего Притомья определить сложно. Во многом это связано с тем, что в документах XVII – XVIII вв. редко фиксировалась этническая принадлежность. По данным на 1859 г. первые пункты с мордовскими переселенцами находились в Маринском округе: с. Алчедатское Усманское (Кертъ) Алчедатской волости; д. Усть-Сертинская Боготольской волости; с. Юра (Константиновка) Зырянской волости. Более всего мордовских переселенцев разместилось в д. Мало-Пичугина Почитанской волости – 108 душ обоого пола⁸. Во второй половине XIX в. в Среднем Притомье численность мордвы была незначительной, преобладали переселенцы из Пензенской губернии, Саранского уезда, Кочкуровской волости с. Подлесной Тавлы и Напольной Тавлы [19, с. 30]. В основном мордовские переселенцы разместились в двух окру-

² Полевые материалы автора 2008 г.: Залесовский р-н АК, с. Борисово. Кичайкин Г.М., 1929 г. р.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 610. Л. 12

⁴ Там же. Д. 651. Л. 21

⁵ Там же. Д. 924. Л. 324.

⁶ Там же. Д. 651. Л. 208–212

⁷ Там же. Д. 592. Л. 567

⁸ Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Томская губерния. СПб., 1868. Т. 60. С. LXXI–LXXXII.

гах: Мариинский округ – 2019 чел. (одна моноэтническая д. Николаевская – 914 чел., а также смешанные: Усманское, Лазарево, д. Островка, д. Симбирская), Кузнецкий округ – 899 чел. (моноэтнические поселения – д. Рямовая – 226 чел., д. Александровская – 192 чел.)⁹.

В 1920-е гг. в Среднем Притомье отмечается демографический рост как численности мордовского населения, так и моноэтнических поселений. Эта тенденция сохранялась до 1960-х гг. и отличала данный регион от пограничных – Алтайского края и Томской области. В основном это было связано с экономическими причинами: последствия гражданской войны, голод начала 1920-х гг., развернувшаяся индустриализация и промышленное освоение сибирского региона. Последний фактор был особенно актуален для Кузнецкого округа как для региона с активным развитием горнорудной промышленности и лесозаготовительных работ. В округе работали отряды Томской колонизационно-переселенческой партии, перед которыми были поставлены задачи проведения изыскательных работ в таежной полосе Кузнецкого округа и подготовки земельных участков к заселению [20, с. 243]. В этот регион хлынул огромный поток мордовских переселенцев. К 1926 г. Среднее Притомье занимало третье место по численности мордовского населения в Сибирском регионе, а Кузнецкий район – первое по численности из моноэтнических поселений (24 поселения). В Кузнецком округе мордва по численности из стояла на втором месте, после русских, – 14 967 чел. Более всего мордвы расселилось в Ленинском районе – 4536 чел., Бачатском – 1892 чел. и Горно-Шорском – 1825 чел.¹⁰ Сформировались моноэтнические поселения: пос. Шартонка, д. Антропов этап, заимка Петровская, улус Усть-Тельбес, улус Черный Калтан, с. Чарышта¹¹.

К середине XX в. в Среднем Притомье имелось несколько зон с мордовским населением: северная таежная (северные районы – Мариинский, Ижморский, Чебулинский); северо-западная степная (северные, северо-западные районы – современные Беловский, Гурьевский, Ленинск-Кузнецкий); южная горно-таежная (юго-западные районы – современные Новокузнецкий и Прокопьевский).

Начало формирования мордовского массива в зоне Томского Приобья относится к концу XIX – началу XX в. Характерной особенностью расселения этого этноса стало образование на необжитых землях

в тайге небольших моноэтнических поселков (10 – 15 дворов), с кустовой поселенческой структурой. К этому времени мордва концентрируется в южной зоне (южные районы – современные Кожевниковский и Шегарский) и юго-восточной зоне (Асиновский район). В южной зоне возникли моноэтнические поселения: пос. Дубровинка, пос. Титла, Орел, д. Верх-Орехова, пос. Блиновский, пос. Марьевка и др. Например, в пос. Ново-Покровский в 1893 – 1894 гг. прибыло 15 семей мордвы-мокша из Пензенской губернии, Гордищенского уезда, Николо-Петровской волости, д. Усовки. Они являлись бывшими помещичьими крестьянами. Основная причина «выселения – что земля худая, – все кругом чужое, скота выпустить некуда; к этому присоединилось разорение от голодных годов» [18, с. 28, 31]. Впоследствии многие моноэтнические поселения мордвы были размыты более поздними чувашскими переселенцами середины 1950-х гг.

В юго-восточной зоне поселенческая структура выстраивалась вокруг д. Больше-Кусково. В 1884 г. в Минусинский округ из Тамбовской губернии, Темниковского уезда, Барашевской волости, деревень Ардашевой, Каляевой и Кочемасовой «по указанию ранее ушедшего ходока» отправилась большая партия переселенцев мордвы-мокша; в 1889 г. отправилась вторая партия. Обе партии «вышли без разрешений, в обеих шли почти исключительно бедняки» [18, с. 75]. Переселенцы разъехались по селам: Ново-Кусково, Казанка, Филимоновка, Митрофановка.

В Томском Приобье, в отличие от других регионов Сибири, 1920-е гг. стали последним активным периодом в переселение мордвы. К 1926 г. ее численность в регионе составляла 7833 чел., в основном переселенцы отмечены в Верхчебулинском районе – 2241 чел., Малопесчанском – 1522, Юргинском – 679, Судженском – 647¹².

В масштабном потоке переселенцев, направлявшихся в Сибирский регион, к началу XX в. мордовские мигранты составляли весьма значительную часть и занимали четвертое место (107 794 чел.) – после русских, украинцев и белорусов. В силу экономических и культурных предпочтений в юго-восточных районах Сибири сложились зоны с локальным расселением мордвы: Верхнее Приобье, Среднее Притомье, Томское Приобье, в которых к началу XX в. мордва уже являлась третьим по численности этносом после русских и украинцев¹³.

Определяя основные тенденции в формировании мордовского населения в юго-восточных районах Сибири, следует сделать несколько выводов. В формировании и расселении мордвы в юго-восточных районах Сибири выделяются несколько этапов: до 1865 г. 1865–1899 гг.; 1906–1916 гг.; 1920–1930 гг.; они раз-

⁹ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. Т. 2. 482 с.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 4: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. (Население по народности, родному языку). Отдел 1. 389 с.

¹¹ Список населенных мест Сибирского края. Округа Юго-Западной Сибири / ЦСУ. Сибирский краевой статистический отдел. Новосибирск: Тип. «Советская Сибирь», 1928. Т. 1. 831 с.

¹² Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 4: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. (Население по народности, родному языку). Отдел 1. 389 с.

¹³ Там же.

личались по количественным и качественным показателям, что было связано с особенностями социально-экономических и политических процессов в России. Основной зоной проживания мордвы на первых двух этапах переселения стали плодородные земли Верхнего Приобья. В это время здесь интенсивно стало происходить формирование ареалов расселения в Причумышье и Бийском Приобье. Мордовские переселенцы образовывали моноэтнические и смешанные поселения с выделением эрзянских и мокшанских районов. Вторая зона компактных расселений сложилась в Среднем Притомье. Специфика расселения здесь мордвы заключалась в том, что основные потоки переселенцев приходятся на период столыпинских преобразований и 1920-е гг. Первоначально это было дисперсное расселение, а к 1920 г. уже сформировались районы с моноэтническими и смешанными поселениями мордвы: северные таежные и северо-западные степные. Третья зона, которая имела наиболее дисперсный характер, образовалась в Томском Приобье. В эту зону основной поток переселенцев начинает двигаться с конца столыпинских реформ, пик его приходится на голодные 1920-е гг. Именно в это время формируются районы с малочисленными мордовскими переселенческими поселками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мордва юга Сибири / Л.И. Никонова и др. / под ред. В.А. Юрченкова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, 2007. 312 с.
2. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Саранск, 2009. Ч. 1: Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / Л.И. Никонова и др. 112 с.
3. Мордва Дальнего Востока / Л.И. Никонова и др. / под ред. В.А. Юрченкова. Саранск, 2010. 312 с.
4. Попова И.В. Народная одежда мордвы (из собраний Алтайского государственного краеведческого музея) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. Вып. 3. С. 206–209.
5. Гончарик Н.П. Народное искусство Залесовского района в Государственном Художественном музее Алтайского края // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 233–272.
6. Клокова Л.И. Особенности реставрации мордовского пуля // Вторые искусствоведческие Снитковские чтения. Барнаул, 2007. С. 144–148 с.
7. Дубровская М.В. Гончары Чичкины в воспоминаниях очевидцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 405–408.
8. Овчарова М.А. Полевые исследования мордовского населения Алтайского края (Залесовский район 2004 г.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 148–152.
9. Овчарова М.А. Мордва Бийского Приобья: этнические процессы // Бийский район: история и современность. Барнаул, 2005. Т. 1, ч. 1. С. 89–97.
10. Овчарова М.А. Мордва Солтонского района по полевым исследованиям 2005 г. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 36–39.
11. Овчарова М.А. Мордва Алтайского края: расселение и этническая идентичность // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 144–151.
12. Овчарова М.А. Ареалы расселения мордвы на юго-востоке Сибири (Томская область): динамика XIX–XX вв. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2014. Ч. II. С. 149–155.
13. Овчарова М.А. Мордва в аграрных переселениях 1930-х – начале 1940-х гг. в Западной Сибирь: причины, условия, расселение // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2015. С. 41–47.
14. Булыгин Ю.С. К вопросу о периодизации заселения Алтая // Алтай в прошлом и настоящем: 50 лет Алтайскому краю: Тез. докл. к науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Архивного отдела Алтайского крайисполкома, 1987. С. 46–49.
15. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк). Иркутск, 1889. 154 с.
16. Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического исследования в 1894 году. Описание переселенческих поселков – 1899 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4, вып. 2. 560 с.
17. Овчарова М.А. Мордва Алтая: История и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во Инт-та археологии и этнографии СОРАН, 2010. 228 с.
18. Переселенческое управление. Томский район. Книга образования переселенческих участков: 1885–1912 гг. / сост. и ред. В.Н. Соболев. Томск: Тип. Детского приюта и дома трудолюбия, 1913. 955 с.
19. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. Т. 1. 525 с.
20. Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Новосибирск, 2007. 358 с.

REFERENCES

1. The Mordva of the Siberian South. L.I. Nikonova et al. ; ed. by V.A. Yurchenkov. Saransk: NII humanitarnukh nauk pri Pravitel'stve RM, 2007. 312 p. (In Russ.)
2. The Mordva of Western Siberia: in 2 parts. Saransk, 2009, part 1: Kalinovka Village: Siberian History And Mordovian Traditions. Ed. L.I. Nikonova et al. 112 p. (In Russ.)
3. The Mordva of the Russian Far East. Ed. L.I. Nikonova et al.; ed. by V.A. Yurchenkov. Saransk, 2010. 312 p.
4. Popova I.V. National Clothes of the Mordvin People (from the collection of the Altai State Museum of Local Lore). *Etnografiya Altaya i Sopredelnykh Territoriy*. Barnaul, 1998, Issue 3, pp. 206–209. (In Russ.)
5. Goncharik N.P. Folk Art of Zalesky District in the Altai State Museum of Fine Arts. *Zalleskoye Prichumyshie: Ocherki Istorii i Kultury*. Barnaul, 2004, pp. 233–272. (In Russ.)
6. Klokova L.I. Special Aspects of Restoring the Mordovian Pulay. *Vtorye Iskusstvovedcheskie Snitkovskie Chteniya*. Barnaul, 2007. P. 144–148. (In Russ.)
7. Dubrovskaya M.V. The Potters Chichkins in the Memoires of Contemporaries. *Etnografiya Altaya i Sopredelnykh Territoriy*. Barnaul, 2008, issue 7, pp. 405–408. (In Russ.)
8. Ovcharova M.A. Field Studies of the Mordovian Population of the Altai Krai (Zalesky District 2004). *Polevye Issledovaniya v Verkhnem Priobie i Na Altae (archeologiya, ethnographiya, ustnaya istoriya)*. Barnaul, 2005, issue 1, pp. 148–152. (In Russ.)
9. Ovcharova M.A. Mordva of the Ob Area Near Biysk: Ethnic Processes // *Biyskiy Raiyon: Istoriya i Sovremennost*. Barnaul, 2005. vol. 1, part 1, pp. 89–97. (In Russ.)
10. Ovcharova M.A. Mordva of Soltonsky District: 2005 Field Studies // *Etnografiya Altaya i Sopredelnykh Territoriy*. Barnaul, 2005, issue 6, pp. 36–39. (In Russ.)
11. Ovcharova M.A. Mordva of the Altai Krai: Settlement And Ethnic Identity // *Vestnik Tomskogo Gosydarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2007, no. 3, pp. 144–151. (In Russ.)
12. Ovcharova M.A. Mordvin Settlements in the Southeastern Part of Siberia (Tomsk Oblast): Dynamics of the XIX – XX Centuries. *Sibirskaya Derevnnya: Istoriya, Sovremennoye Sostoyaniye, Perspektivy Razvitiya*. Omsk, 2014, part 2, pp. 149–155. (In Russ.)

13. *Ovcharova M.A.* Mordvin Population in Agricultural Resettlements of 1930s and Early 1940s to Western Siberia: Causes, Conditions, Settlement. *Etnografya Altaya i Sopredelnykh Territoriy*. Barnaul, 2015, pp. 41–47. (In Russ.)
14. *Bulygin Yu.S.* On the Issue of Periodization of Settlement in the Altai // *Altai in the Past And the Present: 50 years of the Altai Krai. Scientific Conference Abstracts*. Barnaul: Izd-vo Arkhivnogo otdela altayskogo krayispolkoma, 1987, pp. 46–49. (In Russ.)
15. *Chudnovsky S.L.* Resettlement Process in the Altai (Statistical and Economic Essay). Irkutsk, 1889, 154 p. (In Russ.)
16. *Shvetsov S.P.* Materials on the Investigation of Placement of Settlers in the Altai Region: Results of the 1894 Statistical Study. Description of Settlements – 1899. *Altaiskiy Sbornik*. Barnaul, 1899, vol. 4, issue 2, 560 p. (In Russ.)
17. *Ovcharova M.A.* Mordvin Population of the Altai: History And Ethno-Cultural Processes (XIX – early XXI century). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologiyi i etnographiyi SO RAN, 2010, 228 p.
18. Resettlement Department. Tomsk Region. Register of Resettling Stations 1885 – 1912 / comp. and ed. by V.N. Sobolev. Tomsk: Tip. «Detskogo Priyuta i Doma Trudolyubiy», 1913, 55 p. (In Russ.)
19. *Kaufman A.A.* Economic Situation of Resettlers Placed on State-Owned Lands of Tomsk Gubernia. Saint-Petersburg, 1895, vol. 1. 525 p. (In Russ.)
20. Eastern Vector of Resettlement Policy in the USSR. Late 1920s – late 1930s. Novosibirsk, 2007, 358 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 28.04.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160319
УДК 93/352+347

М.А. ГОРДЕЕВА

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ
ТУЛИНСКОГО ВОЛОСТНОГО СУДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX В.**

Мария Александровна Гордеева,
соискатель,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: sharshova@yandex.ru

В статье характеризуется делопроизводственная документация, отложившаяся в результате деятельности Тулинского волостного суда. Дается подробное описание каждой разновидности данного вида источников – по мере их вовлечения в судебный процесс. Очерчивается круг проблем, по которым наиболее часто предъявлялись иски, а также мотивы, по которым крестьяне предпочитали решать вопросы, ранее принадлежавшие юрисдикции сельского схода. Целостность и непрерывность подборки позволяет сделать вывод о том, что делопроизводственные документы являются источником для изучения не только устройства и функционирования волостного суда, но и сознания крестьянства. Отмечается кризис доверительных отношений и распространение денежной оценки в крестьянском менталитете. Показано, что делопроизводственная документация Тулинского волостного суда является одним из важных источников по истории сибирского крестьянства.

Ключевые слова: делопроизводственная документация, волостной суд, крестьянское сознание, правовые воззрения, закон и обычай, Тулинская волость, Западная Сибирь.

M.A. GORDEEVA

**RECORDS OF THE TULINSKOYE VOLOST COURT
AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE PEASANTRY IN WESTERN SIBERIA
IN THE EARLY XX CENTURY**

Mariya A. Gordeeva,
Applicant,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: sharshova@yandex.ru

The article characterizes Tulinskoye volost court's records deposited in the archives. The article provides a detailed description of each variety of this type of sources; outlines the range of causes for legal action as well as the reasons for which the peasants preferred to decide issues that were previously subject to jurisdiction of the village assembly. It is noted that such records do not allow for characterization of all spheres of the peasant community's life. It is virtually impossible to evaluate the degree of the involvement of various categories of the rural population based on the materials of rural courts. Also, it is difficult to trace, whether the proximity to the city affected the legal views of the peasants.

However, the author notes that different aspects of the peasant consciousness were reflected in the materials of Tulinskoye rural court. It is concluded that there was a crisis of confidence among the peasants themselves.

Information about the time for execution of the rural courts' decisions also characterizes the consciousness of the peasants. It varied depending on the time of year. The peasant's life was closely associated with agricultural activities, in the midst of which all the rest was postponed for later. The delay in execution of court decisions was often due to these factors. Based on the inventories of property and further reports on the bid results the author identifies causes of failure to comply with the court decisions. The information derived from various kinds of receipts makes it possible to estimate the literacy rates in different villages. Appeals to higher authorities are an indicative of the rural courts' efficiency and the peasants' satisfaction with verdicts issued by the courts.

It is noted that records of the Tulinskoye rural court are one of the important sources on the history of the Siberian peasantry. It is clear that they provide information not only about the organization and functioning of the rural courts, but also about the peasant consciousness.

Key words: official documentation, volost court, peasant consciousness, legal views, law and custom, Tulinskaya volost, Western Siberia.

Институт волостного суда имеет богатую историю. Круг проблем, освещаемых исследователями, весьма обширен. Создание и становление института волостного суда освещалось во многих работах. Дореволюционные исследователи являлись свидетелями эволюции изучаемого ими предмета. Многие из их работ послужили толчком к преобразованию низшей судебной инстанции. В результате работы комиссии сенатора М.Н. Любошинского, которая изучала волостные суды с целью дальнейшей разработки судебных уставов [1], было опубликовано несколько научных работ. Большинство исследователей того времени сходилось во мнении, что волостной суд, несмотря на все его недостатки, был прост и понятен крестьянам, а потому являлся неотъемлемой частью российской правовой системы.

Не менее обширна историография работ, связанных с изучением ментальных структур, общинных представлений. В XIX в. под историей ментальностей подразумевали «историю нравов», т.е. характерные для того или иного народа или социальной группы обычаи, привычки и т.д. Для русской историографии типичной и наиболее известной работой на эту тему можно назвать объемный очерк Н.И. Костомарова «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа» [2].

Одним из первых, специально изучавших «нравы» сибирских крестьян, можно назвать Н.А. Кострова [3]. В советское время также велось исследование традиций, культурно-бытовых процессов, социально-политических взглядов крестьянства. Задачи по научному изучению мировоззрения сибирского крестьянства были поставлены еще в 1971 г. М.М. Громыко [4]. Большое внимание правовой ментальности крестьян уделяли и другие исследователи [5, 6, 7].

В современной историографии вопросы создания и развития волостного суда нашли отражение в ряде работ [8, 9]. Исследователи отмечают, что многочисленные проекты реформирования отличались низкой степенью реализации.

Основное внимание исследователей концентрировалось на двух аспектах: волостной суд как судебный механизм и ментальность крестьянского общества, напрямую влияющая на характер функционирования органов судопроизводства. Мнения исследователей о роли волостного суда в системе правового регулирования крестьянской общины расходятся. Одни из них считают, что волостные суды являлись учреждениями, находящимися вне правового поля [10, 11]. Другие полагают, что волостные суды представляли собой переходную форму от традиционного народного правосудия к государственному законодательству [12, 13, 14]. Отдельного внимания заслуживает работа Е.В. Почеревина [15]. Им создана база данных по 1398 делам за три года Бащелакского волостного правления Бийского уезда Томской губернии, что позволило провести тщательный анализ механизма функционирования волостной судебной системы.

Вопросы функционирования волостной судебной системы вызывают интерес и у зарубежных исследова-

телей [16, 17]. Отдельного внимания заслуживает работа Джейн Бурбанк [18]. Изучая практику обращения крестьян в волостной суд, она развеяла миф об отсталости русского крестьянства, отметив широкое распространение правовой культуры в деревне.

Таким образом, можно говорить о значительной изученности ряда вопросов, затрагивающих функционирование института волостного суда. Однако большинство исследователей опираются на отдельные дела, используя их лишь в качестве иллюстрации отдельных процессуальных сюжетов. Наиболее представляется сочетание метода отдельных примеров со статистическим методом, что мы наблюдаем у Е.В. Почеревина. Такой подход позволяет провести тщательный анализ источников, выявить основные тенденции, подкрепляемые отдельными сюжетами.

В этой связи огромный интерес представляет делопроизводственная документация, сохранившаяся в результате деятельности волостных судов. Работа опирается на подборку материалов волостного суда, располагавшегося в с. Тулинском Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии. В настоящее время это село входит в состав г. Новосибирска. Указанная документация отложилась в фондах волостных правлений Государственного архива Новосибирской области. Ценность этого комплекса определяется целостностью, непрерывностью ведения делопроизводственной документации. Поскольку такого рода совокупностей документов сохранилось очень мало, она представляет исключительный интерес для исследователей. Здесь имеются книги волостного правления, содержащие записи решений волостного суда за 1914 г. Зафиксированы основные сведения о том или ином деле, поступившем в производство. Здесь же сформулирована суть претензии, изложены показания сторон и свидетелей, а также вынесенное решение. Всего за 1914 г. Тулинским волостным судом было рассмотрено 298 дел. В фондах также отложились сведения об исполнении решений волостного суда, переписка, сведения о содержащихся под арестом за 1913 и 1914 гг. В статье предлагается характеристика каждой разновидности делопроизводственной документации волостного суда.

Началом судебного разбирательства являлась подача заявления от истца, в котором подробно излагалась суть претензии и указывался размер компенсации. Участники разбирательства вызывались в суд повесткой, в получении которой расписывались¹.

Для выяснения обстоятельств совершения проступка в крестьянской среде применялись следственные методы. О некоторых из них можно узнать по сохранившимся архивным документам и вещественным доказательствам. Так, для доказательства нанесения телесных повреждений в драке в одном из документов в качестве вещественного доказательства был упомя-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-78. Оп 1. Д. 205. Л. 86.

нут штык.² В аналогичных случаях судебным приставом составлялось отношение Тулинскому волостному правлению для хранения вещественного доказательства до заседания суда.

Вынесенные судом решения отправлялись сельским старостам для исполнения. Условно рассматриваемые дела можно разделить на гражданские и уголовные. В первую группу входят иски, связанные с сельскохозяйственной деятельностью (потравы, споры о скоте, сенокосах), дела о взыскании денежных исков (долги, неустойки, убытки, неоплаченная или невыполненная работа), споры о постройках. Вторая группа – это дела, касающиеся чести и достоинства крестьян – побои, оскорбления, нецензурная брань. Доля уголовных дел составляла малую часть. При этом мы можем определить, что в основном судились односельчане. За указанный период встретилось лишь несколько дел, где истцами и ответчиками выступали крестьяне из разных селений. Доля женщин как истцов, так и ответчиков была незначительной.

Волостной суд использовался крестьянами в качестве меры скорее устрашающего характера. Сам факт подачи заявления в суд являлся для ответчика стимулом к урегулированию споров «мирным путем», без переноса разбирательства в волостную судебную инстанцию. Около 15 % рассмотренных заявлений завершались мировой сделкой. Таким образом обычно завершались дела, связанные с взысканием небольших сумм, а также дела об испорченном имуществе. Можно предположить, что крестьяне обращались в волостной суд по тем делам, которые они для себя считали если не жизненно важными, то вполне значимыми. Значительное место в такой «публичной» системе ценностей принадлежало прежде всего специфическим крестьянским вопросам, связанным непосредственно с сельскохозяйственной деятельностью. Значительную долю занимали дела, связанные с денежно-финансовой сферой. Показательно, что дел о спорных вещах (имуществе) было гораздо меньше, чем о денежных долгах. Если иск выражался в натуральном виде, все равно, как правило, указывался денежный эквивалент. Крестьяне предпочитали выплачивать деньги, когда взыскивалось большое количество сельскохозяйственной продукции, и ущерб сложно было возместить «натурой». Например, в январе 1914 г. Тулинским волостным судом было вынесено решение «взыскать 80 пудов пшеницы или 40 руб.» Ответчик предпочел выплатить деньги, ссылаясь на то, что так ему «удобнее»³. Среди архивных материалов встречается много таких случаев⁴. Мы видим, что в сознании крестьян денежная оценка того или иного предмета вытесняет более традиционные оценки. Это обстоятельство

свидетельствует о широком распространении денежного обращения в крестьянской среде. Если же ущерб был незначительным, то крестьяне предпочитали рассчитываться продукцией. Так, в сентябре 1913 г. крестьянин с. Атамановского Леонтий Щелганов получил со своего односельчанина Григория Патрушева 5 пудов пшеницы⁵.

Имелись две разновидности стандартных типографских бланков на запись решений волостного суда. В обоих случаях в них указывалась дата судебного заседания и суть вынесенного решения. Далее, в зависимости от того, каким образом было вынесено решение, указывалась последующая процедура исполнения. Если решение суда являлось очным, то оно отправлялось с пометкой «спешно». Однако сельским старостам оно отправлялось не в день вынесения судом решения. Как правило, между заседанием и отправкой решения для исполнения проходило от одного до трех месяцев. Встречается даже случай, когда этот срок достиг семи месяцев⁶. Сложно объяснить, с чем это было связано. Мы можем лишь предположить, что подобные случаи объяснялись волокитой и ненадлежащим исполнением должностными лицами своих обязанностей. Судебное решение предписывалось привести в должное исполнение в недельный срок со дня получения. Исполнительные сведения должны были представляться Тулинскому волостному суду «немедленно, не ожидая повторений». Однако и здесь мы наблюдаем нарушения. При работе с источниками не выявлено ни одного случая исполнения судебного решения в означенный срок, разброс составляет от двух недель до трех месяцев.

Если же решение суда было вынесено заочно, оно отправлялось сельскому старосте с пометкой «срочно». Но и здесь с момента оглашения решения и до его отправления проходило не менее двух месяцев. Заочное решение предполагало объявление его тяжущимся сторонам под расписку, которую нужно было представить волостному правлению.

Если ответчик не мог выплатить взысканную сумму, проводилась опись его имущества. Сельский староста назначал торги на определенный день и рассылал об этом другим старостам объявление. После проведения торгов нужная сумма выплачивалась истцу. Бывали случаи, когда торги отменялись либо проводились повторные описи. Среди архивных материалов встречается акт стольниковского сельского старосты, о продаже имущества, включающий оба случая. Староста пишет Тулинскому волостному суду, что «на торги никто не явился, вследствие чего таковые ... не состоялись, то мною вторично назначены торги ... и разосланы объявления тем же старостам». На торги «явились посторонние лица и вступили на торга, но так как оценщиками оценены высоко те предметы, кои отмечены к продаже, то есть кобыла и корова, явившиеся на торги лица вступать на торги не пожелали.

² ГАНО. Ф. Д-78. Оп 1. Д. 202. Л. 8.

³ Там же. Д. 205. Л. 243.

⁴ Там же. Л. 4, 21, 27, 62–64, 89, 190–191, 196, 211, 224, 233–234, 240–242, 245, 247.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же.

Вследствие чего ... сельский староста Переладов постановил произвести вторичную опись и переоценку имущества и таковую представить в Тулинское волостное правление для вторичной отметки, что можно продать». В составленной вторичной описи была назначена меньшая стоимость имущества, однако «при производстве аукционных торгов» крестьянин рассчитался добровольно⁷.

Сведения об исполнении решений в большинстве случаев записывались на оборотной стороне бланков и отправлялись в Тулинский волостной суд. Истец ставил свою роспись, тем самым заверяя, что его требования выполнены. За неграмотных крестьян расписывались их доверенные лица. Такие ситуации прослеживаются в половине рассмотренных дел.

Взысканная сумма могла быть выдана доверенному лицу истца. Так, нам встретилось заявление колыванского мещанина Николая Емельяновича Губина с просьбой «выслать взысканную сумму на адрес жене» в г. Новониколаевск, «при невозможности взыскать просит выслать исполнительный лист». Ответчик согласился, но за «пересылку этих денег уплатить категорически отказался». Деньги были переведены по почте и выданы жене под расписку⁸. Издержки за пересылку оплатил истец.

Вышестоящей апелляционной инстанцией по отношению к Тулинскому волостному суду выступал Барнаульский уездный съезд крестьянских начальников. Крестьянин имел право подать апелляцию крестьянскому начальнику 4-го участка Барнаульского уезда в тридцатидневный срок со дня объявления решения. Жалоба подавалась в двух экземплярах через суд⁹. Решение съезда отправлялось тулинскому волостному старшине в письменном виде. В случае отмены решения волостного суда постановление крестьянских начальников могло быть обжаловано в Томском губернском управлении в тридцатидневный срок со дня его объявления¹⁰. Однако в случае неудовлетворения прошения решения съезда крестьянских начальников признавались окончательными и обжалованию не подлежали¹¹. Далее старосте направлялось предписание для объявления решения заинтересованным лицам – под расписку с возвращением в Тулинское волостное правление. Всего за 1914 г. отложилось 10 решений съезда крестьянских начальников, из которых 3 отменяли решение суда. Причиной для отмены решения волостного суда могла стать недостаточная обоснованность приговора. Так, съезд крестьянских начальников по делу о поджоге овса отменил решение Тулинского волостного суда об отказе в иске за недоказанностью в связи с тем, что не были учтены свидетельские показания, доказывающие причастность отлетчика к поджогу¹².

⁷ ГАНО. Ф. Д-78. Оп 1. Д. 205. Л. 7–8.

⁸ Там же. Л. 171–172, 175.

⁹ Там же. Л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 206.

¹¹ Там же. Л. 50.

¹² Там же. Л. 205–206.

Между тем не все сферы жизни крестьянского сообщества можно охарактеризовать с помощью указанных документов. Определить активность участия различных категорий сельского населения на материалах волостных судов практически невозможно. Сложно проследить, насколько влияла близость расположения села к городу на правовые воззрения крестьян. Кроме того, даже полный обзор делопроизводственных документов не позволяет получить представление обо всех подробностях судебного разбирательства как в пределах волости, так и на различных уровнях иерархии властей. Следует отметить, что на каждом этапе судопроизводства велось и словесное разбирательство, которое не фиксировалось в официальных документах. Осмотры места происшествия, опросы свидетелей и возможных заинтересованных лиц часто не фиксировались или записывались в весьма краткой форме.

Тем не менее в делопроизводственных материалах Тулинского волостного суда нашли отражение разные стороны крестьянского сознания. Мы видим, с какими вопросами крестьяне наиболее часто обращались в суд. Распространение предъявления денежных исков свидетельствует о закреплении в крестьянском менталитете денежной оценки.

Большое значение придавалось письменным обязательствам и долговым распискам. О напряженности взаимоотношений можно судить по фактам обращений в суд в связи с такими вопросами, которые ранее решались в обществе, – оскорбления, побои, семейные неурядицы. Можно говорить о том, что наблюдался кризис доверительных отношений у крестьян между собой.

Информация о сроках исполнения решений волостного суда также может характеризовать сознание крестьян. Прежде всего эти сроки зависели от времени года: жизнь крестьянина была тесно сопряжена с сельскохозяйственной деятельностью, в разгар которой все остальное откладывалось «на потом». Чаще всего именно с этими обстоятельствами были связаны задержки при исполнении решений суда. Благодаря описям имущества и дальнейшим рапортам о проведении торгов мы можем проследить мотивы, по которым решения суда не исполнялись. Обычно в случаях, когда крестьяне попросту уклонялись от исполнения решений – при объявлении о торгах или их проведении, они предпочитали рассчитываться добровольно.

Различного рода расписки позволяют судить о распространении грамотности среди крестьян разных селений; можно также проследить, зависело ли умение писать от материального положения крестьянина.

Важное место среди всей документации занимают апелляции в вышестоящие инстанции. Они являются основным показателем эффективности работы волостных судов и удовлетворенности крестьян вынесенным решением.

Таким образом, делопроизводственная документация Тулинского волостного суда является одним

из важных источников по истории сибирского крестьянства, позволяющих осветить не только организацию и функционирование волостного суда, но и сознание крестьян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выводы из собранных на местах данных о волостных судах и соответствующие узаконения. СПб., 1874. 117 с.
2. *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. 400 с.
3. *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. 117 с.
4. *Громыко М.М.* Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 121–133.
5. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1991. 261 с.
6. *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000. 223 с.
7. *Тарабанова Т.А.* Правовая культура пореформенного крестьянства (волостное судопроизводство) // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 74–80.
8. *Галкин А.Г.* Волостной суд как отражение социальной, этнической и конфессиональной структуры российского общества // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 193–197.
9. *Суворова Н.Г.* Нормативная база крестьянского суда в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 7. С. 100–104.
10. *Бтикеева М.А.* Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск, 2008. 188 с.
11. *Шатковская Т.В.* Закон и обычай в правовом быту российских крестьян первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 96–106.
12. *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х гг. XIX в. (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. 448 с.
13. *Безгин В.Б.* Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Тамбов, 2012. 124 с.
14. *Якимова И.А.* Судебная функция крестьянской общины в Алтайском горном округе во второй половине XIX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 1998. Ч. 1. С. 225–228.
15. *Почеревин Е.В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.). Бийск, 2013. 285 с.
16. *Frank, Stephen P.* Crime, Cultural conflict, and Justice in Rural Russia, 1856-1914 (Studies on the History of Society & Culture). University of California Press, 1999. 352 pp.
17. *Gaudine, Corinne.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. Northern Illinois University Press, 2007. 271 pp.
18. *Burbank, Jane.* Russian Peasants Go To Court: Legal Culture in the Countryside, 1905-1917. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 374 p.

REFERENCES

1. Conclusions Drawn from the Collected Field Data On the Rural Courts and the Corresponding Legislation. Saint-Petersburg, 1874, 117 p. (In Russ.)
2. *Kostomarov N.I.* Domestic Life and Morals of the Great Russians. Moscow, 1993, 400 p. (In Russ.)
3. *Kostrov N.A.* Legal Customs of the Peasants-Old Residents of the Tomsk Province. Tomsk, 1876, 117 p. (In Russ.)
4. *Gromyko M.M.* Some Issues of Social Consciousness in the Study of Pre-Soviet Siberia. *Itogi i zadachi izucheniya Sibiri dosovetskogo perioda*. Novosibirsk, 1971, pp. 121–133. (In Russ.)
5. *Minenko N.A.* The Russian Peasant Community in Western Siberia of the XVIII — First Half of the XIX Centuries. Novosibirsk, 1991, 261 p. (In Russ.)
6. *Shatkovskaya T.V.* Legal Mentality of the Russian Peasants of the Second Half of the XIX Century: Experience of Legal Anthropometry. Rostov-on-Don, 2000, 223 p. (In Russ.)
7. *Tarabanova T.A.* Post-Reform Legal Culture of the Peasantry (The Rural Court Proceedings). *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 1995, no. 2, pp. 74–80. (In Russ.)
8. *Galkin A. G.* Rural Court as a Reflection of Social, Ethnic and Confessional Structure of the Russian Society. *Gumanitarnyye i sotsialnyie nauki*. 2012, no. 6, pp. 193–197. (In Russ.)
9. *Suvorova N.G.* The Regulatory Framework of the Peasant Court in Siberia in the Late XVIII – First Half XIX Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, no. 7, pp. 100– 104. (In Russ.)
10. *Btikeyeva M.A.* The Judicial Institutions of Western Siberia in the Late XIX – Early XX centuries. Omsk, 2008, 188 p. (In Russ.)
11. *Shatkovskaya T. V.* Law and Custom in the Legal Life of the Russian Peasants of the Late XIX Century. *Voprosy istorii*. 2000, no. 11–12, pp. 96– 106. (In Russ.)
12. *Zemtsov L. I.* Rural Court in Russia the 1860s – First Half of the 1870s (On Materials of the Central Chernozem Region). Voronezh, 2002, 448 p. (In Russ.)
13. *Bezgin V. B.* Legal Customs and Justice of the Russian Peasants in the Second Half of XIX – Early XX Century. Tambov, 2012, 124 p. (In Russ.)
14. *Yakimova I. A.* Judicial Function of the Peasant Community in the Altai Mountain District in the Second Half of the XIX Century. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*. Omsk, 1998, vol. 1, pp. 225–228. (In Russ.)
15. *Pocherevin E. V.* Lower Administrative Judicial System in the Altai District (The End of XIX – 1917). Biysk, 2013, 285 p. (In Russ.)
16. *Frank, St.P.* Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914 (Studies on the History of Society & Culture). University of California Press, 1999, 352 p.
17. *Gaudine, Corinne.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. Northern Illinois University Press, 2007, 271 pp.
18. *Burbank, Jane.* Russian Peasants Go To Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2004, 374 p.

Статья принята
редакцией 06.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160320
УДК 930-314

В.В. ЛЫГДЕНОВА, О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1959–1989 ГГ.*

Виктория Васильевна Лыгденова,
канд. филос. наук, научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева 17,
e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com
Одон Борисович Дашинамжилов,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева 8,
e-mail: odon@bk.ru

В статье представлены итоги исследования национального состава населения Западной Сибири. Цель авторов – показать особенности его трансформации в условиях, когда на изменение количественных и качественных демографических характеристик населения уже не оказывали влияния экстремальные факторы (депортации, голод, войны и т.д.). Изучение этнических характеристик населения, в том числе на макрорегиональном уровне, является важной задачей исторической и этнической демографии, от решения которой в определенной мере зависит оценка воспроизводственного и миграционного потенциала страны, процессов народонаселения в ближайшей и отдаленной перспективе. Методологической основой исследования стала теория демографической модернизации А.Г. Вишневого.

Ключевые слова: Западная Сибирь, урбанизация, регион, городское население, рождаемость, смертность, миграции, этнография, историческая демография, этническая демография.

V. V. LYGDENOVA, O. B. DASHINAMZHILOV

THE ETHNIC COMPOSITION OF POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN 1959-1989

Victoria V. Lygdenova,
Candidate of Philosophical Sciences, Research fellow,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Akad. Lavrentyeva Str., 630090, Novosibirsk, Russia,
e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com
Odon B. Dashinamzhilov,
Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolayeva Str., 630090, Novosibirsk, Russia,
e-mail: odon@bk.ru

The article presents the results of research on the ethnic composition of population of Western Siberia. The article aims at showing peculiarities of its transformation under conditions when qualitative and quantitative characteristics of the population of ethnoses had not been influenced by the extreme factors (deportations, starvation, wars, etc.). An important task of historical demography is to study ethnic characteristics of population, including at the macro regional level. The successful handling of this task will greatly determine the assessment of the country's reproductive and migration potential as well as demographic processes in the near and distant future. Methodology of the work is based on the theory of demographic modernization by A.G. Vishnevsky.

The author used a set of statistical mathematical methods along with specific methods of historical research, such as historical genetic and historical comparative. It is revealed that in 1959-1989 ethnoses living primarily in the European Russia were not the only ones affected by demographic modernization. Transformation of traditional life style, industrialization, and urbanization stimulated similar developments among ethnic groups in the Asian part of the RSFSR, Caucasus, and Central Asia. These and other ethnic groups started to play a more significant role in the development

*Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, № 14-50-00036.

of economic potential of Western Siberia due to the increase in migration mobility. At the same time the contribution of other ethnoses, e.g. Baltic peoples, to the demographic development of the economic area under study had been gradually decreasing.

The author points to the intensification of assimilative processes that became increasingly visible not only among the Ukrainians and Byelorussians but also among other nationalities. Thus, while the early stage of transition from agrarian to industrial society is marked by a high share of ethnic groups who entered the early phases of demographic transition, the share of other ethnical groups also increases with the modernization of demographic subsystem.

Key words: Western Siberia, urbanization, region, urban population, birth rate, mortality rate, migrations, ethnography, historical demography, ethnic demography.

Исследование этнических характеристик населения является важной задачей исторической демографии.

Изучению национального состава населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг. историками и демографами уделено существенное внимание, однако в опубликованных работах проблемы воспроизводства и ассимиляции, как правило, не затрагивались [1]. В свою очередь, демографический анализ, выполненный этнографами, обычно ограничивался одной или несколькими лингвистически и исторически близкими друг другу народами [2; 3; 4]. В настоящей статье основное внимание уделяется крупным в численном отношении национальностям (свыше 10 тыс. чел.), за рамки исследования выведены и многие народы Севера. Источниковую базу работы составили материалы Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., а также текущего учета населения.

Национальный состав населения Западной Сибири в XX в. формировался под воздействием, прежде всего, экономического фактора. Немалую роль сыграли и другие причины. Предшествующие этапы исторического развития, в частности, опыт взаимодействия автохтонного и пришлого населения, степень родства последних в культурно-цивилизационном, религиозном и языковом отношении не могли не повлиять на сдвиги в этнической структуре общества [5, с. 53]. На этнодемографическое развитие непосредственное воздействие оказали процессы воспроизводства и миграционная мобильность этнических групп, в том числе географический фактор. Процессы народонаселения также деформировались в период обострения внутри- или внешнеполитической ситуации.

Первая послевоенная перепись (1959 г.) зафиксировала национальную структуру населения, в которой отчетливо прослеживались демографические последствия аграрных переселений, людских потерь военного времени и депортаций. Этнический облик Западной Сибири оставался сравнительно однородным, русские продолжали играть ведущую роль в формировании местного населения. Среди других национальностей большую численность имели украинцы и белорусы, татары, мордва и чуваша, прибалтийские народы (литовцы, латыши и эстонцы), евреи, немцы, поляки, казахи, алтайцы и шорцы (табл. 1).

В 1959–1989 гг. на изменение количественных и качественных характеристик народов экстремальные факторы (депортации, голод, войны и т.д.) уже не оказывали существенного влияния. Одновременно с этим становление и развитие нефтегазового комплек-

Т а б л и ц а 1

Национальный состав населения Западной Сибири согласно Всесоюзной переписи 1959 г.*

Национальность	Численность, тыс. чел.	Доля в населении, %	Доля среди нерусских народов, %
Русские	9556,9	84,9	-
Украинцы	449,6	4,0	26,5
Белорусы	75,0	0,7	4,4
Татары	223,6	2,0	13,2
Чуваши	66,2	0,6	3,9
Мордва	58,7	0,5	3,5
Немцы	437,9	3,9	25,8
Поляки	16,1	0,1	1,0
Латыши	16,9	0,15	1,0
Литовцы	9,2	0,08	0,5
Эстонцы	16,6	0,15	1,0
Казахи	88,0	0,8	5,2
Алтайцы	43,7	0,4	2,6
Шорцы	13,9	0,1	0,8
Евреи	38,4	0,3	2,3

*Подсчитано по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1961. С. 399, 402–406.

**Численность алтайцев учтена только в Алтайском крае и Кемеровской области, шорцев – только в Кемеровской области и Алтайском крае.

са заметно повлияло на динамику численности жителей Западной Сибири, которая за этот период выросла с 11 251,6 тыс. чел. до 15 013,2 тыс. чел., или на 33,4 %, т.е. больше, чем по РСФСР в целом (+25,1 %).

За межпереписной период численность **русских** в РСФСР увеличилась на 22,5 %, тогда как в Западной Сибири – на 33,4 %. За ними сохранилось положение главной движущей силы процесса индустриализации, урбанизации и хозяйственного освоения малозаселенных районов страны. Удельный вес русского народа в населении макрорегиона за 30 лет остался на прежнем уровне (84,9 %), при некотором снижении этого показателя в РСФСР (с 83,3 % до 81,5 %).

К концу 1980-х гг. численность **украинского** этнического массива в Западной Сибири увеличилась на 29,9 %. Такой же количественный рост был зафиксирован в целом в РСФСР (+29,9 %), тогда как по СССР – только 18,6 %. Это объясняется тем,

что миграция продолжала играть важную роль в демографическом развитии народа [6, с. 332]. Его представительство уменьшилось в четырех из шести регионов Западной Сибири (кроме Тюменской и Томской областей).

Стабилизацию и даже некоторое снижение численности украинцев в большинстве регионов трудно объяснить процессами воспроизводства, ведь показа-

Т а б л и ц а 2
Показатели воспроизводства отдельных народностей в некоторых регионах Западной Сибири *

Регион	Суммарный коэф. рожд.		Средняя продолж. жизни, лет
	1969/1970	1978/1979	1978/1979
РСФСР	1,97	1,90	67,72
Омская область	2,15	2,14	67,64
Русские	1,92	1,98	67,82
Украинцы	2,50	2,62	66,34
Татары	-	2,37	67,27
Казахи	-	3,77	65,43
Немцы	-	2,87***	70,34
Тюменская область	2,35	2,02	65,37
Русские	2,15	1,92	66,17
Украинцы	2,15	1,85	67,60
Белорусы	2,52	2,03	65,78
Татары	3,47**	2,43	65,89
Томская область	1,92	1,90	66,99
Русские	-	1,85	-
Украинцы	-	1,80	-
Белорусы	-	2,14	-
Татары	-	1,93	-
Алтайский край	2,11	2,04	66,73
Алтайцы	3,76**	-	-

* Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 2-4; Д. 1355. Л. 2-4; Д. 1357. Л. 2-4; Д. 1356. Л. 2-4; Д. 6012. Л. 2-4; Д. 6018. Л. 140-142; Д. 6019. Л. 76-78; Д. 6017. Л. 2-4; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 90, 101; ИААО. Ф. 2122. Оп. 7. Д. 178. Л. 1-4; Оп. 1. Д. 5670. Л. 14-16; Д. 5917. Л. 13-15; Д. 8257. Л. 13-19об., 21-21об., 69-75об.; Д. 8543. Л. 13-17, 21-21об.; 58-65об.; ГАТюм.О. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 117. Л. 17-20, 25-25об.; Д. 143. Л. 13-15, 20-20об., Оп. 1. Д. 8468. Л. 15-18об., 25-25об., 47-47об., 59-62об., 65-65об.; Д. 8944. Л. 13-15об., 17-18об., 26-27об., 58-58об., 76-78об., 80-80об.; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 79. Л. 147-147об., 289-289об.; Д. 418. Л. 39-42об., 47-47об., 72-72об.; Д. 576. Л. 32-34об., 37-37об., 87-87об.; Демографическая характеристика населения отдельных национальностей в Томской области. По данным Всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг.: стат. сб. № 7. Ч. 1. Томск, 1991. С. 66-73; ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 97. Л. 20, 110-110об.; Д. 102. Л. 21; Д. 147. Л. 19-19об., 59-59об.; Д. 153. Л. 21-21об., 33-33об.

** Расчеты произведены на основе данных только 1969 г.

*** Расчеты произведены на основе данных только 1978 г.

тели рождаемости и продолжительности жизни были у них по меньшей мере не хуже, чем у русского населения (табл. 2). Такая динамика, скорее всего, обусловлена действием ассимиляционных процессов. Согласно переписи 1989 г., в Алтайском крае русский язык в качестве родного признали 71,9 % украинцев, в Кемеровской области – 60,1, Омской – 72,7 % [7]. Меньшие значения были только в Томской (57,3 %) и особенно в Тюменской (35,5 %) областях, куда они в основной своей массе прибыли недавно. Активными участниками миграций продолжали оставаться **белорусы**. Если за 1959–1989 гг. их численность в целом в СССР увеличилась на 26,8 %, то в Западной Сибири – в 1,5 раза – с 75,0 тыс. чел. до 113,2 тыс. чел. (главным образом, благодаря Тюменской области), при том что процесс смены этнического самоопределения у них, судя по данным переписей, протекал не менее интенсивно, чем у украинцев.

Значительный рост демографического представительства **татарского** населения (на 78,3 %) был обусловлен как процессами воспроизводства (табл. 2), так и миграцией – в основном в районы нового промышленного освоения. При анализе территориального размещения этого народа хорошо заметно влияние предшествующих исторических этапов в его развитии. Татары проживали преимущественно на территории бывшего Сибирского ханства – Тюменской и Омской областей.

Несмотря на уменьшение количества **чувашей** в трех из шести регионов, общая их численность в Западной Сибири возросла на 20,8 % (в РСФСР – на 23,5 %. Процесс ассимиляции протекал у них интенсивнее, чем у татар. Например, в Алтайском крае доля чувашей, признавших в качестве родного русский язык, составила в 1989 г. – 56,5 % (татар – 48,5 %), в Кемеровской области – 52,8 % (37,1 %, Новосибирской – 54,3 % (30,9 %), Омской и Томской – 50,8 % (18,9 и 31,3%). Кроме того, ассимиляцию форсировало укрупнение деревень и сокращение количества этнически однородных поселений, что привело к еще большей дисперсности в расселении.

Мордва оказалась среди немногих крупных народов страны (наряду с карелами и евреями), численное представительство которых в 1959–1989 гг. в основном из-за ассимиляционных процессов снизилось. Так, в 1989 г. в Алтайском крае русский язык признали родным 50,0 % мордвы, в Кемеровской области – 57,6 в Тюменской области этот показатель составил 53,6 %. Если за 30 лет в целом по СССР численное представительство мордовского населения уменьшилось на 10,2 %, то в Западной Сибири – на 27,9 %.

К вышесказанному следует добавить, что интенсивное хозяйственное развитие северных районов Западной Сибири способствовало миграции и росту численности других народов, проживающих большей частью в приволжских республиках. Так, численное представительство **башкир** повысилось с 6,4 тыс. чел. до 52,1 тыс. чел. (+709,6 %), **марийцев** – с 3,9 тыс. чел. до 16,1 тыс. чел. (+314,0 %), **удмуртов** – с 8,6 тыс. чел. до 17,1 тыс. чел. (+98,4 %).

За 1959–1989 гг. численность **немцев** в Советском Союзе увеличилась на 25,9 %, тогда как в Российской Федерации – только на 2,7 %. При этом по уровню рождаемости и средней продолжительности жизни немецкое население по меньшей мере не уступало средне-региональным показателям (табл. 2). Таким образом, необычные на первый взгляд и несколько не соответствующие экономическим реалиям тенденции можно объяснить особыми изменениями в территориальном размещении этноса. Действительно, в послевоенные десятилетия немцы стремились воссоединить свои семьи, и многие из них из Западной Сибири выехали в Казахстан и Среднюю Азию, преимущественно во время поздней хрущевской оттепели [8, с. 811]. В результате численность немцев в Казахской ССР за 30 лет выросла на 45,1 %, тогда как в западносибирских регионах снизилась на 4,9 %.

В целом следует отметить, что направления и динамика пространственных перемещений у народов, некогда подвергшихся воздействию государственного репрессивного аппарата, в определенной степени отличались от миграций других этнических групп. Экономические мероприятия центральных органов власти оказывали на них меньшее стимулирующее воздействие; кроме того, снижалась и интенсивность сельско-городских перемещений бывших депортантов.

Количественное представительство **прибалтийских** народов в Западной Сибири к 1989 г. существенно уменьшилось, хотя в целом по СССР оно несколько увеличилось. Убыль населения, вероятно, была вызвана миграцией 1960-х гг., ассимиляцией, а также активными процессами демографической модернизации. Уровень рождаемости у них был одним из самых низких в Советском Союзе. А.Ю. Майничева отмечает, что в 1926 г. в Сибири проживало 31 тыс эстонцев [9, с. 81]. В исследуемый исторический период в Западной Сибири эстонцев стало меньше на 40,8 %, латышей – на 50,6 %, литовцев – на 34,6 %.

Менее стремительно, чем у народов Прибалтики, уменьшался численный состав **польского** населения. Так, если в 1959 г. на территории РСФСР было зафиксировано 118,4 тыс. поляков, то в 1989 г. – 94,6 тыс. чел. (-20,1 %), в Западной Сибири количественное представительство народа снизилось соответственно с 16,1 тыс. чел. до 12,5 тыс. чел. (-22,2 %).

Последовательное улучшение качества жизни благоприятно отразилось на демографическом развитии **казахского** населения (табл. 2). Его численный состав в Советском Союзе увеличился на 124,6 %, в РСФСР – на 66,3 %. Однако в Западной Сибири количественное представительство казахского населения возросло только на 47,9 % (табл. 3). Дело в том, что во время коллективизации и голода начала 1930-х гг. откочевки из Казахстана приняли огромный размах, затронув в том числе приграничные регионы РСФСР. После завершения этого непростого этапа в истории народа часть казахов стала перемещаться обратно в родные места, за счет чего, вероятно, и произошло

Т а б л и ц а 3

Национальный состав населения Западной Сибири, согласно Всесоюзной переписи 1989 г. (тыс. чел.)*

Национальность	Численность, тыс. чел.	Доля в населении, %	Доля среди нерусских народов, %
Русские	12 749,1	84,9	-
Украинцы	583,8	3,9	25,8
Белорусы	113,2	0,8	5,0
Татары	398,6	2,7	17,6
Чуваши	79,9	0,5	3,5
Мордва	42,3	0,3	1,9
Башкиры	52,1	0,3	2,3
Марийцы	16,1	0,1	0,7
Удмурты	17,1	0,1	0,8
Немцы	416,5	2,8	18,4
Поляки	12,5	0,08	0,6
Латыши	8,4	0,06	0,4
Литовцы	6,0	0,04	0,3
Эстонцы	9,8	0,07	0,4
Казахи	130,2	0,9	5,8
Алтайцы	67,1	0,4	3,0
Шорцы	13,2	0,09	0,6
Армяне	16,1	0,1	0,7
Азербайджанцы	35,8	0,2	1,6
Узбеки	15,2	0,1	0,7
Таджики	4,4	0,03	0,2
Киргизы	5,9	0,04	0,3
Народы Дагестана	14,1	0,09	0,6
Чеченцы	8,6	0,06	0,4
Евреи	23,3	0,16	1,0
Цыгане	10,8	0,07	0,5
Молдаване	27,0	0,18	1,2

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204. Л. 1–6; Д. 215. Л. 1–6; Д. 219. Л. 129–134; Д. 220. Л. 88–93; Д. 224. Л. 71–76; Д. 225. Л. 1–6.

небольшое снижение темпов роста их численного представительства.

В 1959 г. в Западной Сибири насчитывалось около 43,7 тыс. **алтайцев**, компактно проживавших на территории Алтайского края и, частично, Кемеровской области. К 1989 г. их количество в районах преимущественного расселения благодаря высокой рождаемости и повышению средней продолжительности жизни увеличилось более, чем в 1,5 раза. В 1959–1989 г. в экономическом районе во многом благодаря ассимиляции несколько снизилась численность **шорцев** (-5,0 %).

Количество **евреев** за 30 лет в СССР сократилось почти на 40,0 %. Данные текущего учета населения показывают либо очень низкие, либо отрицательные показатели естественного прироста. Низкая рождаемость и ассимиляционные процессы являлись главными причинами, которые обусловили значительную убыль еврейского населения. Вместе с тем, определенное значе-

ние имело и упрощение процедуры выезда за границу, вследствие этого в 1970–1988 гг. около 291 тыс. евреев и членов их семей покинули территорию Советского Союза. Сокращение количественного представительства этого народа в Западной Сибири достигло практически тех же величин, что и в СССР в целом (-39,3 %).

Что касается динамики численности народов Средней Азии и Кавказа, то в первой половине XX в. участие последних в подъеме экономического потенциала Западной Сибири было минимальным. Высокая устойчивость традиционных социальных институтов и видов хозяйственной деятельности затрудняли рост миграционной мобильности. Этому не способствовали также языковые, культурно-религиозные отличия и сравнительно недолгий опыт взаимодействия с другими народами РСФСР. В послевоенный период произошел рост переселенческой активности, а, следовательно, и количественного представительства национальностей Кавказа и Средней Азии за пределами традиционных районов проживания. Например, **армян** в Западной Сибири за 1959–1989 гг. стало больше на 224,5 %, **азербайджанцев** – в 16,0 раз, узбеков в 7,6 раза (табл. 3).

Таким образом, ускоренное социально-экономическое развитие Западной Сибири с 1959 по 1989 г. обеспечило прибытие на ее территорию (при абсолютном преобладании русских) крупных групп некоренного населения из европейской части СССР, а также, в отличие от предшествующих периодов, из Кавказа и Средней Азии. Вклад в демографическое развитие поляков, немцев, прибалтийских народов, евреев последовательно снижался или вовсе становился минимальным. Интенсифицировались ассимиляционные процессы, заметные не только у славян, но и у шорцев, мордвы и евреев. Если на ранних этапах индустриального освоения в населении Западной Сибири высока была доля национальностей, находящихся уже на начальных стадиях демографического перехода, то по мере модернизации демографической подсистемы и усиления миграционного потенциала начинает расти представительство других народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.
2. *Коровушкин Д.Г.* Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 248 с.
3. *Лоткин И.В.* Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 164 с.

4. *Томилев Н.А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 208 с.

5. *Рыбаковский Л.Л.* Межрайонные миграционные связи и их моделирование // Миграция населения РСФСР. М.: Статистика, 1973. С. 43–61.

6. *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. 657 с.

7. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М: Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.

8. *Конева Е.В.* Влияние советской идеологии на бывших депортированных немцев в местах некомпактного проживания в Западной Сибири в 60–80-е гг. XX в. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 26–28 августа 2011. М.: МНСК-Пресс, 2011. С. 810–822.

9. *Майничева А.Ю.* Эстонцы в Верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселения и домостроения // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т. С. 80–83.

REFERENCES

1. Population of Western Siberia in the XX century. Novosibirsk: Siberian Branch of Russian Academy of Science Publishing House, 1997, 170 p. (In Russ.)

2. *Korovushkin D.G.* The Ukrainians of Western Siberia: settlement and number in the end of the XIX-beginning of the XX centuries. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2007, 248 p. (In Russ.)

3. *Lotkin I.V.* Baltic Diaspora of Siberia: history and modernity. Omsk: Izd-vo OmGU, 2003, 164 p. (In Russ.)

4. *Tomilov N.A.* Modern ethnic processes among the Siberian Tatars. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1978, 208 p. (In Russ.)

5. *Rybakovsky L.L.* Inter-regional migratory connections and their modeling // Migratsiya naseleniya RSFSR. Moscow: Statistika, 1973, pp. 43–61. (In Russ.)

6. *Kabuzan V.M.* The Ukrainians in the world: dynamics of number and settlement. 1720s – 1989: formation of ethnic and political borders of the Ukrainian ethnos. Moscow: Nauka, 2006, 657 p. (In Russ.)

7. National Composition of the Population of the RSFSR According to the Data of All-Union Census of Population in 1989. Moscow: Giskomstat RSFRS, 1990, 747 p. (In Russ.)

8. *Koneva Ye.V.* The Influence of the Soviet Ideology on the Former Deported Germans in the Areas of Non-Compact Settlements in Western Siberia in the 1960s-1980s. Nachal'nyy Period Velikoy Otechestvennoy Voiny i Deportatsiya Rossiyskikh Nemtsev: Vzglyady i Otsenki Cherez 70 let: Mat-ly 3 mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Saratov, 26–28 avgusta 2011. Moscow: MNSK-Press, 2011, pp. 810–822. (In Russ.)

9. *Maunychева A.Yu.* The Estonians in the Upper Ob Area in the End of the XIX-th Beginning of the XX Centuries: Peculiarities of Settlement and Housebuilding. Ethnografiya Altaya i sopredel'nyh territorij. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 80–83. (In Russ.)

Статья принята редакцией 28.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160321
УДК 061.12 (571.14)

О.Н. ШЕЛЕГИНА, Н.А. КУПЕРШТОХ, Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

**ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛОКАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ:
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН)***

Ольга Николаевна Шелегина,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
e-mail: oshelegina@yandex.ru
Наталья Александровна Куперштох,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
e-mail: nataly.kuper@gmail.com
Галина Михайловна Запорожченко,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
e-mail: galinakoop@yandex.ru
Николай Николаевич Покровский,
канд. ист. наук, заведующий сектором,
e-mail: pokrov@i.nsc.ru
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье определяются цели и задачи проекта «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе». Представлен процесс научно-организационного и социокультурного развития Новосибирского научного центра (ННЦ) СО РАН. Отражена деятельность Музея СО РАН и Музея науки и техники СО РАН по освоению научного наследия. Анализ опыта формирования и трансляции идентичности в научном центре позволяет охарактеризовать ННЦ как регионально-локальный феномен. Ему присущи интегрированность в региональное социально-экономическое пространство и мировое научное сообщество, высокий уровень культуры жизнедеятельности, интеллигентность, толерантность ученых Новосибирского академгородка. Важными компонентами этой идентичности являлись свобода дискуссий, демократизм в общении, гордость интеллигенции за уникальность сибирского научного городка.

Ключевые слова: формирование идентичностей, локальные научные сообщества, Сибирский регион, Новосибирский научный центр, регионально-локальная идентичность.

O.N. SHELEGINA, N.A. KUPERSHTOKH, G.M. ZAPOROZHCHENKO, N.N. POKROVSKY

**THE IDENTITY OF THE LOCAL SCIENTIFIC COMMUNITIES:
THE EXPERIENCE OF FORMATION AND TRANSMISSION
(ON THE MATERIALS OF THE NOVOSIBIRSK SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS)**

Olga N. Shelegina,
Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher,
e-mail: oshelegina@yandex.ru
Natalia A. Kupershtokh,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
e-mail: nataly.kuper@gmail.com
Galina M. Zaporozhchenko,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
e-mail: galinakoop@yandex.ru

* Опубликовано по: Комплексная программа СО РАН II.2. Проект «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе».

Nikolai N. Pokrovsky,
e-mail: pokrov@i.nsc.ru
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The project «Modern tendencies in actualization of the historical experience of identity formation in the Siberian region» is an innovative trend of social and humanitarian studies. One of the important directions in the study of identity issues is the formation of identities of local scientific communities. Analysis of the formation and transmission of identity as exemplified by the Novosibirsk scientific center contributes to the solution of this problem. The Novosibirsk scientific center is viewed in the context of activities of SB RAS as a phenomenon of the XX century. This is due to the innovative principles of its organization which include the priority development of fundamental research, introduction of research results into practice, the integrated training of scientific personnel, a network of scientific institutions in the Urals. The formation of regional-local identity in Novosibirsk Akademgorodok was a result of creation of the appropriate socio-cultural infrastructure. Important components of academic identity was the freedom of debate, democracy in communication, the pride of the intelligentsia at the uniqueness of the Siberian scientific town. This is reflected in the series «Science in Siberia in faces». It includes dozens of books about famous scientists that determined the scientific image of Siberia. The Museum of SB RAS exhibited such projects as «The History of the Siberian Science in Persons»; «Five decades in the history of SB RAS», «Novosibirsk scientific center: live, work, rest». Approbation of new ways of museum communication in the «Museum of science and technology» has shown their effectiveness in the development of scientific heritage. Collecting and museum activities of the Akademgorodok residents have become one of the forms of manifestation of the regional-local identity. Digital photo archives and personal archives of the scientists provide a promising area of identity research. The analysis of experience of formation and transmission of identity in NSC allows to interpret it as a regional-local phenomenon. It is characterized by the integration into the regional socio-economic space and the global scientific community, a high level of culture of life, intelligence and tolerance of scientists of Akademgorodok.

Key words: formation of identities, the local scientific community, Siberian region, Novosibirsk scientific center, the regional-local identity.

В современном обществе феномен идентичности является объектом активной научной рефлексии [1]. Актуальность обращения к проблеме идентичности обусловлена рядом причин. На изучение процессов формирования и трансляции идентичности оказывают влияние такие факторы, как смена методологических парадигм в зарубежной и отечественной науке со второй половины XX в.; переход от формационных конструкций к социокультурному подходу; переход от нарративной логики к феноменологической перспективе научного изучения человека в истории [2]. В парадигмах идентичности выстраивается современная антропологическая теория и создается новая философия человека [3]. Для осмысления реалий современного мира важное научно-практическое значение имеет разработка подходов к междисциплинарному изучению идентичности как ресурса общественного развития, а также формирование позитивной идентичности, воспитание гражданской ответственности в российском обществе [4].

В связи с этим эффективными направлениями научно-организационной деятельности могут стать разработка и реализация проектов, сочетающих научные и научно-практические подходы к проблеме идентичности и включающие в сферу своего действия и такой базовый социокультурный институт, как музеи. Именно музеи отражают формирование региональной идентичности и активно ее транслируют музейной аудитории, ведя с посетителями социально-ориентированный диалог [5].

Проект «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе», реализуемый в Институте истории СО РАН, находится в новационном тренде социогуманитарных исследований. Цель проекта – выявление и анализ современных тенденций в акту-

ализации исторического опыта формирования идентичностей в регионе на основе междисциплинарного исследования научного и историко-культурного наследия, а также разработка эффективной системы внедрения результатов в социокультурную практику. Важное значение для реализации проекта имеет наличие экспериментальной базы – Музея науки и техники СО РАН и музейного комплекса в Институте истории СО РАН. Одной из приоритетных задач, решаемых в рамках данного проекта, является изучение Новосибирского академгородка как феномена регионально-локальной идентичности в контексте функционирования Сибирского отделения РАН, российской и мировой науки, разработка и апробация адекватных современному обществу методик презентации и интерпретации объектов научного наследия.

В таком макрорегионе России, как Сибирь, изучение исторического опыта формирования идентичностей (государственной, гражданской, региональной, этнокультурной, профессиональной и др.) в значительной степени связано с определением образа региона как смыслового конструкта, а также с проявлениями регионально-локальной идентичности населения. Формирование и развитие современного имиджа Сибирского региона соответствуют модернистскому ассоциативному ряду: «регион с развитой наукой и высокими технологиями, качественными университетами и уровневой культурой, связанными преимущественно с Новосибирском, Томском» [6, с. 32]. Создание Сибирского отделения РАН способствовало формированию имиджа Сибири и ее интеллектуальной столицы – Новосибирска как средоточия новаторской деятельности мирового уровня [7].

Одним из актуальных и перспективных направлений в изучении проблемы идентичности является формирование идентичности локальных научных

сообществ. Под научным сообществом понимается профессиональное сообщество ученых, работающих в единых дисциплинарных рамках и связанных общей научной парадигмой. Соответственно, научное сообщество можно интерпретировать как сообщество ученых, локализованное на определенной территории и связанное общим научным этосом [8, с. 42]. Принципы научного этоса определяют отношения внутри локального научного сообщества, его взаимодействие с внешним окружением, задают основные векторы формирования идентичности. Такая трактовка уместна при анализе сообществ ученых различных научных комплексов. Объектом пристального внимания науковедов, начиная с самого момента его организации в 1957 г., является Новосибирский академгородок [9, 10, 11]. Здесь в силу исторических причин были созданы предпосылки для формирования уникальной культурной среды, которая питала формирующуюся идентичность локального сообщества ученых.

Деятельность Сибирского отделения РАН базировалась на развитии фундаментальных исследований, процессе внедрения научных разработок в практику, новационных принципах в подготовке научных кадров, ориентации на рост производительных сил Сибири и Дальнего Востока, организационно-территориальном объединении сети научных учреждений за Уралом. Впервые научный центр такого масштаба создавался по проекту самих ученых – академиков М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича, С.Л. Соболева. В новый город науки – Академгородок под Новосибирском – приехали вместе со своими учениками и коллегами крупные ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и других городов.

Биографии ученых, стоявших у истоков Новосибирского научного центра (ННЦ), тесным образом связаны с историей развития российской науки. За каждым ученым стоял опыт предшествующих лет, традиции европейских или сибирских научных школ, которые продолжали развиваться в новых институтах. Причем формирование институтов происходило в соответствии с концепцией научного лидера в конкретной области исследований или «под директора». Приоритет в подборе кадров отдавался самим ученым, а основными критериями становились не идеологические параметры, а профессионализм работника. Это позволило пригласить на работу в ННЦ многих людей, чьи биографии, с точки зрения партийно-государственной номенклатуры, были «ущербными»: репрессированных ранее ученых, опальных генетиков, не имеющих возможности заниматься научной деятельностью. Практически с первых месяцев работы научного центра стали развиваться международные научные связи, а через несколько лет Академгородок уже проводил крупные международные симпозиумы, на которые приезжали ведущие ученые мира.

Одновременно с формированием институтов создавалась уникальная система подготовки научных кадров. Новосибирский государственный университет (НГУ), организованный в 1958 г. (первый ректор – ака-

демик И.Н. Векуа), сразу стали называть вузом нового типа, базирующимся на неразрывной связи науки и образования. Победители школьных олимпиад зачислялись в специализированную физико-математическую школу при НГУ, а затем становились студентами университета. Этот опыт был перенесен позднее в другие научные центры Сибири. Основу преподавательского корпуса НГУ по-прежнему составляют ведущие ученые из академических институтов, что позволяет преподавателям вести индивидуальную работу со студентами и практиковать раннюю специализацию на профильных кафедрах.

На формирование Новосибирского академгородка как феномена регионально-локальной идентичности существенное влияние оказало создание соответствующей социокультурной инфраструктуры. Важную культурную и коммуникативную роль выполняли Дом ученых и Выставочный центр, клуб-кафе «Под интегралом». Для активизации научных контактов и размещения приезжающих ученых возвели гостиницу «Золотая долина». Всего за несколько лет Академгородок превратился в центр не только научной, но и культурной жизни всей страны и стал местом притяжения известных писателей, поэтов, музыкантов, певцов, актеров.

Новосибирский академгородок 1960-х гг. – новый, только что построенный город науки – буквально бурлил молодежными инициативами, диспутами и семинарами на самые актуальные темы политической и научной жизни, поражаал небывалым демократизмом. Именно в Академгородке в период «оттепели» сформировалась особая культурная среда, в которой научная интеллигенция получила возможность самореализации не только в науке, но и в других значимых сферах деятельности. Важными компонентами формирующейся «академовской» идентичности являлись свобода дискуссий в научной и общественной жизни, демократизм в общении маститых академиков и молодых ученых, чувство гордости научной интеллигенции за уникальность Академгородка. Новосибирский академгородок сконцентрировал на своей площадке молодую научную интеллигенцию, приехавшую в основном из столичных городов европейской части страны. Здесь сложилась особая интеллектуальная среда и творческая атмосфера, сформировалось уникальное сообщество ученых.

В наиболее полном виде атмосфера «оттепели» проявлялась до конца 1960-х гг. Было бы заблуждением считать, что местная и центральная власть в лице партийных структур не знала, что происходило в сибирском городе науки. В фондах как местных (Государственный архив Новосибирской области), так и центральных (Архив Российской академии наук, Российский государственный архив новейшей истории и др.) архивах сохранились документы, которые фиксировали «вольномудство» ученых. До поры до времени выводы носили мягкий и рекомендательный характер. Однако после отставки Н.С. Хрущева реакция властей на «вольности» научного сообще-

ства в Академгородке стала ужесточаться. Рубежным для истории ННЦ следует считать 1968 г., когда был нанесен удар идеалам научной интеллигенции (кампания против «подписантов», закрытие клуба «Под интеллектом» и другие акции).

Тем не менее, атмосфера «оттепели» 1960-х гг. не могла исчезнуть бесследно. Она проросла через советские десятилетия и расцвела новыми инициативами в 1990-е гг. Лучшие качества научного сообщества – интеллигентность, толерантность, понимание важности науки и образования для современного общества, интегрированность в мировое научное сообщество – составляют неотъемлемую часть идентичности ученых Академгородка. Актуализации научного наследия ученых могут способствовать усилия, направленные на поиск и публикацию архивных документов, запись воспоминаний непосредственных участников событий, изучение опубликованных мемуаров, формирование литературного фонда по тематическим блокам, таким как, например серия «Наука Сибири в лицах».

Идея серийного издания книг об ученых возникла в СО РАН в 1990-е гг. С 2001 г. тома серии «Наука Сибири в лицах» выходят под общей редакцией академика А.П. Деревянко. Цель издания – осветить вклад Сибирского отделения РАН в отечественную и мировую науку через призму жизнедеятельности выдающихся ученых и созданных ими научных школ, обобщить опыт их развития, который может быть использован для воспитания научной молодежи и популяризации научных достижений. В течение 15 лет увидели свет десятки монографий о выдающихся ученых, определявших научный облик Сибири; многие эти книги представлены в экспозициях музеев СО РАН [12].

В 1976 г. появилась идея организации музея сибирской науки. Принадлежала она основателю научного центра – академику М.А. Лаврентьеву. В доме, где он жил, была развернута экспозиция. «Музей отражает двадцатилетний период работы Сибирского отделения и его успехи в разных разделах науки и техники. Я уверен, что музей будет очень полезен нашей молодежи, которой покажут экспонаты, много лет не получавшие своего разъяснения. Желаю дальнейших успехов музею для увлечения молодежи наукой – техникой», – так определил миссию музея сам М.А. Лаврентьев. В 1991 г. Президиум СО РАН принял решение о создании в мемориальном коттедже М.А. Лаврентьева (домике Лаврентьева, как его называют жители Академгородка) Музея истории СО РАН – научно-исследовательского подразделения Института истории СО РАН и научно-просветительного центра ННЦ. На начальном этапе его работа осуществлялась в рамках темы «Комплексное изучение опыта деятельности СО АН СССР» по Программе «Взаимодействие общих и региональных процессов исторического развития, научно-технического, социального прогресса и культур народов Сибири». Экспозиция отражала процесс организации Сибирского отделения, Новосибирского научного центра, жизнь и деятельность первого пред-

седателя СО АН СССР – академика М.А. Лаврентьева [12, с. 44–45].

В 1996 г. в Академгородке начал создаваться Музей науки и техники СО РАН. Этому способствовал ряд факторов. В середине 1990-х гг. по инициативе Научного совета по музеям СО РАН началась собирательская работа по научно-технической проблематике. При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в Музее истории СО РАН была подготовлена «Выставка новых поступлений» в фонд создаваемого музея. Ее коммуникативная функция реализовывалась путем привлечения внимания общественности к вопросам сохранения наследия технической культуры. На экспозиции проводились различные мероприятия, встречи, совещания. Наиболее активные дарители отмечались почетными грамотами Президиума СО РАН. В этикетках экспонатов указывались имена людей, передавших их будущему музею.

В 1997 г. Президиумом СО РАН создана комиссия по инвентаризации предметов музейного значения, в состав которой вошли известные ученые, инженеры, представители общественности. Комиссия разработала научную концепцию музея, программу комплектования фонда, критерии отбора материалов, поставила на учет технические памятники, начиная с первой половины XX в. В дальнейшем коллекции музея стали включать предметы бытовой техники, техники связи, появилась идея создания музея политехнического типа. Апробация новых способов музейной коммуникации, начавшаяся с 2006 г. в помещении Музея науки и техники СО РАН (около 150 м²), показала их эффективность в освоении научного наследия [13].

Музей Сибирского отделения РАН за 20-летний период активной деятельности (1991–2011 гг.) последовательно реализовал ряд проектов, имевших заметный социокультурный эффект: «Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации»; «История сибирской науки в лицах»; «Пять десятилетий в истории СО РАН». Контент-концепции проектов определялись задачами популяризации историко-культурного наследия, достижений Сибирского отделения РАН, его роли в российском и мировом научном сообществе, представления результатов работы ученых в разных областях знаний. Учитывалась необходимость формирования научного мировоззрения и интереса к научно-исследовательской деятельности у молодежи, сохранения традиций и преемственности научных поколений. Высокий общественный резонанс имели персональные выставки, посвященные лидерам академической науки: «Назавтра и навсегда!» (к 110-летию со дня рождения М.А. Лаврентьева), «Главный геолог Сибири» (к 90-летию А.А. Трофимука), «Геолог – энциклопедист» (к 100-летию А.Л. Яншина), «Титан прикладной математики» (к 80-летию Н.Н. Яненко), «Путь программиста» (к 80-летию А.П. Ершова).

В музее продолжают формироваться персональные фонды председателей Сибирского отделения РАН – академиков М.А. Лаврентьева, Г.И. Марчука, В.А. Коптюга, Н.Л. Добрецова, А.Л. Асеева, других

российских ученых, работавших в ННЦ. Фонды содержат фотографии, автографы, документы, знаки отличия, личные вещи известных деятелей сибирской науки, свидетельствующие об их плодотворной научной и общественной деятельности. Особый интерес представляет коллекция «орудий труда» ученых: пишущие машинки, логарифмические линейки, геологические молотки, экспедиционное снаряжение, а также личные вещи, связанные с коллекционированием и хобби.

Созданию образов ученых способствует также имеющийся в музее видеоресурс, включающий художественно-документальные фильмы: «Академик М.А. Лаврентьев»; «Прирастать будет Сибирью...»; «Академик В.А. Коптюг»; «Академик Д.К. Беляев: военная страница биографии» и др. Экспозиции о жизнедеятельности ученых, пропаганда результатов их самоотверженного труда поддерживают живую связь между поколениями, вызывая чувства сопричастности к свершениям в науке, формируют у молодежи устойчивый интерес к научной жизни, личностную и профессиональную идентификацию [14].

Выставка «Новосибирский научный центр: живем, работаем, отдыхаем» отражала процесс развития регионально-локальной идентичности на примере академического городка как формы компактного и комфортного проживания ученых. ННЦ показан не только как первый на востоке страны и один из крупнейших в России научный комплекс, но и как объект производственно-жилищной и социально-бытовой инфраструктуры. Выставка отразила особенности ННЦ, традиции и современные новации в жизнедеятельности научных кадров, популяризировала образ жизни сибирских ученых и жителей Академгородка.

Экспозиционным стержнем выставки являлся образ проспекта Лаврентьева – «самой умной улицы в мире», занесенной в книгу рекордов Гиннеса. Экспонаты о деятельности 15 научно-исследовательских институтов наглядно демонстрировали успешную реализацию основных принципов парадигмы, заложенной в основу концепции первого территориального отделения Академии наук. В немалой степени достижение высоких научных результатов обеспечивал комплексный подход к формированию социально-бытовых условий, реализованный академиком М.А. Лаврентьевым на основе опыта участия в 1953–1955 гг. в Атомном проекте. При этом, в отличие от закрытых оборонных городков, Академгородок с самого начала был открыт для визитов зарубежных гостей и международного научного сотрудничества.

Уникальность Академгородка подчеркивалась демонстрацией его архитектурных, ландшафтных, социально-бытовых и социокультурных особенностей. С помощью информационных и фотодокументальных материалов, натуральных экспонатов и креативных инсталляций из предметов, предоставленных в распоряжение музея учеными и местными жителями в соответствии с открытым характером выставки, всесторонне освещалась активность жителей Городка в досуговой сфере: развитии спорта, туризма, здорово-

го образа жизни, участие в общественных и молодежных движениях, культурных, экологических инициативах, межкультурных контактах [15].

Как одну из форм регионально-локальной идентичности можно рассматривать коллекционную, собирательскую и музейную деятельность жителей Академгородка. Так, Анастасия Безносова-Близнюк, дочь известного общественного деятеля Академгородка, одного из активистов клуба «Под интегралом» Г.П. Безносова, создала музей-квартиру быта Академгородка в квартире одного из первых жилых домов, которую наполнила мебелью, бытовыми предметами конца 1950-х – начала 1960-х гг., сформировала большую ансамблевую экспозицию начального периода становления ННЦ. Коллекционер В.Г. Розин собрал коллекцию предметов из научно-технической среды бытования. Аналогичная коллекция много лет формировалась и д-ром техн. наук А.В. Леонтьевым из Института горного дела СО РАН. Эти люди по собственной инициативе собирали отработавшие свой срок приборы, научно-техническую продукцию в виде частей исследовательских установок, книг, документов и т.п. Ими создан ряд тематических стендов для выставок и музеев.

Известны не только личные исторические реконструкции и коллекции, но и дизайнерские стилизации общественного пространства под научную лабораторию. В Академгородке функционирует кафе «НИИ-КУДА (Научно-исследовательский институт культурного досуга жителей Академгородка)». Зал кафе имеет характерный вид интерьера научного подразделения, наполнен различными научными приборами и инструментами, создающими соответствующее настроение. Примечательно, что названия некоторых социально-бытовых структур Академгородка имеют научный колорит. Кроме упомянувшегося уже клуба-кафе «Под интегралом», действуют фитнес-клуб «МС²», автостоянка «У мамонта» (в честь одного из экспонатов Института археологии и этнографии СО РАН), научное кафе «Эврика» и др.

Перспективной формой актуализации научного наследия и изучения проблем идентичности являются электронные фотоархивы и персональные архивы ученых. По оценке И.А. Крайневой, «архивы ученых как феномен интеллектуального сообщества представляют собой дискурсивный канал между индивидом и его идентичностью» [16, с. 140], что является темой специального исследования в рамках проекта «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе».

Таким образом, анализ опыта формирования и трансляции идентичности в Новосибирском научном центре СО РАН позволяет охарактеризовать его как регионально-локальный феномен. Это обусловлено органичной включенностью ННЦ в региональные социально-экономические и социокультурные процессы, превращением его в центр науки, образования, инноваций Сибири и России, а также высоким уровнем организации культуры жизнедеятельности, активностью ученых и населения в сфере архивно-музейной

культуры. Неотъемлемую часть идентичности ученых Академгородка составляют их интеллигентность, толерантность, понимание важной роли науки и образования в современном обществе, интегрированность в мировое научное сообщество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова / сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. 670 с.
2. «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.
3. Кармазина Е.В. Философия свободы и проблемы идентичности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 236 с.
4. Идентичность как предмет политического анализа: сб. стат. по итогам Всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
5. Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности: сб. науч. статей / под ред. Н.М. Щербина, О.Н. Шелегиной, Г.М. Запорожченко Новосибирск: Параллель, 2012. 294 с.
6. Сибирь: имидж мегарегиона // Сибирь: имидж мегарегиона / под ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. С. 24–57.
7. Ерохина Е.А. Модернизация «Другой России»: человеческий и интеллектуальный потенциал населения Сибири в ракурсе внутренней геополитики // Интеллектуальные ценности в современной России: Философия. Наука. Инновации. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2011. С. 49–52.
8. Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–65.
9. Paul R. Josephson. New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton University Press, 1997. 353 p.
10. Куперштох Н.А. Сибирский эксперимент // Вестник РАН. 1997. Т. 67, № 8. С. 732–734.
11. Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк / под ред. Н.Л. Добрецова, В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.
12. Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева. Новосибирск, 2009. 262 с.
13. Покровский Н.Н. История и современность в интерактивном комплексе Музея науки и техники СО РАН // Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. стат. / отв. ред.: В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул; Новосибирск, 2016. С. 35–42.
14. Запорожченко Г.М. Формирование мемориальных комплексов известных сибирских ученых в рамках проекта «История сибирской науки в лицах» // Музейные ценности в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. Омск, 2008. С. 256–259.
15. Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М., Щербин Н.М. ННЦ: живем, работаем, отдыхаем // Наука из первых рук. 2008. № 6. С. 54–57.
16. Крайнева И.А. Персональный архив ученого как феномен исторической идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18) С. 135–141.

REFERENCES

1. The Phenomenon of Identity in the Modern Humanities: On the 70th Anniversary of Academician V.A. Tishkov. Comp. M.N. Guboglo, N.A. Dubova. Institute of Ethnology and anthropology. N.N. Maclay Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 2011, 670 p. (In Russ.)
2. «Round table» on the Book by O.M. Medushevskaya «Theory and methodology of cognitive history». *Rossijskaâ istoriâ*. 2010, no. 1, pp. 131–166. (In Russ.)
3. *Karmazina E.V.* The Philosophy of Freedom and Identity Issues. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2006, 236 p. (In Russ.)
4. Identity as a subject of political analysis. Collected papers resulting from the All-Russian scientific and theoretical conference (IMEMO, Russian Academy of Sciences, 21–22.10. 2010). Moscow, IMEMO RAN, 2011, 299 p. (In Russ.)
5. The role of museums in the formation and translation of regional identity: collection of scientific papers / ed. by N.M. Shcherbin, Shelegina O.N., Zaporozhchenko G.M. Novosibirsk: Parallel, 2012, 294 p. (In Russ.)
6. Siberia: Image of Mega-Region // *Sibir' : imidzh megaregiona / Pod red. V.I. Supruna*. Novosibirsk: FSPI «Trendy», 2012, pp. 24–57. (In Russ.)
7. *Yerokhina E. A.* Modernization of the «Other Russia»: the Human and Intellectual Potential of Siberia from the Perspective of Internal Geopolitics. *Intellektual'nye tsennosti v sovremennoj Rossii: Filosofiya. Nauka. Innovatsii*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2011, pp. 49–52. (In Russ.)
8. *Vodichev E.G., Kupershtoh N.A.* Formation of Ethos of Scineific Community on the Novosibirsk Akademgorodok, 1960s. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2001, no. 4, pp. 41–65. (In Russ.)
9. *Paul R. Josephson*. New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton University Press, 1997, 353 p.
10. *Kupershtoh N.A.* Siberian Experiment. *Vestnik RAN*. 1997, vol. 67, no. 8, pp. 732–734. (In Russ.)
11. The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical Essay. Ed. by N.I. Dobretsov, V.A. Lamin. Novosibirsk: Nauka, 2007, 510 p. (In Russ.)
12. Museums of Scientific Centers and Institutes of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Essays on Formation and Development). Ed. by V.A. Lamin, O.V. Truetseva. Novosibirsk, 2009, 260 p. (In Russ.)
13. *Pokrovsky N.N.* History and modernity in an interactive complex of the Museum of science and technology, SB RAS. *Nauka, obrazovanie, muzei: formy osvoeniya naslediya: sb. nauch. statey*. Ed. V.A. Lamin, O.N. Truetseva, O.N. Shelegina. Barnaul; Novosibirsk, 2016, pp. 35–42. (In Russ.)
14. *Zaporozhchenko G.M.* Formation of the memorial complex of the famous Siberian scientists within the framework of the project «The History of the Siberian science in persons». *Muzeynye tsennosti v sovremennoy obshchestve: mat. Mezhdun. nauch. konf. Omsk*, 2008, pp. 256–259. (In Russ.)
15. *Shelegina O.N., Zaporozhchenko G.M., Shcherbin N.M.* NNC: we live, we work, we have a rest. *Nauka iz pervykh ruk*. 2008, no. 6. pp. 54–57. (In Russ.)
16. *Kraineva I.A.* Personal archive of the scientist as a phenomenon of historical identity. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Kultupologia i iskusstvovedenie*. 2015, no. 2 (18), pp. 135–141. (In Russ.)

Статья принята редакцией 06.06.2016

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20160322

УДК 39:623.446.4(=512.31)

А.Г. ГОМБОЖАПОВ

ТРАДИЦИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛУКА И ЛУЧНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ БУРЯТ

Арсалан Гармазидиевич Гомбожапов,
канд.ист.наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: arsalan@ngs.ru

Статья посвящена изготовлению сложносоставного традиционного бурятского лука и спортивным состязаниям по стрельбе из лука. Описываются используемые бурятскими мастерами материалы животного происхождения, а также технологии изготовления традиционного бурятского лука. Приводятся термины для обозначения деталей луков и стрел. Анализируется изготовление аутентичных луков, а также луков с использованием современных материалов и связанные с ними изменения в технологии изготовления. Рассматриваются традиционные виды состязаний у бурят по стрельбе из лука по мишеням, описываются современные соревнования, которые проводятся в наши дни. Работа выполнена на основе архивных источников и полевых материалов, собранных автором.

Ключевые слова: буряты, традиционный бурятский лук, стрельба из лука, технология изготовления лука, стрельба по мишеням, сухожильный клей, рыбий клей, Сурхарбан, кожаные мишени, тетива, летний праздник, береста.

A.G. GOMBOZHAPOV

THE TRADITION OF MAKING BOWS AND ARCHERY COMPETITIONS OF BURYATS

Arsalan G. Gombozhapov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Philology SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: arsalan@ngs.ru

The presented paper is devoted to the technology of making traditional Buryat bows and the archery competitions of Buryats. The author used the comparative-historical method to study in detail the bow manufacturing techniques in the past and today, to track changes in the use of different production techniques and materials.

Thus, the author describes natural materials and requirements imposed by the Buryat masters which define technical characteristics of future bows and arrows. Process of preparation of materials for future bows, production of tendinous and fish glue is considered, the manufacturing techniques of traditional Buryat bows in old times thereby are in detail described.

The article investigates the record of innovations in production of the Buryat bows, use of plastic slips, synthetic glue, i.e. those materials that appeared nowadays. Therefore, it delineates changes in manufacturing techniques of modern Buryat bows. In addition, the author compares characteristics of bows and methods of stretching bows made of natural and synthetic materials.

The paper describes three types of competitions on archery which were carried out in the past. Today during summer holidays only one type of competition – leather target archery is carried out. This kind of competition is the most spectacular one and, most likely, this is the reason why it

remained up to now. The author describes in detail the rules of competition and composition of participants. An interesting aspect of this research also lies in the fact that it has a practical character: the descriptions given in it can quite be put into practice.

The article is written on the materials of the author's field research conducted in 2014 among the Buryats living in the Aginsk Buryat District of Zabaykalsky Krai. Along with these data the archival materials concerning archery and rules of competitions were used.

Key words: the Buryats, traditional Buryat bow, archery, production technology of bow, target shooting, fish and tendons glue, bowstring, leather targets, arrow.

В героическом эпосе бурят имеются сказания о героическом сватовстве. В них повествуется о состязаниях женихов, которые должны показать свое мастерство в конных скачках, борьбе и стрельбе из лука. Меткость в стрельбе относилась к одному из основных качеств богатыря. С древних времен и до наших дней сохраняется такое же отношение к этим видам состязаний. Любое торжество и тем более спортивные соревнования у бурят не обходятся без скачек, борьбы и стрельбы из лука. Общеизвестен народный бурятский праздник Сурхарбан, на котором выявляется победитель в каждом из этих видов состязаний.

В настоящее время у бурят проводятся соревнования по стрельбе из лука по кожаным мишеням. Одним из наиболее значимых факторов сохранения данного вида состязания является, на наш взгляд, то, что с 1994 г. один раз в два года проводится «кочующий» Международный бурятский фестиваль Алтаргана. Первые три состоялись в Монгольской Народной Республике (МНР), а последующие поочередно в Агинском бурятском автономном округе, Республике Бурятия, Иркутской области и МНР.

Основной целью фестиваля является содействие возрождению и сохранению традиционной культуры и национальных видов спорта бурят, показ лучших достижений в искусстве, литературе, кино и спорте. В программе фестиваля традиционно присутствуют три вида спортивных состязаний: борьба, стрельба из лука и скачки. Помимо фестиваля, ежегодно проводятся летние праздники *Зунай найр*, состязания на призы дацанов и др.

В стрельбе важным фактором меткости стрелка является качество лука. Поэтому особое внимание уделялось умению мастера изготовить настоящий лук. В прошлом для изготовления традиционного лука бурятские мастера использовали дерево и рога разных животных. Дерево, обычно березу, для лука следовало заготавливать заблаговременно – зимой. Старые мастера говорили, что в это время дерево избавляется от лишней воды, становится не столь рыхлым (пористым), как в остальное время года. Сушили заготовки для лука естественным образом, т.е. в тени без резких колебаний температуры. При такой сушке содержащиеся в дереве масла и смолы сохранялись наилучшим образом, что способствовало эластичности, сохраняло крепость и упругость материала.

Традиционно каждый лук изготавливался персонально для конкретного человека. Приступали к изготовлению лука только после того, как соберут всю необходимую информацию для этого, включая такие сведения о будущем хозяине, как рост, длина рук, физические возможности в целом. Современные мастера непременно соблюдают все эти правила. Как и в прошлом, процесс изготовления лука занимает достаточно продолжительное время – около 10–12 мес. Мастера не даром говорят: «Лук создается между делом». Начинают

делать лук с предварительной подгонки деревянной рукояти и плеч будущего лука. Для качества соединения скоблят места их будущей склейки, чтобы поверхность стала шершавой и тогда увеличилась бы прочность склейки.

Поскольку современные мастера при изготовлении луков вместо традиционных роговых накладок используют пластиковые плечи спортивных луков, они применяют покупные синтетические клеи. Но если требуется сделать аутентичный бурятский лук, то для этих накладок используют рога диких и домашних животных, изготавливают клей из сухожилий и кожи домашних животных. По их мнению, только такой клей хорошо держит природный материал – рог. Сочетание синтетического (клей) и натурального (рог) материалов считается неприемлемым из-за их разных свойств.

Для приготовления клея животного происхождения мастера берут очищенные сухожилия (*шүрбээн*) задних ног животного и варят их в чистой воде. Все должно достаточно долго томиться на медленном огне, после чего густая кисельная масса считается готовой. Наши информанты из числа мастеров преклонного возраста одним из лучших клеев для изготовления традиционного бурятского лука считают клей из пузыря осетровых рыб.

При изготовлении плеч современного лука учитывают физические данные будущего хозяина: мужчинам их делают потолще, а женщинам потоньше. Это позволяет регулировать силу будущего лука. Плечи подгоняют так, чтобы они зеркально соответствовали друг другу по длине, толщине, ширине. В этом случае они будут работать (сгибаться и разгибаться) с одинаковой силой. Если это правило не соблюдается, то лук служит недолго, да и стреляет плохо. После тщательной подгонки плеч их клеят к рукояти и оставляют на несколько дней для высыхания клея. Концы лука изготавливают отдельно от плеч. Им, как и в прошлом, придают закругленный вид, концы обрабатывают в виде хвоста ласточки. Затем к каждому концу плеч лука клеятся зарубки для тетивы, изготовленные из рога. Они используются для того, чтобы концы плеч не стирались. Уже готовые концы приклеивают к плечам будущего лука.

После всех приготовлений мастер приступает к процессу придания луку нужного изгиба. Для этого плечи лука зажимают в специальных тисках и оставляют на продолжительное время для просушки. Затем с внутренней стороны ручки лука подгоняется и клеится пластина из рога изюбра. Как продолжение пластины, в обе стороны – к «животу» лука – клеятся покупные пластиковые плечи спортивного лука, предварительно подогнанные по размеру. Если мастер изготавливает традиционный бурятский лук, то вместо пластика клеятся тщательно подготовленные рога животных. С внутренней стороны концов плеч на расстоянии примерно 10–12 см от края крепятся изготовленные из бамбука подпорки (*тэбхэ*).

Обычно мастера при изготовлении традиционного лука использовали рога горного козла (*янгур*) или яка (*сарлаг*), а при их отсутствии – рога быков, часто служивших в прошлом в качестве тяговых животных. Такие быки достигали зрелого возраста (к 8 годам), и их рога становились длинными. Горный же козел должен был достигнуть возраста, как минимум, 14–15 лет. Его возраст исчислялся по количеству колючек на рогах. Рога подвергались еще отбору на наличие или отсутствие тонких кровяных полостей, а также трещин, которые могли появиться вследствие плохого корма, травм и пр. При их наличии рога выбраковывали, так как они снижали качество будущего лука. Некоторые знатоки старины нам сообщили, что качество бычьих или коровьих рогов зависело от того, были ли они подвергнуты резким колебаниям температуры и принадлежали ли животным, достигшим половозрелого возраста: наилучшими считались рога, привезенные из теплых стран (например, Индии) и полученные от старых животных (чем старше животное, тем длиннее рог)¹.

При подготовке рогов современные мастера распиливали их вдоль, а затем варили в чистой пресной воде до тех пор, пока они становились достаточно пластичными, после чего их зажимали в специальных тисках; иногда тиски осторожно прокалывают. Мастера по изготовлению луков сообщили, что перегретые (обожженные) рога теряют свои свойства, поэтому они выбраковываются. Рога давали остыть перед последующей подгонкой.

При изготовлении традиционного лука к обратной стороне от тетивы (*ара бээ*) приклеивали сухожилия. Высушенные сухожилия перед этим разбивали молотком (*мунса*), чтобы получить пучок волокон. Последний замачивали в специальном клее, приготовленном из шкур животных. Лучше всего для этого подходили шкуры павших животных (лошадей или коров). Спинку лука покрывали клеем, затем приклеивали замоченный пучок. После высыхания приклеивали еще один слой сухожилий, затем еще. Количество слоев зависело от толщины пучка, а также от физических данных будущего владельца.

Когда все слои высыхали, тогда плечи лука выворачивали в обратную сторону. В настоящее время вместо жил приклеивают стеклопластик. В отличие от сухожилий он не подвержен температурным влияниям, а потому стрелок получает возможность стрелять одинаково хорошо, независимо от влажности и температуры воздуха, тогда как свойства традиционного бурятского лука в жару и в дождь ухудшаются. Приклеенные жилы животных или стеклопластик при натяжении лука тянут плечи в обратную сторону, а пластины из рога или пластика, приклеенные изнутри, разжимают плечи. За счет этого увеличивается скорость полета стрелы.

На последнем этапе к поверхностям из сухожилий клеят тонкий слой бересты (*үйһэн*), который предохраняет лук от излишней влаги и жары. В случае использования стеклопластика приклеенная береста в виде орнаментов выполняет функцию сугубо эстетическую.

После продолжительной сушки к луку приделывали тетиву из волос, взятых из гривы или хвоста лошади. Современные мастера вместо них используют кевларовые нити. Тетива в своей середине имеет гнездо для стрелы, а по краям – петли, которыми она крепится к плечам лука. Место, куда вставляется конец стрелы, мастера обматывают нитью с клеем.

Традиционная бурятская стрела не имеет определенной длины и толщины. Эти параметры зависят от индивидуальных характеристик каждого стрелка и каждого лука. Стрела состоит из *оно* – выреза или паза для тетивы, *удэ* – оперения, *бэе* – древка, *булсуу* – наконечника, *таха* – подковы, тупого наконечника. Изготавливают стрелы из березы.

Обычно мастера делают в комплекте с луком две деревянные стрелы с наконечниками. В прошлом наконечники иногда делали из кости. Для определения длины стрелы человек, которому собираются сделать стрелу, вытягивает перед собой руки, зажав ладонями деревянную заготовку будущего лука. От кончиков пальцев в такой позе отсчитывают 7–10 см. Эта величина и есть длина будущей стрелы. В прошлом стрелы были чуть длиннее современных. Это было связано с тем, что бурятские лучники натягивали тетиву со стрелой большим пальцем (образуя с помощью большого и указательного пальца замок) до мочки уха. Сейчас лучники натягивают тетиву со стрелой средним и указательными пальцами до подбородка. При этом в обоих вариантах большой палец руки, держащей лук, почти касается наконечника стрелы. К традиционным бурятским лукам не приспособивают ни прицел, ни кликер (фиксатор длины натяжения тетивы), ни полочку для опоры стрелы. На пальцы надевают напальчники. Они изготавливались из толстой кожи в виде спаренных лепесточков и предохраняют пальцы от повреждений.

В прошлом у бурят были распространены следующие виды стрельбы по мишеням: *сур харбаан* – стрельба по кожаным ремням [1, с.86], *бай харбаан* – букв. «стрельба в цель на приз»², а также стрельба в мишень *тунка*³.

Стрельба из лука по ремням состояла из двух видов: *модони* – «сторонняя», или *можо*, – соревнование между командами на денежные и другие призы, которое проводилось в течение трех дней, в нем участвовали буряты из разных урючищ и родов. Другой вид назывался *удэрэй* – «дневная» (когда стрелки собирались для развлечения), без всяких условий и призов, на один день [1, с. 87]. Собравшиеся выпускали стрелы с тупыми наконечниками.

По данным наших полевых исследований, место, где располагаются кожаные мишени, называется *зураахай* (от слова *зураха* – «рисовать», т.е. выкапывать бороздку). Для установления *зураахай* в наши дни выбирают ровное место и роют две мелкие канавки на расстоянии друг от друга. В прошлом это было расстояние в три бурятских лука. Длина канавок – чуть больше 1 м. Для задержания стрел и кожаных ремней устанавливали ограждение, называемое *хаалта*.

² Шишелов Ю.О. О бурятском бай-харбан, состязании в стрельбе из лука // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБ СО РАН). Инв. № 216. Л. 16.

³ Онгодов У.-Ц. Личный фонд // ЦВРК ИМБ СО РАН. Ф. 1. Оп 1. Д. 14. Л. 70.

¹ Полевые материалы автора (ПМА): Гомбожапов Г.-З.Ц., 1948 г. рождения, пенсионер. Записано в с. Гунэй Агинского района Агинского бурятского округа Забайкальского края в 2012 г. во время экспедиции в Забайкальский край.

Число ремней зависело от договоренности между участниками состязаний, но обычно их было – 21. Современные стрелки стреляют по 16 кожаным ремням (*булэ*), в середине ряда ремней ставят *ластии* – более высокую и тонкую мишень с кисточкой красного цвета. За попадание в нее приписывается наибольшее очко.

В прошлом расстояние, с которого стреляли по мишеням, отмеряли также при помощи луков, и составляло оно 30–40 луков⁴. Современные бурятские лучники начинают состязание с 45 м, потом переходят к 30 м. Дистанцию отмеряют, как полагаются, от кожаных ремней, а не от края площадки. Все правила определяются участниками до начала состязания. Как и в прошлом, точным считается такое попадание, когда стрела, не отскакивая от земли, выбивает ремень за бороздку, находящуюся за ней. Попадание в *ластии* приравнивается к попаданию по двум ремням. Иногда после основных состязаний участники соревнуются в стрельбе в единственную мишень – *ластии*. Некоторые называют это завершающее состязание *углөөнэй гургалдай* – «утренний жаворонок» (название это информанты затруднились объяснить). Каждый участник имеет право выпустить только одну стрелу. Попавший в цель считается отменным стрелком из лука.

В прошлом на состязаниях по стрельбе из лука непременно присутствовали люди, знающие *бара* – «хвалебную песню» в честь меткого стрелка. Ими были обычно старики. У современных бурят поют *бара* в большинстве случаев на больших праздниках. В этой песне восхваляются меткость и умение стрелков, содержатся призывы попасть в цель. Один из образцов такой хвалебной песни опубликован в монографии «Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят» [2, с.164].

Второй вид состязаний представлял собой стрельбу в мишень *бай харбаан*. По сведениям Ю.О. Шишелова⁵, чтобы соорудить мишень, вбивали в землю на равном расстоянии по одной линии три кола высотой в человеческий рост. Затем стягивали веревками эти колья между собой: сначала у самого основания, затем посередине. Пространство между стянутыми веревками было равно одной стреле, оно заполнялось дерном высотой примерно в одну стрелу. Внешне это выглядело как земляной забор. У каждого кола, торчащего из дерна, насыпалась земля в виде пирамидки. Затем бли-

же к верхнему краю «забора» с обеих сторон к дерну прикрепляли мишени, сделанные из бересты, бумаги размером в 3–4 вершка (13–17 см). После этого сооружение считалось законченным. Расстояние, с которого стреляли, было постоянным – 60 луков. Соперники стреляли по очереди, с каждой стороны сооружения. Если состязание затягивалось до следующего дня, то обычай требовал символического разрушения мишени. Для этого снимали одну из ее вершин, а перед началом состязаний снова ее водружали.

Третий вид состязаний – стрельба из лука в мишень *тунка*. Последняя представляла собой круг из войлока, имеющий пять отверстий: одно – в центре, четыре – по краям. Этот круг лицевой стороной привязывали к вбитым в землю шестам высотой примерно в человеческий рост так, чтобы они висели в воздухе. В дырочки с обратной стороны мишени вставляли пробки, сделанные из кожи или разноцветной ткани. К пробкам прикреплялись веревки, концы которых также привязывали к веревкам, удерживающим мишень⁶.

В настоящее время самым распространенным видом состязаний по стрельбе из лука является стрельба по кожаным мишеням *булэ*. В связи с возросшим интересом к этой традиции увеличилось количество проводимых состязаний, повысился спрос на мастеров, которые изготавливают луки. Несмотря на некоторые инновации, современные бурятские луки в целом сохранили свой традиционный облик, а мастера не утратили навыков их изготовления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Линховоин Л.Л.* Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972. 102 с.
2. *Гомбожапов А.Г.* Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в.: истоки и инновации. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.

REFERENCE

1. *Linhovoin L.L.* Notes about pre-revolutionary life of Aga Buryats. Ulan-Ude, 1972, 102 p. (In Russ.)
2. *Gombozhapov A.G.* Traditional family and tribe ceremonies of Aga Buryats in the late XIX–XX: the origins and innovations. Novosibirsk: Nauka, 2006, 184 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 06.06.2016

⁴ ПМА: Батожаргалов Б.Б. 1941 г. рождения, пенсионер. Записано в с. Зуткулей Дульдургинского района Забайкальского края в 2014 г. во время экспедиции в Забайкальский край.

⁵ *Шишелов Ю.О.* О бурятском бай-харбан, состязание в стрельбе из лука // ЦВРК ИМБ СО РАН. Инв. № 216. Л.16.

⁶ *Онгодов У.-Ц.* Личный фонд // ЦВРК ИМБ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 70.

DOI: 10.15372/HSS20160323
УДК 94 (100) “1914/19”

М.В. ОСЬКИН

**ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ – ОРГАНИЗАТОР И ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЗАГОТОВКЕ СКОТА В МОНГОЛИИ.
ИЮЛЬ 1915 – МАРТ 1917 г.**

Максим Викторович Оськин,
канд. ист. наук, доцент,
Институт законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации,
РФ, 300028, Тула, ул. Болдина, 98,
e-mail: maxozv@yandex.ru

Начало Первой мировой войны для России в продовольственном отношении рассматривалось как благоприятное. Однако с затягиванием войны некоторые продукты питания в России становятся дефицитными, в том числе – мясо. С целью улучшения снабжения фронта мясной продукцией Министерство земледелия, отвечавшее за продовольственное снабжение армии, обратилось к поискам внешних рынков для его закупки, одним из которых стала Монголия. В июне 1915 г. была создана специальная закупочная структура – «Монголэкс», которую до Февральской революции 1917 г. возглавлял известный русский путешественник Петр Кузьмич Козлов, чья деятельность на этом посту является малоизвестной страницей истории Первой мировой войны. Результаты работы «Монголэкса» способствовали улучшению снабжения фронта мясом. Всего организация поставила армии более 4 млн пуд. мяса – почти 5 % всего мяса, переданного Министерством земледелия на нужды действующей армии.

Ключевые слова: мясозаготовки, «Монголэкс», снабжение армии, уполномоченный Министерства земледелия.

M.V. OS'KIN

**PYOTR KUZMICH KOZLOV – THE FOUNDER AND THE FIRST HEAD
OF THE EXPEDITION FOR LIVESTOCK PROCUREMENT IN MONGOLIA.
JULY 1915 – MARCH 1917**

Maxim V. Os'kin,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor,
Institute of Jurisprudence and Management of the
All-Russian Police Association,
98, Boldina Str., 300028, Tula, Russia,
e-mail: maxozv@yandex.ru

The article is devoted to the activities of the purchasing organization “Mongoleks” in Mongolia during the First World War (1915–1917). The supply of the military food rations to the front lines was a significant challenge faced by Russia. In particular, the meat shortages became increasingly acute. Meat rations in the army made it necessary to increase livestock. Due to the depletion of domestic cattle breeding, in summer of 1915 the Russian government decided to increase the purchase of cattle in the neighboring countries of the Empire. The meat market of the Russian Empire could not provide more cattle in order to satisfy all the needs of the army. From 1916 the Ministry of Agriculture had to use the cattle fund. At the same time fish, eggs, meat waste and substitute products were included into the soldiers rations. Saving the Russian cattle from the costs of war time, the Ministry bought it in Persia and the Semirechye. In the summer of 1915 the Minister of agriculture Krivoshein ordered to buy cattle for the army in Mongolia.

The Mongolian procurement organization in 1915 – early 1917 was headed by an outstanding Russian traveler P. K. Kozlov. His work in this position is a little-known page of history of the First World War. “Mongoleks” was engaged in procurement of the Mongolian cattle, driving it to Russia and sending the meat to the front lines. The organization gradually expanded its activities. Soon “Mongoleks” began to work in Manchuria, Eastern Siberia and Turkestan. The results of “Mongoleks” activities allowed to improve the supply of meat to the army at the front line. The organization supplied to the army more than 4 million poods of meat – nearly 5% of all meat provided by the Ministry of Agriculture to address the needs of the army.

Key words: procurement of meat, “Mongoleks”, supply of the army, Commissioner of the Ministry of Agriculture.

Выдающийся русский советский путешественник по Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов широко известен своими научными экспедициями в Монголии, Китае и Тибете. Шесть азиатских экспедиций Козлова прославили его имя на весь мир, а сам он оставил описания, воспоминания, дневники об этих экспедициях (библиографию трудов П.К. Козлова см.: [1]). Однако наименее исследованной страницей биографии П.К. Козлова является его участие в Первой мировой войне 1914–1918 гг., в ходе которой он был произведен в генерал-майоры.

Военный период в его жизни чаще всего описывается лаконичной фразой: «Мировая, а затем гражданская война прервали экспедиционную деятельность неутомимого путешественника» [1, с. 9]. В биографических изданиях его служебная деятельность в годы Первой мировой войны освещена весьма слабо. В начале войны Козлов являлся комендантом городов Тарнов, Яссы, Тернополь, после чего возглавил организацию «Монголэкс» [2, с. 290]. Не обошлось без путаницы во временном порядке – уже после «Монголэкса» в 1916 г. Козлов «снова становится комендантом, сперва в Яссах, позже в Тернополе... После революции Козлов оставил военную службу, чтобы целиком посвятить себя науке» [3, с. 153]. Таким образом, служба в Монгольской закупочной экспедиции периода Первой мировой войны, которую П.К. Козлов возглавлял с момента ее образования летом 1915 г. до Февральской революции, практически не привлекала внимания исследователей.

Большая Европейская война, в которую 19 июля 1914 г.¹ вступили великие державы Европы, по расчетам военно-политического руководства всех стран, не могла быть длительной. Господствовало убеждение, что конфликт продлится около полугода, а воевать больше года вообще не предполагалось. В соответствии с этими представлениями строились тыл и снабжение фронта воюющих стран. В русской армии основным поставщиком белковой продукции являлось мясо. Русское военное ведомство сочло наиболее простым решением увеличение мясного пайка. Если перед войной ежедневный мясной паек солдата составлял 1 фунт (410 г), то в начале войны (с 25 августа) – 1,5 фунта (615 г).

По мере затягивания военных действий перед российскими властями встала задача уберечь отечественное животноводство от массированного потребления мяса разросшейся до более чем 6 млн чел. действующей армией. Уже в феврале 1915 г. «для смягчения мясного кризиса в действующей армии» Совет министров рекомендовал «уменьшить дачу мяса». Указывалось, что существующая на фронте 1,5-фунтовая дача мяса совершенно не отвечает обычному питанию огромного большинства населения страны и является несколько завышенной. Вполне возможно часть мясной дачи заменить другими продуктами, доставка которых на фронт не вызовет столь значительных трудностей» [4, с.14]. В течение 1915 г. отмечалось смешивание мяса с солониной или снижение мясного пайка (1 фунт, $\frac{3}{4}$ фунта), пока, наконец, с 7 апреля 1916 г. и до конца войны мясной паек составлял полфунта мяса – 205 г, «причем было разрешено засчитывать в счет мяса рыбу, а также мясные отходы» [5, с. 487]. Летом 1916 г. на фрон-

те и в тыловом районе стали вводиться мясопустные дни, а для сокращения потребления мяса населением 30 июня был принят закон о 4 мясопустных днях.

Правительство должно было решать не только проблему заготовок мясных продуктов для фронта, но и сохранения поголовья скота на перспективу – в мирный период, когда Россия вновь должна будет занять место продовольственного экспортера в Европу². Если учесть начавшиеся в 1916 г. закупки хлеба в Маньчжурии на послевоенный период ради сохранения хлебного экспорта, то следует отметить перспективность планирования российского правительства в продовольственном отношении: власти стремились уберечь отечественное земледелие и скотоводство от последствий войны, для чего велись разнообразные поиски. Одним из них стали закупки скота и хлеба в странах Востока – Монголии и Китае.

Важное значение для мясного снабжения армии имел доклад главы Главного управления землеустройства и земледелия (с октября 1915 г. – Министерство земледелия) А. В. Кривошеина, на чье ведомство с началом войны была возложена задача снабжения фронта, премьер-министру И. Л. Горемыкину от 11 июня 1915 г. В докладе было предложено расширить закупки скота для армии в соседних с Россией странах – Иране, Северном Китае (Маньчжурии) и Монголии. Кривошеин отметил, что «условия, при которых должен осуществляться намеченный план, представляются настолько необычными, в зависимости от общественного и политического строя Монголии, что лицам, которые будут туда командированы для закупки скота, придется предоставить совершенно исключительные полномочия, особенно в отношении расходования денег, а в число способов, обеспечивающих успешное выполнение дела, должно быть включено известное воздействие министерства финансов и в частности Государственного Банка на состоящий под его протекторатом Монгольский банк». Предварительные доклады по этому вопросу в Главном продовольственном комитете и Главном интендантском управлении были одобрены³. Одним из первых следствий данного доклада стало письмо Горемыкина военному министру генералу А.А. Поливанову от 21 июня с просьбой об обращении в Ставку по поводу сокращения дачи мяса в армии⁴.

Результатом ходатайства А. В. Кривошеина, исходившего из опасения за судьбу российского скотоводства в связи с четко обозначившимся затягиванием военных действий, стало создание в конце июня 1915 г. по высочайшему повелению Николая II специальной закупочной организации в Монголии – Экспедиции по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии («Особой экспедиции полковника Козлова» – или «Монголэкс»), штаб которой находился в Иркутске, а основной перевалочной станцией гона скота на убойные пункты стала ст. Куаньченцы⁵. Экспедиция работала на средства казны и была подотчетна Иркутской контроль-

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 2122. Л. 14.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Л. 92–92 об.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 781. Л. 4.

⁵ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 1–2.

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

ной палате. Главой «Монголэкса» стал лично знакомый императору полковник П. К. Козлов, прекрасно знавший Монголию по своим путешествиям.

Решение о создании централизованной организации по закупкам монгольского скота состоялось в конце июня 1915 г., и Козлов немедленно выехал в Иркутск. Отправной датой образования «Монголэкса» считается 1 июля 1915 г., от этой даты идет отсчет выдачи жалованья по новому назначению руководителю и его помощникам⁶. По 1 августа помощником П.К. Козлова был коллежский советник А. Лепарский, которого вскоре сменил ветеринарный инспектор, статский советник А. А. Дудукалов. Перед войной Дудукалов работал главным ветеринарным врачом Читинского района, который контролировал ветеринарию в Северном Китае и Монголии. Чиновниками для поручений являлись Г.А. Оболдуев и И.А. Глебов, бухгалтером экспедиции – гурьбинский секретарь М.П. Гусев.

Монгольская экспедиция неуклонно расширяла свою деятельность. В 1915г. «Монголэкс» работал в районе Урги и Забайкалья, а в 1916 г. захватил Маньчжурию до Владивостока и Западную Монголию до Алтая, доходя до Улэсутая и Кобдо, Бийска и Семипалатинска. В 1917 г. – она уже в Павлодаре, Каркаралинске и Чугучаке, а на 1918 г. был «намечен план работ, переводящий операции на территорию Средней Азии до таких ее пунктов как Урумчи, Карешар, Гучен и Манасс, захватывая ряд местностей, доселе не обслуживавших русский мясной рынок»⁷. Соответственно, в каждом регионе «Монголэкс» имел своих уполномоченных.

Уполномоченным в Ургинском районе Монголии стал старый соратник П.К. Козлова по азиатским научным экспедициям – хорунжий в отставке Ц.Г. Бадмажапов, уполномоченными были ветеринарный начальник 2-го участка Иркутского уезда В.Г. Гей, который отвечал за западный район Монголии с Кобдоским уездом; крестьянский начальник 2-го участка В.Г. Кокоулин, отвечавший за «Сибирский район» Монголии с включением под его ответственность восточной части Томской, Енисейской и Иркутской губерний, а также Забайкальской области; ветеринарный врач А.С. Мещерский, работавший в районе ст. Куаньченцы в Южной Маньчжурии. Помощником уполномоченного Маньчжурского района являлся А.Н. Поздеев. Кроме того, в ведение Экспедиции входили Хайларский район (уполномоченный В. Ф. Ладыгин), Иркутско-Урянхайский (Н.М. Рахманов и И.П. Кокоулин; их помощники – А.Г. Коханский и Л.В. Костиков) и Семипалатинский район (И.М. Морозов)⁸.

Образование «Монгольской экспедиции» стало необходимым мероприятием на пути подключения к задаче снабжения русской армии приграничных иностранных территорий (например, Кавказский фронт получал скот из Персии). П.К. Козлов в одном из своих рапортов так характеризовал причины создания «Монголэкса»: «в настоящее время, более чем когда-либо, снабжение фронта мясом, кожей, овчиной и шерстью стало насущной потребностью, и расходование запасов русского животноводства сильно увеличилось.

К тому же, с отменой продажи вина, у русского рабочего и простолюдина являются сбережения, идущие на улучшение пищевого довольствия – большое потребление мяса. Ввиду этого, в [1915] году правительство командировало в Монголию Экспедицию для закупки скота»⁹. Расчеты с монголами производились как русскими кредитками [6, с.145] (металлическая монета вскоре после начала войны была выведена из обращения), так и серебром – мексиканскими долларами (они чеканились из серебра)¹⁰, либо специально выделенным Министерством финансов для «Монголэкса» ямбовым серебром (в слитках)¹¹. В крайнем случае, приходилось использовать китайскую валюту, которая служила главным расчетным средством во внутренней торговле Монголии¹².

Действуя через систему разделения Монголии на участки во главе с уполномоченными, Козлов пытался свести деятельность посредников к минимуму, предпочитая работать напрямую с монгольскими владельцами скота или местными подрядчиками. Безусловно, «Особая экспедиция» отчитывалась перед Министерством земледелия, а помощники П.К. Козлова считались уполномоченными этого ведомства, однако расходы «Монголэкса» относились на смету по Главному интендантскому управлению, и «Монголэкс в целом был организацией военной, большую часть служащих Экспедиции составляли мобилизованные» [7, с. 214]. Всего к Экспедиции было прикомандировано 211 военнообязанных¹³. В свою очередь, уполномоченные, подбор которых П.К. Козлов контролировал лично, считались состоящими в распоряжении главы «Монголэкса». То есть, на примере «Особой экспедиции» можно видеть своеобразную форму закупочной организации, когда последняя подчинялась военному ведомству, но отчитывалась перед Министерством земледелия и Особым совещанием по продовольственным вопросам.

В 1913 г. из Томской губернии было вывезено в Европейскую Россию 1 431 300 пуд. мяса, из Акмолинской области – 452 700, из Тобольской губернии – 431 000 пуд. В значительной степени это был не местный сибирский скот, а монгольский [8, с.31]. Теперь «Монголэксу» предстояло взять в свои руки заготовку монгольского и частично сибирского скота. В связи с тем, что основная масса заготовленного монгольского мяса вывозилась через Иркутск, Иркутская губерния получала мясо от «Монголэкса», поскольку поставки западносибирского скота на восток Сибири в годы войны сильно сократились¹⁴.

В своей работе П.К. Козлов должен был учитывать особенности монгольского общества. Постоянно контактируя с крупными феодалами, ламаистской церковью, рядовыми скотовладельцами, русские опирались на систему «подарков» влиятельным монголам для большей успешности своих закупок. Согласно докладу от 26 июня 1915г., «на приобретение ценных предметов для подношения лицам Монгольского правительства» полковник Козлов получил 35 тыс. руб., а 4 июля отдел заготовок Министерства земледелия («Заго-

⁶ РГИА. Ф. 456. Оп. 2. Д. 17. Л. 140.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 25. Д. 9. Л. 1–2.

⁸ РГИА. Ф. 456. Оп. 2. Д. 17. Л. 23.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 3119. Л. 15.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 479. Л. 35.

¹¹ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л.1–2.

¹² РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 274. Л. 23.

¹³ Там же. Ф. 456. Оп. 2. Д. 17. Л. 131.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 2296. Л. 7.

тосель») ходатайствовал о дополнительном ассигновании в 15 тыс. руб.¹⁵

П.К. Козлов не только активно занимался своей непосредственной деятельностью по закупке монгольского скота, но и пресекал попытки различных авантюристов нажиться на казне, испытывавшей трудности со снабжением фронта мясом. Например, 7 июня 1916 г. семипалатинский уполномоченный И. М. Морозов сообщал в Заготосель, что помещик Тираспольского уезда Херсонской губернии С.А. Плахотин предлагает содействие в приобретении в Китае до 50 тыс. голов крупного рогатого скота, с последующей переработкой мяса в консервы на специально для того построенном заводе в одном из китайских портов. 25 июня «Заготосель» запросил мнение по этому поводу у Козлова, и 1 августа последний в телеграмме ответил, что «предложение Плахотина неприемлемо» по причине чрезмерно высокой цены. Кроме того, «за неприемлемость его предложения говорит и то обстоятельство, что никогда и в мирное время скот из прилегающего к Монголии застенного Китая не подгонялся к портам, ввиду большого расстояния (несколько тысяч верст). Теперь же при сильном брожении в Китае и при наличии многочисленных отрядов хунхузов такой прогон скота немислим вовсе». Цена мяса в Китае в это время составляла от 5,5 до 7 руб. за пуд при оптовых закупках.¹⁶

На заседании Особого совещания по обороне государства 13 февраля 1916 г. руководитель «Монголэкса» докладывал, что «может быть, по-видимому, добывается из Монголии без ущерба для местного скотоводства до 2 млн. пуд. мяса и сверх того до 500 тыс. шкур», и то это «скорее преуменьшенная цифра» [9, с. 94]. С 16 июня 1915 г. по 30 июня 1916 г. заготовки Монгольской экспедиции (пуд.) составляли:¹⁷

Продукт	Заготовлено	Отправлено
Говядина	1 582 975	1 512 964
Баранина	151 136	150 195
Свинина	7 966	7 965
Говяжье сало	152 940	88 419
Баранье сало	11 523	8 923
Свиное сало	49 771	259

Предполагалось, что Экспедиция за октябрь 1916 – январь 1917 г. заготовит мороженого мяса: 2,15 млн пуд. говядины и 200 тыс. пуд. свинины. Кроме того, 24 сентября 1916 г. Козлов телеграфировал, что помимо этих объемов может быть заготовлено свыше 1 млн пуд. говядины, в том числе половина будет завезена из Австралии и половина – местная¹⁸. В Восточном районе предлагали 600 тыс. пуд. австралийского мяса «высокого качества» по цене 6,8 руб. за пуд, «которое будет доставлено на пароходах-рефрижераторах во Владивосток в декабре–январе». Еще 300 тыс. пуд. предполагалось закупить в Китае по цене до 6,5 руб. Кроме того, 15 тыс. голов скота (250 тыс. пуд. мяса) будет доставлено для убоя во Владивосток, по цене 7,5 руб. и можно заготовить 200 тыс. пуд. солонины. Японский консервный за-

вод в Циндао предлагает 50 тыс. фунтов мясных консервов по цене 40 коп. за банку¹⁹.

Согласно отчету «Монголэкса» о закупочной операции 1916–1917 гг., во Владивостокском районе мясо закупалось по ценам от 4,75 до 6,5 руб. за пуд, в Ургинском районе – около 5, в Сибирском районе – от 4,3 до 5,2, в Западно-Монгольском районе – от 6,5 до 7 руб.²⁰ Для сравнения укажем, что твердые цены на говядину в Центральной России зимой 1916/17 г. составляли 8,6–9 руб. за пуд²¹.

В телеграмме в Ставку Верховного Главнокомандования от 1 января 1917 г. П. К. Козлов сообщил, что в 1915 г. фронту было отправлено 650 тыс. пуд. мяса, а в 1916 г. заготовлено около 2,5 млн пуд. «прекрасного и в то же время недорогого мяса»²². В свою очередь, «Заготосель» в октябре 1916 г. считал, что в конце 1916–1917 гг. в Монголии будет заготовлено еще 4 млн пуд. мяса²³, так как заготовки мяса в Сибири в 1915–1916 гг. были относительно невелики. В 1916 г. в европейской части России было заготовлено 2807,9 тыс. голов скота, или 8,3 % от общего поголовья, а в шести сибирских губерниях Особое совещание по продовольствию определило к поставке 200 тыс. голов – 2,1 %. В 1916 г. из Сибири вывезли 1,1 млн голов, а вывоз мяса увеличился до 6,1 млн пуд., но тем не менее «участие сибирского животноводства в снабжении армии мясом планировалось как непропорционально малое» [10, с. 132].

По мере перехода к монополизации продовольственного рынка в России, наиболее ярким выражением которой до революции стала «ритиховская продразверстка» зимой 1917 г., эти меры коснулись и мясных ресурсов страны. Согласно расчетам Министерства земледелия, 47 губерний по обязательным поставкам должны были дать 51 325 800 пуд. говядины, 12 901 300 – свинины (без сала) и 5 318 000 пуд. баранины. Прочие местности (Московская, Петроградская, Архангельская, Олонская губернии) – 603 600 пуд. Закавказье, Туркестан и Персия – 1 820 000; Сибирь и Монголия – 10 млн, итого – 81 868 700 пуд²⁴. Потребности же страны составляли 76 499 600 пуд.²⁵ Следовательно, еще оставался расчетный запас мяса. Таким образом, Сибирь и Монголия в 1917 г. обязывались поставить 12 % всего требуемого мяса и в том числе Монголия – 4,8 % (около 4 млн пуд.). К 1 января 1917 г. на складах «Монголэкса» находилось 1,85 млн пуд. мяса, за январь было вывезено 1900 вагонов – около 1 млн пуд.²⁶

Для выполнения поставленной задачи по закупке в 1917 г. 4 млн. пуд. мяса П.К. Козлов телеграфировал 21 февраля в «Заготосель», что «на последующие операции Экспедиции, кроме имеющихся свободных около 2 млн. руб., необходимо: март – 12, апрель – 8, май – 6 млн. руб.»²⁷. За заслуги П.К. Козлов 6 декабря 1916 г. был произведен в генерал-майоры. Однако вскоре после Февральской революции Козлов

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 479. Л. 10, 33–35.

¹⁷ Там же. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 8, 17.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ РГИА. Ф. 455. Оп. 1. Д. 837. Л. 6.

²⁰ РГИА. Ф. 456. Оп. 2. Д. 17. Л. 23.

²¹ ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.

²² РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 4–4 об.

²³ Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Л. 162.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 23а. Л. 91.

²⁵ Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 27. Л. 11 об.

²⁶ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 34об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 22.

был снят со своего поста и заменен А.А. Дудукаловым, хотя «Монголэкс» в официальной переписке еще долго сохранял прежнее название: «Экспедиция генерала Козлова по заготовке мяса для действующих армий».

В условиях революции заготовить предполагаемые 4 млн пуд. мяса не удалось. В телеграмме в «Заготосель» от 4 июня 1917 г. Дудукалов сообщил, что за истекшую операцию (с 1 июля 1916 г.) Экспедицией закуплено и реквизировано: мясо говяжье – 1 582 974 пуда 27 фунтов, баранина – 151 135 и 34, свинина – 7 965 и 33, сало говяжье – 162 939 и 36, сало баранье – 11 522 и 36, сало свиное – 49 770 и 37²⁸. Всего за 1915–1918 гг. «Монголэкс» заготовил 369 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе было пригнано в Россию – 237 тыс. голов, привито – 237,8 тыс. голов [2, с. 107]. До 30 июня 1917 г. в распоряжение «Монголэкса» было выдано около 31,2 млн руб. Из них получено авансами в 1915 г. – 3 296 650 руб., в 1916 г. – 19 434 232 руб., в 1917 г. – 8 165 000²⁹ руб.

Деятельность «Монголэкса» сыграла важную роль в снабжении действующей армии мясными продуктами. Министерство продовольствия Временного правительства располагало данными согласно «Ведомости о количестве продуктов, заготовленных уполномоченными Министерства земледелия с начала войны по 1 мая 1917 г. по нарядам Главного интендантского управления», что к 1 мая 1917 г. уполномоченными Министерства земледелия было заготовлено около 43 млн пуд. мяса, (в том числе живой скот, солонина и мясные консервы в переводе на мясо)³⁰. Около 5 % указанного количества – это мясо, заготовленное Особой экспедицией П. К. Козлова в Монголии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М., 1963. 523с.
2. Кравкис Н.Н. Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006. 508с.
3. Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 2014. 189с.
4. Попов В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918гг. (по архивным материалам). М., 1942. 20 с.
5. Островский А.В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917гг. // Россия

и Первая мировая война (материалы междунар. науч. colloквиума). СПб., 1999. С. 482–496.

6. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. М.: Наука. 1969. 419 с.

7. Майский И. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во. Иркут. ун-та, 1921.

8. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск.: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400с.

9. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. М., 2013. Т.2: 1916. 743с.

10. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск. 2013. 243с.

REFERENCES

1. Kozlov P.K. Russian Traveler in Central Asia. Selected Works. On the Centenary of His Birth. (1863–1963). Moscow, 1963, 523 p. (In Russ.)

2. Kravkis N.N. The Life and Travels of Pyotr Kuz'mich Kozlov. Smolensk, 2006, 508 p. (In Russ.)

3. Zhitomirskij S.V. The Explorer of Mongolia and Tibet P.K. Kozlov. Moscow, 2014, 189 p. (In Russ.)

4. Popov V.I. Meat Rations in the Russian Army during the First World War (1914–1918). On the Archival Materials. Moscow, 1942, 20 p. (In Russ.)

5. Ostrovskij A.V. State-Capitalist and Co-Operation Trends in the Economy of Russia: 1914–1917 Gosudarstvenno-kapitalisticheskiye i kooperativnyye tendentsii v ekonomike Rossii: 1914–1917 gg. Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). SPb., 1999, pp. 482–496. (In Russ.)

6. Burdukov A.V. In the Old and New Mongolia. Memoirs, letters. Moscow: Nauka, 1969, 419 p. (In Russ.)

7. Mayskiy I. Modern Mongolia. Irkutsk: Gos. izd-vo. Irkutsk, Otd., 1921. (In Russ.)

8. Darevskaya E.M. Siberia and Mongolia: Essays on the Russian-Mongolian Links in the Late XIX – Early XX Centuries. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1994, 400 p. (In Russ.)

9. Journals of the Special Conference for Discussion and Integration of State Defence Measures (State Defense Special Conference). 1915–1918: in 3 vols. Moscow, 2013, vol. 2: 1916, 743 p. (In Russ.)

10. Rynkov V.M., Il'inyh V.A. The Decade of Turmoil: Agriculture of Siberia in 1914–1924. Novosibirsk. 2013. 243 p.

Статья принята редакцией 06.06.2016

²⁸ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 147. Л. 22–23.

²⁹ Там же. Д. 215. Л. 8.

³⁰ Там же. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.

DOI: 10.15372/HSS20160324
УДК 961/959 (5каз)

Г.Т. КАЖЕНОВА

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ РАЗВЕРСТКИ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Гульнар Тулегеновна Каженова,
канд. ист. наук, заведующая кафедрой,
Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова,
Казахстан, 020000, г. Кокшетау, ул. Абая, 65,
e-mil: gkazhenova@mail.ru

В статье рассматривается процесс осуществления советской продовольственной политики в Северном Казахстане в 1920–1921 гг. Описывается деятельность продовольственных органов по проведению продовольственной разверстки, являвшейся основным методом заготовки сельскохозяйственной продукции. Приводятся сведения о численности продотрядов по уездам, которые стали главной силой в проведении продовольственной политики. Характеризуются методы их работы по изъятию «излишков», показан моральный облик продработников и их злоупотребления. Анализируется сопротивление переселенческого русско-украинских переселенцев и казахского населения, вылившееся в начале 1921 г. в кровопролитное восстание. Кроме того, показано, что продовольственная разверстка стала одной из основных причин голода 1921–1923 гг.

Ключевые слова: политика «военного коммунизма», продовольственный кризис, продовольственная диктатура, продразверстка, продотряды, крестьянство, Акмолинская область.

G.T. KAZHENOVA

REALIZATION OF PRODRAZVYORSTKA IN NORTHERN KAZAKHSTAN

Gulnar T. Kazhenova
Candidate of Historical Sciences, Head of Department,
Ualikhanov Kokshetau State University,
65, Abay Str., Kokshetau, 020000, Kazakhstan,
e-mail: gkazhenova@mail.ru

On the basis of archival documents and periodicals of that time the article analyzes the process of implementation of the Soviet food policy during 1920–1921 in Northern Kazakhstan which was administratively subordinate to the Siberian revolutionary committee. The author describes activities of food bodies designated to implement the prodravzyorstka as the main method of the procurement of agricultural products.

Under the policy of prodravzyorstka bread, meat, oil, milk, eggs, vegetables, tobacco were requisitioned from the Russian-Ukrainian migrant peasant settlers engaged in agriculture. The Kazakh population with their nomadic cattle breeding filled quotas on meat, the local population was obliged to supply live cattle (cattle, sheep). Besides, they had to fill quotas on animal skins, horsehair, horns and hoofs.

The prodravzyorstka was an impossible task for the local population. Moreover, food bodies were supposed to exchange bread and other food products for manufactured products. However due to the industrial and transportation breakdown the Bolsheviks were unable to exchange commodities properly. In their turn peasants tried to resist the grain requisitioning, concealed bread, refused to accept the money which had no payment capability. The Kazakh population showed resistance by moving to the south where the Soviet power had not been fully established.

The prodotryads were the main force in implementing the food policy. Their main methods of work were the violent food seizure and suppression of resistance of people. The author reveals the data on the number of prodotryads sent to various uyezds; characterizes methods of prodotryad members aimed at violent withdrawal of the population's "surplus" bread, meat and other foods; their moral character and misconduct.

The high level of requisition quotas along with methods used by prodotryads provoked the peasantry and Kazakh population to the active resistance which turned into bloody revolt at the beginning of 1921. Besides, the prodravzyorstka became one of the main causes of famine in 1921–1923.

Key words: policy of "military communism", food crisis, grain monopoly, food dictatorship, Decrees of the Soviet administration, prodravzyorstka, prodotryads, molotilnyi groups, prodrabotnik, peasantry, Kazakh population, civil war, Akmla region.

До революции территория Северного Казахстана в составе Акмолинской области входила в Западно-Сибирское генерал-губернаторство. 19 января 1918 г. Акмолинская область была переименована в Омскую. 3 января 1920 г. Сибирский революционный комитет официально утвердил вместо Акмолинской области наименование – Омская губерния с центром в Омске. В состав губернии вошли Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Петропавловский и Омский уезды. 26 августа 1920 г. был издан Декрет об образовании Казахской АССР, в состав которой была включена Акмолинская губерния. Однако в 1921–1922 гг., когда осуществлялась организация центральных органов КАССР, губерния вместе с Семипалатинской губернией находилась в ведении Сибирского революционного комитета.

Акмолинская губерния полностью была освобождена от колчаковцев в декабре 1919 г. На занятых Красной Армией территориях снова установилась советская власть. Сразу же началось введение широкомасштабной государственной монополии на хлеб и установление продовольственной разверстки, которая стала основой всей политики «военного коммунизма» и главным методом заготовки продовольствия Советским государством.

Первоначально продразверстка осуществлялась в основном среди крестьян-переселенцев – русских и украинцев, занимавшихся земледелием. С марта 1920 г., когда Совнарком принял декрет «Об обязательной поставке скота на мясо»¹, казахское население, занимавшееся кочевым скотоводством, тоже было привлечено к обязательному выполнению поставок мяса. Разверстку, как и в других частях РСФСР, полагалось проводить уездным продовольственным комитетам (упродкомам), которые непосредственно подчинялись губернским продовольственным комиссариатам (губпродкомам), а те в свою очередь – Сибирскому продовольственному комиссариату (Сибпродком).

В конце 1919 г. и в первые месяцы 1920 г. продовольственная работа советской власти осуществлялась стихийно – у крестьян отчуждалась лишь часть хлеба и других продуктов, а то, что оставалось, они могли продать по рыночным ценам. По мере укрепления советской власти на местах проведение государственных заготовок методом «самотека» и товарообмена признавалось нецелесообразным, темпы сбора хлебофуража не отвечали заданным объемам.

Для повышения темпов государственных хлебных заготовок все предприятия, занятые производством промышленных предметов массового потребления (ткани, нитки, галантерея, обувь, спички, мыло и т.д.), должны были передавать их по твердым ценам Наркомпроду. Он в свою очередь должен был их обменивать на хлеб и другие продовольственные продукты, заготавливаемые по государственному плану. Однако из-за разрухи в промышленности и на транспорте большевистская власть оказалась не в состоянии наладить полноценный продуктообмен. В ответ крестьяне пытались обойти закон о продразверстке, утаивали хлеб, отказывались принимать деньги, утратившие свою платежеспособность.

В директиве Сибпродкома от 28 мая 1920 г., за подписью заместителя комиссара Г.Е. Дронина указывалось,

¹Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 144–145.

что крестьянство под разными предлогами уклоняется от выполнения хлебной разверстки, поэтому от продовольственных комиссаров требовалось применение всей полноты государственной власти для принуждения крестьян к выполнению продовольственной разверстки [1, с. 25].

С 1 июня 1920 г. высшие сибирские органы запретили свободную торговлю нормированными продуктами. 20 июля 1920 г. СНК РСФСР издал декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», согласно которому разверстка была определена в 110 млн пуд. [1, с. 33]. Омская губерния в 1920 г. должна была выполнить хлебофуражную разверстку в 35 млн пуд.² Производители зерна Сибири и сопредельных с ней территорий Казахстана обязывались в приказном порядке приступить к обмолоту и сдаче всех хлебных «излишков» от урожаев прошлых лет. Эта разверстка объявлялась одновременно с разверсткой на излишки хлеба нового урожая. Конечным сроком обмолота и сдачи всех излишков от урожаев прошлых лет устанавливалось 1 января 1921 г. В декрете определялся также порядок изъятия излишков, правовая ответственность уклонившихся и ответственных лиц. Виновных в уклонении от обмолота и от сдачи излишков, как и допустивших это уклонение представителей власти, должны были карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции³.

Еще 5 июля 1920 г. Омский губпродком опубликовал специальную инструкцию, согласно которой уезды делились на районы по 2–4 волости в каждом. Деление проводилось в зависимости от наличия хлебных запасов, политической обстановки и географического положения волостей. Например, Кокчетавский уезд был разделен на четыре продрайона: Балкашинский, Кокчетавский, Кривоозерный и Щучинский. Общее количество товарного хлеба, которое здесь должно быть собрано по разверстке составляло 5 401 000 пуд., а фуражного зерна – 2 299 тыс. пуд. – за 1919 и 1920 гг. Общий объем хлебофуража, подлежащего разверстке по уездам, составил: в Кокчетавском уезде – 7 700 тыс. пуд., Петропавловском – 9 718 тыс. пуд., Акмолинском – 2 400 тыс пуд., Атбасарском – 400 тыс. пуд.⁴ Таким образом, уезды Северного Казахстана должны были поставить 20 млн 218 тыс. пуд. хлебофуража.

В результате рвения некоторых работников продкома на уезды налагалась еще дополнительная разверстка. Так, уполномоченный Омского губпродкома Березовский, инспектировавший уезды в середине лета 1920 г., сообщал: «На крестьянском съезде Акмолинского уезда я предложил участникам съезда дать добровольно государству сверх положенной нормы хлебной разверстки полмиллиона пудов хлеба»⁵.

Срочно были приняты меры к переброске продовольственных отрядов, рабочих дружин и продовольственной армии, к переброске молотилок и других сельскохозяйственных машин. Стали приниматься меры и к вывозу хлеба, собранного сибирскими продовольственными органами.

²Советская Сибирь. 1921. 6 янв.

³Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. С. 144–145.

⁴Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.

⁵Советская Сибирь. 1920. 11 авг.

Руководители Наркомпрода огромное внимание уделяли подбору и расстановке кадров в продорганах. Однако главной силой в проведении продовольственной политики и изъятии необходимых государству хлеба и продовольствия выступали продотряды, являвшиеся составной частью советского продовольственного аппарата. Формировались они преимущественно из жителей центральных губерний России с целью реквизиции хлебных излишков и охраны продовольственных грузов.

В первой половине лета в уезды Северного Казахстана были направлены продовольственные отряды, прибывшие из Петрогубкоммуны и Нижнего Новгорода. С принятием Декрета СНК от 20 июля 1920 г. их число начинает увеличиваться уже с первых чисел августа 1920 г. Для выполнения «боевого приказа» и изъятия «хлебных излишков» на территорию Сибири Совнарком дополнительно направил 6 тыс. продотрядников, 9,3 тыс. продармейцев, 20 тыс. рабочих и крестьян из голодающих губерний России [2, с. 240–243]. Только в Кокчетавском уезде к 1 сентября работало семь продовольственных отрядов из Москвы, Нижнего Новгорода, Петрограда. В Петропавловском уезде действовало 11 отрядов⁶. Основные силы продовольственных отрядов в Северный Казахстан прибыли летом и осенью 1920 г.

Продовольственным отрядам оказывалась вооруженная поддержка. В Кокчетавском уезде был расквартирован 209-й батальон 47-й бригады ВНУС. В батальоне было 450 красноармейцев. В Петропавловском уезде находился 245-й батальон, в Атбасаре – 144-й батальон, в резерве имелся 15-й кавалерийский эскадрон. В Омский губпродком докладывали, что настроение красноармейцев 209-стрелкового батальона совершенно неудовлетворительное из-за отсутствия обмундирования, при этом «недовольство, возникающее на почве неполучения обмундирования, выливается в форму недовольства советской властью вообще и коммунистической партией в частности»⁷.

Кроме того, прибывало большое число рабочих молотильных отрядов. Так, по сведениям Кокчетавского упродкома на 15 июля 1920 г. в уезде на продовольственной работе было задействовано 276 чел., из них около половины (136 чел.) составляли рабочие молотильных отрядов из бывших военнопленных, 51 чел. был ответственным по районам, а 9 – из уездного военрабпродбюро; кроме того, 80 красноармейцев были задействованы в качестве вооруженной охраны⁸. Согласно спискам Омского губвоенрабпродбюро, в Кокчетавский уезд с 3 сентября по 15 октября 1920 г. прибыло 11 отрядов в составе 672 чел. (497 муж. и 175 жен.) из Вологодской, Саратовской, Вятской, Курской, Калужской и других губерний. В Петропавловский уезд только с 4 сентября по 15 октября 1920 г. прибыло 35 молотильных отрядов из 1608 чел. (1240 муж., 368 жен.) из Карачевской, Костромской (190 чел.), Курской, Вологодской, Московской, Можайской, Вятской и других губерний⁹. Работа молотильных отрядов не принесла ожидаемых результатов. Председатель Сибирского

продовольственного комиссариата признавался: «С государственной монополией на хлеб получился полный провал, потому что центр присылал нам людей совершенно непригодных для работы, и они не принесли почти никакой пользы, вдобавок они были раздеты и не могли производить работу по обмолоту в сибирские холода. Кое-какая польза от этих отрядов все же была, но весьма незначительная»¹⁰.

Хлебные излишки, которые должны были сдаваться по твердым ценам, в Кокчетавском уезде определялись приказом упродкома за № 7 от 2 октября 1920 г. В соответствии с этим приказом за пуд пшеницы хозяин получал 50 руб., но только в том случае, если зерно соответствовало требуемому качеству. За овес и ячмень платили 30 руб.¹¹ Цены, установленные упродкомом, были в десятки раз ниже, чем цены на черном рынке.

Отчуждаемый по разверстке хлебофураж должен был ссыпаться в специальные ссыпункты, находившиеся в ведении уездного продовольственного комитета. Таких пунктов в Кокчетавском уезде было одиннадцать: Кокчетавский, Щучинский, Дмитриевский, Вознесенский, Балкашинский, Айдабульский, Андреевский, Федоровский, Арыкбалыкский, Кривоозерный, Ольгинский¹². Из этих ссыпунктов хлеб и фураж доставлялись в г. Петропавловск, который являлся ближайшим железнодорожным пунктом. Отсюда он отгружался в вагоны для отправки в центральные районы России.

К 15 апреля 1921 г. в шести губерниях Сибири по продразверстке у местного населения было изъято 59 252 684 пуд., или 53,86 % от намеченного задания¹³. К 1 февраля 1921 г. Омская губерния собрала 15,422 млн пуд., или 44 % от хлебной разверстки¹⁴. Из Петропавловского уезда в 1920 г. было отправлено в центральные промышленные районы страны 2 408 738 пуд. хлеба¹⁵. К январю 1921 г. в Кокчетавском уезде продотрядами было собрано лишь 20 % хлебофуража¹⁶. Из четырех уездов Северного Казахстана хлебная разверстка была полностью выполнена только в Атбасарском уезде¹⁷.

Непосильной разверсткой была и мясная: местное население обязано было сдавать живой скот специально организованным экспедициям Губзаготселя при губернском продовольственном комиссариате. Весной 1920 г. на Сибирь была наложена разверстка в 6207 тыс. пуд. мяса [2, 141]. Для обеспечения мясной разверстки вводился запрет на забой скота для продажи. Чтобы забить скот для внутреннего пользования, хозяин должен был получить разрешение от волысполкома, подписанное председателем. При отсутствии разрешительного документа весь скот конфисковывался, а хозяин привлекался к ответственности в ревтрибунале¹⁸.

В течение 1920 г. по разверстке у казахского населения Кокчетавского уезда было изъято около 39 тыс. голов круп-

⁶ ГИАОО. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.

⁷ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 201. Л. 20 об.

⁸ Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 1398/122. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁹ ГИАОО. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.

¹⁰ Советская Сибирь. 1921. 27 февр.

¹¹ ГААО. Ф. 1349/39. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

¹² Там же. Л. 57.

¹³ Советская Сибирь. 1921. 22 апр.

¹⁴ Там же. 6 февр.

¹⁵ Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 1482. Оп. 1. Д. 75.

¹⁶ Советская Сибирь. 1921. 8 февр.

¹⁷ Там же. 14 янв.

¹⁸ Советская Сибирь. 1920. 11 дек.

ного рогатого скота (КРС), 20 тыс. баранов, в Атбасарском районе – 34 тыс. голов КРС и более 50 тыс. баранов, в Акмолинском уезде – 18 600 голов КРС и более 95 тыс. баранов. Только в Пресногорьковской волости Петропавловского уезда было изъято 20 тыс. голов КРС и 29 тыс. баранов¹⁹. Всего на Омскую губернию была наложена мясная разверстка при пересчете на КРС 3 515 583 головы, к 15 апреля 1921 г. из них было изъято 1 401 783 голов, или 39,08 % от запланированного задания²⁰. На протяжении 1920–1921 гг. численность всех животных в Сибири, кроме лошадей, убывала примерно в том же количестве, в котором изымалась в ходе кампании по сбору продразверстки [2, 141].

Казахское население оказывало пассивное сопротивление продработникам. Начальник одной из заготовительных экспедиций в Атбасарский уезд в своей телеграмме заместителю начальника Омского губпродкома Бродскому писал: «Скот собрать [с] южно-киргизских волостей (Акмолинской области. – Г.К.) не представляется возможным. Киргизы откочевывают на юг к реке Чу. [Из] Средне-Аргынского района скот поступает слабо»²¹. Тот же начальник экспедиции в другой своей телеграмме требовал: «Срочно выслать продотряд в Атбасар [из] 500 красноармейцев для постановки [на] границе [с] Тургаем заготовотряды. [В] противном случае уйдут [за] реку Чу на 900 верст из Атбасара, не выполнив причитающейся [с] них скотской повинности»²².

Кроме хлеба и мяса, местное население по разверстке должно было сдавать коровье масло, молоко, яйцо, овощи, табак, шкуры животных, конский волос, рога и копыта животных – всего более 30 наименований. Например, по приказу № 77 Омского губпродкома от 3 сентября 1920 года на уезды Омской губернии была наложена картофельная разверстка в объеме 6 млн 800 тыс. пуд., в том числе на Атбасарский уезд – 165 тыс., Акмолинский – 320 тыс., Кокчетавский – 780 тыс., Петропавловский – 800 тыс. пуд.²³ При этом государство за пуд сданного картофеля платило 60–80 руб., а рыночная цена составляла 800 руб. [3, с. 185].

Выполнение разверстки для населения было непосильной задачей, однако продотрядам удавалось выполнять план. Член Петропавловского уисполкома М. Басков докладывал: «Взято все, что можно, говорить об оставлении нормы или полунормы не приходится... Повторяю – взято все, что можно и, конечно, не излишки, а гораздо больше, чем они... Мы в районе твердо помним наказ нам – не поддаваться слезам и уверениям населения, что у них нет хлеба и т. д., а делали свое дело, твердо помня катастрофическое положение центра в продовольственном отношении...»²⁴.

Деятельность продовольственных органов была настоящим бедствием для местного населения. Штрафные санкции в отношении лиц, не выполнивших разверстку, со стороны продработников часто принимали характер экзекуций военного времени. Так, на заседании Кокчетавского уездного комитета РКП(б) от 21 января 1921 г. рассматривался вопрос

о поведении продработников, которые допускали «проявления местами бандитизма, исходящего от отдельных личностей – агентов советской власти, злоупотребляющих своим положением, позволяющих себе без всякого права разного рода реквизиции, конфискации одежды, обуви у крестьян, чем [они] создают острое положение, дискредитируют советскую власть и РКП, обостряют отношение крестьянства к советской власти и РКП»²⁵.

О моральном облике продработников можно судить по телеграмме кокчетавского уездного продкомиссара Абрамова на имя омского губпродкомиссара Монастырского, в которой говорилось: «Начальником увоенпродбюро временно назначен Гиттельсон, Сазонову за пьянство и деморализацию продработы предложил выехать в Омск»²⁶.

Продотряды зачастую выходили за пределы их компетенции и допускали серьезные злоупотребления. Методы их работы не были тайной для общественности, на страницах газет регулярно печатались статьи о деятельности продотрядов. Автор газетной статьи писал: «У крестьян мы берем все, не давая им ничего. Это еще не такая беда, ибо это неизбежно. Но как берем, вот вопрос. Берем мы беспорядочно, разверстку набавляем с каждым днем, прибавляем разные штрафы...»²⁷.

Местные органы власти в лице уездных, волостных ревкомов обязывались оказывать всемерную помощь продотрядам. Поэтому они ограничивались чаще всего отписками на справедливые обращения всех обиженных произволом. Так, начальник Кокчетавской уездной милиции указывал своим сотрудникам: «В интересах продфронта как ударной задачи Советской Властью категорически приказываю прекратить вмешательство в дела продработников»²⁸.

Властям иногда приходилось расформировывать некоторые отряды, но только тогда, когда умолчать неблагоприятные поступки было нельзя, в остальных же случаях стремились не «выносить сор из избы». Удобно было все списывать на бездействие или равнодушие местных властей, у которых были свои виды на продовольствие, изымаемое на селе.

Таким образом, главным средством решения продовольственной проблемы стала насильственная деятельность продовольственных отрядов, руководимых продкомитетами в губерниях, городах и уездах. Основными формами являлись насильственное изъятие у населения продовольствия, доставка изъятого в города и подавление сопротивления народных масс творимому произволу.

Основная цель государства сводилась к тому, чтобы получить с помощью продразверстки хотя бы минимум необходимого для страны продовольствия. Председатель Совнаркома В.И. Ленин констатировал: «Мы научились применять разверстку, т.е. научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента...» [4, с. 357]. Непомимо высокий объем разверстки, насильственные методы, применявшиеся при заготовках в период продовольственной диктатуры, вызывали недовольство и активное сопротивление всего населения региона, вылившееся в начале 1921 г.

¹⁹ Советская Сибирь. 1921. 19 апр.

²⁰ Там же. 22 апр.

²¹ ГИАОО. Ф. Р-88. Оп. 1 Д.161. Л. 72

²² Там же. Ф. Р-88. Оп.1 Д.161. Л. 68–68а.

²³ Советская Сибирь. 1920. 8 сент.

²⁴ СКГА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 24. Л. 11-13.

²⁵ ГААО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 28а. Л. 150.

²⁶ ГИАОО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 195. Л. 26.

²⁷ Беднота. 1921. 9 марта.

²⁸ ГААО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 28а. Л. 150.

в кровопролитное восстание в Кокчетавском, Петропавловском и Акмолинском уездах. Как и по всей Сибири, лозунгами восставших были «Долой продразверстку!», «Долой продовольственную диктатуру!». Лозунг «За Советы без коммунистов!» показывал понимание населением решающей роли партии и коммунистов в выработке и осуществлении на практике продовольственной политики советской власти, которая разоряла их хозяйства и обрекала семьи на полуголодное существование. Восстание было жестоко подавлено. Однако за ним последовала еще одна трагедия политики военного коммунизма – голод 1921–1923 гг., одной из основных причин которого также стала продовольственная разверстка.

Продовольственная политика государства, несомненно, должна отвечать жизненным интересам сельскохозяйственного производителя, и только тогда она соответствовала бы интересам всей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сибирская Вандея. Документы: в 2 т. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М.: МФ «Демократия», 2001. Т. 2: (1920–1921). 776 с.

2. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2013. 244 с.

3. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы: Атамұра, 2009. Т. 4. 768 с.

4. Ленин В.И. Политический доклад Центрального Комитета на VIII Всероссийской конференции РКП(б). 2 декабря 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39.

REFERENCES

1. Siberian Vendee. Documents: in 2 vols. Ed. A.N. Yakovlev, comp. V.I. Shishkin. (1920–1921). Moscow: MF «Demokratiya», 2001, 776 p. (In Russ.)

2. Rynkov V.M., Ilyinyh V.A. The Decade of Turmoil : Agriculture of Siberia in 1914–1924. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2013, 244 p. (In Russ.)

3. The History of Kazakhstan (from Ancient Times to the Present): in 5 vols. Almaty: Atamura, 2009, vol. 4, 768 p. (In Russ.)

4. Lenin V.I. Political Report of the Central Committee on the VIII Russian Conference of the Russian Communist Party. 2 December 1919. *Polnoe sobraniye sochineniy*. 5th ed, vol. 39, (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.06.2016

DOI: 10.15372/HSS20160325
УДК 94(571.17):331.55“1921/1923”

Д.П. САРИН

МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КУЗБАСС (1921–1923 гг.)

Дмитрий Петрович Сарин,
аспирант,
Московский педагогический государственный университет,
РФ, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1,
e-mail: sarin.d@mail.ru

В статье анализируется внутренняя трудовая миграция из европейской части России и Сибири в каменноугольные районы Кузнецкого бассейна в условиях нэпа. На основе архивных материалов рассмотрены ход и результаты вербовочных кампаний, пополнивших трудовые ресурсы угольной промышленности Кузбасса. Определены районы вербовки рабочей силы, количественный состав мигрантов, распределение их по каменноугольным районам бассейна, а также удельный вес рабочих в общем количестве трудовых мигрантов из Татарской АССР в 1921 г. Установлены причины преждевременного отъезда трудовых мигрантов из каменноугольных районов Кузнецкого бассейна. Показано, что трудовые миграции начала 1920-х незначительно повлияли на формирование кадрового состава рабочих Кузбасса.

Ключевые слова: трудовая миграция, вербовка рабочих, трудовые ресурсы, Кузбасс, Сибтруд, угольная промышленность.

D.P. SARIN

LABOR MIGRATION TO KUZBASS IN 1921–1923

Dmitriy P. Sarin, postgraduate,
Moscow Pedagogical State University (MPSU),
1 M. Pirogov str., building 1, Moscow 119991, Russia
e-mail: sarin.d@mail.ru

The article deals with the inflow of migrants to the Kuzbass industrial areas in 1921–1923 for the replenishments of labour resources. The study of this aspect of labor migration also implies addressing the issue of voluntary recruitment of workers in the provinces of the European part of the RSFSR, Siberia, the Far Eastern Republic and their organized displacement to Kuzbass for employment purposes.

The author used a problem-based and chronological methods which allowed tracing the replenishment process of the workforce in Kuzbass in the early years of national economy reconstruction in Siberia under the conditions of NEP (New Economic Policy).

On the basis of archival sources the author examined the progress and results of recruitment campaigns which bolstered the workforce of the Kuzbass coal industry; identified the areas of recruitment of manpower for the Kuzbass industry, the number of migrants and their distribution among the coal areas of the Basin.

In 1921, 4396 people migrated from starving districts of the Tatar Republic into the Kuznetsk Basin as part of internal labor migration. The total rate of migrant workers from Kazan was about 31 %, which was due to the fact that during the recruitment of migrants the proportion was set - 1 worker to 3 mouths (to feed) including a worker himself.

Recruitment campaigns of 1922 and early 1923 were conducted upon terms of economic accountability and showed a decrease in the number of migrant workers. As a result of recruitment campaigns, more than 5,000 people came to Kuzbass from outside of Siberia. At the end of the recruiting period, migrant workers returned to their places of permanent residence.

The author emphasizes that the recruitment of workers allowed temporary filling the vacancies of workers in coal mines, but did not help to transform migrants in Kuzbass into core miners.

Key words: labor migration, recruitment of workers, workforce, Kuzbass, Sibтруд, coal industry.

Проблема дефицита трудовых ресурсов Сибири в начале 1920-х гг. была актуальна в первую очередь для угледобывающих предприятий Кузнецкого бассейна и непосредственно влияла на снижение добычи каменного угля. В условиях

топливного кризиса, грозившего парализовать железнодорожное сообщение Сибири, центральными органами власти РСФСР было санкционировано организованное перемещение трудоспособного населения из районов Европейской

России для трудоустройства в каменноугольных районах Сибири, в частности Кузбасса.

В первые годы восстановления народного хозяйства Сибири Кузнецкий бассейн пополнялся рабочими кадрами благодаря внешней и внутренней миграции. В работах сибирских ученых наиболее подробно освещена внешняя трудовая миграция, проводившаяся в рамках создания Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» на Кемеровском руднике (см., например: [1, 2, 3, 4, 5]). Внутренняя трудовая миграция в Кузбасс, несмотря на то, что она отражена в ряде научных работ (см., например: [6, 7, 8, 9, 10]), не была предметом детального рассмотрения. В данной статье ставится цель – осветить ход и результаты вербовочных кампаний, проводившихся в РСФСР для пополнения трудовых ресурсов Кузбасса в 1921–1923 гг.

Изменения в экономической жизни Советской республики, связанные с провозглашением нэпа в 1921 г., внесли коррективы в вопрос комплектования промышленных предприятий Кузбасса рабочими кадрами. Период трудовых мобилизаций населения остался в прошлом, прием на работу стал осуществляться на условиях свободного найма. Наряду с привлечением в каменноугольную промышленность Кузбасса местных жителей по нарядам Наркомата труда РСФСР (НКТ) практиковался организованный набор рабочих в форме вербовки работоспособного мужского населения в Европейской России и непродолжительный период в Дальневосточной республике.

В рассматриваемый период были проведены три вербовочные кампании для пополнения рабочей силой предприятий Кузбасса, каждая из них имеет свои особенности. Цель первой вербовочной кампании в 1921 г. заключалась в насыщении каменноугольных районов людскими ресурсами. Поэтому, к примеру, вербовка в голодающих губерниях Поволжья носила характер не набора рабочих по специальностям, а найма работоспособного мужского населения, обремененного при переезде в Кузбасс не более чем двумя членами семьи.

Вторая вербовка рабочих, осуществлявшаяся в первой половине 1922 г., ограничивалась территорией Сибири и была направлена на пополнение рабочей силы только южной группы рудников Кузбасса.

Третья кампания по набору рабочих охватила территорию Татарской АССР, Вятской губернии и Урала с 01.11.1922 г. по 01.02.1923 г. Эта вербовка рабочих производилась по квоте, установленной НКТ, и с учетом потребностей угледобывающих предприятий Анжеро-Судженского и Ленинского районов Кузбасса.

С одной стороны, руководство страны при помощи вербовочных кампаний обеспечивало приток людских ресурсов в промышленные районы Кузбасса, но, с другой стороны, не проводило активной демографической политики, направленной на закрепление в регионе прибывающего населения [11, с. 22]. Большинство завербованных рабочих после окончания сроков трудовых обязательств возвращались в места постоянного проживания. В связи с этим добровольное перемещение населения для трудоустройства в Кузбассе начала 1920–х гг. имело характер возвратной миграции.

Необходимость пополнения трудовых ресурсов Кузнецкого бассейна в 1921 г. была обусловлена сокращением

контингента рабочих на угольных рудниках из-за отъезда из промышленных районов весной 1921 г. мобилизованных по трудовой повинности крестьян Томской губернии, а также вследствие ротации трудармейцев Сибирской трудовой армии, призванных в Кузбасс [12].

Первый набор рабочих для предприятий Кузбасса проводился в рамках решений отдела труда Сибревкома (Сибтруд), принятых на совещании 13 апреля 1921 г., посвященном вопросам обеспечения Сибири рабочей силой¹. Вербовкой рабочих для Кузбасса занимались представители Сибирского комитета по трудовой повинности, которые непосредственно выезжали в Екатеринбург, Вятку и Читту².

Первоначально Сибтруд рассчитывал пополнить трудовые ресурсы Сибири за счет рабочих уральских предприятий, над которыми из-за отсутствия продовольствия нависла угроза закрытия. Из-за того, что в июле–августе 1921 г. были перебои с продовольствием и фуражом на Урале, «не работало ни одной доменной печи, ни одного мартена, ни одного прокатного стана» [13, с. 96]. Еще в мае, предвидя невозможность обеспечить продовольствием трудящихся и членов их семей, Уралтруд планировал отпустить в отпуск до нового урожая более 50 тыс. рабочих³.

Начиная с 25 мая, в течение последующего месяца между заведующим Сибтрудом В. Косаревым и заведующим Уралтрудом Д. Евзеровым шли оживленные телеграфные переговоры по вопросу возможности направления на работы до 1 октября 1921 г. в Сибирь рабочих Урала⁴.

Представитель Сибтруса при Уралтуде Матвеев сообщал, что за время его нахождения в Екатеринбурге с 8 апреля и до 18 июня никаких действий по вербовке не производилось. Причиной тому стала принципиальная позиция Уралтуды, ставившего «первым и основным вопросом снабжение семей завербованных рабочих, горнорабочих по норме получаемых в горных предприятиях в Сибири и за счет Сибири и без разрешения этого вопроса в положительном смысле к набору рабочих не приступали»⁵.

Под требованием Уралтуды подразумевалось, что семьи тех рабочих, которые изъявляют желание выехать на работы в Сибирь, будут обеспечиваться продовольственным пайком до 1 октября по месту постоянного проживания на Урале за счет Сибпродкома. Матвеев также сообщал, что вместо предполагавшихся 4 тыс. только 400 рабочих изъявили согласие на переезд в Сибирь⁶. Таким образом, в Кузбасс с Урала направлялись не организованные партии рабочих, а только лично заинтересованные в переезде.

Трудности, возникшие при вербовке рабочих на Урале, компенсировались массовой миграцией из голодающих районов Поволжья. Основной приток рабочей силы на копи Кузбасса и Кольчугинскую новостройку произошел за счет рабочих из Татарской АССР, которые, спасаясь от голода, переезжали вместе с членами своих семей. Так, в начале июля на Анжеро-Судженские копи прибыла первая партия трудо-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 130. Л. 116.

² Там же. Д. 270. Л. 81; Д. 130. Л. 9.

³ Там же. Д. 128. Л. 37-37 об.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же.

Т а б л и ц а 1

Распределение трудовых мигрантов Татарской АССР в Кузбассе в июле и сентябре 1921 г.*

Место прибытия	Количество рабочих вместе с членами семей		Место трудовой деятельности
	чел.	%	
ст. Анжерка	659	15	Угольные рудники
ст. Кемерово	1331	30,3	Угольные рудники
ст. Кольчугино	398	9,1	Угольные рудники
Прокопьевский рудник	239	5,4	Угольные рудники
ст. Юрга	1600	36,4	Кольчугинская новостройка (ж.д.)
ст. Бачаты	169	3,8	Кольчугинская новостройка (ж.д.)
Всего в Кузбасс	4396	100	Угольные рудники и железная дорога

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-532. Оп.1. Д. 274. Л. 75, 87, 89, 135; Д. 296. Л. 10, 16, 26, 34, 49, 127.

Т а б л и ц а 2

Удельный вес рабочих в партиях трудовых мигрантов прибывших из Татарской АССР в июле и сентябре 1921 г.*

Рудники	Количество рабочих		Количество членов семей		Всего, чел.
	чел.	%	чел.	%	
Анжеро-Судженские	247	37,5	412	62,5	659
Кемеровский	368	27,6	963	72,4	1331
Прокопьевский	77	32,2	162	67,8	239
В с е г о	692	31,1	1537	68,9	2229

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 274. Л. 75, 85, 86, 87, 134; Д. 296. Л. 14, 16, 37.

вых мигрантов из Казани⁷. Всего по нарядам НКТ РСФСР с июня по сентябрь 1921 г. в Сибирь прибыли 27,6 тыс. рабочих, в том числе из Татарской АССР 20,9 тыс. [9, с. 63]. Из потока мигрантов Татарской республики в Кузнецкий бассейн было направлено эшелонами по железной дороге 8 партий завербованных рабочих и членов их семей общей численностью 4369 чел.⁸

Перемещение партий трудовых мигрантов к месту работ происходило под руководством и контролем представителей региональных отделов труда. На первых порах из Казани до Новониколаевска их сопровождали агенты НКТ Татарской республики. Так, в июле агент Медведев доставил в Сибтруд партию, из 250 чел., а агент Виноградов – 1528 чел.⁹

В Новониколаевске партии завербованных передавались представителям Сибтруда, где происходило перераспределение прибывших трудовых переселенцев по партиям для направления их в разные районы Кузбасса. Далее партии мигрантов в сопровождении представителей Сибтруда следовали до станции назначения в Кузбассе, где поступали в распоряжение представителей районных управлений угольных рудников (Райуголь) и Сибирского округа путей сообщения.

⁷ Советская Сибирь. 1921. 21 июля.

⁸ Подсчитано по: ГАНО. Ф. Р-532. Оп.1. Д. 274. Л. 75, 87, 89, 135; Д. 296. Л. 10, 16, 26, 34, 49, 127.

⁹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 296. Л. 32, 35, 38.

Как видно из табл. 1, почти 60 % трудовых мигрантов из Татарской республики были направлены на угольные рудники Кузбасса, остальные 40 % поступили в ведомство управления строящейся Кольчугинской железной дороги. Более половины поступивших трудовых ресурсов на предприятия каменноугольной промышленности было направлено в Кемерово, что составляло 30,3 %. Меньше всего пополнился Прокопьевский рудник, на его долю пришлось всего 5,4 %, или 239 чел.

Следует отметить, что рабочие в этих партиях переселенцев составляли меньшую часть. Так, имеющиеся сведения по Кемеровскому, Прокопьевскому и Анжеро-Судженским рудникам позволяют представить общую картину соотношения рабочих к неработоспособным членам семей.

Данные табл. 2 свидетельствуют, что удельный вес рабочих в партиях трудовых мигрантов, прибывших из Татарской республики, колебался от 27,6 % на Кемеровском руднике до 37,5 % на рудниках Анжеро-Судженского района. В среднем удельный вес рабочих в трех приведенных районах составлял 31,1 % от общего количества переселенцев из Татарской АССР. Отсюда можно сделать вывод, что почти 70 % мигрантов, приехавших в Кузбасс, не участвовали в производственной деятельности угледобывающих предприятий, но в то же время стали дополнительной нагрузкой для рудоуправлений по вопросам обеспечения их продовольствием и жильем.

Часть завербованных рабочих прибывала в Кузбасс из Дальневосточной республики. Например, в середине

июля в распоряжение райугля на ст. Кольчугино из ДВР прибыли 23 чел.¹⁰

Вербовочная кампания для пополнения трудовых ресурсов Кузбасса в 1922 г. отличалась от вербовки 1921 г. Так, квота и место вербовки теперь определялись НКТ. Кроме того, если раньше при проведении вербовки обходились без денежных расчетов, то теперь заинтересованным хозяйственным организациям для проведения вербовочной кампании необходимо было составлять финансовые сметы и производить платежи. Как правило, в смету включали оплату работы и стоимость проезда агентов к месту вербовки, плату за медицинское освидетельствование вербуемых, стоимость проезда рабочих вместе с семьями к месту работ в Кузбассе, а также суточные.

В первой половине 1922 г. по согласованию с НКТ Сибтруд организовал на территории Сибири вербовочную кампанию для пополнения трудовых ресурсов Южно-Кузнецкой группы рудников. Так, по указанию Сибтрудо в феврале–марте осуществлялась добровольная вербовка 100 рабочих-строителей¹¹, а 30 мая в губотделы труда была направлена разрядка по набору 876 рабочих для производства работ по добыче угля и строительства зданий на Прокопьевских копях¹².

Есть основания предполагать, что в связи с дефицитом финансовых средств и ограниченным количеством желающих выехать на работу в Кузбасс власти сибирских губерний не смогли обеспечить выполнения плана вербовки в полном объеме. В середине июля набор чернорабочих по просьбе Сибугля был прекращен¹³.

Следующая кампания по вербовке рабочих для пополнения угледобывающих предприятий Кузбасса проходила за пределами Сибири в с 1 ноября 1922 г. по 1 февраля 1923 г.

На основании заявки о потребности в рабочей силе для Кузнецкого бассейна НКТ определил квоту вербовки на территории Урала, Вятской губернии и Татарской АССР, где должен был набор 3200 рабочих для угледобывающих предприятий Кузбасса¹⁴.

Вербовку наемных рабочих в указанных районах осуществляли пять агентов Кузбасстреста¹⁵, который с 14 августа 1922 г. являлся правопреемником Сибугля в Кузнецком бассейне [7, с. 120]. В работе по отбору рабочих кадров агенты должны были руководствоваться инструкцией по вербовке рабочей силы для копей каменноугольной промышленности Кузбасса. В частности, в ней говорилось, что «вербовщики обязаны имеющуюся потребность в рабочей силе согласовывать со свободной рабочей силой, имеющейся на учете органов НКТ и вербовать только из числа безработных и в количестве не свыше потребности, согласуясь с имеющимся свободным наличием жилой площади»¹⁶.

Предпочтением при вербовке пользовались одинокие, затем холостые, далее принимались малосемейные рабочие,

у которых в семьях насчитывалось неработоспособных не более 2–3 чел. Нанимали рабочих-забойщиков в возрасте от 20 до 40 лет, по остальным специальностям – от 25 до 45 лет¹⁷.

По условиям договора каждая артель завербованных рабочих должна была отработать в каменноугольных районах Кузбасса не менее 6 мес. Каждый рабочий подписывал обязательство.

В начале декабря на основании представленных рудоуправлениями сведений о потребности в рабочей силе, Кузбасстрест планировал пополнить контингент рабочих на 1139 чел., с учетом членов семей количество мигрантов должно было составлять 2278 чел.¹⁸

Уже в ходе вербовочной кампании Кузбасстрест скорректировал количество вербуемых рабочих. Было принято решение об аннулировании заявок райугля Северной и Южной группы рудников. Соловьеву, уполномоченному Кузбасстреста по вербовке рабочей силы, находящемуся в то время в Перми, телеграммой от 25 декабря 1922 г. были даны указания о сокращении вербовки с 1139 до 665 рабочих¹⁹. Таким образом, уже в ходе вербовочной кампании заявка на рабочих сократилась на 42,7 %, а от первоначальной квоты НКТ план вербовки был урезан до 20,8 %.

Негативной стороной проведенной вербовки являлось то, что часть завербованных, прибывших в Кузбасс, несмотря на обязательство отработать 6 мес., самовольно покинула угольные рудники. Так, в феврале из 288 рабочих, завербованных для работ на Анжеро-Судженских рудниках, 54 чел. (18,7 %), так и не преступив к работе, уехали из района²⁰.

Причиной отъезда стало то, что рабочие посчитали себя обманутыми, так как администрация Анжеро-Судженского рудоуправления не выполнила обещаний, которые были опубликованы в газетах Вятки и Перми при проведении вербовки. Рабочие требовали уплаты «подъемных», выдачи вперед полумесячного содержания, получения заработной платы в рублях, выдачи спецодежды и предоставления прибывшим с семьями отдельных квартир²¹. Свое недовольство по тем же причинам высказывали завербованные рабочие в Ленинском районе. В интересах сохранения рабочей обстановки на рудниках и для того чтобы эта часть рабочих не оказывала тлетворного влияния на основную массу трудящихся, местные власти не препятствовали их отъезду²².

В дальнейшем отток завербованных рабочих продолжался. В середине июля 1923 г., после истечения срока вербовки, оставшиеся на рудниках рабочие получили расчет, в том числе обещанные подъемные и суточные, после чего выехали в места постоянного проживания²³.

Одновременно в Кузбассе продолжался процесс возвращения на родину голодобеженцев, начавшийся в 1922 г. В мае–июле 1923 г. на угольных рудниках и железной дороге в Кузбассе были сформированы партии рабочих и членов их семей, прибывших по вербовке в 1921 г. и изъязвивших

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 130. Л. 9.

¹¹ Там же. Д. 97. Л. 3–3 об.

¹² Там же. Д. 461. Л. 42.

¹³ Там же. Л. 62.

¹⁴ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 30. Л. 53.

¹⁵ Там же. Л. 82.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 82.

¹⁹ Там же. Л. 57.

²⁰ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 30. Л. 5–9, 10–12, 85.

²¹ Там же. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 33. Л. 130.

²² Там же. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.

²³ Там же. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 33. Л. 44, 45.

желание вернуться на прежнее место жительства. Общее количество выехавших в этот период из Кузбасса составляло около 850 чел.²⁴

Подводя итоги организованному набору рабочих для предприятий Кузбасса в июне 1921 г. – январе 1923 г., следует отметить, что имеющиеся источники не позволяют определить точное количество людских ресурсов, прибывших в рамках вербовочных кампаний в Кузнецкий бассейн. По данным проведенного исследования мы можем утверждать, что в рамках внутренней трудовой миграции из-за пределов Западной Сибири в Кузбасс было перемещено более 5 тыс. чел.

В целом вербовочные кампании позволили увеличить количество контингента рабочих на предприятиях Кузбасса. Вместе с тем прибытие завербованных рабочих выявило ряд проблем, которые не позволяют считать трудовую миграцию того времени эффективным способом формирования кадрового состава шахтеров Кузбасса. По сути, вербовка предполагала временное замещение вакантных должностей рабочих, имевшихся на предприятиях Кузбасса, что повлекло последующую ротацию рабочих, а с ней значительные финансовые расходы, повышенную нагрузку на железную дорогу и организацию вербовочной работы агентов за пределами Сибири. Кроме того, тяжелые условия труда, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия и перебои с поставками продовольствия являлись факторами, из-за которых приезжавшие в Кузбасс по вербовке не становились здесь кадровыми рабочими, а после завершения сроков вербовки стремились вернуться на родину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкина Л.Ю. Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Кемерово, 2011. 208 с.
2. Галкина Л.Ю. Создание и деятельность автономной индустриальной колонии иностранных рабочих и специалистов (АИК) в Кузбассе 1921–1926 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. 268 с.
3. Давлетшина О.Ю. Опыт международного сотрудничества Кузбасса в производственно-технической сфере в 20-30-е годы XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 221 с.
4. Кривошеева Е.А. Большой Билл в Кузбассе. Страницы интернациональных связей. Кемерово, 1990. 175 с.
5. Кривошеева Е.А. Промышленность Кузнецкого бассейна в восстановительный период (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. 395 с.
6. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово, 1995. 342 с.
7. Заболотская К.А., Халиуллина А.А., Карпенко З.Г., Мишенин С.Е., Бикметов Р.А., Киселев Ю.П., Некрасов Г.С., Теодорович Б.А., Кожихов О.В., Реховская Т.А., Кривошеева Е.А. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово, 1997. 301 с.
8. Московский А.С. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1920–1937 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1968. 991 с.
9. Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. 308 с.
10. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск, 1982. 425 с.
11. Заболотская К.А., Бельков А.В. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 22–26.
12. Сарин Д.П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса в условиях военного коммунизма // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015 № 4 (64). Т. 1. С. 28–34.
13. Матушкин П.Г. Урал–Кузбасс. Челябинск, 1966. 424 с.

REFERENCES

1. Galkina L.Y. The Autonomous Industrial Colony «Kuzbass». Kemerovo, 2011, 208 p. (In Russ.)
2. Galkina L.Y. Creation and Activity of the Autonomous Industrial Colony (AIC) of Foreign Workers and Specialists in Kuzbass in 1921–1926: Dissertation of candidate of historical science. Kemerovo, 1997, 268 p. (In Russ.)
3. Davletshina O.Y. Experience of International Cooperation of Kuzbass in Production and Technical Field in the 1920s–1930s: Dissertation of candidate of historical science. Kemerovo, 2003, 221 p. (In Russ.)
4. Krivosheeva E.A. The Big Bill in Kuzbass. Pages of History of International Relations. Kemerovo, 1990, 175 p. (In Russ.)
5. Krivosheeva E.A. Industry of the Kuznets Basin in the Recovery Period (1920–1927): Dissertation of candidate of Historical Science. Tomsk, 1965, 395 p. (In Russ.)
6. Zabolotskaya K.A. Coal Industry of Siberia (late 1890s – early 1990s). Kemerovo, 1995, 342 p. (In Russ.)
7. Zabolotskaya K.A., Khaliulina A.A., Karpenko Z.G., Mishenin S.E., Bikmetov R.A., Kiselev Y.P., Nekrasov G.S., Teodorovich B.A., Kozhokhov O.V., Rekhovskaya T.A., Krivosheeva E.A. Coal Industry of Kuzbass, 1721–1996. Kemerovo, 1997, 301 p. (In Russ.)
8. Moskovsky A.S. Working Class of Siberia during the Construction of Socialism (1920– 1937): Dissertation of candidate of historical science. Novosibirsk, 1968, 991 p. (In Russ.)
9. Moskovsky A.S. Formation and Development of Siberian Working Class during the Construction of Socialism. Novosibirsk, 1968, 308 p. (In Russ.)
10. The Siberian Working Class during the Construction of Socialism (1917–1937). Ed. A.S. Moskovsky. Novosibirsk, 1982, 425 p. (In Russ.)
11. Zabolotskaya K.A., Belkov A.V. Demographic Trends of the Industrial Kuzbass (Late XX – early XXI Centuries). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2012, no.4, pp. 22–26. (In Russ.)
12. Sarin D.P. The replenishment of labor resources in Kuzbass under the conditions of war communism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, no. 4 (64), vol. 1, pp. 28–34. (In Russ.)
13. Matushkin P.G. The Ural-Kuzbass. Chelyabinsk, 1966, 424 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.05.2016

²⁴ Подсчитано по: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 173. Л. 405–408 об., 419, 586, 644, 661, 670–681.

ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: ИСТОКИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАСЛЕДИЕ»

В последние годы наблюдается огромный интерес самых широких слоев общественности к истории российского купечества: ежегодно в разных городах нашей страны публикуются десятки статей, выходят новые документальные и справочные издания, появляются монографические исследования о жизни и деятельности купцов. Традиционным стало проведение научных форумов, посвященных многообразным аспектам этой темы. Например, с конца 1990-х гг. в Центральной России регулярно проводится Международная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.»

Исследователи истории сибирского купечества давно испытывали необходимость в такой площадке для общения и обсуждения актуальных вопросов, связанных с изучением роли купцов в социально-экономическом и культурном развитии Сибири. Этот интерес не мог быть исчерпан в полной мере многочисленными региональными форумами по истории предпринимательства, даже такими крупными, как Сибиряковские чтения в Иркутске. Наконец, в Томске нашлись заинтересованные и энергичные люди, которым удалось воплотить в жизнь всеобщие чаяния: популярный в городе, к сожалению, ныне покойный, журналист и краевед Геннадий Иванович Бурмагов – потомок упоминающихся в источниках с XVIII в. сибирских и крымских купцов, геофизик Владимир Владимирович Безходарнов и широко известный сибиревед, автор нескольких монографий, в том числе и по истории купечества Западной Сибири, Владимир Петрович Бойко. Благодаря их усилиям два года назад в Томске состоялась Первая Всероссийская конференция с удачным названием, емко отражающим предложенную для обсуждения проблематику – «Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие». Конференция вызвала большой интерес как профессионалов, так и всех неравнодушных к прошлому Сибири, по ее итогам был издан сборник статей. Успех мероприятия вдохновил организаторов на продолжение этого начинания.

И вот совсем недавно Томск снова приветствовал гостей, пожелавших поделиться своими наработками и отдать дань уважения сибирским купцам. На базе Томского государственного архитектурно-строительного университета в рамках всероссийского проекта «История российского предпринимательства» 15–16 апреля 2016 г. прошла Вторая Всероссийская конференция «Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие». В работе научного форума приняли участие около 100 чел. из Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Омска, Новосибирска, Красноярска, Минусинска,

Барнаула, Кемерово, Иркутска, Улан-Удэ и других городов. Помимо научных сотрудников, преподавателей вузов и работников музеев здесь можно было увидеть потомков сибирских купеческих фамилий Вытновых, Сапожниковых, Сосулиных, Стахеевых, Безходарновых, Колотиловых, Кытмановых, Щукиных, сохраняющих память о своих предках.

В рамках форума обсуждались вопросы, связанные с историей сибирского купечества, с изучением вклада, который внесли его представители в экономическое и социокультурное развитие региона. Благодаря участию в конференции специалистов разного профиля – историков, филологов, философов – создалась возможность представить многогранный образ сибирского купца, выявить характерные черты его внутреннего мира и деловой активности. С большим интересом были восприняты доклады о мировоззрении и быте купечества, его месте в сибирском социуме и отношениях с чиновным миром, о профессиональной и общественной деятельности купцов, их позиции в годы военных и революционных катаклизмов начала XX в. Благодаря прозвучавшим источниковедческим сообщениям слушатели познакомились с новыми источниками по истории сибирского купечества и оценили их информационный потенциал. Ряд выступлений касался реконструкции истории отдельных купеческих династий, а также судеб выходцев из купечества при советской власти.

Особое внимание было уделено такой важной сегодня проблеме, как сохранение материального исторического наследия, доставшегося нам от сибирских купцов: частных домов и общественных зданий, воздвигнутых на их средства. Проблеме диалога инициативной общественности, борющейся за сохранение исторического облика своей малой родины, и представителей городской администрации, к сожалению, часто проявляющих равнодушие в данном вопросе, был посвящен отдельный блок докладов, вызвавших живой отклик собравшейся аудитории.

В заключение хочется пожелать сил и энергии для дальнейшей работы организаторам форума и выразить надежду, что начинание томичей подхватят исследователи из других сибирских городов, а Третья Всероссийская конференция «Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие», проведение которой намечено через два года, получит еще больший резонанс.

Канд. ист. наук. *Е.В. Комлева*,
Институт истории СО РАН, Новосибирск.
Канд. геол.-мин. наук *В.В. Безходарнов*, Томск.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.